

ИВАН
КРАМЕР

МАШИНЫ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

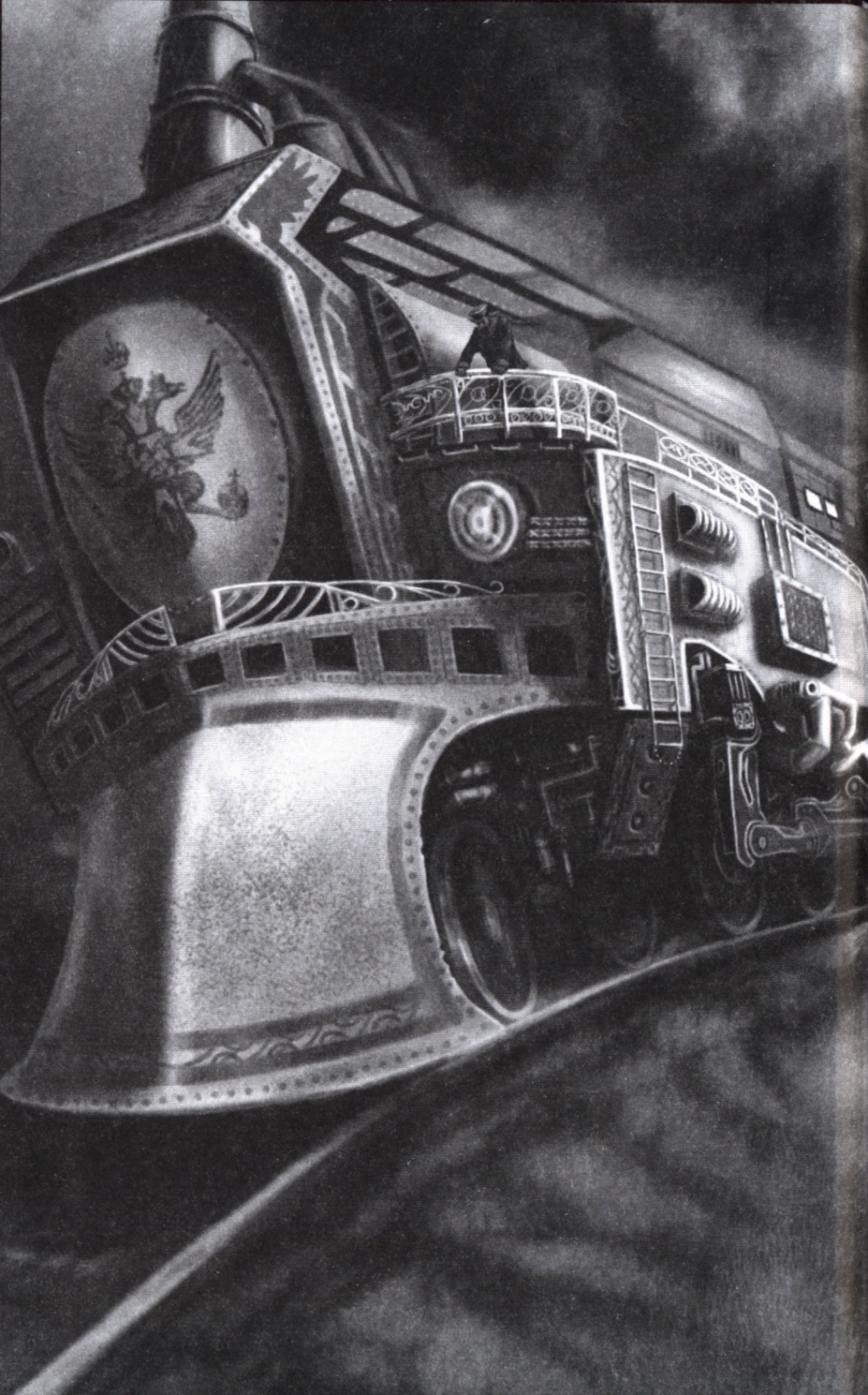
СТИМГАН

ИВАН КРАМЕР

МАШИНЫ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

СТИМГАН

СТИМГАН

1000

1000

1000

1000

ИВАН КРАМЕР

МАШИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

**ЭКСМО
МОСКВА
2014**

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 77

Разработка серийного оформления *Владимира Манюхина*

В оформлении переплета использована работа художника
Александра Руденко

Иллюстрации на форзацах художника *Александра Куликова*

Крамер, Иван.
К 77 **Машины Российской Империи / Иван Крамер.** — Москва : Эксмо, 2014. — 384 с. — (Стимган. Ретро-фантастика).

ISBN 978-5-699-74946-1

Мир пара и дизеля, дирижаблей и паровозов. Эра великих открытий и чудовищных преступлений...

Кто желает поставить этот мир на колени? Подчинить народы, захватить природные ресурсы, завладеть технологиями и с помощью сверхоружия покорить планету? Может быть, это великая Российская Империя? Соединенные Штаты Америки? Европа? Или существует другая сила, про которую пока никто не знает? Черная буря приближается. Стена зловещих туч уже встала над миром, и скоро из нее ударит первая молния.

Агент-нелегал русской разведки, гимназист — грабитель банков и молодая авантюристка... странная троичка. Как им бороться с тайными хозяевами мира? Но они готовы рискнуть. Ведь у них есть все, что нужно: смекалка, изобретательность, ловкость... и шестизарядные револьверы :) Осталось лишь заручиться поддержкой удачи. А она любит смелых!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-74946-1

© Крамер И., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Часть первая

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ГРАБИТЕЛИ
БАНКОВ И ПОЕЗДОВ

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ!
ЛЕТАЮЩИЙ МЕРТВЕЦ НА БРОДВЕЕ!

Коллеги из газеты «Нью-Йорк уорлд» сообщают:

«Вчера необычное и пугающее происшествие взбудоражило жителей Нью-Йорка. Около семи часов вечера посреди Бродвея на мостовую упало человеческое тело. По словам очевидцев, оно появилось в воздухе и рухнуло под ноги ошарашенных прохожих, совершающих вечернюю прогулку.

Возникла паника. Оказавшийся поблизости репортер нашей газеты Ирвин Мартинсон первым обследовал тело. Это оказался немолодой смуглый мужчина в костюме из пятнистой кожи и сапогах с каучуковыми подошвами. По словам г-на Мартинсона, ногти мужчины были окрашены черным лаком, а волосы заплетены в две косы. На них висели амулеты в виде черных шариков и того, что репортер описал как «шестерни с глазами». На груди незнакомца зияла смертельная рана, однако он был еще жив. Когда репортер, желая оказать помощь, склонился над ним, человек произнес два слова. Первое прозвучало как «сплетение», а вторым было нечто вроде «миринэ» или «мирини».

Затем странный человек скончался. Увы, провести более тщательный осмотр не удалось, так как появившиеся полицейские оттеснили людей. Место происшествия было оцеплено, а тело увезено на автомобиле с удивительной поспешностью. Ирвин Мартинсон утверждает, что автомобиль этот не принадлежал полицейскому департаменту, и его окна были покрыты серебром, мешая разглядеть, что находится внутри».

Газета «Новое время», Санкт-Петербург

Глава 1

У МАМЫ ЕСТЬ ПИСТОЛЕТ

1

Мама достала пистолет и сказала:

— Собирайся, малыш, поедem грабить «Царь-Банк».

Я только вошел в дом со свежей газетой в руках. Мне ее заявление сразу не понравилось. Во-первых, какой «малыш» — завтра мой день рождения, мне стукнет шестнадцать. Во-вторых, вот-те на, «Царь-Банк»! Не чересчур ли?

Но я не стал возражать. Одно дело — отец, который склонен внимать вескому голосу разума в моем лице, и совсем другое — мама, она у нас нестигаемая и непробиваемая. Папа так ее и зовет иногда: Стойкая Джейн.

Отец у меня наполовину ирландец, наполовину русский. А мама — англичанка и когда-то была акробаткой в знаменитом Солнечном Цирке Гарибальди. Я родился в Европе, но уже около десяти лет мы живем в России, изображая семью иностранных коммерсантов средней руки. Родители скрываются тут от сыщиков нескольких европейских стран. По-русски они говорят совсем без акцента, а я так и с самого начала без него говорил.

— Дело очень серьезное, такого раньше не было, — добавила мама, вставляя в кобуру большой блестящий револьвер, чью рукоять украшали «щечки» из черного агата с инкрустацией белым серебром — буквой «S». У отца такой же, только на рукояти другая буква — «H». Эти пятизарядные револьверы — чей-то подарок, и с

ними в жизни родителей связано нечто важное, послужившее причиной их бегства в Россию, тайна, о которой они никогда не рассказывают.

— Ясно, что дело серьезное, — сказал я. — Вы вообще хорошо подумали, прежде чем на такое решиться?

— Еще как подумали, — кивнула она.

Я в этом, честно говоря, сомневался, о чем говорить не стал, только спросил:

— Ну ладно, а что надеть?

— Комплект Номер Два: Тихое Скрытное Проникновение в Особо Грязных Условиях, — объявила мама, застегивая плащ и поправляя шляпку, похожую на букетик цветов. Шляпка эта очень идет к ее крашеным белым кудрям и вздернутому носу, о чем она, конечно же, прекрасно осведомлена. А еще в шляпке спрятано гибкое лезвие, которое удобно выхватывать, потянув за короткий шнурок.

— Мы поедем в другой одежде, чтобы не вызывать подозрений, а ты сразу переоденься, — добавила мама.

— Номер два... — недовольно повторил я и отправился в свою комнату на втором этаже, про себя ругая родителей за то, что заранее не предупредили о готовящейся операции. Ограбить «Царь-Банк»! Ведь такое на ровном месте не провернешь, они наверняка долго готовились — и все молчком, мне ни слова. Почему хотя бы утром было не сказать?

Поднимаясь по лестнице, я кинул взгляд на первую страницу газеты и встал столбом. В заглавной статье говорилось, что Всемирная Механическая Выставка, открытие которой было назначено через две недели, торжественно открывается завтра в десять утра. Ух! Напрямую не писали, но ясно было, что спешка вызвана желанием утереть нос французам, у которых в Париже вот-вот начнется своя Всемирная Выставка. В конце статьи был фотоснимок невысокого усатого человека в котелке — известного британского конструктора Вилла

Брутмана. Он помогал русским железнодорожным инженерам в создании самого главного экспоната Российской империи, каковому экспонату еще только предстояло прибыть на Выставку из Санкт-Петербурга.

Ну вот, подумал я, входя в комнату, там Выставка начинается, столько всего на ней будет, а я тут торчу, потому что родителям, видите ли, приспичило грабить банк! В сердцах скомкав газету, швырнул ее на стол и начал переодеваться в комплект для Скрытного Проникновения в Особо Грязных Условиях: темный комбинезон из грубого сукна, который тяжело порвать и не жалко испачкать, черные ботинки и куртку. Форму свою, свидетельствующую о том, что я гимназист Первого Технического Училища, аккуратно повесил в шкаф. На учебе в Техническом настоял я. Родители были не то чтобы против, просто зачем им сын-инженер? Но не идти же мне в Полицейское Училище, этого бы они совсем не поняли. Да и люблю я всякие устройства, шестерни, клапаны и насосы. Люблю механику.

Эх, а ведь были серьезные планы на этот день! Во-первых, почитать учебник. Во-вторых, вместе с Петькой Сметаниным отправиться посмотреть воздушные шары. И все, и конец моим планам, давай теперь, Алек, езжай с родителями, грабь банк. Есть все же в судьбе сына преступников большие минусы.

В общем, я собрался и вышел во двор. Стояла середина теплой осени, было пасмурно, но не холодно. Посреди двора отец разводил пары в карете. Она похожа на большую луковцу из желтого металла на четырех колесах. Сзади — котел, паровой двигатель и бак с автоподачей для угля, по бокам окошки, решетчатые, прикрытые занавесками. Серьезная машина, в квартале больше ни у кого такой нет. Здесь все больше разъезжают на семейных паровозках вроде «москвича», «строганова» и «доброконевой» производства фирмы «Паровые Машины Кулибина».

Карета пыхнула паром, а отец повернулся ко мне. Мы с ним не особо похожи. Он жгучий брюнет, у меня же волосы чуть ли не белые, он — крупный, на две головы выше меня, движения у него размашистые, голос зычный, а душа широкая, как Невский проспект. Непонятно, в кого я такой пошел со своими тонкими чертами лица и худобой... А еще со склонностью все для начала обдумать, в то время как родители бросаются в очередное свое похождение, предпочитая обмозговывать детали на ходу.

Отец, выглядевший еще более озабоченным и встревоженным, чем мама, похлопал по выпуклой дверце кареты. Наша паровозка модели «федот-22», созданная умельцами московского завода «Дукс», способна брать до десяти русских миль в час, то есть примерно до семидесяти — восьмидесяти километров — это же просто невероятная скорость!

— Готов, Алек? — спросил он.

— Готов, Генри, — ответил я.

Родители у меня совсем молодые и предпочитают, чтобы я называл их по именам, а не «мамкал» и «папкал». А мне не трудно, мне так даже легче, потому что вот идешь если с мамой по улице или стоишь в лавке, где незнакомые кругом, и скажешь случайно ей «мама́н» — так все на нас сразу пялятся, потому что родительница при ее маленьком росте и симпатичном личике смотрится совсем девчонкой. То есть на *мою* девчонку она все же не тянет, но вот на старшую сестру — запросто. Поэтому я называю их по именам, это давняя привычка, совершенно для меня естественная.

— Вы что, собираетесь на нашем «федоте» прямо к банку подкатить? — уточнил я.

Он сдержанно улыбнулся:

— Вроде того.

— Удачная задумка. А визитки свои сунете охраннику в карман, когда уложите его лицом на пол, или директору банка на письменный стол подкинете?

Родитель, давно привыкший к вулканическим выбросам моего остроумия, в ответ подмигнул:

— Сейчас все поймешь.

Почему все-таки оба такие напряженные? Не свойственно это моим родителям, ох, не свойственно. И дело не только в ограблении «Царь-Банка», тут что-то другое, непонятое. Что-то их гложет.

Только мы сели в карету, как во дворе появилась Джейн. Под плащом у нее был строгий темный костюм, что в сочетании с жутко кокетливой шляпкой-букетом производило неизгладимое впечатление. Наша мама вообще состоит из контрастов. Большой револьвер — и шляпки-букетики, нож в чулке, стилет в муфте... А еще она любит всякие яркие украшения, но природный вкус помогает ей блюсти меру.

Усевшись позади, возле Джейн, я вдруг понял: надо прямо сейчас сказать им то, что уже несколько дней хочу сказать, да все не решаюсь. Потому что если не скажу — потом вообще не соберусь. А я должен объявить родителям о своем решении, просто обязан. Сколько можно тянуть?

Я открыл рот, но тут Генри спросил:

— Отопрешь ворота?

Пришлось выбираться из кареты, раскрывать их, потом закрывать. Когда мы поехали по улице, из-за угла показался околоточный Игнат, брат моего друга Петьки Сметанина. Игнат на пятнадцать лет старше Петьки, имеет изрядное пузо и добродушное лицо. Он шагал вдоль заборов, на одном боку — дубинка, на другом, в кобуре с гербом полицейских сил Санкт-Петербурга, — однозарядный пистолет. Увидев нашу карету, приостановился и махнул рукой.

— Принесла нелегкая! — отец поехал быстрее.

— Сделай вид, что не видишь, — посоветовала мама.

— Именно такой вид у меня сейчас.

— Ты левее держи...

— Джейн!

— Ну, все, все, сам разбирайся.

И тут я решился. Просто-таки расперло всего от желания наконец выступить с важным семейным заявлением. И я выступил:

— Джейн, Генри, я хочу пойти в сыщики.

Наступила тишина. То есть карета катила дальше, стучала подвеска, урчал котел, но внутри «федота» сгустилась такая плотная, осязаемая тишина, что на ней можно было повеситься, как на суку.

Потом отец резко затормозил, а мама повернулась ко мне:

— Что?!

Нет, на самом деле все было не так. Карета ехала себе, отец рулил, мама глядела в окно. Потому что в действительности я ничего не сказал, только ярко, зримо представил себе, как говорю. В отличие от мужества воображение у меня хорошо развито. Я его намеренно развивал, решив, что это полезно для полицейского сыщика. Логика, аналитика — конечно, основное, но и воображение для этой работы необходимо, потому что оно помогает осознать психологию преступника, влезть в его шкуру. И воображение мое пошло в рост так, что я даже жалею, что дал ему волю. Ведь теперь я состою будто из двух половин: воображения и разума, которые временами спорят так, что аж голова гудит. Мешают нормально жить.

В общем, я в очередной раз не решился разбить сердца своим родителям, промолчал. А Джейн сказала:

— Пора рассказать тебе, что к чему.

И потом изложила их план. Над которым они, надо полагать, долго думали, ночами не спали, головы ломали, добывали нужные схемы... Примитивный такой план, я так им обоим и сообщил. И *грязный*. И в то же время — почему бы и нет? Это могло сработать.

Родители всегда, рано или поздно, излагают мне свои планы, потому что, как говорит Генри, у меня рассудительный и критический ум. То есть я рассуждаю и критикую, а это хотя и раздражает, зато полезно. Необычные у нас с ними отношения. Кто я им — вроде ученика, подмастерья в преступных делах? Раньше так и было, но в последние полгода роли изменились: я стал партнером. Мы теперь на равных, хотя в некоторых практических вопросах я разбираюсь хуже их, зато по части планирования все наоборот.

Этот план был таким простым, что и покритиковать нечего. Я только уточнил, верны ли сведения, и они заверили меня, что да, все так и есть, «Царь-Банк» и вправду можно ограбить. Не центральное отделение, а так называемое Береговое, что на Курляндской улице.

Карета остановилась в рошице возле оврага, за которым был пустырь, а дальше — река Екатерингофка. За ней лежали небольшие острова, где приличным господам появляться не след, хотя мы с Петькой неоднократно появлялись, невзирая на запрет его родителей (мои-то были не против), чтобы поглазеть на обитающий там *простой люд*. Так называют всяких бездомных, бродяг, владельцев и работников дешевых притонов, беглых каторжан да спившихся матросов.

Отец поставил «федота» между деревьями, чтобы не было видно со стороны набережной Обводного канала. Родители переоделись в свои Комплекты Номер Два, и мы спустились в овраг. Генри захватил из паровозки небольшой ранец.

Овраг весь зарос, на дне его было сумрачно, и мне вручили электрофонарь. Вообще-то у меня есть свой, гораздо лучший, но я его, как выяснилось, забыл. Луч озарил залепленную грязью решетку на дне оврага. Мы вскрыли ее и спрыгнули в каменную трубу, уходящую под небольшим уклоном в ту сторону, где стояло Береговое отделение «Царь-Банка».

По дороге отец объяснил, что раньше трубу использовали для дренажа, но она давно заброшена, про нее все забыли. Двигаться пришлось на четвереньках. За Генри следовала Джейн, расставшаяся, слава богам, со своей шляпкой, которая бы совсем чудно выглядела на даме, ползущей по дренажной трубе. Я замыкал.

Хорошо, что осень выдалась совсем без дождей, и в трубе было относительно сухо. Миновав пару забранных решетками отверстий и вспугнув нескольких крыс, мы достигли помещения с железной лестницей у стены. Генри выпрямился, поправил ранец.

— За мной, злодеи! — велела Джейн и первой взбежала по лестнице.

Наверху оказались площадка и дверь с замком. Мама отошла в сторону, уступив место отцу. Он у нас великий знаток отмычек и вообще *искусства вскрытия*. Учителем его, по словам Генри, был знаменитый немецкий ломщик сейфов Дюк Риденшнайдер. Они общались целых три дня. Дюк около десяти лет назад был проездом в каком-то европейском городке, где тогда находился отец, и с тех пор не проходит и недели, чтобы родитель мой хоть раз не вспоминал про это. Причем, по его словам, получалось, что престарелый ломщик не только успел преподать молодому Генри МакГрину уроки высокого искусства вскрытия сейфов, но и научил множеству других полезных вещей, наделив его вековой мудростью всех мировых преступных сообществ.

Теперь Генри желает, чтобы и я стал в этом деле умельцем, поэтому, снимая ранец, он подозревал меня. Я подошел и спросил:

— Что в ранце?

— Динамит, — ответил он. Скинул на руки маме сюртук и торжественно закатал рукава своей французской рубашки.

— Генри! — взмолилась мама. — Я тебя умоляю, давай без этих церемоний!

— Не торопи меня, женщина! — важно прогудел отец.

Родительница в ответ завела глаза к потолку. Родитель же извлек из кармана плоскую кожаную сумочку, похожую на портмоне. Раскрыл. Внутри в петельках лежали *инструменты вскрытия*: крючки разной формы, пилочки, набор ключей и прочие хитрые металлические штуковины.

— Алек, я неоднократно говорил тебе о важности осмотра места вскрытия и предварительной... — начал отец.

Иногда мне кажется, что я гораздо старше своих родителей. Они смешливы, несерьезны, воспринимают жизнь легкомысленно — как игру. Они бесстрашны, отчаянны и просты. Они вызывают восхищение этими своими качествами. Я не таков, я человек вдумчивый и опасливый. Последняя черта — следствие рассудительности. Когда родители, сломя голову, бросаются в новую авантюру, мой разум принимается изучать возможные варианты развития событий. И поскольку в делах незаконных лишь один или два пути ведут к успеху, а все остальные — к провалу, аресту, а то и смерти, разум мне об этом добросовестно докладывает, и это слышит воображение. Что тут начинается! Воображение воеет и стонет, живописуя картины ужасных последствий любого нашего неверного шага. Хорошо, что у меня есть чувство юмора, иначе моя жизнь была бы совсем беспросветна.

— Итак, Алек, приступая к вскрытию, прежде всего необходимо убедиться... — вещал между тем отец.

Не дослушав речь, я вздохнул, вытащил из сумочки в его руках длинный крючок с загнутым спиралью кончиком, сунул в скважину, провернул, хрустнув древним замком, — и раскрыл дверь.

Генри замолчал с приоткрытым ртом. Джейн хихикнула.

— Поторапливайтесь, — сказал я, засовывая крючок обратно.

Мама, встав позади отца, расправила сюртук. Он моргнул. Ни слова не говоря, закрыл сумочку, положил в карман, сунул руки в рукава, взял фонарь и шагнул в дверь.

— Зачем вам динамит? — спросил я, поднимая ранец.

Мне не ответили. За дверью оказалось тесное круглое помещение: каменная стена, без дверей, зато с люком в потолке. На люке запорное колесо.

— Достаем перчатки, — сказал отец, снова раскрывая ранец.

Внутри лежало больше десятка динамитных шашек — ну, ничего себе! Они что, все Береговое отделение «Царь-Банка» собрались взорвать? В отдельном кармане были три пары кожаных перчаток, отец вытащил две и протянул нам. Мы с ним стали проворачивать колесо, пока в люке не клацнуло, откинули книзу крышку на петлях. Вперед выступила Джейн. Скинув плащ, подпрыгнула, ухватила за край проема... раз! — и вот мама наверху.

— Давайте сюда, — позвала она.

Я залез первым, отец следом. Джейн с револьвером в руках стояла посреди короткого коридора. В конце коридора была дверь, а с другой стороны — глухая стена.

— Что дальше? — я подошел к двери и включил фонарь. Оглядев замок, повернулся: — Этот долго вскрывать, тут же...

Родители не смотрели на меня — стояли, задрав головы к решетке под низким потолком.

— Оно? — спросил отец.

У мамы в руках был лист бумаги со схемой.

— Оно.

— Что «оно»? — спросил я. — Ненавижу, когда вы так...

— Малыш, эта отдушина ведет в нижнее отделение банковского хранилища, — пояснила Джейн. — А в нем есть ячейки.

— А в ячейках бриллианты?

Она посмотрела на отца.

— Возможно, — кивнул тот. — Но мы не знаем, в каких что-то есть, а какие пусты. К тому же в ячейках часто прячут всякие бумаги, от которых нам не будет никакого проку.

— Ну, так зачем мы пришли?

— Затем, — сказала Джейн, — что у нас есть сведения по одной ячейке. Которую наш великий ученик великого Дюка Риденшнайдера и вскрыет. А ты останешься здесь и развесишь взрывчатку. Чтобы...

— Чтобы своды сии обрушились за спинами нашими! — завершил не чуждый театральности великий ученик, торжественно показав на стену с отдушиной.

— В котомке еще смола, — добавила мама. — Сверим часы.

Она извлекла из кармашка маленькие золотые часики, мы с Генри достали свои часы — побольше и не такие изящные. Щелкнули крышками.

— Двенадцать ноль три, — сказал я. — Зачем мы их сейчас сверяем?

— Отец ответил:

— Потому что ровно в двенадцать — обход. Следующий — в двенадцать тридцать, у нас есть почти полчаса. Все, Джейн, пора. Алек, вопросы?

— Что в той ячейке? Зачем мы пришли?

— А давай мы расскажем тебе, когда выберемся наружу? — Джейн попыталась приобнять меня за плечи, но я отступил, опять начиная злиться.

— Я не понимаю, я сообщник вам или не сообщник? Сын, в конце концов, или не сын?! Почему вы...

— Сын! — заверила мама.

— Сообщник, конечно, сообщник! — добавил отец.

— Тогда...

— Сын... мнээ... сообщник, сейчас просто нет времени, — перебил Генри. — Конечно, мы все тебе рас-

скажем. Не злись, а займись лучше взрывчаткой. Ты знаешь, что делать?

— Знаю, — насупленно ответил я.

— Вот и хорошо. Ну, Джейн, время дорого.

Пока я, присев на корточки, искал в ранце коробку с клеей смолой, родители вскрыли решетку у потолка. Первой в отдушину полезла мама, за ней отец. Распутав клубок горячих шнуров, я принялся приклеивать шашки к стене. Из отдушины доносились приглушенные звуки, потом там что-то стукнуло, и все стихло. Фонарь я поставил под стеной, где развешивал шашки. Шнуры от них протянул к люку, свернул жгутом и приклеил смолой к краю. Стояла глухая, очень подземная тишина. Часы показывали, что прошло двадцать минут, — скоро второй обход. Из отдушины не доносилось ни звука, лишь иногда казалось, что оттуда слышится тихий-тихий треск, но это, наверное, потрескивало мое воображение, распаленное всеми этими обстоятельствами.

Размышляя о нелегкой судьбе сына грабителей, я походил вдоль стены, потом решил, что рациональнее использовать вынужденную паузу с пользой, и принялся боксировать стену. С отцом мы иногда боксируем, хотя я вообще-то не люблю всякие бои. Драка — последний довод дураков. Тут все просто: если ты довел ситуацию до драки, не сумев решить ее положительным для себя образом, значит, сделал что-то не так. Попросту — сгнул. Мы с Генри по этому поводу частенько спорим, ему такая позиция не близка.

За стеной раздался глухой стук, и я повернулся. Там вскрикнули, потом застонали. Что происходит?! Шорох, шелест... звуки приближались...

Показалась мама. Ухватившись за край, повернулась и спрыгнула. Тут же высунулись огромные ноги отца, он тоже полез вниз.

— Алек, уходим! — Джейн бросилась к люку. В руках у нее была большая памятная книжка из темно-вишне-

вой кожи, с металлическими углами и кодовым замочком. Подхватив ранец с фонарем, я ринулся за мамой.

— Что случилось?

— Охранник вернулся раньше времени! — крикнул спешащий сзади Генри. — Поджигай!

Мама спрыгнула в люк. Усевшись на краю, я достал спичечный коробок.

— Но я же не рассчитывал на погоню! Оно будет долго гореть, люди попадут под взрыв, когда откроют ту дверь!

Генри мгновение глядел на меня, потом одной рукой выхватил из кармана большой раскладной нож, а другой — спички из моих рук.

— Я сам зажгу, прыгай!

Он бросился назад к стене и полоснул ножом сразу по трем шнурам в том месте, где они подходили к шашкам — решил поджечь короткие куски, чтоб рвануло почти сразу и охранников не поубивало. Да только я постарался на славу, все шашки развесил, а их было много...

Я глянул вниз — Джейн ждала, задрал голову и подняв руки, готовая принять меня.

— погоди! — вскочив, я поспешил к отцу.

— Алек! — крикнула она, но я уже, раскрыв свой ножик, принялся резать шнуры.

— Алек... — начал отец.

— Зажигай! — крикнул я, когда услышал голоса, проникшие в коридор через отдушину. — Сейчас охрана будет здесь!

Вспыхнула спичка, затрещал один шнур, второй. Я закончил укорачивать остальные. Отец быстро прошел мимо, один за другим поджигая их, и мы рванулись к люку, куда я спрыгнул первым. Увидев нас, мама побежала вниз по лестнице.

Только мы успели достигнуть ее основания, как сверху раздался взрыв.

Запрыгнув в карету, сразу поехали прочь. Взрыв перекрыл путь, которым мы проникли в «Царь-Банк», но надо было побыстрее оказаться как можно дальше, потому что скоро в этом районе появится множество полицейских. Наверняка ведущее в трубу отверстие на дне оврага найдут... и что они решат? Да то, что грабители появились с островов. Ух, какой шум там начнется — и не описать! Облавы, обыски... Но нас это уже не касается.

Рулил опять Генри. Мы с Джейн задернули занавески и включили лампу. Родители переоделись, запихнули грязные костюмы под сиденье. Положив записную книжку с вишневой обложкой на колени, мама сказала мне:

— Все дело связано с этим предметом.

— И что там? Слушайте, если вы мне опять не расскажете...

— Не сердись, я же рассказываю. Эта книжка принадлежит Виллу Брутману, и в ней хранится кое-какая нужная нам информация, касающаяся его поезда. Коды некоторых замков. Ты ведь знаешь, кто такой Вилл Брутман?

Еще бы мне не знать! Англичанин Вилл Брутман был главным инженером «Самодержца» — величайшего русского проекта конца XIX века, как его называли газеты. Этот огромный угольный танк-паровоз приводил в движение железнодорожный состав, провозглашенный самым длинным и тяжелым в мире. Первый рейс «Самодержца» начинался сегодня, через несколько часов, а завершался рано утром в Москве, прямо внутри Купола — то есть здания Всемирной Механической Выставки. Туда съедутся знаменитые изобретатели, механики, инженеры, фабриканты, там будут показаны последние достижения передовой науки и техники... и «Самодержец» должен стать главным экспонатом Российской империи.

Карета катила прочь. Отец молчал, мама пыталась открыть памятную книжку.

— По-моему, здесь устройство для самоуничтожения, — сказала она. — Под кожей металл, и если попытаться просто так вскрыть...

— Может взорваться?

— Вроде того или пыхнуть каким-нибудь газом. Ладно, погоди... — она достала ножик и просунула между обтянутыми кожей, плотно сжатыми пластинами, обрезающими обложку. Ковырнула, отставив книжку подальше от себя, наконец сумела раскрыть.

— Вот так. Видишь, здесь баллончик, и если бы я просто сломала замок... порция горчичного газа в лицо обеспечена.

Этими своими манипуляциями с книжкой она отвлекла меня, сбила с мысли, поэтому вопрос, который напрашивался сразу, я задал только сейчас:

— Постойте, какие коды замков? Вы что, собрались ограбить «Самодержец»?

— Ты у нас умный, Алек, — довольно сказала Джейн. — Впрочем, это не удивительно, учитывая...

Она смолкла, а отец добавил:

— Это будет величайшее ограбление века, и тебе выпала возможность участвовать в нем. Что скажешь?

Я ничего не сказал, потому что лишился дара речи. Просто разинул рот и вытаращился на них. А мама со значением посмотрела на меня и погладила черную рукоять своего пистолета.

Глава 2

♦♦♦♦♦ БАРЫШНЯ ПОНЕВОЛЕ

1

Заперев «федота» в каретном сарае, я направился к дому, под дверями которого дожидались родители. Они неуверенно глядели на меня, и я сказал, приблизившись:

— Ну, давайте, что у вас?

Папа покосился на маму и толкнул дверь, пробормотав: «Ранец положу». А мама заговорила не очень уверенно:

— Малыш... извини, Алек, нам надо сообщить тебе нечто важное.

— Да-да, я жду, ты уже можешь приступать.

— Нет, ты ждешь другого — объяснений по делу, что нам предстоит, но есть кое-что еще. Более важное.

— Даже еще более важное?

— Да, настолько важное, что это может очень сильно выбить тебя из колеи.

— Надолго, — донесся голос Генри из приоткрытой двери.

— Да говорите! — взмолился я. — Вы прямо издеваетесь над собственным сыном, а это нехорошо.

— Ни в коем случае, — выглянул отец, — просто мы пока обдумываем, как сообщить. Хотели объявить тебе завтра, на твой день рождения. Но тут возникло это дело с банком и поездом... Вернее, оно возникло несколько дней назад, но так внезапно, что мы теперь не очень-то знаем, как поступить.

Джейн, потрянув головой, заключила:

— Нет, я знаю. Мы поступим, как и собирались: все расскажем завтра. После того, как закончим с «Самодержцем». А пока что посвятим тебя в подробности этой операции.

Ну что ты будешь с ними делать? Я потер лоб и сказал: «Тогда, в конце концов, пошли в дом» — и мимо мамы шагнул в дверь.

— Сейчас переоденемся и после закончим этот разговор, — сказал Генри из дверей кухни. Я стал подниматься по лестнице, и он добавил вслед: — Алек, готовься к серьезным переменам. Может, мы даже уедем из страны.

Уедем из страны? Я едва не споткнулся о ступеньку. Покинем Россию? Но я же собирался уйти из Технического и поступить в Полицейское училище! Собирался стать сыщиком... делать карьеру в столице... да и вообще мне нравится Россия! Это большая империя, здесь просторно — во всех смыслах. Здесь открываются широкие возможности для людей, которые знают, чего хотят. И вдруг — уезжать?!

Я переоделся в домашнюю одежду, встал перед зеркалом и приказал себе успокоиться. Поправил волосы. Эх, волосы... Они у меня белые, но не белоснежные, скорее серовато-белые, можно сказать — серебристые. Не знаю, откуда такие. Из-за волос, если не надеть шапку, я слишком выделяюсь. Родители это, конечно, не одобряют, ведь злодей должен быть незаметен. Хотя я бы не назвал Джейн такой уж незаметной, а Генри вообще очень статный мужчина. Так или иначе, я-то в чем виноват? Они меня этими волосами наградили, пусть это и будет их проблемой. И все же в большей степени это моя проблема, потому что волосы делают меня похожим на девушку. У меня тонкие черты лица, а тут еще и шевелюра...

— Алек! — позвали снизу, и я вышел из комнаты.

Мама успела организовать чай, на столике стоял наш лучший сервиз, блюдо с вареньем, тарелка с французским хлебом и масленка. А на краю дивана лежали светло-голубое платье в цветочек, которое я бы охарактеризовал как «веселенькое», и шляпка с вуалеткой. На полу стояли белые туфельки. Родители, судя по лицам, ожидали соответствующего вопроса, но я решил быть гордым и сдержанным. И не помогать им: пусть сами рассказывают.

Пока Джейн наливала чай, Генри заговорил:

— Алек, ты уже понял: нам нужно проникнуть на «Самодержец».

Мама придвинула ко мне блюдо с чашкой. Я взял ее, сделал глоток, выжидающе глядя на отца, и он продолжал:

— Украденное там надо передать одному человеку, нашему заказчику. Мы называем его Мистер Икс. Да-да, и не смотри так. Театрально, понимаю, но на то есть причины. Мистер Икс — и точка.

— Но как вы собираетесь проникнуть в поезд? Туда, уверен, билеты не продают, это же первая его поездка, отправятся только приглашенные персоны.

— Под личиной четы Мэри и Гиллиама Уолшей, — пояснила Джейн, и отец кивнул.

— Они как раз из тех, приглашенных персон. Гиллиам Уолш — директор крупного машиностроительного треста в Белфасте, и когда-то он вложил средства в российские железные дороги.

— Короче говоря, владелец части акций русской железки, — заключил я.

— Угу. Так уж получилось, что Уолши с дочерью Абигаил опоздают к отбытию «Самодержца», о чем здесь пока никто не знает. И мы займем их место. Нам всего-то и надо, что показать пригласительные билеты, подделать которые было нетрудно.

Блюдец с чашкой дрогнули в моей руке, чай расплескался, я поставил их и переспросил:

— Дочь?

— Любимая малышка Абигаил, что означает «радующая отца», — с самой серьезной миной пояснил папа. — Тебе надо будет сыграть нашу дочку, Алек.

Мы все вместе посмотрели на веселенькое голубое платье в цветочек, лежащее рядом со мной. Заерзав, я отодвинулся от него, как от удава.

— Я не смогу.

— Сможешь, — возразила мама. — При необходимости ты вполне артистичен, мы все это знаем. С твоим голосом...

— Что? Что с моим голосом? Я не понял — у меня писклявый девчачий голос?

— Ни в коем случае! У тебя красивый, мелодичный, очень привлекательный голос. А еще я тебя подкрашу и...

— Мелодичный?! Ты, наверное, помнишь, мне завтра шестнадцать! Моему голосу давно пора сломаться и стать взрослым, мужским, грубым, низким и немелодичным, вот как у папы!

— Нет, давно — не пора, — сказала она. — Повсюду бывает. Да и вообще, он у тебя не детский. Просто такой...

— У меня грубый голос? — удивился Генри, опуская пустую чашку.

Я вскочил, не в силах больше сдерживаться, сказал им: «Нет! Я не буду ходить барышней!» и, вконец рассерженный, взбежал по лестнице.

В своей комнате снова встал перед зеркалом — и, не сдержавшись, рассмеялся. Просто это твоё *большое место*, признайся, малыш. Немного девчачья внешность, а? Смазливенькая мордашка. Вон у Сметанина щеки — во! Носопыра — с кулак! Подбородок — как мое колено! А я...

Я пощупал свои, что называется, точеные скулы и не то чтобы совсем уж впалые, но явно не пухлые щеки. М-да, зрелым мужчиной меня не назовешь. Ну и ладно. Не повод для расстройства, не так ли? Я лег на пол и отжался, как настоящий мужик, тридцать раз, а потом с громким выдохом встал на руки, чему Джейн научила меня еще лет в десять, и прошелся по комнате. Петька Сметанин очень завидует этим моим умениям, завидует и жалуется, почему он так не может. А что тут скажешь? Конечно, если у тебя мама из Украины, кормит всю семью варениками, галушками со сметаной да борщами такими наваристыми, что в них мыши не тонут, а у меня мама — акробатка и преступница и научила меня делать зарядку каждый день... Да к тому же я от природы тонкий, легкий, а у тебя мама как колобок, папа, как шкаф, и сам ты, Петька, тяжелый, мясистый, весь такой широкий и приземистый... В общем, если подумать, то это вполне логично, что я могу отжиматься, ходить на руках и по-всякому кувыркаться, а ты пробежишь три метра — и задыхаешься, как старая лошадь.

Двигаясь по комнате на руках, я размышлял: в чем проблема, почему я так раздражен и обижен? Да потому что слова: «Мы тебе скажем позже» звучат как: «Ты еще маленький, чтобы это знать». Я вдруг снова стал ощущать себя ребенком. Родители что-то скрывают, недоговаривают, вот, на дело с банком потащили, предварительно не посоветовавшись, теперь этот поезд, и еще какая-то тайна у них от меня...

Ладно, и как с этим разобраться? Громко выдохнув, я вскочил на ноги. Прежде всего, прекратить злиться. Спокойно наблюдать за происходящим и пытаться понять, почему Генри с Джейн, которым я вообще-то полностью доверяю, начали скрытничать. Рано или поздно разберусь.

Решив так, а заодно взбодрившись гимнастикой, я сказал своему отражению в зеркале: не робей, Алек Мак-Грин! Раздался стук, негромкий голос: «Можно?», и в комнату вошел Генри. Я видел его в зеркале: он прикрыл дверь и встал позади. Лицо в зеркало не попадало, такой он был высокий.

— Алек, я хотел...

— Не надо, — сказал я. — Все понятно, ладно. Это была минутная слабость, и она уже прошла. Сейчас спущусь.

— Нет, я... в общем, готовил этот подарок тебе на день рождения, но решил вручить сейчас, — и он протянул мне револьвер с черными агатовыми «щечками» на рукояти, где была серебряная буква «Н».

Оружие ярко блеснуло в солнечном луче, пробившемся из-за шторы. Ух! У меня даже дух захватило. Рука сама потянулась к револьверу. Но ведь он — Генри, не мой, для родителей эти револьверы как символ их союза.

— Ты что, на самом деле собирался подарить мне его завтра? — спросил я.

Он, замаявшись, ответил:

— Нет, на самом деле другой пистолет, тоже неплохой. Но теперь думаю, что оставлю его себе, а этот бери ты.

— Спасибо, — искренне сказал я. — Но не надо.

Отец явно удивился, пришлось добавить:

— Пусть эта пара пока будет у тебя с Джейн. А я завтра получу тот, который предназначен для меня. Он, наверно, поменьше размером?

— Ну, вообще-то — да, немного. Ты уверен?

— Я уверен. Скажи, это дело так важно? Ведь оно совсем для нас нетипичное и явно опасное. Почему вы решились на такое?

— Оно не просто важно, Алек, — отец повел широкими плечами, будто в растерянности. — Понимаешь,

оно для нас, как бы сказать... принципиально. Мы не можем не сделать его. И мы очень рассчитываем на тебя.

— Тогда идем и закончим обсуждение, — решил я. — Как взрослые люди с низкими мужскими голосами.

Ухмыльнувшись, Генри отправил револьвер в кобуру.

— Ну, пошли вниз, брат мой меньший... — обняв за плечи, он повел меня к лестнице. Генри редко так обращается ко мне, это признак особой ситуации, когда он хочет показать, как я ему близок.

Джейн, беспокойно прохаживающаяся по гостиной, встретила нас вопросительным взглядом.

— Сейчас все решим, — сказал родитель и сел на стул.

— Тогда примерь, пожалуйста, это платье, малыш, — попросила она.

— Да, Алек, — папа снова взялся за чашку и добавил с едва заметной иронией: — А то мы беспокоимся, по размеру ли?

Я поднял платье с дивана, окинул родителей гордым взглядом и сказал:

— Что вы себе позволяете? Я — честная барышня и на глазах у других не переодеваюсь. Даже моим родителям не позволено глядеть на это.

Расправив платье, я приложил его к себе, поглядел в зеркало на стене и снова сел.

— Успею примерить. У меня еще есть вопросы по этому делу, и самый главный: так какой у вас, то есть у нас, план?

— Джейн, изложи наш план, пожалуйста, — быстро опустошив вторую чашку чая, Генри поднялся. — Нам скоро выезжать, а мне еще нужно кое-что подготовить.

Он снова поднялся по лестнице. Мама, начав убирать со стола, заговорила:

— Понимаешь, Алек, все завертелось так быстро, что толком подготовиться мы не успели. Понятно, как попасть на «Самодержец». Известно, где хранятся нужные

нам сведения. Кое-какие приспособления с собой будут... а остальное решим на месте.

— Отличный план, — одобрил я. — Продуманный, все мелочи учтены, как обычно у вас. Решим на месте, чего там... Ладно, а что с настоящими Уолшами? Они точно не появятся в последний момент?

— Нет-нет, это невозможно. Их задержали в дороге.

— Кто задержал и как?

Она не успела ответить: Генри уже спускался, неся в руках кофр из желтой свиной кожи, со стальными углами. Мама, собрав посуду на поднос, отправилась на кухню, и на последний мой вопрос ответил он:

— Ирландцами занимался Мистер Икс, тот, что заказал нам это дело. Вернее, как мы поняли, его помощники. Уолшам они ничего не сделали, не думай, просто устроили кое-какие неполадки... В общем, на «Самодержце» их не будет.

— Кто такой этот Мистер Икс?

Мама вернулась без подноса, они с папой переглянулись, и она сказала:

— Давай об этом потом, а?

— Вы перекидываете друг другу право отвечать на мои вопросы, как мячик, — я опять начал закипать, но сдержался. — Ладно, все равно еще расскажете. А что в этом кофре?

— Кое-что любопытное, скоро увидишь, — папа достал часы, щелкнул крышкой и поднял брови. — Однако! Мы уже спешим, Алек, тебе действительно пора надеть платье.

Я возразил:

— Сейчас только начало третьего, а отбытие «Самодержца» назначено на пять.

— Мы хотим еще подъехать к дому Вилла Брутмана, — пояснила Джейн, — проследить, собирается ли он сесть на «Самодержец».

— Конечно, собирается. Уверен, он всю дорогу проведет в паровозе вместе с машинистами. Для него это крайне важно, тут поставлена на кон честь Британии.

— Нет, Брутман в последний момент может попытаться сбежать. Мы не знаем деталей, но нас предупредили об этом. Поэтому лучше прямо сейчас...

Перезвон дверного колокольчика прервал ее. Я вскочил, когда отец с матерью одновременно достали револьверы.

— Ты кого-то ждешь, Алек? — шепотом спросила она. Я мотнул головой. Генри бесшумно переместился к дальнему окну, выглянул из-за шторы и вздохнул:

— Ах ты ж! Это твой друг, тот... — он обвел рукой вокруг своей головы, — который с большим, гм, лицом.

— Петька?

— Малыш, спровадь его, пожалуйста, — попросила Джейн, пряча пистолет. — В дом не приглашай, извинись, скажи: срочно понадобилось уехать. Только, я тебя прошу, поторопись.

— Я отнесу платье с туфлями в твою комнату, — добавил Генри.

Сметанин переминался, скрипя ботинками, с ноги на ногу. Открыв дверь, я не дал ему заговорить, сразу выпалил:

— Извини, мы уезжаем прямо сейчас.

— Чего, серьезно? — удивился он. — Куда?

— Да родители тут... — я неопределенно помахал рукой. — Решили, в общем, устроить мне сюрприз. Уж устроили, так устроили. Прямо сейчас едем.

— Надолго?

— Не знаю, думаю, на пару дней, не меньше.

Петька насупился, вроде даже обиделся, судя по его, гм... большому лицу.

— Мы же договаривались идти смотреть дирижабли. И учеба как же?

— Да какая там учеба! — не выдержал я. — Мы на Всемирную Выставку едем!

Вот тут его проняло. Сметанин просто обалдел, даже рот приоткрыл. Потом лицо стало алчным, и он схватил меня за воротник:

— Открытки привези! И моторчик! Там новые модели будут продавать, машины на моторчиках! Ну, маленьких двигателях, говорят, их сам Тесла изобрел! И еще... А Механический Человек?! О-о-о!!! Сделай фотокарточки, обязательно!

— Хорошо, хорошо. Ты как маленький, ну, честно.

— Да ведь случай какой! Я же тоже хотел, мечтал, ты знаешь, но — никак! А ты... Эх! Слушай, и еще...

— Сметанин! — повысил я голос. — Я по-настоящему, бесповоротно и окончательно спешу. Ты это понимаешь? Не захлопывать же дверь перед твоим носом, мы же тогда поссоримся. Ну? Понимаешь?

Он понял. Вздохнул, молча спустился с крыльца и, ссутулившись, пошел прочь по улице. Даже жалко его стало, но я подавил жалость, сказал в сгорбленную спину: «До свидания» и закрыл дверь.

Родители стояли на лестнице и глядели на меня.

— Что? — спросил я. — Да, мне неудобно перед приятелем!

Джейн ободряюще улыбнулась, Генри развел руками, и они ушли переодеваться.

Я тоже пошел в свою комнату. Досада на родителей за то, что стали вдруг столько всего скрывать, не исчезла, к ней примешивалась тревога — ведь не просто так они скрывают, на то есть какие-то важные причины. Такое впечатление, что они за меня боятся и не очень понимают, как себя со мной вести. Что-то изменилось между нами, только я никак не мог понять, что именно.

Тревогу быстро вытеснило предвкушение. «Самодержец»! Всемирная Выставка! Я еду туда! Не просто еду — по дороге мы провернем сложную операцию! По заказу некоего Мистера Икс! Радостное ожидание переполнило меня, словно шар теплого света раздулся в груди. Начиналось что-то невероятное.

2

Щуплый, нервный господин в черном пальто и котелке вышел из дома, пригладил усы-щетку, вороватым движением достал из кармана фляжку, приложился к ней и сунул обратно. Котелок, пальто, костюм под ним — все вроде обычное, но нечто во внешности господина говорило: иностранец.

— Это Вилл Брутман, — поведала Джейн, вместе со мной выглядывавшая в окно кареты.

— Очевидность данного утверждения соперничает только с его банальностью, — пробормотал я, поправляя белую перчатку, которая все норовила сползти с запястья.

— Некоторых людей еще называют: язвы, — сообщила мама в пространство.

Корсет, надетый под платьем, давил на ребра, с непривычки было трудно дышать. То есть снизу он давил, а сверху был как-то излишне свободен. Женские панталоны, кто бы мог подумать, жали между ног... а чулки с подвязками? Ощущение подвязок на бедрах — это просто чертова адская пытка, как женщины носят такое, зачем согласились связать свои судьбы с этими орудиями мучения и страдания?! И еще у меня чесались щеки под легким слоем пудры, наложенным мамой.

А вот родителям моим было хорошо: они, конечно, приоделись, но ничего такого необычного. На Джейн было дорожное платье и шляпка с торчащим в небо, как антенна, пером; на Генри — костюм тонкой английской

шерсти и кепи. Одежда дорогая, пошитая с год назад в Европе, в известном лондонском Доме Изящества и Моды. Эти наряды они берегли именно для таких случаев, то есть когда нужно было изобразить зажиточных иностранцев. Генри еще и нацепил пенсне, очень потешно смотревшееся на его крупном лице. Револьвер он держал в кобуре, надежно укрытой под свободным сюртуком, а на коленях мамы стоял ридикюль, куда она положила свой. У меня, кстати, была сумочка — маленькая, беленькая и совершенно бессмысленная. Просто крошечный гимн бестолковости. Внутри пудреница и зеркальце, положенные туда мамой, и расческа-ножик, который в сумочку сунул я.

Генри остановил «федота» у поворота улицы, подальше от дома инженера Брутмана, потому что у входа маячила карета модели «доброконева», с гербом российских железных дорог на двери. Шофер — судя по внешности, приезжий с Кавказа — курил, поставив ногу на колесо. При виде инженера он встрепенулся и щелчком отправил окурок на мостовую.

За Виллом Брутманом из подъезда появился слуга с чемоданом, сразу же приковавший мое внимание. Лет пятидесяти, коренастый, смуглый, с длинными усами, широкоплечий. Жесткие складки у рта, тяжелое невыразительное лицо. В движениях его чувствовалась сила, причем сила мрачная, опасная.

Есть у меня привычка — давать новым знакомым, ну и вообще людям, которые встретились на жизненном пути и хотя бы мимолетно там задержались, прозвища. Они могут касаться или внешности, или черты характера, наиболее ярко проявившейся при первом знакомстве. Это помогает, во-первых, лучше запоминать людей, а во-вторых, — понимать их. При взгляде на этого господина в голове сами собой возникли слова: *человек-кулак*. Твердый, крепкий — утрюмая мощь, старое закаленное

железо, побывавшее в десятках боев, драк, потасовок. Вот каким был слуга инженера Брутмана.

— Заметили? — спросила Джейн.

— Ага. — Я поднял упавшую с края шляпки на лицо вуалетку, а потом просто стащил шляпку с головы. — Следовало бы этому слуге пошить свой костюм у портного поумелее: пиджак топорщится.

Генри на переднем сиденье пробормотал:

— Но зачем слуге инженера пистолет? Собственно, насколько я вижу, у него там две кобуры. Да к тому же неприлично огромные.

— А зачем пистолеты простым обывателям МакГринам? Кстати, ты уверен, что это пистолеты? Какие-то они очень уж большие. Сейчас поедут, приготовьтесь.

Пока человек-кулак и шофер укладывали чемодан в багажник, Брутман снова достал фляжку, и Генри заметил:

— Нервничает.

Шофер полез в кабину. На крышке доброконевского багажника можно стоять, ухватившись за поручни, слуга Брутмана запрыгнул туда, но заметил, что хозяин приник к фляжке, спустился обратно и забрал ее у инженера.

— Ого! — повысил я голос. — Вы видели?

Джейн что-то пробормотала. Казалось бы, внешность у Вилла Брутмана была самая невыразительная, но какая гамма чувств отразилась на его лице! Тут тебе и презрение, и злость, и страх едва ли не панический...

— Испугался, — сказала мама.

— Что там испугался — он же дернулся так, будто решил, что человек-кулак собирается его ударить.

— Как-как ты его назвал? Человек-кулак? Гм... А знаешь, — похож.

— Конечно, похож, — согласился я.

Каковы бы ни были отношения Вилла Брутмана и сопровождающего его смуглого усача, инженер решил

проявить строптивость: вцепился в флягу и потянул на себя. И вдобавок что-то гневно проговорил. Завладев фляжкой, Брутман сунул ее в карман и полез в карету. Дверь закрылась, человек-кулак забрался на багажник и оглянулся. Стоящая под парами «доброконева» поехала.

— Нет, погоди, — сказал я папе, который собрался тронуться с места. — Не нравится мне, как он разглядывает улицу. Вроде так исподтишка, но внимательно. Он будто... обученный, что ли. Понимаете, о чем я?

— Выждем, — согласился Генри.

Я подвигал ногами, безуспешно пытаюсь привыкнуть к узким белым туфелькам. Ох уж туфельки! Как ходить? Это пока я в карете сижу — ладно, а потом? Выдам же себя. Джейн несколько раз за этот день повторяла, что я артистичный — чтобы подбодрить меня. Хорошо, может, и так, но барышень мне играть не приходилось, и неизвестно, насколько получится, пусть даже дома я потренировался ходить на каблуках.

Прохожих на улице было немного, в основном всякий служивый люд. Пока «доброконева» катила к повороту, папа выжидал, а когда служебная паровозка исчезла из виду, передвинул рукоять; под днищем лязгнуло, и мы поехали. Свернули — и сразу вокруг стало люднее. По тротуарам шли прохожие, впереди ехала телега с мешками, рядом двуколка с молодой дамой, запряженная гнедой лошастью, а дальше — аж три паровозки, включая «доброконеву».

— Алек, будь очень внимателен, — попросила Джейн. — Ты у нас иногда замечаешь такое, чего другие не видят.

— Затем вы меня на дело и взяли, — согласился я. — Скажете, нет?

Я был все еще недоволен скрытностью родителей, но уже не так сильно. Придет время — все расскажут, никуда не денутся, а особенно в купе «Самодержца»,

там места мало. Припру обоих к стенке. Или к вагонной перегородке, вот так.

Мы снова повернули. Служебная карета катила впереди, человек-кулак стоял на багажнике и глядел поверх крыши. Вдруг от булочной справа донесся крик, и прямо под колеса «федота» бросилось нечто в лохмотьях. Генри так вдавил тормоз, что карета протестующе скрипнула всем своим механическим естеством. Я еще не успел толком опомниться, когда понял, что дело совсем плохо: по улице к нам спешил Павел Глупов, местный околоточный. Он друг Игната Сметанина, старшего брата Петьки, они часто бывают вместе, а я бываю у них дома, где Павел неоднократно видел меня... Да и моих родителей, кажется, видел, когда они однажды заезжали за мной.

Я съезжился внутри корсета, тот даже стал меньше давить. Родители тоже растерялись. Генри полез было наружу, проверить, что случилось с тем, кто угодил под колеса, но подскочивший Глупов уже извлек из-под кареты немытое создание лет десяти, в обносках и непонятного пола. В руках у создания была булка; невзирая на хватку Павла, оно вцепилось в нее зубами и рвало, терзало, заглатывало — спеша превратить булку в ничто, пока не отобрали.

— Живой! — выдохнула привставшая Джейн. — То есть живая... живое.

На багажнике уезжающей «доброконевой» человек-кулак, обернувшись, внимательно наблюдал за происходящим.

Павел сощурился, вглядываясь сквозь переднее стекло «федота», узнал отца, улыбнулся и поднял в приветствии руку, другой удерживая рвущееся на волю существо.

— Генри, инженер уезжает, — указала Джейн.

— Так что мне сделать? — возмутился родитель. Голос был сдавленный, потому что он при этом улыбался

околоточному. Существо, умявшее булку без остатка, извивалось и дергалось, но освободиться не могло.

— Не о том думаете! — зашипел я, так вжавшись в спинку сиденья, что корсет аж закрипел, грозя лопнуть. — Он же меня узнает! Джейн, прикрой!

Она мигом вытащила из кармана на спинке переднего сиденья веер, подалась вбок и замахала им как бы перед своим лицом, а на самом деле — заслоняя меня.

От магазина мчался продавец в фартуке. Существо дергалось и подскакивало, как лягушка на противне, но уйти от длани закона не могло. Подбежавший лавочник закатил воришке оплеуху.

— Спокойно! — донесся голос Павла.

Служебная «доброконева» укатила далеко; вокруг шумели, сзади гудели, непрерывно ржала какая-то беспокойная лошадь, и Генри решил действовать. Он приоткрыв дверцу, сунулся наружу и позвал Павла, пытавшегося утихомирить оскорбленного потерей булки лавочника и разбушевавшееся после оплеухи, яростно дергающееся существо.

— Любезный! — позвал отец. — Павел, э... Мсье! Эй!!! — гаркнул он наконец во всю глотку, и Глупов поднял взгляд.

— Здравия желаю, господин МакГрин!

Ну вот, он даже помнит нашу фамилию...

— Здравствуйте, Паша. Послушайте, не могли бы вы освободить дорогу? Понимаете, мы сильно спешим. Я везу, — отец, поправив пенсне, кинул на меня взгляд через плечо, — везу этих дам на вокзал, и если мы опоздаем на поезд, их тетушка, добрейшая женщина, которая перепоручила их моим заботам на три дня, сделает меня несчастнейшим из людей.

Завершив экспромт таким пассажем, Генри решительно кивнул, будто ставя жирную точку.

— Ну, ты загнул, — пробормотала Джейн, продолжая так энергично обмахивать меня веером, что в карете поднялся сквозняк.

Павел пошевелил бровями, пытаясь вникнуть в речь отца. Тут существо, которое он все еще держал за одно плечо, в то время как лавочник сжимал за другое, присело, вынырнуло из просторной фуфайки, служившей верхней частью его облачения, и бросилось прочь. При этом оно исхитрилось лягнуть в пухлое колено лавочника, каковой заорал и запрыгал на одной ноге.

— Стой! — Павел рванул следом.

Отец прыгнул обратно на сиденье. Захлопнулась дверь, и мы покатили. Он вдавил грушу клаксона, огласив улицу свистком. Стоящий на нашем пути лавочник с руганью отскочил, позабыв о поврежденном колене. Мы быстро набрали ход.

— Надеюсь, планы Брутмана не изменились, — Джейн с громким стуком сложила веер. — По-моему, он таки едет на вокзал.

— Судя по направлению, так и есть, — согласился Генри. — Ничего, сейчас догоним.

И мы действительно догнали. Уже возле самой Вокзальной площади я заметил впереди карету с гербом российских железных дорог и коренастым усачом на багажнике.

Перед вокзалом была выделена площадка для паровозок, где стояли по большей части так называемые таксо, паровые извозчики, выкрашенные желтыми и черными квадратами. Прежде чем выбраться из кареты, я несколько раз глубоко вдохнул и попытался представить себе, что я — молодая ирландская барышня, скромная и тихая, впервые приехавшая в Санкт-Петербург. Надел шляпку, накинул вуалетку на лицо, взял сумочку. То есть «надела», «накинула», «взяла»... будем последовательны,

если я теперь женского рода, то так и следует думать о себе самом. То есть самой.

Генри, спустившись на мостовую, подал руку сначала маме, потом мне. Пришлось вложить свою слабую девичью кисть в его сильные мужские пальцы, и при этом он так ухмыльнулся... Мне, как воспитанной барышне, захотелось врезать ему сумочкой по голове.

Появились двое носильщиков, услышали от отца на ломаном русском, что нам нужно в «Пять вагон! Файф вагон самодержец!» и, подхватив багаж, направились в сторону первого пути.

С самого начала мы договорились, что родители в основном станут говорить на английском, используя иногда простейшие русские фразы, но что у дочери семейства Уолшей была хорошая русская учительница, которая и выучила ее языку, имевшему распространение на просторах Российской империи. По этой причине мне полагалось говорить более бегло.

Носильщики с нашими вещами шагали впереди, а дальше в толпе я заметил Вилла Брутмана и усаца с чемоданом, пробирающихся к первому перрону. «Самодержец» виднелся слева от здания вокзала — огромный, сверкающий в лучах солнца паровоз и несколько вагонов за ним — но пока что я намеренно не разглядывал чудопоезд, решив приберечь это зрелище на десерт.

Вечерело. Кофр из желтой кожи идущий впереди Генри нашим носильщикам не доверил, и я заметил, что от металлической рукояти к его запястью под рукав сюртука уходит железная цепочка.

Вокзал шумел вокруг нас. Гул, стук, гам, гудки... Ржание лошадей, пыхтение паровозок, крики и ругань... Я шел осторожно — каблуки же! — и чувствовал себя как не знаю кто. Как мужчина в женской одежде, вот как я себя чувствовал. Платье шуршало, корсет давил, панталоны жали, и почему-то мне все время казалось, что чулки сейчас соскользнут, расставшись с подвяз-

ками. Разум молчал, а воображение вопило: мы трое изображаем других людей, еще и чужестранцев, а я к тому же — барышню, у нас поддельные документы, поддельные пригласительные билеты, и вот со всем этим мы собираемся проникнуть на «Самодержец»! Поезд, на котором, между прочим, должен был ехать на Всемирную Выставку сам император, только его задержали какие-то сверхважные переговоры, что-то там не так в делах России и Британии. Как мы хотим обмануть людей, которые увидят нас, уже видят по пути к составу?! Да ведь все понимают, что я — юнец, а никакая не барышня!

Так стеноло мое воображение и подсовывало картины того, как вынырнувшие будто из-под земли агенты охраны хватают нас и волокут в подвалы своего управления, и там допрашивают, причем меня — прямо в этом платье, чулках и кружевных панталонах, не позволив даже снять корсета... А ноги между тем исправно шагали, и руки сжимали маленькую и такую бестолковую дамскую сумочку, и шляпка плотно сидела на голове, и свисающая с нее вуалетка покачивалась, щекоча кончик носа. А вокруг шумел вокзал, и спешащий мимо мальчишка-газетчик выкрикивал, размахивая свежим номером «Петербургских новостей»:

— Страшное преступление! Париж потрясен! Зловещий мистер Фантомас снова в деле!

Надо же! Фантомас, наш именитый соратник по ремеслу, опять вынырнул из небытия, в котором пребывал последний год. Я шагнул было к мальчишке, но вспомнил, кем являюсь, и только рукой махнул. Странно для ирландской барышни покупать русскую газету. Потом узнаю, что еще натворила эта зловещая персона, отличающаяся явно садистскими наклонностями и страстью к эпатажным убийствам.

— Новый труп на берегу Сены! — кричал мальчишка, удаляясь от нас сквозь толпу. — Небывалое ору-

жие, «винтовка дальнего боя», поразившая известного коммерсанта прямо в голову! Тень Фантомаса нависла над Парижем! Биржу штормит! Новый пароход спущен со стапелей Марселя! Гигантская ветровая башня будет питать энергией Флориду! Таинственный румынский граф завершил строительство первой в мире частной железной дороги, прямо от своего горного замка!

Звонкий голосок газетчика растворился в гуле толпы. Мы шли дальше, но вдруг Джейн приостановилась у тумбы с афишами, среди которых выделялась одна — большая, яркая, где сообщалось о скором выступлении какого-то заезжего цирка. На афише улыбающаяся девочка с обручем, в пестром платье, замерла на канате, вытянув ножку. Мама уставилась на нее. Вообще-то во время работы она обычно деловита и собранна, но иногда на нее накатывает. С тех пор, как Джейн работала в Солнечном Цирке Гарибальди, прошли долгие годы, но...

— Пойдем, — отец, вернувшись, тронул ее за плечо. Отведя затуманившийся взгляд от афиши, она тряхнула головой, и мы зашагали дальше.

Вдоль перрона стояло временное ограждение, а за ним — шеренга солдат в парадных шинелях, с саблями и ружьями. Рядом прохаживался седоусый унтер. Военные сдерживали толпу, иначе она так запрудит перрон, что к «Самодержцу» будет не протолкнуться. Люди тянули шеи, разглядывая паровоз, некоторые шли дальше по своим делам, другие ждали отправления. Сквозь гомон доносилась музыка. Наши носильщики поджидали нас; Генри вытащил из сюртука портмоне, оттуда достал три карточки с золотистыми вензелями и показал офицеру. Тот дал знак солдатам, чтобы пропустили, и вслед за носильщиками мы прошли на перрон.

Здесь людей почти не было, и я наконец-то внимательно оглядел состав. Хорош, хорош! У паровоза были раздутые бока, отчего он напоминал питона, проглотив-

шего стакан. Вверх торчала необычайно высокая труба, за нею были два толстых сухопарника, то есть колпака для накапливания и сушки пара. Котел, сразу видно, здоровенный, поэтому сухопарники, чтобы слишком далеко не выступали, сделали приземистыми, но очень широкими. Я только не понял, почему их два, никогда такого не видел. А паровоз-то — просто огромный. Золотистый и сверкающий. Вагона-тендера нет, уголь хранится в бункерах прямо по бокам паровоза, вот почему он кажется раздутым. На вагоне за ним начертаны большие буквы: **РВ**. Что они значат, я не понял, зато надпись на втором вагоне была вполне ясна: **РЕСТОРАН**.

Над крышей ресторана возвышался купол — стеклянные панели на металлических ребрах. Это же обзорная площадка, ничего себе! Она ведь должна сильно тормозить... пройдя немного дальше, я понял: купол не круглый, а в форме овала, то есть сильно заужен в передней и задней частях, где становился почти острым, чтобы плавником рассекать поток встречного воздуха.

— Позвольте! — это у меня вырвалось само собой, когда я осознал, что состав непривычно короткий: к паровозу прицеплены этот непонятный **РВ**, потом ресторан, и за ним виднеются всего семь пассажирских вагонов. Как же так, ведь говорили и в газетах писали, что «Самодержец» станет самым длинным составом в мире. Или ему еще только предстоит таковым стать, а для первой поездки по маршруту Петербург—Москва прицепили лишь семь вагонов?

В конце перрона громыхал тарелками, бил в барабаны и гудел в трубы военный оркестр. Под раскрытыми дверями пассажирских вагонов стояли кондукторы в ливреях с золотыми полосками на рукавах, в белых перчатках и фуражках с сияющими кокардами.

— Пять, — Генри показал носильщикам на нужный вагон. — Файф!

Они пошли, куда было сказано, а мы приостановились, и Джейн спросила:

— Алек, ты чего напрягся?

— Потому что, — начал я, но запнулся, откашлялся и заговорил снова — голосом более высоким и тонким, с легким акцентом: — Потому что состав оказался короче, чем я ожидала. Думала, будет целая вереница вагонов, а тут...

— Ожидала? — повторила мама, потом кивнула: — Ах да, конечно. Ну, а что еще скажешь про него, милочка?

— Да-да, поделись с нами, дочка, — попросил отец.

— Значит, так, — сощурившись, я окинул «Самодержец» пытливым взглядом. Родители с интересом ждали. — Значит, так... Танк-паровоз примерно на три тысячи лошадиных сил. Угольные баки по бокам. Сварная несущая рама, на ней котел, цилиндр и будка машинистов, техническая палуба. Общая длина трубопроводов и дымоходов... — я сощурился, — ого, около километра! Танки вмещают двадцать пять тонн угля и двести пятьдесят тысяч галлонов воды... ну, это так, навскидку. Несмотря на размер, паровоз может проходить по двадцатиградусным кривым за счет особого поворотного механизма на ведущих колесах. Понимаете? То-то же! Вес у этой махины — суммарный, снаряженный, с углем и водой, — где-то пятьсот пятьдесят тонн. Уголь он жжет, как адские топки. Представьте, какой от него столб будет валить! А колесная формула, а? — я все больше распалялся. — Вижу две группы по восемь ведущих колес! Вижу четырехколесные передние и задние тележки!

Я значительно оглядел притихших родителей и подался к паровозу, вглядываясь в его железное нутро:

— Подача угля не ручная, там стокер на базе шнекового транспортера — механический углеподатчик прямо из бункера в топку котла. Целых два сухопарника, вот

это действительно необычно. И, конечно же, гармонический семитоновый гудок.

Отец с матерью перевели взгляд с меня на поезд и обратно на меня.

— Малыш, — осторожно произнесла Джейн, — и ты все это понял в результате поверхностного осмотра?

Я подтвердил:

— Конечно, а еще в результате прочтения передовицы в «Телеграфе» и тщательного штудирования специальной статьи в «Железнодорожных ведомостях», где были подробные технические данные «Самодержца».

— Тыфу ты! — сказала родительница, а родитель сдержанно хохотнул. Но я их уже не слушал, потому что уставился вдоль перрона.

Из вагона с буквами **РВ** спустился инженер Вилл Брутман, успевший снять пальто, а за ним на подножке появился... в первый миг я его не узнал, лишь потом сообразил, что широкоплечий усатый механик в серой форме — переодевшийся человек-кулак.

Поскольку родители их пока не заметили, я указал:

— А вот и наши друзья. Обратите внимание на слугу.

Брутман одернул сюртук, поправил котелок. Тем временем из будки машинистов спустился седой человек в синей форме, а по перрону подошел другой, тоже в железнодорожной форме. Позади него скромно держался молодой господин секретарского вида, с папкой для бумаг.

Оркестр заиграл громче, ударили фанфары.

— Седой — главный машинист, — пояснил Генри. — На «Самодержце» его должность официально называется капитан состава.

— А тот второй, наверное, начальник вокзала, — добавил я.

Капитан приложил два пальца к фуражке, то же самое сделал начальник вокзала. В толпе у перрона радостно закричали, захлопали в ладоши. Брутман неуверенно

коснулся указательным пальцем своего котелка. Они заговорили, начальник, торжественно улыбаясь, сделал несколько размашистых жестов в сторону поезда, капитан «Самодержца» степенно кивал. Все трое по очереди пожали друг другу руки, капитан поклонился и забрался обратно в будку, а начальник обменялся с Брутманом еще парой реплик, снова пожал ему руку и в сопровождении секретаря направился прочь.

Инженер огляделся, причем лицо у него было такое, будто он хочет немедленно сбежать. Стоящий на подножке человек-кулак внимательно наблюдал за ним.

— Странные у них отношения... — начал Генри, но тут «Самодержец» дал гудок, и нас на время оглушило. Мощный, вибрирующий свист разнесся над всем вокзалом.

— Вот он, семитоновый гармонический гудок! — гордо кивнул я, будто наличие этого элемента на поезде было моей личной заслугой.

Из-под паровоза ударил пар. Густые клубы поползли во все стороны, рассеиваясь, — и туманом заволокли перрон возле паровоза. Брутман смутным силуэтом маячил в нем.

— Пойдемте в купе, — предложил папа, однако я остался на месте, потому что в этот самый миг в тумане возникло новое действующее лицо.

Высокий гибкий силуэт появился откуда-то из-за оркестра, сначала плохо видимый, но своей вкрадчиво-скользящей манерой двигаться сразу вызвавший у меня безотчетную тревогу. Когда туман рассеялся, я разглядел красивого черноволосого господина в франтоватом костюме и штиблетах, с черной «бабочкой» на шее, в черном цилиндре с белой ленточкой. В одной руке он держал толстую раздвижную трость, а в другой — металлический несессер-цилиндр.

Человек-лоза. Ни на долю секунды не усомнился я в том, что вижу третьего сообщника, — ведь Брутман

со своим псевдослужбой были именно сообщниками в какой-то явно злодейской операции — и что вновь прибывший также отправится в поездку. Человек-лоза, вот так. Это определение выскочило само собой и намертво приклеилось к нему.

Незнакомец прошел мимо Брутмана, небрежно коснувшись тростью его плеча, кивнул и поспешил к первому вагону, украшенному буквами **РВ**. Человек-кулак отступил на подножке и что-то сказал человеку-лозе. Тот вспрыгнул в вагон, в проеме оглянулся, окинув перрон взглядом, нырнул внутрь. Брутман тоже забрался в вагон.

Ну а мы направились к своему.

Кондуктор оказался важным, как павлин из императорского сада. Настоящий Кондуктор с большой буквы, в ливрее, фуражке, перчатках, с мохнатыми бровями и тройным подбородком. А уж на нос его я просто загляделся. Огромный, мясистый, весь какой-то пупырчатый, с величественно торчащими из ноздрей пучками волос.

— Экий румпель, батюшки мои, — пробормотал Генри на английском.

— Наверное, этого человека разворачивает на сильном ветру, — подхватил я.

— Поразительный ветродуй, — согласилась мама. — Через такой если получше дунуть, можно улететь ракетой.

Некоторые люди бывают такими нетерпимыми к изъяснам ближнего своего!

Пока мы приближались, Большой Кондуктор царственно наблюдал за нами, сложив руки за спиной и немного подавшись вперед. Нетерпеливо топчущиеся рядом носильщики наверняка сообщили ему, кто мы такие, и когда Генри протянул приглашительные, Кондуктор лишь бегло глянул на них. Склонившись будто бы под весом своего носа и едва не ткнувшись тем в

руку отца, которую Генри поспешно убрал, Кондуктор молвил на английском:

— Господин Гиллиам Уолш... Госпожа Мэри Уолш... Мисс Абигаил... Добро пожаловать на борт «Самодержца».

Я ощущал себя голым под платьем. То есть я и так под платьем, панталонами и чулками был голым, но мне казалось, что все это видят. Мисс Абигаил, а? Мисс Абигаил! Все во мне кричало: я юнец, юноша я! Молодой человек, отрок, мужчина — самец, в конце концов! — неужели вы этого не понимаете?! И при этом внешне я по-прежнему являл собой худосочную, застенчивую и, насколько я мог понять, довольно миловидную девушку.

Манеры у Большого Кондуктора были очень церемонные, вежливые и немного, совсем немного снисходительные. Он как бы говорил своим видом: ну вот, приехали иностранцы из своих Белфастов, прикатили полюбоваться на нашу имперскую мощь. Ну любуйтесь, что уж теперь, тут точно есть на что полюбоваться, так уже будьте любезны.

Генри, поднявшись в вагон, протянул руку маме. Сзади раздались голоса, и мы оглянулись. Сопровождаемый тремя слугами с бесчисленными чемоданами и свертками, к нам приближался высокий господин, держащийся крайне гордо, а с ним — юнец, розовое лицо которого украшали усики, отпущенные явно для того, чтобы их обладатель казался старше своих лет, хотя на самом деле они его лишь молодили. Юнец этот так смотрел на меня, ух! Был бы я девушкой, подобный взгляд должен был бы мне польстить и смутить меня... но позвольте, я и есть девушка. Я польстился, смутился, потупился и по-быстрее отвернулся.

Кондуктор при виде вновь прибывших преобразился. Снисходительность мигом исчезла из его манер, сменившись невероятной учтивостью. Я решил, что теперь самое время покинуть сцену, — подобрал платье, не до-

жидаясь, когда Генри подаст мне руку, запрыгнул в вагон и был таков.

Просторный тамбур и коридор устлали ковры. Багаж, то есть большой чемодан и непромокаемый несессер с секретным замком, уже стоял в нашем купе. Ну и купе! Войдя туда вслед за родителями, я едва не присвистнул. На две части его делила раздвижная перегородка, в обеих половинах были откидные диваны темного бархата, стены покрыты дубовыми панелями с латунными заклепками в виде корон. Еще здесь была мраморная раковина с золоченым краном, гардероб, светильники, столик на гнутых ножках, а окно наполовину закрывала штора с кисточками.

— Наш инженер сел в первый вагон? — уточнил отец, когда получившие по монете носильщики ушли.

— В первый, — подтвердила мама, присаживаясь на диван и стягивая с головы шляпку. — Дорогой, положи ее, пожалуйста.

Пока родитель, для которого купе казалось маловато, вернее, — это он казался крупноватым для такого помещения, — клал шляпку на гардеробную полку и снимал сюртук, я выглянул в окно. И спросил:

— На вагоне, куда вошли Брутман со слугой, написано «РВ». «В» надо полагать, и значит «вагон», а что такое «Р»?

— «Радио», — пояснила Джейн. — Там находится радиорубка «Самодержца».

— Целая радиорубка, надо же, как на кораблях. И начальника состава тут называют капитаном.

Генри поставил на край дивана желтый кофр. Сел, отстегнул цепочку, соединяющую ручку с правым запястьем, и погладил свою таинственную ношу. Снаружи вновь прозвучал семитоновый гармонический гудок, и перрон заволокло паром. Состав дернулся. Мама вытянула шею, глядя наружу. В коридоре за дверью прозвучал голос Большого Кондуктора:

— Господа и дамы, состав отправляется! «Самодержец» отправляется! Станция назначения: Москва, Всемирная Механическая Выставка. Время прибытия: четыре часа утра.

Отец, не выдержав, встал, мама тоже поднялась, мы отдернули штору и приникли к окну.

Военный оркестр все еще играл, но музыка едва доносилась сквозь шипение пара. Перрон был пуст, на нем лежали цветы и ленты, за шеренгой солдат волновалась толпа. Снова прозвучал гудок — длинный, протяжный. Пар совсем заволок перрон. Состав во второй раз дернулся, и мама взялась за плечо папы, а он поддержал ее под локоть. Раздался стук колес, перрон пополз назад. Люди кричали и махали нам руками. Оркестр играл.

И вдруг я снова увидел человека-лозу. Теперь он был в одежде машиниста, но по-прежнему с несессером-цилиндром и тростью. Размахивая ею, сообщник Вилла Брутмана пробежал-проскользил сквозь пар. Ставив с головы шляпку, я приник щекой к окну, чтобы смотреть вдоль перрона. Человек-лоза запрыгнул на подножку вагона-ресторана и пропал из виду.

Я многозначительно поглядел на родителей.

— Это тот самый, который был в цилиндре с ленточкой? — спросил Генри. За окном прополз край перрона — «Самодержец» набирал ход.

— Да, он.

Мы отошли от окна, и отец заключил:

— Главное, что мы здесь. Не знаю, как вы, а я испытываю, как бы поточнее передать свои чувства, воспользовавшись силой великого русского языка... испытываю *significant relief*, — добавил он на английском. — Черт возьми, мне даже захотелось шампанского!

— Шампанское перед делом? — возразила мама. — Нет уж, шампанское — завтра. Надо же нам будет отметить день рождения Алека.

Я тоже чувствовал облегчение. И приподнятость. Все-таки — огромный сияющий паровоз, свистки, оркестр, цветы и ленты, — все это не может не улучшить настроения. Вот только была еще и тревога. Почему так нервничает Вилл Брутман? Что это за две явно темные и непростые личности с ним? Что за игра с переодеванием? Насколько я понял, человек-кулак и человек-лоза заняли места в паровозной бригаде «Самодержца». Для чего, что они собираются сделать? Ведь не угнать же, в конце концов, чудо-поезд. Далеко не уедут...

Вокзал остался позади, родители занялись чемоданом, а я все глядел наружу, размышляя. Колеса стучали тяжело, ритмично, и в стуке их слышалось: *«Что-то готовится! Что-то готовится! Что-то готовится!»*

Глава 3

МЫ ПЛАНИРУЕМ ГРАБЕЖ

1

Город остался далеко позади, когда я наконец закончил детальный осмотр купе. Подвигал перегородку-гармонь, сползал под диваны, пооткрывал спрятанные там багажные ящики, все изучил. Освоил, в общем, помещение.

За окном медленно темнело. Большой Кондуктор величаво принес нам чай с изящными, закрученными в виде морских раковин эклерами. Снаружи тянулась унылая холодная местность с редкими огнями, ничего интересного. Зато внутри было тепло, светло и очень интересно. Горели две электрические лампы в синих абажурах, поблескивала позолота крана, ручки гардеробного шкафа, медные заклепки на двери и латунные — на стенах. Было тепло и уютно.

Все наконец разобрались со своими вещами, и когда суета, обычно сопровождающая начало такого путешествия, улеглась, когда мы попили чаю и справились с возбуждением посредством эклеров, я решил начать разговор.

— Мама́... папа́... — произнес я на французский манер, сел напротив них, чинно сдвинув колени, как благовоспитанная барышня, разгладил подол и заключил со вздохом: — Ну, рассказывайте!

Перегородка была раздвинута, и мы хорошо видели друг друга. Мысленно я потирал руки в белых перчатках. Вот сейчас все и выясним! Пора разобраться в ситуации.

Генри барабанил пальцами по тугой коже желтого кофра и улыбался, совсем не похожий на директора машиностроительного треста. Джейн сидела рядом, маленькая, серьезная, и тоже совсем не похожая на супругу директора машиностроительного треста. Она опиралась локтем на свой ридикюль и изящно слизывала с пальцев остатки эклерного крема.

— Нам нужно пробраться в первый вагон, — сообщил родитель.

— Первый, — повторил я. — Это который «РВ».

— Он называется «радиовагон». Предполагается, что на «Самодержце» иногда будет развезать император со свитой, а если не он, то другие важные персоны.

— Император ведь и собирался ехать, чтобы открыть Всемирную Выставку, — вставила мама. — Но не смог.

— Это понятно, — я стащил перчатку с руки. — Если Его Императорскому Величеству понадобится с кем-то связаться, то можно сделать это прямо с «Самодержца». Я читал, сюда сам Попов приезжал монтировать радиорубку.

Генри кивнул:

— Вот в нее нам и нужно.

— Зачем?

— Инженер Вилл Брутман, — многозначительно произнесла мама.

— Ага, я его видел сегодня, помните? Усатый такой, в котелке. Так что с ним?

Она достала из ридикюля украденную в «Царь-Банке» записную книжку и помахала ею в воздухе.

— Он ответственен за, как это называется... движительную часть «Самодержца». Котлы, все такое. Известный британский инженер-конструктор, большой специалист.

— Ты продолжай, продолжай, — подбодрил я.

И мама продолжила.

В последний момент по приказу Брутмана в радиовагоне был поставлен запасной компрессор для тормозной системы «Самодержца». Дублирующий. Якобы механизм, которым можно на ходу заменить тот, что сейчас смонтирован на паровозе, если он вдруг сломается. Вот, если вкратце, о чем поведала мне Джейн при некоторой поддержке Генри, который вовремя вспомнил слово «компрессор», вылетевшее у мамы из головы.

— Что за глупость? — удивился я, внимательно выслушав их. — Как можно на ходу поменять тормозной компрессор? Это же целое дело. Может, Брутман не очень уверен в работе того, что стоит в паровозе сейчас, и везет другой, чтобы заменить позже? Это я так, фантазирую, а вообще — странные вещи вы говорите.

Джейн деловито продолжала:

— Мы проникнем в радиовагон и, воспользовавшись взятыми в «Царь-Банке» кодами, обыщем сейф Брутмана. Нам нужно найти схему этого запасного насоса, компрессора, паровоздушной машины или как оно называется, осмотреть саму машину и отослать сведения нашему клиенту. И дожидаться ответа от него.

— Так это не ограбление, — я очень удивился, — а воровство информации? Почему постоянно выясняется что-то новое, почему вы не расскажете мне все сразу?

Они переглянулись, в который раз за этот день.

— Мы расскажем. Расскажем, честно, — заверила мама. — Не думай, что мы вдруг что-то начали намеренно скрывать от тебя.

— Но вы именно скрываете — и именно намеренно! А еще это многозначительное заявление о том, что завтра, после дела, расскажете что-то очень важное... Поэтому я совершенно правильно думаю: вы начали что-то намеренно скрывать от меня.

— Да, но...

— В общем, так, — перебил я, хлопнув перчаткой по ладони. — Мне вообще-то скоро шестнадцать. Поэтому, хотя мне неудобно ставить ультиматум родителям, но я его ставлю: сейчас вы мне рассказываете все, либо я выхожу в коридор, дергаю рукоять экстренного торможения, покидаю «Самодержец» и возвращаюсь домой, с вами или без. У меня, в конце концов, встреча со Сметаниным была назначена. У нас осмотр дирижаблей запланирован. И больше я помогать вам не буду. Выкрасть схему какого-то насоса? Пфе! Без смысла, без нормальных объяснений... Действуйте без меня! Все, я сказал.

И для убедительности притопнул каблучком по ковру. То есть я собирался топнуть нормальным каблуком своей туфли, но там был тонкий дамский каблучок, о чем я забыл. Это несколько снизило патетическую силу моей речи. Сморщившись, я стащил туфли и пяткой запихнул под диван.

В купе все стихло, снаружи стучали колеса и монотонно свистел ветер за окном. Родители знали это мое упрямство. Оно от Джейн, Генри более покладистый, а мама, если что-то заявит окончательно и бесповоротно, то...

— Собственно, — заговорил отец, — я не совсем понимаю причину этой отповеди. Мы тебе почти все рассказали. Давай я просто повторяю, что нужно сделать? Мы проникнем в радиорубку, там стоит некий агрегат и запертые бронированные шкафы, агрегат осмотрим, а шкафы — вскроем. В одном находятся схемы запасного компрессора, который с непонятной целью в радиовагон в последний момент приказал поставить Вилл Брутман. Полученные сведения необходимо переслать по радио нашему заказчику. Дождаться ответа от него, а потом вернуться в купе и доехать до Всемирной Выставки, где насладиться последними достижениями мировой механики. Все ясно и понятно, какие у тебя вопросы, Алек?

— Кто заказчик? Кто заказал такую странную работу, вот главный вопрос!

— Но мы не знаем, дорогой, — развела руками мама. — Ведь ты уже спрашивал, а мы отвечали. Мистер Икс, так мы его называли.

— Я задал этот вопрос снова потому, что в тот раз решил: на самом деле вы знаете, но скрываете от меня. Как это вообще может быть — заказчик-инкогнито?

— Именно, — кивнула она. — Мистер Икс, и всё тут.

— Как-то очень театрально.

— Надо же его как-то называть.

— Ну, допустим. Пускай Мистер Икс, инкогнито. Зорро в черной маске. Таинственный незнакомец. Значит, он много платит, раз вы согласились выполнять работу для анонима. Сколько? Если я участвую в деле на равных, то имею право знать и претендую...

— Он ничего не платит, малыш, — перебила мама.

— Я же просил не называть меня так!

— Ну, хорошо, — она хихикнула, — теперь мне называть тебя малышкой?

— Мама! — повысил я голос.

— Джейн, хватит, — произнес Генри таким тоном, что она смолкла и перестала улыбаться. Ее иногда заносит, но она понимает, если пора остановиться.

Я пару раз глубоко вдохнул, похлопал перчаткой по ладони и заговорил:

— Не думайте, что я забыл свое обещание покинуть поезд или что оно было высказано не всерьез. Итак, вы взялись за нетипичную и странную работу для неизвестного заказчика, взяли бесплатно. Отлично, я принял и осознал эту информацию. Теперь вопрос, от убедительности ответа на который зависят мои дальнейшие поступки. Почему? — скомкав перчатку, я подался вперед и медленно повторил, в упор глядя на них: — Почему... вы... согласились?

Они молчали долго. Напряженно и долго, а за окном все темнело. Потом Генри пробарабанил пальцами по кофру и ответил:

— Потому что нас попросил об этом человек, которому мы не могли отказать.

— Только и всего? По-твоему, это звучит убедительно?

— Убедительно или нет, это правда, Алек, — твердо ответил он. — Выполнить эту работу для Мистера Икс нас попросил человек, которому мы не могли отказать в просьбе.

— Просьбе? То есть он не шантажировал вас, не принуждал?

— Святые небеса, конечно, нет! — всплеснула руками мама. — Он просто попросил.

— Просто попросил... Так кто он?

— В том-то и дело, что это напрямую связано с тобой. С тем, что мы собираемся рассказать тебе после дела, завтра.

— Скажите сейчас.

Мама встала, обойдя столик, приблизилась ко мне, присела и взяла за руки. И сказала тихо и очень серьезно, глядя мне в глаза:

— Алек, если мы расскажем тебе сейчас, это может сильно повлиять на тебя. Ты не сумеешь хорошо действовать после такого, будешь постоянно отвлекаться мыслями на то, что узнал, а ведь дело очень серьезное, опасное и требует большого сосредоточения. Но я клянусь тебе, что мы расскажем — как только завершим работу. Я клянусь, Алек. Пожалуйста, не настаивай сейчас, если можешь. Можешь?

Она смотрела мне в глаза. И, конечно, я ответил: «Могу». И когда она добавила: «И пожалуйста, Алек, не уходи с поезда», сказал: «Не уйду». Нет, не потому что мной манипулировали, хотя это было правдой, а потому что в этот миг я вдруг со всей отчетливостью понял одну вещь. Я ответственен. Ответственность лежит на мне. За себя, за это дело. За родителей. Они ответственны

за меня, а я за них. И за то, чтобы все завершилось благополучно для всех нас. А без меня они могут не справиться. Я родителям не то чтобы не доверял, я как раз доверял им, но... В общем, как бы они чего не натворили. Нам нужно быть вместе.

По выражению моего лица мама тоже что-то поняла. Она подняла руку, чтобы потрепать меня по щеке, но вместо этого хлопнула по плечу и вернулась обратно на диван в их половину купе.

— Фух... — переведя дух, я вытер перчаткой вспотевший лоб. Встал, потянувшись, сдвинул бархатную занавеску с кисточками, выглянул. Снова сел. Генри ободрающе улыбался мне, и я сказал:

— Хорошо, к делу. Давайте разбираться. Итак, радио-вагон сцеплен с паровозом, нам нужно попасть на него...

Отец вставил:

— И главный вопрос, который перед нами стоит: как?

— Полагаю, посредством перемещения наших тел в пространстве, — сказал я.

— Тонко, брат мой меньший, — кивнул он и принялся загибать пальцы. — Есть три пути: поверху, то есть по крышам вагонов, раз. Сбоку, то есть вдоль бортов, два. И снизу — под днищем, три.

— У нас пятый вагон, впереди четвертый, третий, потом ресторан, — сразу возразил я, — по бокам идут окна купе, многие будут не зашторены... Как пробраться мимо них? Пригibasь? Или над окнами? Может, Джейн на такое способна, а мы с тобой вряд ли, брат мой старший. Нет, по стенам вагонов — точно не годится.

— Под днищем... — начал отец.

— ... вообще опасно. Там и мама, наверное, не сможет.

Джейн добавила, кивнув на чемодан с несессером, лежащие под диваном:

— У нас есть крюки, веревки, карабины, комплекты подходящей одежды, обувь. Даже блок-лебедка. Мы подготовились, Алек.

Я покачал головой:

— И все равно снизу — не вариант. Представьте, какой там ад, под днищем «Самодержца»... Ну, нет же, да вы и сами должны понимать. Крыши — вот путь для сильных, отважных и умных.

Родители переглянулись, и Генри согласился:

— Поверху — самое оптимальное. Пойдем по крышам.

— Только на вагоне-ресторане обзорный купол, откуда нас увидят, — напомнила Джейн.

Мы замолчали, напряженно думая. Потом я щелкнул пальцами. Знаю, это невежливо, в приличном обществе так не принято, но я, со всем уважением, не мог назвать своих родителей приличным обществом.

Они с надеждой посмотрели на меня, ожидая от наследника гениального озарения, и я озарил их:

— Надо узнать у кондуктора, когда закрывается ресторан.

Прежде чем родители успели что-то сказать в ответ, я вскочил, натянул скомканную перчатку, вспомнил, что остался босиком, то есть в шелковых чулках, мысленно плюнул, снова сел, достал из-под дивана туфли и принялся натягивать их. Отец с матерью наблюдали за мной. Джейн потянулась к последнему эклеру, Генри снова забарабанил по кофру. Разобравшись с туфлями, я опять встал, оправил платье, провел ладонями по бокам, проверяя, как сидит корсет, а вернее, — насколько ловко он сдавливает мое естество, надел шляпку и вышел из купе. Совсем не виляя бедрами, как благовоспитанная юная леди.

2

В коридоре через одну неярко горели лампы. Поблескивали вычурные ручки на дверях, пол покрывала красная ковровая дорожка, а окна были закрыты бордовыми занавесами.

Вагон покачивался не сильно, но я-то был на каблучках, и пришлось взяться за поручень под окном. Отвернув занавеску, выглянул. В темноте проплывали редкие огни, я разглядел свое отражение в стекле: ох и картина! Хоть сейчас на бал, отбоя от кавалеров не будет.

В конце вагона сдвинулась дверь купе, вышел дородный господин с лохматой бородой, степенно прошествовал к тамбуру и скрылся из виду. В той стороне паровоз... значит, он направился в вагон-ресторан, больше вроде некуда.

С другой стороны, где было кондукторское купе, в вагон пятясь вошел Большой Кондуктор, плечом затворил дверь, повернулся, сжимая поднос с пустым графином и бокалами. Заметив меня, шевельнул своим выдающимся во всех смыслах носом, приосанился. Поклонился издалека.

Я в ответ *сделала* призывный жест и *направилась* к нему.

Платье шуршало, корсет скрипел где-то под мышкой. Каблуки вдавливались в ковер, глубоко проминали его. Одна из дверей купе была приоткрыта, и когда я проходила мимо, она резко закрылась. За миг до того в щели что-то мелькнуло — бледное пятно в полутьме, то есть чье-то лицо. Что такое, слежка? У меня по позвоночнику скатилась волна холодной дрожи, но с шага я не сбилась и вообще никак себя не выдала, по крайней мере, очень надеюсь на это. Не стучать же туда, не лезть в это купе, чтобы проверить. Спокойно, Абигаил Уолш, а то доведут тебя родители до паранойи со своими злодейскими операциями. Идем дальше, тщательно контролируя себя и окружающую обстановку. Вон левая нога то и дело норовит подломиться вместе с каблуком — это сейчас самая важная проблема.

Кондуктор, поставив поднос на полку, ожидал меня. А я не спешила — еще чего, не хватало знающей себе цену барышне из богатой ирландской семьи спешить

к вагонному служащему. Старалась шагать изящно и постоянно напоминала себе: про голос, про голос не забывай, малышка Абигаил! Пищать не надо, но и баском случайно не заговори, а то он удивится, что за девушки в Ирландии живут.

В конце коридора я остановилась. Кондуктор шевельнулся, повел в мою сторону носом, и я ощутила дуновение ветерка. И сказала:

— Здравствуйте, уважаемый.

— Слушаю вас, мисс Уолш.

Никогда не думала, что человечек может проговорить эти простые слова с таким невероятным достоинством. Я спросила:

— Не соблаговолите ли сообщить, до которого часа открыт вагон-ресторан?

Нос Кондуктора шевельнулся как бы в легчайшем, очень чопорном удивлении.

— Наш ресторан открыт до двух часов пополуночи, — поведал он.

Так. Плохо. «Самодержец» прибывает к куполу Выставки в четыре утра, и если они закроют ресторан всего за два часа до того, и в ресторане будут сидеть всякие господа, да не одни, а со своими дамами, которым всенепременно захочется подняться в обзорный купол да поглазеть на проносящиеся мимо унылые ночные пейзажи... Как же быть, как нам попасть в радиовагон? Временной зазор между закрытием купола и прибытием состава на Выставку получается слишком мал.

— Позволю себе заметить: у вас очень чистый русский говор, — добавил Большой Кондуктор.

Я мысленно хлопнула себя по лбу, не хлопнула — врезала кулаком с размаху, даже под черепом загудело. Говор! Акцент! Я же иностранец... иностранка! Про походку не забыла, про тембр голоса не забыла — про говор забыла!

Очень надеюсь, что лицо не выдало обуревавших меня чувств. Кондуктор внимательно поглядел на меня. Надо было срочно выкручиваться, и я сказала:

— Это потому, что мы держали учительницу из России. Много лет.

— Ах, вот в чем дело, — степенно кивнул он. — Передавайте мои поздравления вашей учительнице, мисс Уолш, ей прекрасно удалось ваше обучение.

— Непременно передам.

— Что же, прошу меня простить, мисс Уолш, служба зовет.

— Да-да, конечно, — перехватив поручень другой рукой, я стала поворачиваться на ушедших глубоко в ковровую дорожку каблуках. Чтобы как-то прояснить для Кондуктора, почему юная барышня интересуется временем работы ресторана, добавила на прощание: — Значит, я еще успею в обзорный купол.

— Тогда поспешите, мисс Уолш, — напутствовал он. — Купол закрывают раньше, в час полуночи. Покойной ночи, мисс Уолш, премного благодарен за беседу.

С этими словами Большой Кондуктор вступил в свое купе и прикрыл дверь.

А я пошла назад, внутренне ликуя: доступ в купол закроют раньше! Почему, любопытно знать, по какой причине? Убраться им надо, протереть стекла платочком? Неважно, неважно! Главное, там никого не будет лишний час.

Возвращаясь в купе, уже позабыв про свою роль и расслабившись, я размышлял: итак, состав прибывает в конечную точку в четыре часа утра, а обзорный купол закрывается в час ночи. Минимум за тридцать-сорок минут до прибытия нам нужно вернуться в свое купе, чтобы переодеться и вновь принять респектабельный вид, а лучше — за час, то есть в три надо быть у себя. Путь по крышам вагонов... ну, десять-пятнадцать ми-

нут, не меньше. Туда, затем обратно. А сколько займут все дела в радиовагоне — бог знает, но вряд ли меньше получаса. В общем, если рассчитать так, чтобы миновать купол примерно в час тридцать, то мы успеем сделать все и вернуться. Еще и время останется. Надо изложить все расчеты родителям, пусть порадуются, какой у них сметливый и разумный наследник... Додумать я не успел: дверь купе, которая недавно была приоткрыта и затворилась с моим приближением, распахнулась — и оттуда выпал черноволосый юнец с тонкими усиками.

Он, по-моему, хотел ловко вышагнуть в коридор прямо передо мной, чтобы, так сказать, явить себя во всей красе моему взору, но замешкался, споткнулся и в результате налетел на меня, прижав к стенке. Поручень под окном вдавился в ребра. Я не по-девичьи сипло крикнул. От соприкосновения наших тел юноша весь аж затрясся. Не забыв предварительно прикрыть дверь, в темноте за которой, вероятно, почивал его папенька, он отпрянул и негромко воскликнул:

— О, простите меня, сударыня! Простите! Я случайно вас не заметил!

— Да ну! — пискнула я придушенно. — То есть ничего страшного, сударь!

— Я приношу глубочайшие извинения, ведь мы не представлены... Но раз уж этот прискорбный инцидент... То есть это случайное происшествие... Забавное падение... Когда судьба свела нас в этом вагоне... Позвольте представиться, граф Юрий Федорович Кушелев-Безбородко.

Он судорожно схватил меня за руку, рывком поднял ее так, что у меня шелкнуло в плече, и принял усиками.

Я смерила его растерянным взглядом. Граф? Ого, да я хороша — целый граф со мной знакомится! Безбородко, Безбородко... Ну, точно, его отец, тот гордый господин на перроне, — сиятельный граф Федор Григорьевич, приближенный к императору.

— Очень приятно, ваше сиятельство, — сказала я. — Крайне польщена.

Юный Кушелев-Безбородко, отпустив мою руку, с робкой выжидательностью глядел на меня. Припомнив, как меня зовут, я присела в неловком книксене и сказала:

— Абигаил Уолш.

— Надеюсь, вы не сочтете сей инцидент... не примите его за... — Юрий Федорович Кушелев-Безбородко мучительно и глубоко, до корней усов, покраснел.

— Не приму, — ответила я, так и не дождавшись окончания фразы.

Мы стояли довольно-таки близко, пожалуй, ближе, чем приличествует малознакомым молодым людям, и граф при этом полностью перекрыл мне путь. До нашего купе оставалось недалеко, всего три двери, но пока что до него было не добраться.

— Вы с папенькой и маменькой путешествуете? — наконец справившись с робостью, осведомился Юрий Федорович.

— Да, с папенькой и маменькой, как вы догадались, ваше сиятельство?

Он ответил со всей серьезностью:

— Я видел вас на перроне у вагона. И расспросил про вас у своего отца. Ваша семья владеет акциями российской железной дороги.

Ах, так он успел про нас расспросить? Это настораживало: вдруг от папеньки юноша узнал про чету Уолшей нечто такое, о чем их дочка в моем лице понятия не имеет?

— Позволено ли мне будет пригласить вас в ресторан, мисс Уолш?

— Что вы! — ахнула я. — Я слишком молода для ресторанов.

Граф подался ко мне, заглядывая в лицо, произнес, пытаясь выглядеть самоуверенно и светски:

— Там великолепный обзорный купол. Я покажу вам звезды.

— Ой, спасибо. Я их уже видела.

Он снова мучительно заробел, явно расстроившись, мне даже стало немного его жалко. Пришлось добавить:

— Ваше сиятельство, папа с мамой не разрешают мне ходить одной так поздно по незнакомой стране с незнакомцами... То есть с недавними знакомыми.

— Но вы можете позвать их! — воспрянул он. — Мы можем пойти все вместе! Позвольте, я прямо сейчас предложу... — Юрий Федорович повернулся к нашему купе.

— Нет-нет! — едва не закричала я. — Ни в коем случае! Мой папа самых честных и строгих правил, и он...

Но граф смотрел куда-то вниз, замерев и трепеща. Я опустила взгляд — оказывается, не желая пускать в наше купе, я схватила графа за руку. Градус его смущенности повысился до невообразимых высот, лицо пылало, казалось, оно вот-вот загорится. Поспешно отпустив графскую руку, я сказала:

— Позвольте пройти, ваше сиятельство, час поздний, и мне пора спать.

Это была глупейшая ложь — да, стемнело, но только лишь потому, что стояла осень, время было еще раннее. Однако я уже не заботилась о правдоподобии: надо было срочно бежать отсюда.

Граф, не найдя, что ответить, покраснел пуще прежнего и посторонился, прижавшись спиной к двери своего купе. Я шагнула мимо него, и тут вагон сильно качнулся. Не удержав равновесия, Юрий Федорович повалился вбок. Он бы сильно приложился ребрами о поручень, но я машинально ухватила его за талию. Захотелось воскликнуть что-то вроде: «Ах, какой вы растяпа!», и лишь крайнее усилие воли помогло мне сдержаться. Я думала, что конфузиться сильнее невозможно, но граф, выражаясь образно, сумел погрузить себя в еще более глубокую,

дымчато-розовую, безбрежную бездну смущения, из тумана которой возвышались лишь острые скалы застенчивости и стыда. М-да. Иногда меня заносит. В голову лезут такие странные картины, метафоры и сравнения, что диву даешься, откуда они могли взяться в обычном человеческом мозгу. Ничего не могу поделать со своим развитым воображением.

Граф отступил, весь пунцовый, пробормотал невнятно: «Покойной ночи, мисс Уолш», приоткрыл дверь своего купе и перепуганным зайцем юркнул туда.

И все же надо отдать ему должное: при всей своей катастрофической застенчивости он был наделен немалым мужеством, потому что находил в себе силы эту застенчивость преодолевать. Неважно, что ты боишься, важно, можешь ли действовать невзирая на страх.

Из темноты купе донесся тихий, полный затаенной надежды голос:

— Но мы же увидимся завтра на Выставке, мисс?

Я хотела ответить что-то резко, однако вместо этого сказала:

— Всенепременно, граф.

Дверь затворилась, и я поспешно зашагала — нет, теперь уже зашагал — к себе. За мной ухаживал мальчик! Какой кошмар! Но ничего, я от него отбился. И нужные сведения добыл, вот так.

3.

Заперев дверь, я упал на диван и расхохотался. Злость на графа сменилась облегчением. Все позади — и я все узнал!

— В чем дело, Алек? — спросила Джейн.

— Ни в чем. Просто тут за мной ухаживали.

— Что, кондуктор?! — изумился отец.

— Я надеюсь, ты вел себя как порядочная воспитанная девушка? — уточнила мама.

— Да нет, не кондуктор, конечно. Неважно.

Тело под корсетом как-то все умялось и теперь он почти не давил, но запястья сильно чесались под узкими рукавами, а еще от непривычной обуви побаливали ступни и ныли икры. Хотелось сбросить все эти женские тряпки с обувкой к чертовой ирландской бабушке. Я поерзал, скинул туфли. Джейн нетерпеливо добавила:

— Так что ты узнал?

— Мне пора переодеться.

— А если кто-то заглянет? — возразил отец. — Это не рационально.

— Рациональность! — буркнул я. — Ох и слово! Лучше не использовать его тому, кто собирается грабить поезда по заказу незнакомца.

— Алек...

— Итак, — перебил я не очень-то вежливо, но решительно, — после проведения сложной, полной намеков и недосказанности беседы с лукавым вагонным работником, чья подозрительность прямо пропорциональна носатости, были добыты ценные сведения: ресторан «Самодержца» закрывается в два часа ночи. А в четыре ночи, как вы знаете, мы прибываем.

Их лица помрачнели.

— Плохо, — сказала мама и хлопнула себя ладонями по коленям. — Ну, ничего, будем работать быстро. Придется...

— ...обзорный купол же закрывают в час ночи.

Все-таки удачный вечер, решил я, наблюдая за выражениями их лиц. Станный, очень необычный, но удачный. Приятно вот так вводить людей в оторопь.

— Алек, почему было сразу не сказать? — спросила Джейн.

Я честно ответил:

— Месть. За то, что вы мне сразу все не рассказали, за то, что до сих пор продолжаете о чем-то умалчивать.

— Это мелко!

Я широко улыбнулся:

— Ага, и так приятно... Хорошо, давайте резюмируем: мы сможем проникнуть в радиовагон по крышам. Если выйдем в час ночи, то по времени все получается.

Я стащил перчатки, бросил на диван, подвигал пальцами, похрустел ими и снова заговорил:

— Но только я вижу одну проблему, крайне существенную, как на мой взгляд, хотя допускаю, что от взора моих просвещенных родителей она могла ускользнуть в связи с их недостаточной...

— Да говори уже! — всплеснула руками Джейн.

— По заказу Мистера Икса мы ищем схемы некоей машины, в последний момент установленной в радиовагоне по приказу Вилла Брутмана, ответственного за силовую установку и другое оборудование «Самодержца». О'кей, о'кей... И вот теперь у меня вопрос: как вы собираетесь передать схемы по радио?

Еще не успев закончить этот краткий спич, я окончательно и бесповоротно решил сбросить платье. Да ну их всех! Сил же просто нет никаких. Вскочил, расстегнул пуговицы и потянул платье через голову. И шваркнул на диван.

— Алек, ну что же ты, — укоризненно произнесла мама.

— Больше не могу, — пояснил я, приказав себе не смущаться, ведь я стоял перед ними в кружевных панталонах, чулках и корсете.

— Но нам еще выходить из купе на глазах у всех.

— Это утром, после дела. Вот тогда и надену. Не полезу же я по вагонам в платье, значит, все равно снимать.

— Повесь хотя бы аккуратно, — вздохнула она и поднялась с дивана. — Кстати, у тебя сошла пудра с правой щеки. Раз уж ты разоблачился, давайте примерять одежду, в которой отправимся к радиовагону. Если купол закроют в час, то ты рассчитал все правильно, как я вижу.

Повесив платье в гардероб, я повторил свой вопрос:

— Так что насчет передачи схем? Этого никак не сделать по радио...

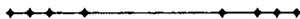
— А вот! — довольно сказал Генри сзади.

Я повернулся. На полу лежал раскрытый мамой чемодан, в нем — аккуратно свернутая одежда, несколько комплектов, и обувь. Теплые Костюмы для Ночного Проникновения с Возможным Применением Акробатики, определил я. Но не их имел в виду отец. Взгляд мой переместился на распахнутый желтый кофр, который стоял на столике между диванами — и больше от кофра не отрывался, буквально прилип к нему, а вернее, к его содержимому.

— Ух, ты! — сказал я и повторил громче: — Ух, ты! Ух, ты! УХ, ТЫ! ЧТО ЭТО ТАКОЕ?!

Глава 4

БОЛЬШОЕ ОГРАБЛЕНИЕ БОЛЬШОГО ПОЕЗДА

1

Было двадцать минут второго, когда я с опаской высунулся под ледяной ветер за окном. Генри висел на ремнях, коленями упираясь в стену вагона, а Джейн заползла на крышу. «Самодержец» летел сквозь ночь.

«Вперед, Алек!» — сказал я себе, глубоко вдохнул и повернулся, присев на краю оконной рамы. Воображение в ужасе вопило о том, как я соскальзываю, как валюсь на рельсы, как меня утягивает под состав, и там мое тело скачет мячиком, ударяясь о шпалы и днища вагонов. Сцепив зубы, я пинками затолкал воображение в самую дальнюю, темную и глухую каморку и приказал разуму запереть его там, что он с удовольствием и сделал.

В купе уютно горели лампы, а снаружи гудел ветер и грохотали колеса. Я прижался к вагону рядом с отцом, на спине которого был приторочен желтый кофр. Ухватившись за ремень, снова присел и сдвинул обратно раму, оставив лишь небольшой просвет. А то еще пройдет по коридору Кондуктор, услышит необычно громкий шум изнутри, заинтересуется...

На голове моей была вязаная шапочка, на руках перчатки, а глаза прятались под большими гоглами. Так я их называю, гоглы, мне очень нравится это новомодное слово, хотя папа называет их «лётные очки», а мама почему-то «окуляры». У гоглов круглые стекла, вставленные в медные ободья с каучуковыми прокладками,

и толстая резиновая лента, крепко прижимающая их к лицу. Такие не слетят и не потеряются, и никакой ветер им не страшен, при этом глаза защищены и все прекрасно видно.

А вот щеки не защищены, подумал я, снова распрямляясь и всем своим юным шестнадцатилетним телом — да-да, ведь перевалило за полночь, настал день моего рождения! — пытаюсь слиться со стенкой вагона. Носки ботинок упирались в стекло прямо над рамой.

Отец повернул ко мне голову. На обоих были крепкие суконные штаны, заправленные в мягкие ботинки с шершавыми подошвами, свободные куртки, перчатки и шапочки. На штанах и куртках — множество карманов со всякими предметами, необходимыми для Ночного Проникновения с Возможным Применением Акробатики. И еще под куртками были корсеты, но совсем не такие, какие привыкла носить нежная Абигаил Уолш: крепкие, с ремешками, пряжками и железными скобами, вшитыми прямо в кожу. Корсеты, предназначенные для настоящих мужчин с низкими грубыми голосами.

Сверху упал ремень с карабином на конце, я подхватил его и пристегнул к скобе на груди. Отец что-то сказал. Я мотнул головой, показывая, что не слышу. Он сдвинулся ко мне, наклонил голову и повторил громче:

— С днем рождения, Алек МакГрин!

Надо же — не забыл, даже в этих обстоятельствах. Приятно.

— С ночью, — сказал я.

— Что?

— С ночью рождения. Сейчас ночь, до дня еще дожить надо.

— Ничего, доживем. Подарок ждет в купе. У тебя есть веская причина вернуться целым и невредимым.

Сверху настойчиво дернули, мы подняли головы, папа посветил фонариком, пристегнутым к кожаной

эполете на плече. Над нами тоже загорелся свет, возникла голова мамы в шапочке и гоглах.

Я полез первым. Стало темнее, когда Генри погасил фонарик. У них с Джейн фонари были обычные, электрические, фирмы «Губерт», основанной в Америке русским эмигрантом. А у меня — свой собственный, он лежал в просторном кармане на бедре. Это мое изобретение, сделанное еще на первом курсе Технического училища. Фонарь в форме пули, внутри емкость с газом и горелка, вспыхивающая от искрового воспламенителя. Шикарная вещь, моя гордость, только почему-то родители предпочитают обычную электрическую чепуху. А ведь у моего фонарика есть и еще одно свойство, очень, я считаю, полезное, хотя ни разу пока не использованное. Всегда мечтал сделать это и посмотреть, что получится, жаль, что не было повода, но я не оставляю намерения попытаться хотя бы раз. Тем более что второго раза уже не будет, свойство это, так сказать, одноразовое.

Наконец мы достигли крыши. Джейн даже в шапочке и Костюме для Ночного Проникновения с Возможным Применением Акробатики, который вообще-то грубоват и мешковат, смотрелась симпатично. И с виду была очень боевитая и деловая. Я понадеялся, что выгляжу не хуже.

— Поезд в преисподнюю, — пошутил отец. Я скорее угадал, чем услышал его слова.

Ветер стал еще сильнее. Его вой сливался с грохотом состава в протяжную, оглушительную песню. Мы распластались на вагоне, мама подползла ближе и заговорила, отчетливо артикулируя. Хотя доносились лишь обрывки фраз, смысл был ясен.

— Движемся, как договорились. Я впереди, Алек второй, Генри третий. Все правильно пристегнуты?

Мы оглядели себя. Я был пристегнут к маме, а отец — ко мне. Покивали друг другу. Джейн хлопнула меня по плечу и стала разворачиваться в сторону паровоза.

Поползли. По краям вагонной крыши торчали покатые выступы с решетками, хвататься за них оказалось удобно, упираться ногами тоже, двигались мы резво, вот только ветер мешал. Спасали перчатки и очки, хотя щеки уже пылали. Генри было тяжелее всех из-за притороченного к спине кофра, который работал как небольшой парус.

Когда достигли края вагона, Джейн вытащила из чехла, вшитого сзади в куртку, толстый стержень, раздвинула, превратив в телескопическую лесенку. Положила ее на крышу перед собой и толкнула вперед. Другой конец лестницы лег на край следующего вагона, и мама поползла дальше.

Двигалась она ловко, умело, быстро — при взгляде на нее я вдруг вспомнил цирковую афишу с улыбающейся девушкой на канате. Это было совсем не к месту здесь и сейчас, на крыше мчащегося сквозь ночь поезда, но я помимо воли представил себе маленькую Джейн, еще ребенка, взлетающую на трапеции. Она ведь начала выступления семилетней девочкой, родители ее были акробатами по фамилии Визарди — знаменитыми Летящими Визарди — и разбились, упав из-под самого купола, когда кто-то из конкурентов цирка Гарибальди подпилит стойку. Маленькая Джейн этого не видела, она в тот момент спала в своей кроватке. С цирком она исколесила всю Европу, была и в России, даже за Уралом, даже до Китая доезжала. А потом корабль, на котором труппа переплывала Красное море, затонул. Мама единственная спаслась. Ей было семнадцать; в портовом городе под названием Суакин, куда она доплыла вконец обессилевшая, прямо на берегу к ней пристали какие-то бродяги... и сбежали, когда в их грязные лица уставился ствол пистолета. Оружие держал высокий черноволосый юноша, назвавшийся Генри МакГрином. Он случайно увидел незнакомую мокрую девушку на берегу в окру-

жении бродяг и пришел на помощь. Моему отцу тогда не было и двадцати.

Сейчас мама кажется более строгой и сдержанной, чем он, реже смеется и временами бывает почти чопорной, но при взгляде на нее мне иногда видится та смешливая девчонка-акробатка из погибшего цирка. Ведь она до сих пор частенько в порыве чувств может взять да и сесть на шпагат прямо посреди нашей гостиной. А в отце, добродушном здоровяке, нет-нет, да и проглянет тот молодой бродяга, бросивший старый, скучный родовой дом и ушедший в большой мир на поиски приключений и новой жизни, а нашедший женщину своей жизни — Джейн Визарди, через много лет превратившуюся в петербургскую жительницу.

Я полз по раздвижной лестнице, и сердце замирало в груди. Внизу был узкий грохочущий провал, а в нем короткий коридор с окошками, вкусно именуемый «суфле». Его накрывала выпуклая железная крыша, состоящая из подвижно скрепленных полос, и сверху напоминающая спину железной гусеницы. Спина эта была в паре метров ниже и едва угадывалась в темноте, и если свалиться на нее, то точно не удержишься.

Генри, перебравшись по лестнице следом, подтянул ее, сложил, передал мне, а я передал маме. Снова поползли.

Впереди виднелся темный обзорный купол вагона-ресторана. Темный — вот так! Добытые мною сведения верны, и хотя ресторан еще работает, купол закрыт. Мы двигались к нему, старательно хватаясь за выступы. Ветер иногда приносил из-за купола ключья дыма, они черными призраками проносились мимо.

Без приключений миновали четвертый вагон, а за ним и третий. Купол закрывал переднюю часть состава. На краю вагона-ресторана Джейн остановилась и громко, чтобы перекрыть вой ветра и грохот колес, сказала:

— Придется двигаться по краю. Видите, между куполом и краем остается небольшое расстояние? Поползем слева.

Мы взяли курс к краю вагона, но мама вдруг остановилась и несильно лягнула меня, чтобы я последовал ее примеру.

Купол, как я понял еще на перроне, был не круглый, а продолговатый. Этаким покатым киль из стекла и железных ребер. Под ним в центре крыши виднелся проем с ведущей вниз лесенкой, а вокруг стояли диванчики. И на одном из них сидел в мечтательной позе юный граф Юрий Федорович Кушелев-Безбородко.

Джейн растерянно оглянулась на нас. Сзади донесся голос Генри:

— Чего это он? О чем мечтает?

— Обо мне, — ответил я.

— Что? — удивились оба.

Я отмахнулся:

— Неважно, что делаем?

Ясно было: стоит графу повернуться, и он увидит нас. Ох, и удивится, наверное!

— Обогнем с другой стороны, — решила Джейн.

Мы попятились, развернувшись, благо прямо за куполом ветер был слабее, поползли в обход, а точнее, в обгиб. Вскоре справа, совсем близко, оказался край вагона. Под ним проносился склон насыпи, озаренный светом из окон ресторана, а дальше была темная земля. Ветер стал сильнее и резче. Когда половина купола осталась позади, Джейн снова лягнула меня. Да что ж такое! Мы замерли, глядя влево. Граф Безбородко зашевелился на диванчике, сменив позу, почти уже повернулся к нам. Сейчас увидит! В этот миг моя правая рука скользнула, и я с придушенным воплем сорвался с вагона.

Рывком натянулись ремни, я повис. Поток воздуха прижал меня к стенке, как котлету лопаткой к сковороде. Руки и ноги сами собой раскинулись, лицо вдавилось

в стекло. Штора за ним была сдвинута, открывая мне отличный вид на вагон-ресторан. Приглушенный свет, наряженные господа и дамы... Официант, ловко удерживая поднос одной рукой, идет между столиками. Прямо за окном сидит знакомый бородатый господин в обществе двух дам — тот, из нашего вагона. А я распластался, выпучив глаза под гоглами, будто лягушку проглотил, и сам весь, как лягушка на столе препаратора, прижатый к стеклу, весь такой плоский-плоский — вишу в полуметре от них и ничего не могу сделать!

Ремни дернулись, потянули вверх. Уловив движение, бородач повернул голову и увидел меня. Медленно на пьяном лице его начало проступать неземное удивление. Он поперхнулся шампанским, поставил бокал и кулаками протер глаза. Тут наверху поднатужились и вздернули меня обратно на крышу.

Сердце истошно колотилось в груди. Бородатый меня заметил! Что делать?! Он поднимет шум! Хотя он пьяный... Вцепившись в выступ вентиляции, я поперхнулся ветром и закашлялся.

Спереди и сзади мама с отцом напряженно смотрели на меня. Покашляв, я пожал плечами и сделал жест: ползем дальше. Все равно ведь сделать ничего нельзя, остается только ждать реакции из вагона.

Уже начав двигаться, я вспомнил о графе и покосился на купол. Кушелев-Безбородко стоял коленями на диване, оттопырив в нашу сторону обтянутый панталонами зад, смотрел вдаль, где, надо полагать, видел нежный лик прекрасной ирландки Абигаил Уолш, проступающий в ночной мгле.

Вскоре купол остался позади. Никто не раскрывал окна ресторана и не пытался выглянуть вверх через край вагона, никто не появлялся в куполе, не лез на крышу. Может, бородатый господин решил, что это пузырьки шампанского разыгрались в его голове, и припавшее к окну в ночи пучеглазое чудище ему привиделось.

Ветер доносил запах дыма. Еще минута — и мы достигли крыши радиовагона. Джейн поманила нас, мы сблизили головы, и она сказала:

— Остался последний этап. Все всё помнят? Генри, ты первый.

Мы перепристегнули ремни так, чтобы отец оказался во главе нашего маленького отряда, и снова поползли. Впереди высилась огромная труба «Самодержца» — будто Темная Башня, куда по бесплодным землям пробирается Чайлд-Роланд. Поэзию в целом я не очень одобряю за общую смутность и нелогичность, но творение поэта по имени Роберт Браунинг запало мне в душу еще в детстве своей мрачной завораживающей красотой.

Дым чернильными кляксами вылетал из трубы. Мы преодолели половину вагона, когда пошел мелкий дождь. Ну вот, только его не хватало! Из-за скорости капли летели параллельно земле. Влага начала расплываться по голам, это мешало, но до края вагона доползли без приключений.

Паровоз был заметно выше вагонов — темный утес, увенчанный башней-трубой. Грохот еще усилился, я почти оглох, даже уши немного заболели. Глухие раскаты пульсировали в них, отдаваясь дрожью в груди.

Генри включил фонарик на плече и соскользнул с края в пространство между вагоном и паровозом. Ремень дважды дернулся — это означало, что он благополучно достиг крыши суфле. Когда я последовал за ним, Джейн присела на краю вагона и крепко уперлась руками. Пошире расставив ноги, я верхом устроился на покатой крыше; Генри был слева — повис на ремне у стены. Идущий к нему ремешок дернулся, едва не стащил меня вниз, но сразу натянулся тот, что шел ко мне от Джейн. Из-за края суфле показалась голова отца, рот открывался и закрывался.

— Не слышу! — я покачал головой, затем подался к нему и сказал громче: — Не слышу тебя!

Генри заполз немного повыше.

— Тут нет окна! В этом суфле нет окон!

Раздался тихий стук — мама спрыгнула позади меня. Села в той же позе, оседлав суфле. Идущий от нее ремень ослаб, я откинулся назад и повторил сообщение отца.

— Это плохо, — сказала она.

Висящий сбоку Генри, судя по выражению лица, считал так же. Я произнес так, чтобы слышали оба:

— Спокойно. Не забывайте, что свой комплект инструментов для Ночного Проникновения с Возможным Применением Акробатики я готовил сам.

Половину слов они, скорее всего, не разобрали. Не дожидаясь ответа, я достал из кармана на лодыжке ножницы по металлу, стащил с них защитный чехол и громко клацнул. Лицо отца преобразилось, а мама чмокнула меня в вязаную шапочку на макушке.

— Алек, ты гений! — донеслось сзади. — Впрочем, неудивительно.

Генри схватился за мою куртку, улегшись животом на краю, сказал:

— Главное, чтобы под нами никто не прошел. Хотя этот риск был и раньше.

— Вы снова говорите очевидное, — проворчал я. — А уже без двадцати два.

Крыша состояла из гнутых полос тонкого металла, которые сдвигались, когда состав проходил по изгибам рельс. Раскромсать ножницами, а после отогнуть край одного сегмента не составило труда. За пять минут я вскрыл его, как консервную банку, прорезав неровный круг, согнул железо и посветил вниз. На полу этого суфле ковровой дорожки не было — чтобы паровозная бригада, все эти кочегары, машинисты и смазчики не пачкали ее своими грязными сапогами.

Отец спустился первым, отстегнулся, вытащил револьвер и шагнул к двери радиовагона. Я спрыгнул за

ним, потом Джейн. Все мы включили фонари. Из-за грохота говорить в коридоре было невозможно, вернее, — говори, пожалуйста, только тебя никто не услышит. Пока я сматывал ремень, Джейн тоже достала револьвер и направила его на дверь, ведущую в паровоз.

Вытянувшись на цыпочках, я загнул обратно металл, чтобы следы проникновения не так бросались в глаза. Генри, подняв гоглы на лоб, с револьвером на изготовку шагнул в радиовагон. Там было темно, из суфле мы увидели, как отец поводил туда-сюда фонариком. Поправил висящий за спиной кофр и сделал приглашающий жест.

Мы вошли следом, Джейн закрыла дверь. Первый этап операции завершился: мы были внутри радиовагона. Начиналось самое главное.

2

Небольшой тамбур был целиком обит темно-вишневой тканью, в свете фонарей казавшейся почти черной. Под ногами она пружинила, как подушка.

Джейн первым делом повернула меня к себе, задрала мои гоглы на лоб, тревожно заглянула в глаза, осмотрела лицо, потом, отступив, окинула взглядом с ног до головы.

— Ты ничего не повредил, когда упал с вагона? Все цело?

В глазах ее было беспокойство. Я ответил:

— Все в порядке, иначе я бы сказал. Все, все, соберись, Джейн!

Она закатила глаза и пробормотала:

— Мое собственное чадо призывает меня собраться!

Генри, вставший у второй двери, за которой начиналась радиорубка, негромко произнес:

— Мне не пришлось работать отмычками, дверь в тамбур была не заперта. Надеюсь, эта тоже.

— Вилл Брутман или кто-то еще может быть внутри, — указал я.

— Если так — свяжем их и кляп в рот, — жестко сказала Джейн. — Но скорее всего они все в паровозе. Это же его первый серьезный рейс.

У меня сильно саднило колено, которым за что-то зацепился, когда падал, но я на это наплевал, болит — и черт с ним. Хоть мы и добрались сюда, впереди самый важный этап операции, и за ним еще третий акт игры: возвращение в наш вагон. А поезд идет на всех парах, и до купола Всемирной Выставки недалеко... Надо действовать планомерно, четко и быстро.

Я так и сказал родителям. Серьезно напомнил обоим, что расслабляться рано, что все еще не позади, все только начинается, а потому — к делу!

Вторая дверь тоже оказалась не заперта. И внутри радиовагона никого не было. На потолке тускло горели лампы, окна скрыты под заслонками; отдельных купе здесь не было, перегородок тоже — мы видели дверь другого тамбура. Справа пол вагона устилал ворсистый ковер без узоров, слева к стенам прикручены столы и лавки. Между ними высились железные шкафы, а в центре стояла большая радиостанция.

Я шагнул к ней. Массивная, угловатая, высотой с меня; от крышки в потолок уходит решетчатая труба со жгутом проводов внутри, сбоку торчит полукруг деревянной столешницы. На ней телеграфный ключ, блокнот и ручка-самописка. Рядом с установкой — выступающая из стены лавка без ножек, с выгнутой спинкой.

Мы выключили фонарики. Подождали, привыкая к слабому свету ламп. Левый угол вагона был отгорожен под гардероб, там висели плащи и черное пальто Вилла Брутмана. На полочке лежали шарф, котелок и два кепи.

Подойдя к радиоустановке, Генри стащил со спины кофр, положил на столешницу. Джейн прикрыла дверь

в тамбур, а я повернулся вправо, разглядывая то, что находилось в углу напротив гардероба.

Там на ковре стоял застеленный брезентом поддон, служивший подставкой для высокого металлического цилиндра. Он был гладкий посередине и ребристый в нижней и верхней частях, на боку его виднелся монтировочный люк, запертый на цифровой замок.

— Что за ерунда? — удивился я, подходя к агрегату. — Зачем тут замок?

— Вероятно, Брутман не хотел, чтобы кто-то заглянул внутрь? — предположил Генри.

— Ну да, вероятно, так. Но шифр у нас есть, не зря же мы банк грабили?

Джейн, помахав затянутой в вишневую кожу памятной книжкой Брутмана, тоже приблизилась к агрегату и стала листать страницы. Еще в купе изучив похищенную из «Царь-Банка» книжку, она теперь выглядела вполне уверенной. Поглядела на замок, сдвинула брови, провела пальцами по наборным кольцам с цифрами, снова перелистнула несколько страниц, сверилась — и стала вводить код.

Со щелчком люк раскрылся. Встав плечом к плечу, мы заглянули внутрь. Ну вот — насос, подумал я. Так и знал. Насос как насос, двухцилиндровый. Хотя, что это за вторая железная дверца в верхней части, причем необычно длинная и узкая? И еще один цифровой замок на ней... Как-то очень странно: устраивать сейф внутри парового насоса.

— Я нашел схемы! — позвал Генри, и мы подошли к нему. Он успел вскрыть самый большой железный шкаф в дальнем углу вагона, вытащить оттуда несколько папок и засаленных тетрадей, разложить их на ближайшем столе. Я спросил:

— Вы знаете, от чего питается радиоустановка?

— От пяти серно-цинковых батарей с последовательным подключением. Этот вопрос я изучил.

Раскрыв одну папку, он ткнул пальцем:

— Вот схема этого агрегата.

— Двухцилиндровый, — прочел я, сощурившись в неярком свете. — Нагнетательный воздушный насос... То есть — тандем, цилиндры высокого и низкого давления... Работает от паровой машины, ну понятно... Правильно, это тот, который стоит в углу. Под верхним цилиндром в нем вроде сейфа, такой длинный железный ящик с замком, и это очень странно. Джейн, сможешь его вскрыть?

— По-моему, вот этот код от него, — сказала она, уставившись в памятную книжку.

— Э, погодите-ка! — я потянул к себе толстую тетрадь, которую отец только что открыл. — Вот же!

— Что? — не поняли они.

— Да вот! — я показал на схему, начертанную в тетради, а потом — на цилиндр в углу.

Они помолчали, и Джейн произнесла многозначительно:

— Алек, хочу тебе напомнить, что мы многое сделали для твоего образования и оплатили учебу в Техническом училище, одном из самых престижных и дорогих учебных заведений России.

— Но, к сожалению или к счастью, сами мы в нем не обучались, — хмыкнул Генри.

Мама заключила:

— К счастью, я уверена — к счастью.

Я пожал плечами:

— Хорошо, тогда слушайте. На поезде стоят воздушные тормоза. С их концепцией вы знакомы? Сжатый воздух идет от насоса, который работает от пара из котла. Из схемы, начертанной в этой тетради, совершенно однозначно вытекает, что тормозная система «Самодержца» работает от насоса-компаунда новейшей разработки германского консорциума «TechnoLux». Вот здесь это написано. Компаунд! — я погрозил родителям

пальцем. — Он лучше, у него штоки на разных осях, а еще такое подвижное коромысло...

— Лучше чего? — перебил Генри.

— Агрегата, что стоит в углу. Потому что агрегат этот — просто двухцилиндровая паровая машина, совмещенная с компрессором, в смысле, тандем-компрессор, у которого поршни в общем штоке... — видя глубокое, сосредоточенное непонимание на их лицах, я заключил: — Ну, короче, это вообще не то! Невозможно паровоздушный насос-компаунд «Самодержца» заменить тандем-компрессором, что стоит в углу. Нет, возможно, но это... это просто глупость какая-то!

— То есть Вилл Брутман в последний момент перед отбытием приказал поставить здесь некий запасной агрегат, который вообще, как бы сказать, и не запасной? И на «Самодержце» не нужен? — внес ясность отец.

— Вот именно. Даже если бы по каким-то совершенно непонятным мне соображениям они бы решили поставить здесь запасную машину — там должен был находиться насос-компаунд. А в углу стоит тандем-компрессор. По-моему, у Брутмана просто в последний момент под рукой не нашлось компаунда. Ну или другого варианта, чтобы скрыть от посторонних взглядов сейф. Монтировать его в один из этих шкафов он побоялся, внутрь могли заглянуть. Все дело в сейфе, понимаете? Компрессор — только прикрытие, камуфляж.

Генри склонился над листом вошеной бумаги, где была схема паровоздушного насоса, а Джейн сказала:

— Ой!

Мы посмотрели на нее. Она ощупывала памятную книжку Брутмана, мяла пальцами вишневую обложку. Я спросил с подозрением:

— Что?

— Там что-то есть. Под обложкой. Она плотная, поэтому я сразу не... Подождите-ка...

Мама взрезала обложку ножиком, запустила под нее пальцы — и вытащила свернутый лист бумаги-восковки. С шелестом развернула. Я выхватил у нее лист, оглядел, чертыхнулся и положил на схему, что была начертана в большой тетради.

Две схемы совпадали. Почти.

— Мне это кажется крайне интересным! — хмыкнул отец. — Поглядите, разве это — типичный элемент для данного агрегата?

На схеме, что обнаружилась под обложкой записной книжки, кроме прочего, было нарисовано нечто, похожее на поганку с тонкой ножкой. Не просто нарисовано, а обведено жирным овалом, от которого кверху отходило несколько зигзагов-молний. Причем если вся схема была создана с помощью чертежных инструментов, то поганка с молниями намалевана поверх нее — от руки, грубо.

Я глянул на агрегат в углу, на схему, и решил, что поганка четко накладывается на сейф под кожухом. То есть непонятная штуковина пряталась под длинной дверцей за монтировочным люком.

— А кстати, — сказала Джейн. — Смотрите, на этой схеме в уголке что-то написано, совсем мелко. Может, код от сейфа внутри насоса? — Она склонилась над схемами. — Не могу понять. Латынь, что ли? В Училище ведь преподают латынь? Алек, прочти.

Настала моя очередь вглядываться. Буквы были очень мелкими.

— Сол... — пробормотал я. — Что же там... А, солярис. Солярис рецептум, гм.

— Что это значит?

— Ну, «солярис» — солнечный или световой. — А «рецептум» на латыни значит «приемник».

— Световой приемник?

Я пожал плечами:

— Получается, так.

— Там еще третье слово.

Я взял у мамы фонарик, осветил на схему и сказал:

— Последнее слово — «детонатиус». Не понимаю. Давайте просто введем этот код, и всё.

Подойдя к насосу, я набрал шифр на крошечном замочке внутреннего сейфа. Дверца раскрылась с тихим скрипом.

Внутри была стеклянная трубка с утолщением сверху, прикрепленная железными скобами к задней стенке кожуха. Она напоминала высокую поганку с прямой ножкой и светилась густым сине-зеленым светом.

— Вот она, эта штука с латинским названием, — объявил я. — Солярис рецептум детонатиус. Эти же слова служат кодом от сейфа.

Лица подошедших ко мне родителей были удивленными и встревоженными. Джейн хмурилась. Генри осторожно постучал по трубке кулаком в перчатке и сказал:

— Не могу понять, что за материал. Похоже на стекло, но...

— Но какое-то неправильное стекло, — заключила мама. — И что там внутри? Свет красивый, только, видите, неравномерный. Изумрудные и бирюзовые волны... почему-то мне эта вещь не нравится. Она внушает тревогу. И напоминает поганку.

Я заметил:

— Она ни с чем не соединена — ни проводов, ни трубок, — тогда в чем ее функция? И еще не могу понять, как ее при необходимости вытащить. Скобы не отвинчиваются, они приварены к кожуху. Их что, перепиливать надо, чтобы достать этот «рецептум»?

Пока они обдумывали мои слова, меня посетила новая мысль, я приподнял брови, оглядел родителей и просил:

— Слушайте, а не выглядим ли мы сейчас, как троица ослов?

— Это почему же? — ошетинилась Джейн.

— Но ведь нам нужно передать Мистеру Икс схему насоса? — я показал на восковку в ее руках. — Могли бы сделать это раньше, нет? Она же, получается, все время была у нас, еще с банка.

— Во-первых, ее нужно было для начала обнаружить под обложкой, — возразил Генри. — Во-вторых, Мистеру Икс необходима не только схема, но и словесное описание того, что мы увидели внутри насоса. Описание этого, гм, гриба.

Покачав головой, я еще раз окинул «гриб» взглядом и вернулся к радиоустановке. И обнаружил, что отец поставил свой кофр на полукруглую столешницу с телеграфным ключом, причем успел раскрыть его.

Содержимое кофра поразило меня еще в купе. Но тогда родитель так толком и не объяснил, что это там внутри; вернее, объяснил, но лишь общий смысл, не вдаваясь в подробности. А мне их ох как не хватало!

Примерно напололам кофр делила горизонтальная металлическая пластина, целиком закрывающая дно. В ней были прорезы и отверстия, из самого большого выступал латунный бок цилиндра вроде тех, что используют в шарманках, усеянного круглыми дырочками. Я был уверен, что если цилиндр начнет вращаться, то из дырочек станут высовываться металлические штырьки. Еще из прорезей в пластине торчали шестерни; виднелись забранные стеклом окошки с цифрами, рукоятки и кнопки. И решетка в одном углу, а в другом — прямоугольная стеклянная рамка. Все вместе это выглядело очень стильно и загадочно.

Оказалось, что прежде чем подойти к насосу вслед за нами с Джейн, Генри успел кое-что сделать, и теперь от кофра к клеммам на боку радиоустановки протянулись два провода.

Я сказал ему:

— В купе ты назвал аппарат транслятором-копировщиком, но ничего толком не объяснил. Как он действует?

Отец вдавил клавишу возле решетки, и одна клемма заискрила. Внутри аппарата заурчало, что-то сдвинулось. Окошки с цифрами озарились светом.

— Не просто транслятор-копировщик, Алек, — важно сказал отец. — Это — радиотранслятор. То есть приемопередатчик. Небольшая радиостанция, совмещенная с копировальной машиной, вот так. Честно скажу, не знаю, как назвать эту вещь, поэтому называю просто: транслятор.

— Фантастика, — сказал я. — И зачем оно нам?

Мама, шелкнув крышкой часов, заметила:

— Уже два часа, времени у нас не так много. Вы заканчивайте работу, а я покараулю.

Передав отцу схему, она пошла к тамбуру, по дороге недоверчиво поглядев на поганку, свечение которой лилось из раскрытой дверцы.

— Насколько я понял из описания, за этим, — отец коснулся стеклянной рамки, под которой горел мягкий желтоватый свет, — скрыто нечто под названием «светочувствительный фотослой». В общем, гляди...

Лист восковки был слишком большим, Генри достал нож и разрезал его пополам. Откинув рамку, вложил в нее половину схемы, закрыл и нажал на кнопку. Зажужжало, желтоватый свет под схемой разгорелся ярче. С тихим хрустом завращался цилиндр, из отверстий, щелкая, стали выступать и вдвигаться обратно штыри.

— Кстати, внутри — электрический генератор переменного тока.

Я покачал головой:

— Не может такого быть.

— Почему же?

— Потому что никакой генератор, тем более переменного тока, там не поместится.

— Ну вот, поместился.

— Тогда для чего ты подключил аппарат к батареям радиоустановки?

— Потому что генератора хватает для работы копировальной части, а для радиопередачи на большое расстояние нужен источник посерьезней.

Я повел плечами, стащив с головы гоглы, сунул в карман. И высказал свое резюме:

— Это — чудо техники. Я не знал, понятия не имел, что в мире существует такое. Оно должно быть очень-очень засекречено. Транслятор передал тебе Мистер Икс?

— Ну да, он. Причем переслал его нам через очень необычного курьера.

— Поторопитесь, — сказала Джейн, стоящая сбоку от приоткрытой двери тамбура с револьвером в руках.

Раздался шелест, и я нагнулся над кофром, заглядывая с другой стороны. В торце была прорезь — как раз напротив латунного барабана, — из которой ползла широкая бумажная лента с дырочками и щелями. Я поглядел на мерно вращающийся барабан, на бумагу. Внутри кофра будто сработала маленькая гильотина, и с тихим клацаньем плотный прямоугольник, испещренный разномастными отверстиями, выпал на подставленную отцом ладонь.

— Это, как мне сообщили, называется перфокартой. На ней закодирована схема, считанная копировальным аппаратом. Вернее, — половина схемы. И сейчас то же самое мы сделаем со второй половиной.

— Фухх... — я осторожно взял перфокарту, оглядел и приказал своему рассудку, застывшему с разинутым ртом, не удивляться, а то он исчерпает запас этого чувства на годы вперед. — Генри, не знаю, понимаешь ли ты, что перед нами технология будущего. Такого... такого просто нет ни у кого. Этого, — я постучал костяшка-

ми пальцев по копирующему радиопередатчику, — не существует. Его нет. Перед нами пустая столешница.

— Уверен?

— Точно! — решительно кивнул я.

— Может, и так, — пожал плечами отец. — Могу лишь повторить: нас этой штуковиной снабдил Мистер Икс. Транслятор доставили сегодня утром, перед тем как мы отправились в банк.

— Да кто же такой этот Мистер Икс? — пробормотал я, вдруг осознавая нечто новое, начиная смотреть на всю ситуацию иначе. И раньше ясно было, что дело опасное, но теперь я подумал о том, что оно еще и крайне серьезное, то есть серьезное, как бы сказать... с мировой точки зрения: в нем задействованы некие силы, мне абсолютно неизвестные. Странные силы, темные силы, зловещие силы.

— В чем распоряжении на планете, — произнес я медленно, — могут быть подобные технологии?

Генри заряжал в транслятор вторую половину схемы, и ответила стоящая у тамбура Джейн:

— Мы говорили тебе, что не знаем настоящего имени Мистера Икс.

— Но вы знаете того, кто попросил вас выполнить работу для него, — и не говорите мне.

— Ты все узнаешь после дела, — заверил отец и для убедительности повторил: — Все.

— Хорошо, нам действительно пора спешить, — сдался я. — Теперь мы имеем эту схему в закодированном виде. Кто знает код — или у кого есть механический дешифратор с самописцем — сможет снять код с перфокарт и получить такую же схему, то есть ее полную копию. Дальше что?

— Мы передадим содержимое через радиопередатчик. Я покачал головой:

— Хочу указать на тот факт, что посредством радиоволн посылаются сообщения, закодированные азбукой

небезызвестного Сэмюеля Морзе и, главным образом, его незаслуженно гораздо менее известного соратника Альфреда Вейля, который на самом деле и создал знаменитую азбуку, чье авторство Морзе себе бессовестно присвоил. Я понятно выражаюсь? Наверное, точки и тире из азбуки будут соответствовать дырке или щели определенной длины на этой перфокарте?

Генри вместо ответа достал портмоне, вытащил лист бумаги, развернул и показал мне:

— Это код для расшифровки содержимого перфокарты, который пришел вместе с транслятором. Хотя я захватил его лишь на всякий случай. Транслятор сам передаст содержимое перфокарт, надо лишь зарядить их туда. Давай-ка приступим, Алек.

— На каких волнах он передает? — уточнил я, когда отец склонился над аппаратом.

Он вдавил клавишу — с жужжанием раскрылись заслонки, из кофра вверх начал выдвигаться, расширяясь, телескопический решетчатый конус. Достигнув метровой длины, дернулся и замер. Он немного напоминал трубу граммофона, но смотрел точно вверх.

— Да-да, это антенна, — сказал я. — Больше ты меня ничем не удивишь. Ответь на мой вопрос...

— В инструкции сказано, что радиопередатчик работает в СКВ-диапазоне.

Отец сел на прикрученную к стене лавку и вставил первую перфокарту в приемник транслятора.

— В каком, в каком диапазоне? — подозрительно уточнил я. — Что за СКВ?

— Совсем Короткие Волны.

— Чего?! Вообще-то, они называются... Ох, ладно, неважно! *Совсемкороткие*, хорошо, хорошо! Наверное, у вашего Мистера Икс собственная терминология. У меня другой вопрос: антенна направлена вверх — зачем? Куда она передает... — внезапная догадка осенила меня, и

я усталился в потолок вагона. — Там что, дирижабль? Силы небесные, ваш заказчик сейчас над нами!

Генри тоже поглядел вверх, как и Джейн у двери.

— Полагаешь? Гм, вообще-то неожиданная идея... Ты уверен?

— Ну и ночка, — я потер лоб. — Как бы объяснить?.. Связь на, гм, *совсемкоротких* волнах осуществима, только если приемник и передатчик находятся в пределах видимости друг друга, то есть когда антенна приемника как бы смотрит на антенну передатчика. Не должно быть преград: гор, выпуклости планеты... — я помедлил и уточнил: — Хочу прояснить чисто для себя, вы же в курсе, что Земля — шар? А? — я обвел их взглядом. — Она круглая, да? Никаких слонов, никаких дисков...

— Не смешно, Алек, — сказала Джейн. — Мы знаем, что Земля круглая.

— Действительно, — пробормотал Генри задумчиво. — Нет, точно, знаем.

— Так вот, если станция связи на корабле работает на *совсемкоротких* волнах, то сигналы фокусируются особой антенной, ну вроде этой, которая направляет их в нужную сторону. К берегу то есть. А у нас куда они фокусируются? В небо. Отсюда вывод: над нами летит дирижабль с приемником, и он... Так, я вижу, что вы не можете квалифицированно поддержать эту беседу, и замолкаю, дабы не вызывать семейных разногласий в ночь своего рождения.

— Верное решение, Алек, — одобрила мама. Отец, уже махнувший рукой на мои разглагольствования, крутил настройки транслятора, двигал рычажки и нажимал на кнопки.

Аппарат загудел. Вставленная в приемник перфокарта поползла внутрь кофра, который начал тарыхтеть и пищать. Я узнал бессмысленный шум мирового эфира — атмосферные помехи, окружающие нас, но неслышные для человеческого уха. Раздались пiski, короткие и

длинные, когда аппарат начал передачу, считывая сведения с перфокарты, которую сам же и закодировал. Генри отправил в приемник вторую, а мне пришло на ум, что, наверное, можно было обойтись вообще без перфокарт, транслятор мог бы снять информацию со схемы, зашифровать при помощи латунного барабана и тут же передать в эфир...

Ритмичный писк смолк. А потом произошло невероятное. Сквозь шипение, хрип, шелчки и треск из решетки динамика донесся голос:

— Здесь Мессия. Передача принята. Прошу дополнить словесным описанием.

Это было так неожиданно, словно пол вагона провалился подо мной. Мое воображение взвизгнуло и перепуганно затихло, а разум уселся на зад, выпучив глаза и разинув рот. Голос?! В эфире?! Не азбука Морзе — живой человеческий голос!

У меня даже подогнулись ноги, я попятился и привалился к стене. Генри оглянулся на меня, и я хрипло прошептал:

— Он передает и принимает голос! Но... но ведь... Ведь можно посылать только сигналы азбуки Морзе! Радиоустановки не передают голоса! Хотя... — моя мысль уже работала вовсю. — Хотя можно использовать колебательный контур. Он будет модулировать акустический сигнал, а на той стороне приемник преобразовывает его обратно в звук. Здесь что, стоит такой? Мы можем не только слышать, но и отвечать?

— Ага, — довольно осклабился отец, не очень понявший причину моего изумления. — Мы слышим его, а он нас.

Снова заискрила клемма. Генри подкрутил рукоять, транслятор зашипел громче, из него донеслось:

— Мессия слушает. Двухзубец, передавайте.

Говорили на английском. Голос отдавал странным металлическим призвоном и был не очень разборчив, а

интонации его казались необычными и какими-то чуждыми, что ли.

— Значит, Мессия, — тихо повторил я.

— Мессия, это Двужубец, — громко произнес отец тоже на английском. — Двужубец. Как слышно?

После паузы невидимый собеседник откликнулся:

— В пределах нормы, с учетом всех обстоятельств и производных.

Производных? Я попытался понять, что он имеет в виду. Вскоре стало ясно, что Мессия зачастую использует не совсем верные слова... то есть внешне — правильные, но ускользающе-неточные, словно он либо не вполне владел английским языком, либо отличался необычной, экстравагантной работой ума.

— Мы готовы... — начал отец, но я, нагнувшись к транслятору, перебил:

— Мессия, где вы находитесь?

— Кто произнес это? — донеслось из аппарата.

Чудно он все-таки звучал. Будто с нами разговаривал Механический Человек — диковинка, которую на Всемирной Выставке должна была представить французская «Дюкрете».

— Приглашенный помощник, — пояснил Генри и локтем ткнул меня, чтоб помалкивал, но я не собирался отступать:

— Вы над нами, Мессия?

— Это не так.

— А как тогда? — удивился я. — Антенна передатчика направлена вверх.

— В средних слоях атмосферы над участком Москва — Санкт-Петербург висит трансляционный зонд.

— Зо... — я запнулся, снова пытаясь понять, о чем это он. — То есть там... дирижабль? Змейковый воздушный шар с радиостанцией?

— Я называю его «летательный дрон», — откликнулись из транслятора. — Он управляется дистанционно и...

— Дистанционно? — перебил я. — Такое невозможно.

— Есть многое в большом пространстве, чего вы пока не знаете, приглашенный помощник. На дроне установлена переизлучающая станция, работающая на длительных волнах.

— Длительных? Ага, значит, есть совсем короткие, а есть длительные? О'кей, понял, но где же находитесь вы?

— Мессия расположен в другой среде.

— В другой среде? Что, во имя Ньютона, это значит?!

— Готов принять сообщение, — произнес Мистер Икс, проигнорировав последний вопрос. — Попрошу словесное описание осмотренной машины.

Генри оглянулся на меня, пожал плечами, словно говоря: ты и так влез и болтаешь без умолку, вот и давай, описывай. Я откашлялся, чтобы собраться с мыслями, и заговорил:

— Первое: это тандем-компрессор, а на «Самодержце», судя по документации, стоит насос-компаунд. Второе: внутри компрессора обнаружен неизвестный элемент в виде стеклянной трубки с утолщением. Светящейся, в смысле... фосфоресцирующей.

— Цветовой оттенок? — голос прозвучал громче и напряженнее.

— Оттенок изумрудный и...

— Бирюзовый, — подсказал Джейн от двери.

— ...и бирюзовый. А это важно? Еще на схеме есть надпись латынью: солярис рецептум детонатиус.

Собеседник надолго замолчал, только помехи были слышны, и я решил, что парящий где-то в ночном небе невероятный «дистанционно управляемый летательный дрон» потерял связь с нами, но тут Мистер Икс произнес:

— Дождитесь ответного сообщения. Возможно, понадобятся дальнейшие действия.

Джейн резко повернулась к нам. Ссутулившийся Генри распрямился на лавке:

— Но предполагалось, что после осмотра и сеанса связи мы сразу вернемся в свое купе.

— Сеанс не закончен. Важно дождаться ответа, не покидая место теперешнего нахождения. Крайне важно, Двузубец.

— Трезубец, — поправил я машинально. — Нас же трое.

Голос смолк, остались лишь помехи. В конце вагона негромко стукнуло. Я посмотрел туда: Джейн, приоткрыв монтировочный люк, уставилась на светящуюся поганку.

Протянув руку над плечом Генри и немного прикрутив ручку громкости, чтобы шипение помех стало тише, я сказал:

— Могу еще поверить в радиоуправляемый воздушный шар, этот «дрон», висящий над нами. Не думал, что такое существует... ладно, поверил. Но что он подразумевал под «другой средой»? Какая другая среда, где он находится, этот ваш Мессия? Мистер Икс?

Генри, хлопнув ладонью по столу, выпрямился:

— Так или иначе, мыждемся ответа, а после вернемся в наше купе. Время еще есть.

— Идут! — шикнула мама, бросаясь к нам. — Сюда идут!

Мы с отцом переглянулись. Я рванул провода из клемм, а он захлопнул кофр и сунул за радиоустановку, к стене. Джейн, отправив пистолет в кобуру, на полпути к нам подскочила — и оказалась под потолком. Он был покато выгнут, вдоль него шли тонкие рельсы, а в дальнем конце вагона был подъемный блок на колесиках, который я раньше не заметил, потому что тот прятался в густой тени. Наверное, с его помощью в вагон ставили громоздкую часть оборудования и железные шкафы.

— В гардероб! — отец, схватив меня за рукав, рванул туда.

Мама повисла у потолка лицом книзу, упираясь в рельсы руками и ногами. Из тамбура донеслись голоса. Мы заскочили внутрь гардеробной, я нырнул за черное пальто и замер рядом с Генри.

Первым из тамбура шагнул Вилл Брутман, следом в вагон вступил человек-лоза. Они прошли так близко, что, вытянув руку, я бы мог дотронуться до них. На этот раз человека-лозу я сумел разглядеть отчетливо: лет тридцать шесть — тридцать восемь, красив, но как-то неприятно красив. Крупный нос с горбинкой, высокий лоб, густые темные волосы, черные глаза. Похож на балканца, решил я. Серб или хорват.

Инженер неожиданно остановился, и спутник едва не налетел на него. Я не видел этого, но понял: Брутман смотрит на клеммы радиоустановки. Все пропало! Сейчас он поймет: что-то не так. Но в этот момент человек-лоза произнес красивым баритоном:

— А я говорю вам: от паренька необходимо избавиться.

Брутман развернулся на каблуках:

— Мистер Чосер, я не позволю ни вам, ни этому вашему монстру убивать невинных людей!

Человек-лоза отступил на шаг, будто под напором уверенного голоса инженера, согнув спину, кротко поклонился... А потом случилось нечто странное. Будто судорога прошла по его телу, и в своем укрытии я вцепился в пальто, увидев стремительную перемену, произошедшую с ним. Генри рядом со мной переступил с ноги на ногу и тихо вздохнул.

Лицо мистера Чосера преобразилось. Оно стало властным, уверенным, спина распрямилась, плечи расправились — будто одного человека мгновенно сменил другой, и только теперь я понял, что предыдущая личина была лишь маской, игрой, лицедейством.

— А вам и не надо ничего позволять нам, Брутман. уверяю вас, уже давно мы с Карибом сами позволяем и не позволяем себе все, что пожелаем.

Голос тоже поменялся — из тягучего и сладкого, будто мед, стал резким, холодным, повелительным.

— Говорю вам: вы не тронете этого механика! — напирал Брутман.

Миг — и Чосер изменился опять, хотя теперь это не столь поразило меня. Из властного хозяина он стал тем, кого принято называть «свойским парнем», и при этом опять-таки преобразилось все: и тело, и лицо, и манера держаться. Смена происходила хотя и очень быстро, но не в мгновение ока. По лицу, по всей фигуре сбегала волна, будто судорога скатывалась от головы к ногам, стирая старую личину и обнажая новый слой. Или очередной образ, запечатленный в памяти актера.

Этот новый мистер Чосер подхватил Вилла Брутмана под локоть и неторопливо, словно гуляя по парку, повлек по вагону прочь от нас, прямо под застывшей в напряженной позе Джейн. При этом он дружески говорил:

— Вы же помните, дорогой Вилл, помните, что я сказал вам: юный помощник механика что-то заподозрил. Он недоверчиво смотрел на нас, и я опасаюсь, как бы...

— И это — повод для убийства человека? Не надо было вашему Карибу отрывать рукоять от заслонки! Вы двое слишком не похожи на машинистов.

— Дело слишком крупное, чтобы мы могли позволить какой-нибудь случайности все испортить. Наш любезный друг Кариб просто невероятно силен и не всегда способен совладать со своей мощью. При этом он, хотя иногда и бывает небрежен, однако же — на удивление точен и ловок во всем, что касалось оружия. А уж как орудует навахой! Это просто загляденье. Удивительное и поучительное зрелище.

Голос становился тише — они прошли к концу вагона, там мистер Чосер развернулся и повел инженера обратно, продолжая увещевать:

— Вы, без сомнения, будете приятно удивлены, когда увидите, как он орудует навахой. Обычной хорошо заточенной навахой, казалось бы, что в ней такого, просто грубый режущий инструмент, но в руках Кариба он становится... ах, становится палочкой в руках искусного дирижера! Если бы вы только видели, каким быстрым, неуловимым движением наш друг Кариб взрезает человеческое горло, надвое раскраивая кадык, как ловко подхватывает тело и бесшумно оттаскивает в ближайший темный угол даже прежде, чем оно перестанет биться в смертных судорогах...

Генри снова переступил с ноги на ногу, а я сглотнул и крепче вцепился в пальто. Человек-лоза с сильно побледневшим инженером прошли под неподвижно висящей Джейн. Отсюда я не видел выражения ее лица, зато хорошо видел лицо Брутмана: оно поблескивало испариной, а в глазах стоял страх.

В это время господин с балканской внешностью изменился в третий раз. Теперь он был деловит, спокоен и собран, как летчик-испытатель перед стартом экспериментального аэроплана. Меня очень беспокоило, что я никак не могу выявить главные черты мистера Чосера, создать в голове его образ. Он был слишком изменчив и текуч, чтобы с ходу раскусить его, — словно под масками, которые балканец с такой легкостью надевал и сбрасывал, никто вообще не прятался... но разве такое возможно?

— И еще я хотел бы, чтобы сейчас прозвучало одно слово, — мистер Чосер подвел Брутмана обратно к двери тамбура. — Одно негромкое, веское слово. Всего одно слово: яма.

Негромкое веское слово это окончательно dokonало инженера. Если раньше он еще держался, то теперь

будто сломался в позвоночнике прямо у нас на глазах, как хилое деревце на ураганном ветру.

— Делайте, что хотите, — пробормотал он слабым голосом. — Но только его же хватятся.

— Прекрасно! Прекрасно! — безумный, огненный всплеск веселья в голосе человека-лозы заставил меня вздрогнуть. — А что касается «хватятся» — так не думаю, дорогой мой. До прибытия осталось всего ничего, и наш капитан состава слишком занят. Вдруг юный машинист просто заснул где-то в вагонах? Его исчезновение не сделает проблемы — не так-то много времени нам всем осталось.

Последние слова прозвучали на редкость зловеще. Собеседники исчезли в тамбуре, голоса их смолкли, стукнула дверь, ведущая в суфле. Мы с Генри еще немного подождали. Я даже не отдавал себе отчета в том, что всем телом навалился на пальто, крепко цепляясь за него, — понял это, только когда вешалка, на которой оно висело, треснула и сломалась. С придушенным вскриком я вылетел из гардеробной и повалился бы на пол, если бы Генри не успел обхватить меня за пояс.

— Спасибо, — промямлил я, прижимая к груди злополучное пальто.

Джейн «сложилась», мягко спрыгнула на ковер и сразу выпрямилась. В руках у нее появился револьвер. Она бросилась к двери, выглянула, шагнула в тамбур, затем вернулась и сказала:

— Ушли.

— И нам нужно уходить. — Я положил пальто на лавку возле радиоустановки, вытащил из-за нее транслятор и поставил на столешницу, едва не скинув телеграфный ключ. — Давайте побыстрее выслушаем, что еще скажет Мистер Икс, и сразу назад.

Пока я подключал провода, Генри раскрыл кофр и с тревогой оглядел аппарат — все ли цело. Когда я закончил разбираться с клеммами, он принялся крутить

рукояти настройки. Вскоре сквозь шипение и писк мы услышали, как знакомый голос с металлическим призывом монотонно, упрямо повторяет:

— Трезубец, ответьте. Трезубец, ответьте. Ответьте, Трезубец...

— Это Трезубец. — Генри, откашлявшись, повторил громче: — Трезубец на связи.

Мистер Икс — то есть Мессия — замолчал. Пауза продлилась долго, но наконец он заговорил опять:

— Трезубец, я провел анализ ситуации и пришел к однозначному выводу. Приближается катастрофа небывалого масштаба. Ее последствия необратимы и чудовищны. Итогом станет потрясение основ мира и коренная смена существующей реальности. Сейчас только вы в силах предотвратить ее крах.

Глава 5

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕОБРАТИМЫ

1.

Стучали колеса. «Самодержец» несясь сквозь ночь, быстро приближаясь к конечной цели. Я сказал:

— Поясните, Мессия. Про какого рода катастрофу вы говорите?

Наступила долгая мучительная пауза. Мы замерли возле радиустановки: Генри — сидя на лавке радиста, я — стоя за его спиной. Джейн, не выдержав, подошла к нам, положила руку мне на плечо.

— Состав будет уничтожен, — заговорил Мистер Икс. — Но это лишь начало каскада событий. Дальнейшее прогнозируется с трудом, в данный момент необходимо сосредоточиться на том, что может стать первым камнем в лавине, которая, вероятно, погребет под собой мир.

— Не понимаю, — сказала мама. — Это значит, что где-то здесь спрятана взрывчатка?

Вместо ответа Мистер Икс сам задал вопрос:

— Имеется ли возможность извлечь из вагона сменный паровоздушный компрессор и выбросить его из поезда?

— Вы с ума сошли, нет такой возможности! — возмутился я. — Да и с какой стати мы должны...

Рука Джейн сильнее сжалась на моем плече, но я не собирался идти на попятную:

— Мессия, слушайте внимательно. Мы не станем ничего делать, пока не получим объяснений.

— Сейчас я способен дать лишь самый минимум.

— Хотя бы минимум! Это связано с той стеклянной поганкой... с солярным приемником? «Рецептум» на латыни означает «приемник».

— Не стеклянным — кристаллическим. Описанный элемент является световым детонатором.

Родители поглядели на меня, я покачал головой, давая понять, что впервые слышу о таком, и повторил:

— Световой детонатор? Таких устройств нет. Подобных технологий не существует на планете!

— В пространстве существует многое, скрытое от глаз большинства, — возразил невидимый собеседник. — Приемник-детонатор предназначен для концентрации особого рода энергии, переданной дистанционно.

— В конце концов, мы можем просто разбить его, — сказала мама.

— Это смертельно. Внутри детонатора заключено вещество в четвертом состоянии. При его высвобождении термальный удар выжжет...

— Что еще за четвертое состояние?! — едва не выкрикнул я, но взял себя в руки и повторил тише: — Вещество может быть жидким, твердым или газообразным. Нет никакого четвертого состояния вещества... Хотя, прошу прощения, ведь Уильям Крукс действительно открыл...

— Плазму, — заключил собеседник. — И при резонансе особого рода под воздействием модулированного излучения, которое может быть передано через атмосферу путем локального возмущения поля... Послушайте, Трезубец. Вы находитесь там. Я — здесь. При всей масштабности катастрофа не затронет меня.

— Это намек на то, что нас она затронет, и поэтому мы должны что-то предпринять? — уточнил отец.

Помехи усилились, голос Мистера Икс стал неразборчивее:

— Трезубец, я предлагаю крайне внимательно выслушать мои последующие слова. В большом пространстве обитают квинтиллионы живых существ. Гибель нескольких сотен или тысяч не является сколько бы то ни было заметной потерей для Мирини.

— Мирини? — переспросил я, но он уже говорил дальше.

— Однако сейчас среди этих сотен или тысяч — вы трое. Готовы ли вы покинуть данную область Сплетения, чтобы не попасть в число жертв, и забыть о том, что эти люди погибли из-за вашего бездействия? Если да — прерываем связь. Если нет... Решайте.

Последние слова были почти заглушены помехами.

— А что такое Сплетение?.. — начал я, но Генри перебил меня.

— Что нужно делать? — Он решительно поднялся. — Будут дополнительные инструкции?

— Предотвратить катастрофу невозможно, но есть простой способ ослабить ее последствия. Необходимо извлечь световой детонатор и бросить на дно крупного водоема в ненаселенной... — голос начал стихать, в аппарате громко затрещало, потом донеслись резкие, скрежещущие звуки.

— Гроза, — сказал я. — Скорее всего, где-то неподалеку идет гроза. Мессия! Эй! Нет, связь прервалась... Слушайте, я вот что подумал: уничтожить хотят не поезд. То есть и его тоже, но... Короче говоря, если все это правда — уничтожить собираются Всемирную Выставку.

— Мессия, ответьте! Мессия! — несколько раз повторил Генри, вращая рукоять настройки, но голос с металлическим призвоном смолк окончательно.

— Алек, ты лучше его рассмотрел, мы можем вытащить этот детонатор? — спросила Джейн. — Он в же-

лезных скобах, их надо спиливать, да? Не представляю, как мы...

— Почти половина третьего ночи, — перебил отец. — Поезд прибует на Выставку через полтора часа. Действуем.

Но действовать мы не начали — потому что, как выяснилось, в это же самое время неподалеку от нас действовал кое-кто другой.

Из тамбура донесся придушенный вскрик, звук удара, и в распахнувшуюся дверь ввалились двое. Первого я знал, это был человек-кулак, а второго видел впервые. Юнец в сбившейся на затылок кепке семенил, сильно нагнувшись вперед, руки были вывернуты за спину, по разбитому лицу текла кровь. Он сипел и вращал глазами, разевая рот, казавшийся зияющей красной раной.

Мы находились далеко от двери, к тому же освещение в радиовагоне было скудным — тот, кого мистер Чосер называл Карибом, не заметил нас. Оказавшись внутри, он повернулся, и голова младшего машиниста со стуком ударилась о железный ставень окна. Рука Кариба поднялась и опустилась, кулак врезал несчастному по затылку.

Стоя боком к нам, Кариб откинул задвижку и сдвинул ставень. Потом надавил на оконную раму. В тот миг, когда она опустилась, я еще не понимал, что он собирается сделать, и родители мои тоже не понимали... А потом стало поздно.

Грохот колес и холодный воздух ворвались в вагон. Помощник машиниста оказался стоящим на коленях, Кариб развернул его к себе, одной рукой удерживая за волосы. Юноша страшно захрипел, когда в тусклом свете блеснул клинок навахи, возникшей в руке Кариба, как по волшебству. В последний миг машинист заметил нас, на искаженном лице мелькнула безумная надежда на спасение, но кривой клинок стремительно нырнул к горлу несчастного.

Все так же мгновенно, словно по волшебству, ужасное оружие исчезло, а убийца вздернул свою жертву на ноги, повалил спиной на край опущенной рамы и нагнулся, заглядывая в лицо. Пальцы машиниста скребли по плечам Кариба, ноги дергались. Несколько секунд убийца вглядывался в его глаза, а после вышвырнул тело в ночь.

Рама поднялась. Лязгнул ставень. Кариб оглядел пол под ногами, проверяя, не осталось ли там крови. Потом голова его дернулась, он замер на миг и повернулся к нам.

К моему удивлению, первым делом Кариб потянул за толстую часовую цепочку, дугой свисающую под растегнутой тужуркой. После этого он устремился через вагон, и тогда Джейн выстрелила в него.

Она попала Карибу в грудь. Клянусь, я видел, как прорвалась рубаша под тужуркой, но крови не было, убийца лишь пошатнулся — и это все! В чехах на его ремне висели огромные пистолеты; один взлетел, блеснув парой толстых стволов. Это не пистолеты — ружья с обрезанными стволами и прикладами, понял я. Тусклая вспышка блеснула в сумраке вагона. Звук был громкий и резкий, оружие рывкнуло, как рассерженный бульдог. Стоящий рядом Генри пошатнулся.

Мама выстрелила еще раз. Кариб на ходу прицелился ей в лицо.

Я стоял в стороне, у стены, и когда убийца оказался передо мной, набросил на него принесенное из гардероба пальто, а после схватил со столешницы желтый кофр и врезал Карибу по голове.

Крышка транслятора отлетела, когда он упал на пол. Внутри громко звякнуло, словно разбилось сразу несколько стеклянных баллонов. По ковру поползло темное пятно.

Человек-кулак рухнул на колени. Мама выстрелила в него сквозь пальто и ударом ноги опрокинула на спину.

— Уходим, уходим! — отчаянно закричал я. — Сюда сбегутся на выстрелы! Отступаем по вагонам!

— Джейн! — окликнул Генри. Сильно побледневший, он прижал ладонь к плечу, по которому струилась кровь.

Под черным пальто глухо рывкнуло, и пуля из обреза, порвав ткань, пронеслась между нами. Со звоном лопнула лампа под потолком, стало темнее. Мы подхватили привалившегося к стене Генри, потащили к дальней двери, закрытой на простой замок, с которым я справился в два счета.

Потом была наполненная грохотом железная труба суфле и темный, пустой вагон-ресторан, посреди которого высилась винтовая лестница, ведущая в обзорный купол. За ним еще один вагон — обычный, пассажирский, тускло освещенный коридор, закрытые купе... Джейн спешила впереди, спрятав револьвер под куртку, то и дело оглядываясь на Генри, старавшегося держаться ровно и не спотыкаться. Я замыкал.

Нам повезло. В вагонах, которые мы миновали по дороге к своему купе, никто не встретился, лишь однажды выглянул молодой кондуктор, проводил нас сонным взглядом и ничего не сказал. Наряд наш при тусклом освещении, которое давали включенные в треть силы светильники, не очень отличался от того, что носили машинисты. К тому же шерстяная шапочка удачно скрывала мамины кудри.

Пока мы шли, я слышал, как Джейн несколько раз повторила:

— Я попала. Я попала в него несколько раз. Я попала, а он двигался!

2

СБО — это Сундучок Безотложной Помощи, и он у нас всегда с собой. Небольшой, с множеством отделений и обитыми войлоком стенками.

Я достал его из чемодана, поставил на диван рядом с Генри и раскрыл. Внутри были ячейки с лекарства-

ми и бинтами, в чехлах лежали шприцы и стетоскоп, в отдельном кармане — железные мисочки, скальпели, пинцеты и другие инструменты.

— Осторожно! — мама, склонившись над полулежащим отцом, потянула за рукав, чтобы снять с него куртку. — Генри, не шевелись.

— Давайте помогу, — я сунулся к ним, увидел залитую кровью руку, падающие с кончиков пальцев на пол красные капли и сглотнул.

— Алек, отвернись! — приказала мама.

— Я помогу.

— Ты ничем не поможешь, если... не надо, не смотри.

Пришлось отворачиваться. Есть у меня такая слабость, над которой мне еще долго предстоит работать, чтобы преодолеть ее: я боюсь крови. Нет, не боюсь в прямом смысле, просто при виде нее мне становится дурно. А после, как приду в себя, — стыдно.

Я встал у второго дивана, стащил с головы и бросил на него вязаную шапочку, гоглы. Сзади раздавались шелест и голоса:

— Осторожнее... Вот так... Нужно быстрее остановить кровь...

— Видишь, какой цвет — это венозная, артерия не задета.

— Я наложу давящую повязку ниже раны.

— Джейн, лучше пока не доставать пулю. Она засела в мясе, это не так опасно.

— Нет, пулю следует достать. И нам нужен врач.

— Но пока его негде взять, поэтому не будем об этом. Ты почистила... Ай!

— Извини. Готово.

— Ты все же вытащила пулю! Я же просил... — голос отца стал слабее, тише.

— Генри, ее нельзя было там оставлять.

Звякнуло — пуля упала в железную миску.

— Какая большая... — пробормотал он невнятно.

Я снял куртку, подкрутил рожок лампы, чтоб светила ярче, а после сказал себе: не трусь. Ты либо мужчина, только что пробиравшийся по вагонам мчащего на полных парах поезда, либо нежная дева Абигаил Уолш в голубом платье с цветочками. Ты не хочешь быть нежной девой? Тогда будь женщиной!

С этой мыслью я решительно повернулся. На самом деле, увы, не очень-то решительно, но все же повернулся, а это главное. Родители расстелили куртки — одну на диване, вторую на полу, и обе были в крови. Встав рядом с Джейн, я спросил:

— Как помочь?

— А ты сможешь? — засомневалась она.

— Просто скажи, что делать.

— Тогда поддержи здесь, пока отрежу бинт.

Я осторожно прижал красный тампон к руке полулежащего на диване отца. В лице его не было ни кровинки, он напряженно смотрел перед собой и старался не потерять сознание. Потом пробормотал:

— Надо все же выпить шампанского.

— Это плохо для крови, — возразил я. — То есть плохо влияет на ее сворачиваемость.

— Иногда ты педантичен до занудства, Алек.

— Это не педантизм — это просто знание!

Генри, прикусив губу, сел. Убрал мою руку и сам прижал к ране тампон. Пуля лежала в луже крови на дне железной миски — большой продолговатый комок металла, и у меня перед глазами поплыло, когда я кинул на нее взгляд. Ладонью я уперся в стену, прикрыл глаза, монотонно повторяя: «Я сильный... я сильный... я сильный...», не слышал своего голоса сквозь звон в ушах. Отец что-то говорил, мама отвечала. Я медленно, глубоко вдыхал, выпуская воздух через ноздри. Набрав полную грудь, с усилием сглотнул — в голове лопнул пузырь звящего беззвучия, голоса родителей стали отчетливей, дурнота разом прошла, все было чистым и

ясным, мысли забегали — четкие, правильные. Я сжал кулаки. Заткнись, воображение! Работай, разум!

Джейн накладывала повязку, с тревогой поглядывая то на меня, то на Генри. Полусидя, он привалился к стене, вытянул ноги и сказал:

— Надо вернуться в радиовагон.

— Нет, — отрезала она.

— Но, Джейн...

— Погодите, — сказал я. — Не суетитесь. Сначала оценим ситуацию, и тогда решим, что делать. Исходим из того, что это будет взрыв.

— Почему? — спросила мама.

— А что еще?

Генри тихо застонал сквозь зубы, и Джейн нагнулась к нему:

— Что, что?!

— Ничего, нормально.

— Что нормально? В этом нет ничего нормального!

— Просто ты немного придавила, но теперь все хорошо.

— Это, — она ткнула ногой в лежащую на полу куртку, обильно запятнанную кровью, — не хорошо!

— Нам всем нужно успокоиться, — сказал я.

Мама глубоко вдохнула, завязала узел на повязке и выпрямилась.

— Хорошо, я закончила. Простите, кажется, я веду себя хуже всех. Просто очень испугалась за Генри, потому что когда-то видела, как человек после ранения в плечо истек кровью за две минуты. Говори, Алек, но поторопись.

— Буду думать и говорить быстро, — заверил я, присев на стоящий между диванами столик. — Поскольку нужна базовая посылка, то будем исходить из того, что Мистер Икс не обманывает: приближается катастрофа. Под катастрофой он...

— Надо попробовать снова связаться с ним, — заговорил отец. — Хотя без батареек радиоустановки... Пойдите, а где транслятор?

— Остался в радиовагоне.

— Как вы могли бросить его?!

— Генри, транслятором Алек ударил того человека по голове и, вероятно, спас нам жизнь, — указала мама.

— Но ведь Мистер Икс говорил, что он существует в единственном экземпляре! — простонал отец. — Ну, хорошо, Алек, продолжай.

— Продолжаю. Итак, по моему мнению, под катастрофой Мистер Икс подразумевал уничтожение поезда — и, вероятно, купола Всемирной Выставки. В операции участвует британский инженер Вилл Брутман и двое его слуг, которые выглядят, во-первых, как иностранцы — в смысле, по-моему, они не британцы, — а во-вторых, одного из них называют Карибом. Карибские острова, Карибское море...

— Он из Америки? — предположила Джейн.

— Из Мексики или какой-то другой страны того региона, судя по внешности и прозвищу. Наконец, в-третьих: у меня из подслушанного разговора сложилось четкое впечатление, что Брутмана принуждают. Там прозвучало слово «яма», причем с такими интонациями... Так или иначе, я заключаю: мы имеем дело, возможно, с террористическим актом, но это не работа Британии против России. Тут что-то более сложное и коварное. И, конечно же, эти люди — никакие не анархисты и не русские народники. Но, кроме нас, про это никто не знает, и когда будет взрыв... Наверное, в нем обвинят Брутмана. Британский агент устроил катастрофу, вот так.

— И все же — почему ты уверен, что будет взрыв? — спросил отец.

— А какие еще ты знаешь способы, ну или причины масштабных разрушений?

— Наводнение. Землетрясение. Э... ну, пожалуй, речь идет именно о взрыве. Да и слово «световой детонатор» как бы намекает... Говоришь, террор?

— Это от латинского «тегго» — ужас, — пояснил я. — Слово использовали еще якобинцы. Теперь главный вопрос: когда произойдет взрыв?

— Когда «Самодержец» въедет под купол, — мама встала. — Нам надо бежать отсюда, немедленно. Сказать кондуктору... Нет, он не поверит. Значит, покинуть вагон на ходу. Выпрыгнуть. Но твоя рука, — она повернулась к Генри. — Такой прыжок ты не выдержишь. Тогда... тогда поезд нужно остановить.

— Как? — спросил я. — Кстати, уже могла подняться тревога.

— Ты же слышишь: в коридоре тихо. Никто не бежит по вагонам, не шумит...

Обдумав это, я кивнул:

— Если Брутман с сообщниками действует скрытно, то что они могут сказать остальным? «Мы тут хотим устроить хороший взрыв, но нам мешает троица пассажиров из пятого вагона»? Ну, а выстрелы в радиорубке просто никто не услышал. То есть никакой тревоги нет, никто по-прежнему ни о чем не догадывается.

— Так, может, нам самим все рассказать? — предложила Джейн. — Я имею в виду, не кондуктору, а вернуться к паровозу и... Нет, вряд ли.

— В радиовагоне сейчас почти наверняка засели Кариб с мистером Чосером. Нас просто не подпустят к будке машинистов. Неудачная мысль — устраивать перестрелку, когда один из нас ранен. Но вообще-то важнее другое: мы здесь под чужими личинами. И когда начнут разбираться, кто мы такие, то есть кто вы такие... Сами скажите мне, чем это грозит? Ну, если охранка начнет копать под вас, свяжется с европейскими службами?..

Они переглянулись.

— Каторга, — сказал Генри. — Пожизненная. А если нас передадут полиции за границу, что вполне возможно, и вскроются прошлые дела...

— Смертная казнь, — заключила мама.

— Тогда это не выход, — подвел итог я.

— Значит, мы зря теряем время на разговоры. Возвращаемся к тому, что я сразу сказала: нам нужно покинуть поезд немедленно!

Но Генри упрямо мотнул головой.

— Я тебя не узнаю, Джейн. Мы грабители, а не убийцы. Мы действуем так, чтобы не пострадали люди.

— Ты и сам знаешь, что я всегда первая готова... Но сейчас нам надо отступить. Не мы пытаемся устроить этот взрыв. На нас нет вины.

— Она будет на нас, если мы позволим ему прозойти.

— Генри, ты ранен. Что мы можем сделать? Нужно остановить поезд и скрыться...

— Нет, нужно помешать взрыву и...

— Взрыва сейчас не будет, — перебил я, и они замолчали, уставившись на меня. — Уверен, что поезд не взорвет, пока он не достигнет Выставки, но и там это произойдет не сразу. В данный момент нам ничего не угрожает.

— Почему? — спросила Джейн.

— Зачем устраивать взрыв в четыре часа ночи, когда рядом почти никого не будет? Если это террористический акт, то он должен быть шумным, привлекать внимание. К слову, тут возникает вопрос, а что, собственно, взорвется? Детонатор ведь только, как бы сказать... инициирует процесс. Я не увидел там никакой взрывчатки. Или взорваться должно это плазмическое вещество внутри?

— Не отвлекайся, — попросила мама.

— Я хотел еще сказать, что сейчас трое помощников этого... Хозяина, буду называть его так, находятся здесь,

и они погибнут во время взрыва. Если Вилла Брутмана террористы, возможно, готовы пустить в расход, то зачем убивать двух исполнителей? Но даже если и их жизни не ценны — нет никакого смысла взрывать поезд и Выставку посреди ночи, ведь погибнет от силы сотня человек. Какой вывод напрашивается?

Оперевшись на мамино плечо, отец сел и сказал:

— Взрыв произойдет во время торжественного открытия Всемирной Выставки. А оно назначено на десять утра.

— Вот именно, — кивнул я. — И тогда погибнут не сотни — тысячи.

Сквозь стук колес донесся протяжный гудок, и отблески света проникли из-за шторы. Вскочив, мама отдернула ее. Впереди рельсы изгибались пологой дугой. В свете прожекторов поблескивала стеклом и металлом огромная полусфера, окруженная постройками поменьше.

На всех парах «Самодержец» приближался к зданию Всемирной Механической Выставки.

3

В куполе была высокая арка-подкова, куда уходили рельсы, над ней горели зеленым светом два больших круглых фонаря. Вокруг раскинулся парк, между деревьями виднелись крыши построек, яркие огни разгоняли предутреннюю темноту. Наверняка там, в парке, притаилось множество диковинок, но сердцем Выставки был, конечно же, купол. Два огня на нем горели ровно и ярко — Всемирная Выставка приветствовала чудо-поезд разинутым от удивления ртом арки и выкаченными зелеными глазами.

Перед куполом рельсы разветвлялись, и вскоре я понял, что они образуют большую восьмерку, протянувшуюся поперек нашей ветки. В центре ее находился так называемый перекрестный стрелочный перевод, в

народе именуемый «стрелкой», — значит, состав можно направить под купол, а можно перевести на восьмерку.

Возле стрелки, где горел фонарь, стоял человек в форме железнодорожника и козырял нам. По сторонам от купола ярко светились прожекторы, их лучи упирались в покатые бока громады, словно поддерживающие ее балки. Состав двигался все медленнее, колеса стучали тихо и будто устало. Наши вещи были собраны, я стоял у окна, Джейн с Генри сидели на диване.

Прозвучал еще один гудок, и колеса простучали по стыкам рельс. Вагон прополз мимо железнодорожника, который поворачивался вслед паровозу, не убирая руку от фуражки. Арка надвигалась, зеленые огни над ней уползли вверх, и вот мы проехали под дуговой балкой. «Самодержец» еще замедлился, теперь он еле полз. Снова гудок, который эхо разнесло под огромным куполом... По-настоящему, без всяких скидок огромным, решил я, опуская оконную раму и выглядывая наружу. Прямо какая-то пещера циклопов, железных паровых великанов!

— Вы не видели, но перед куполом была стрелка, — я оглянулся на родителей.

— Я заметила, — возразила Джейн. — Только не поняла, зачем она. Подними окно, Алек, отца знобит.

Генри, накрытый пледом, вытянулся на диване, мама положила руку ему на грудь. Прикрыв окно, я добавил:

— Тут рельсы расходятся по всему выставочному парку, чтобы его можно было осмотреть прямо с поезда. Наверное, днем «Самодержец» выведут обратно и пустят через парк.

Из коридора донеслись приглушенные ковром шаги, затем раздался голос Кондуктора:

— Дамы и господа! Мы прибываем! «Самодержец» прибывает! Во избежание столпотворения попрошу выходить после того, как будет названа ваша фамилия! —

затем он повторил то же самое на французском и английском.

Стало светлее, и я притушил лампу. Рельсы разделяли основание купола на два равных полукруга. На перроне стояли солдаты с винтовками и унтер. Рядом прохаживался, заложив руки за спину, длинноногий худой офицер в мундире и кивере с пышным красным султаном. У него были высокие сапоги с необычно узкими голенищами, которые делали его похожим на черноногого журавля. Во время ходьбы он почти не сгибал ноги в коленях, что лишь усиливало сходство с птицей.

На дальнем краю перрона возле вереницы приземистых платформ на колесах стояли носильщики. Вокруг перрона было множество построек, обыкновенных и причудливых, низких и многоэтажных, квадратных, круглых, с лесенками, эркерами, лоджиями. Вдалеке я разглядел большое овальное здание — это же элинг, ангар для дирижаблей. Целый небольшой город здесь под куполом, настоящий Городок Чудес!

Пока «Самодержец» совсем медленно преодолевал последние метры, я скользил взглядом по лицам военных. Одни глазели на поезд с восторгом, другие с удивлением и опаской, унтер оставался равнодушен, лишь зыркал глазами по сторонам, а офицер-журавль сосредоточенно ходил туда-сюда, и красный султан качался над его головой. Когда «Самодержец» снова загудел, он остановился, повернув к паровозу серьезное длинное лицо.

Наконец состав замер, и я сказал:

— Приехали. Генри, ты как?

— В порядке, — ответил отец из-под пледа голосом, который недвусмысленно свидетельствовал о том, что он отнюдь не в порядке. Похлопав Джейн по руке, Генри сел, спустил ноги с дивана. Мама поддержала его, он поморщился:

— Я все понимаю, но перестань обращаться со мной, как с калекой.

— Я обращаюсь с тобой, как с тяжелораненым, — возразила она.

— Это не тяжелое ранение, и ты это знаешь.

— Если в ближайшее время тебя не осмотрит врач — оно станет тяжелым.

— Ну, хватит, Джейн.

Слушая их, я продолжал выглядывать в окно. К офицеру подошел капитан поезда, они откозыряли друг другу, и в толпе носильщиков захлопали в ладоши. Капитан пошел обратно, а офицер махнул стоящим в конце перрона солдатам. Те разошлись, и носильщики устремились к вагонам. Но не пешком: каждый встал на приступку, торчащую спереди из его тележки, потянул за длинный рычаг. Из-под платформ вбок ударили белые струи, и с тихим шипением тележки поехали. Я увидел, что сзади на каждой стоят лавки с высокими спинками, наверно, для пассажиров.

Генри, надев с помощью Джейн сюртук, выглянул в окно из-за моего плеча. Мама тоже успела переодеться... и тут я вспомнил! Ой! Пришлось задергивать штору и бросаться к платью Абигаил Уолш, висящему в гардеробе.

Наверное, со времен Евы ни одна женщина или девушка не натягивала платье с такой скоростью. И чулки, и кружевные панталоны, и туфли, и шляпку с вуалеткой...

— Господа Уолши! — раздалось за дверью на английский-ском. — Мистер Уолш, миссис Уолш...

— И мисс Абигаил! — пискнул я, поправляя вуалетку. — Мы выходим!

Родители были уже готовы. Джейн придирчиво оглядела меня, поправила платье, разгладила рукав и заключила:

— Сойдет.

Из-за края занавески я выглянул в окно. К арке по перрону катили три паровые тележки, на одной восседал

сиятельный граф Федор Григорьевич Кушелев-Безбородко с сыном своим Юрием Федоровичем, две другие везли их слуг с поклажей. Молодой граф все крутил головой и глядел то на двери нашего вагона, то на окна, выискивая прекрасную ирландку. На лице его смешались тревога и ожидание, и горечь разлуки, и много других глубоких, искренних чувств. Я отскочил от окна.

— Господа Уолши, попрошу к выходу! — очень вежливо, но настойчиво повторил Большой Кондуктор.

— Мы идем, — сказала мама на английском, посмотрела на нас с Генри и, когда мы кивнули, раскрыла дверь.

Стоящий за ней Кондуктор поклонился, свесив нос до полу, и отошел, уступая место усатому носильщику, непокорные вихры которого венчала заливчатски сдвинутая на затылок кепка. Тот тоже поклонился, заглянул в купе, потер руки и спросил с воодушевлением:

— Что грузим?

— Сам не видишь? — недовольно бросил Кондуктор. — Чемодан с несессером у господ.

— Как не видать! — носильщик взвалил чемодан на плечи, придерживая одной рукой, другой взялся за несессер и попятился, вытолкав из купе сунувшегося было внутрь Кондуктора.

— Абигаил, не забудь свою шерстяную накидку, — произнесла Джейн на английском.

— Всенепременно возьму ее, маменька, — ответил я.

Снаружи было прохладно. Пахло машинным маслом и углем. Шум, топот ног, голоса, гулкое эхо... Набросив накидку на плечи, я надолго замолчал, разглядывая купол.

Он был огромен, как небо. На металлических ребрах его светились цепочки огней, к галереям вверх вели лестницы и длинные винты спиральных лифтов, в которых я узнал продукцию американского «Отиса».

Позабыв про родителей, про суетящегося носильщика и вышедшего вслед за нами Большого Кондуктора,

про солдат и офицеров, я сделал несколько шагов по перрону, пожирая взглядом окружающее. Бесчисленные механические диковинки окружали меня, непонятные сооружения чередовались с еще более непонятными механизмами, в сумраке поблескивали металл и стекло. Далеко над головой висела на тросах большая птица — аэроплан непривычного вида, со скошенными крыльями и длинным хвостом. И что-то там еще было, в подкупольном сумраке, много всякого, только сейчас не разглядеть, темно. А по сторонам от перрона сколько всего стоит! Грандиознейшая картина предстанет взгляду при свете дня.

— Меня Семеном кличут, господа хорошие, — к неудовольствию Большого Кондуктора, весело сообщил носильщик, возвращая мое внимание к происходящему рядом. — Эта, стало быть... Май нэмиз ист Сэмэн. То есть — Саймон.

— Мы понимаем русский, — сказал я.

— О! — восхитился Семен, ставя наш багаж на тележку возле лавки для пассажиров. — Ну, тогда попрошу садиться, прокачу с ветерком, то есть с парком.

Джейн, не дав Генри первым забраться на тележку, живо запрыгнула туда, чем вызвала не слишком одобрительный взгляд Большого Кондуктора, и сказала, протягивая руку:

— Абигаил, крошка, давай ко мне!

Я последовал ее примеру, а Кондуктор отвлекся на двух дам и хорошо знакомого мне бородатого господина, покидающих наш вагон. У господина было удивительно задумчивое лицо и трезвый вид.

Мы с Джейн уселись на лавке. Мимо журавлиным шагом прошагал длинноногий офицер в черных сапогах, султан на кивере смешно качался, подошвы стучали о перрон. Он сурово кивнул нам. Лицо Журавля, как я его сразу окрестил, было очень сосредоточенно и серьезно.

Джейн с тревогой наблюдала за отцом. Тот шагнул на платформу и вдруг покачнулся.

— Осторожно, ваш-блаародие! — завопил Семен, бросаясь к нему. Вытянутыми руками носильщик уперся в спину отца. Мама вскочила, я тоже, краем глаза заметив, как Журавль остановился и смотрит на нас. Генри быстро пришел в себя; мы с Джейн схватили его за руки, однако он, покачав головой, сам сделал следующий шаг.

— Что же это вы, господин хороший?! — Семен был растерян.

Отец с улыбкой повернулся:

— Я ест потерять равновесие. Едем. Гоу!

Носильщик с сомнением поглядел на него, поправил кепку и пошел к передней части тележки. Офицер медлил, не сводя с нас взгляда, но тут в конце перрона раздался стук, возглас, посыпались чемоданы — и он, далеко выбрасывая в воздух прямые ноги, замаршировал туда.

— А куда мы едем, собствен... — начал я, закашлялся и повторил громче и писклявее: — Человек... Саймон! Куда мы едем?

— В гостиницу, барышня, — пояснил тот, становясь на уступке в передней части тележки, спиной к нам. — Всех господ, прибывших на поезде, заселяем в гостиницу «Высокий Дом».

— «Высокий Дом», интересно, — проговорил Генри.

— Оно и вправду интересно, сударь, — откликнулся носильщик. — Такой домина несообразный... Да вы сами сейчас увидите, недалеко ехать.

Под днищем зашипело, из-под бортика ударила струя пара, Семен сдвинул рычаг, и мы покатили. Съехали с перрона, по дороге из каменных плит, проложенной вдоль рельс, миновали арку.

И очутились под мелким холодным дождем. Когда тележка свернула в парк, мама прижалась к отцу и взяла его за руку. Граф с сыном уехали далеко вперед, перед

нами двигалась тележка с их поклажей, и сразу за ней та, на которой сидел трезвый бородатый господин со своими дамами.

Мимо тянулись кусты и зеленые изгороди, подсвеченные разноцветными огнями. Впереди показались рельсы — изгиб одной из половин проложенной в парке восьмерки. Тележка качнулась, въехав на круто изогнутый мосток.

— Осторожно, господа хорошие! — лихо прокричал Семен и, так сказать, поддал парку. Скорость резко увеличилась, из-под тележки ударили сразу две струи, черная и белая, и мост мы пролетели, оставляя за собой контрастные клубы, быстро смешавшиеся в серую взвесь.

С вершины моста я увидел световую рябь внизу — вода плескалась в длинном бассейне, подсвеченном бирюзовыми огнями. У бордюра стояли лодочки с трубами и штурвалами, борта были опоясаны толстыми резиновыми валиками.

— Что это, Семен? — когда он оглянулся, я показал на бассейн.

— Атракцион с паровыми лодками, сударыня, — донеслось сквозь шипение пара. — Для детишек, стало быть.

Вскоре показалось здание гостиницы, построенное в форме заводской трубы: высокий цилиндр, покрашенный белыми и черными полосами. На крыше горели лампы, в небо била струя пара. Носильщики и швейцар выгружали вещи с тележки, на которой прикатили бородатый господин и дамы. «Высокий дом» стоял на краю небольшой площади, на другой ее стороне была станция паровых фазтонов, там виднелась двухэтажная машина на высоких колесах.

Семен, подъехав к гостинице, навалился на рычаг, и тележка встала точно перед раскрытыми дверями, на

том месте, откуда за несколько секунд до того отъехала другая.

Я собрался соскочить, чтобы помочь слезть отцу, который всю дорогу глядел прямо перед собой и крепко держал маму за руку, но вовремя вспомнил, что я барышня. Пора избавляться от платья, да и вообще от маски нежной ирландки Абигаил Уолш. Слишком большое противоречие она составляет с моей натурой обладателя низкого грубого мужского голоса.

Генри сошел первым, Семен заглянул ему в глаза, покачал головой, но ничего не сказал. Из гостиницы уже спешили два швейцара, и тот, что постарше, заговорил на английском:

— Господа Уолши, просим, просим! Ежели изволите оставить паспорта на стойке...

Генри дал Семену монету, и тот, оставив багаж на попечение гостиничных служащих, с довольным видом укатил. Мы вошли в холл, молодой швейцар шагал впереди, неся наш багаж. Пожилой спросил:

— Ваш номер на втором этаже, изволите ли воспользоваться лифтом?

— Лифт — да! — сказал Генри, прежде чем я успел раскрыть рот. — Мы ест устал в дорог.

— Конечно, сударь, всенепременно отдохните.

— Я разберусь с паспортами, дорогой, — добавила мама на английском и, забрав у отца наши документы, направилась к стойке. Швейцар на миг растерялся — документы собирался взять он, но мама зачем-то опередила его... Я понял причину быстро: положив паспорта на стойку, Джейн будто бы невзначай повернула к себе лежащую там газету и пробежала взглядом первую страницу.

Мы направились к раскрытой двери лифта, и когда возле кабины мама нагнала нас, по лицу ее я увидел, что случилось нечто, чему лучше было бы не случаться.

Генри был бледен, но держался. Лифтер, стоящий в углу ярко освещенной кабины, перекинул рукоять. Звякнул колокольчик, пол качнулся, и мы поехали вверх.

На втором этаже в сопровождении нагруженного багажом швейцара семейство Уолшей прошествовало через длинный круговой коридор. Отцу стало хуже, он шаркал и немного качался, Джейн крепко держала его за локоть.

Швейцар ввел нас в большой, на две комнаты, номер. Как только он ушел, Генри повалился на просторную кровать. Я скинул ненавистные туфельки, зашвырнул сумочку в угол и вопросительно поглядел на Джейн. Встав перед нами с отцом, она сказала:

— Я должна вам кое-что сказать.

— Мы это поняли еще в холле и с тех пор ждем, — сказал я, и отец, приоткрыв один глаз, кивнул.

— На стойке лежала газета. Утренний «Московский телеграф».

— Как рано они его выпускают... И что?

— Попавшаяся мне на глаза статья называлась «Движение воздушной дороги восстановлено». Мы говорили тебе, Алек: ирландцев, настоящих Уолшей, задержали. Сложным способом. Это сумел провернуть Мистер Икс...

— Но теперь они снова летят сюда? — понял я, холодея.

— Они прилетели, — сказала мама, — в Московский воздушный порт. Им осталось пройти таможенные процедуры, которые для подобных гостей вряд ли будут длительными... Короче говоря, Уолши сейчас направляются сюда. Может, уже направляются. От Воздушного порта до Выставки недалеко. Семья настоящих Уолшей вот-вот будет здесь.

Глава 6

ДЬЯВОЛЬСКАЯ МЕХАНИКА

1

Потянув на себя край одеяла, отец прикрыл глаза и слабо проговорил:

— Мне нужно подремать. Всего с полчаса, и сразу приду в себя. Потом решим, как предотвратить взрыв.

— Ты не придешь в себя так быстро, — возразила мама.

— Не совсем, но мне станет лучше. Не переживай, Джейн. В этом нет смысла, ты сама понимаешь.

— Я пытаюсь, — она поджала губы. — Алек, пригляди за отцом, мне нужно привести себя в порядок.

Когда она скрылась в ванной комнате, Генри уже спал. Не в силах оставаться на месте, я прошелся по номеру. Отодвинув занавеску, выглянул в темное окно, по которому расплывались дождевые капли, сорвал с головы и бросил на стол шляпку, едва не перевернув вазу с цветами. Собрался стянуть и платье, но решил, что пока рано.

Джейн вернулась из ванной посвежевшей и порозовевшей, прошла к кровати, посмотрела на отца и осторожно села сбоку.

— Думаешь, нам нужно возвратиться туда? — спросил я, кивнув в сторону купола.

Она провела ладонями по лицу, помассировала виски. Шелест дождя за окном стал громче, донесся отдаленный раскат грома. Мама вскинула голову, прислу-

шиваясь, — мне тоже в первый миг почудилось, будто это не гром, а взрывы, — и беспокойно оглянулась на отца, не проснулся ли он.

Так и не дождавшись ответа, я направился в ванную. Сполоснул лицо, похлопал себя по щекам и вернулся. Генри спал. Джейн показала на кровать рядом, и я присел возле нее.

— Алек, — тихо сказала она. — Я не хочу возвращаться. Я хочу, чтобы мы покинули это место как можно быстрее. Наверное, ты разочарован во мне. Но я просто очень боюсь за вас, понимаешь? За Генри и за тебя... и за себя, конечно, тоже, но больше — за вас. Я вдруг поняла, что могу потерять вас. Это... ужасно. Если бы мы были обычными людьми, вызвали бы полицию. Но мы не можем, нас самих арестуют. К тому же он ранен.

Раскат грома прозвучал громче; вспышка молнии пробилась сквозь шторы, мигнул электрический светильник.

— Значит, хочешь бросить все и бежать, — сказал я. Какая-то смутная мысль шевельнулась в голове — пока еще не идея, а неявная догадка, намек на идею.

— Бежать — единственный вариант спастись. Я это понимаю, но не могу не думать о том, что если мы сбежим... Что тогда будет?

— Первое, — я загнул указательный палец, — судя по всему, погибнет очень много людей. Второе: мы вряд ли простим себе это. Третье: нас все равно будут искать.

— Будут искать? — эхом повторила мама.

— Конечно. Смотри: мы разыгрывали из себя ирландцев, которые вот-вот появятся...

— И они будут крайней удивлены...

— ... Все будут крайне удивлены тем, что *какие-то* ирландцы были на поезде. Если произойдет по-настоящему большой взрыв, а именно такой, я думаю, и произойдет, разбирательство тоже будет очень большим.

Серьезным и кропотливым. Охранка, международные службы...

— Во всем обвинят Брутмана. Британская агрессия и так далее.

— Да, вероятно. Но и про нас не забудут. Допросят кондукторов, служащих вокзала, носильщиков, сделают подробное описание нашей внешности. В конце концов, решат, что мы, как и Чосер с Карибом, помощники Брутмана в этом деле. Нас точно будут искать, Джейн. Значит, в Санкт-Петербург возвращаться нельзя. Про наш дом можно забыть, про «федота», про друзей, про Училище... про Петьку Сметанина.

— Уходить в бега, — сказала Джейн. — Навсегда.

— Вот именно.

В дверь постучали. В руках у мамы возник револьвер, а я вскочил. Сделав жест, чтобы она убрала оружие, подхватил шляпку со стола, нахлобучил на голову, подошел к двери, откашлялся и негромко спросил:

— Кто там?

— Господа желают чай?

— Не желают. — Я оглянулся на Джейн, на спящего отца и добавил: — Хотя давайте.

Поправив вуалетку, приоткрыл дверь и прижал палец к губам. Перед коридорным в синей ливрее стоял столик на колесиках, где были чай и тарелка с печеньем.

— Не заходите, я сама возьму. Папа спит, — открыв дверь шире, я принял у служащего поднос.

Он попятился, катя за собой столик, и я спросил:

— Открытие Выставки в десять, как запланировано?

— Так точно, сударыня, — тихо ответил он и, не сдержавшись, повысил голос: — Сам император будет присутствовать!

С этими словами служащий развернул столик и удалился по круговому коридору, оставив меня стоять с приоткрытым ртом и тяжелым подносом в руках.

За окном громыхнуло, яркая вспышка проникла в номер. Когда я повернулся, Генри сел на кровати и спросил, будто не спал только что:

— Император будет на открытии?

— В десять, — сказал я. — Вы понимаете? Они хотят не просто взорвать «Самодержец» вместе с куполом и людьми. Они собираются убить Его Императорское Величество!

Отец спустил ноги с кровати, сел рядом с мамой и сказал:

— Я не сбегу. Никогда не бегал — и сейчас не стану. Нужно предотвратить взрыв.

— Как? — спросила мама. — Мы можем только одно: рассказать все. Это означает немедленный арест и потом — каторгу. Или смертную казнь.

— Мы обязаны, Джейн. Смерть стольких людей... нет, это чересчур.

— Что ты хочешь сделать?

— Нужно что-то придумать. Может, уведомить власти анонимно?

— Генри, с минуты на минуту тут будут настоящие Уолши. И если... — она запнулась, когда я поставил поднос на стол так резко, что зазвенели чашки, и направился к дверям. — Алек, куда ты?

Не оглядываясь, я сказал:

— У меня идея. Не выходите, скоро буду.

— Но, Алек...

— Сидите здесь, скоро буду! — повысил я голос, вышел из номера и закрыл за собой дверь.

Хотелось сбежать по лестнице, подобрав платье, но барышням так не положено, и я направился к лифту. Звякнул колокольчик, двери раскрылись. В коридор шагнул Вилл Брутман. На его котелке и черном пальто поблескивала влага. Черт возьми! А ведь я собирался спуститься в холл, чтобы узнать у швейцара, в каком номере остановился британский инженер. Он мог до сих

пор оставаться на «Самодержце», но мог и приехать в гостиницу, чтобы отдохнуть перед церемонией... И вот он передо мной.

Глядя в пол, Брутман прошел мимо и скрылся за изгибом коридора. Лифтер выжидающе глядел на меня. Я молчал.

— Куда угодно сударыне? — осведомился он.

— Никуда, — я зашагал прочь от лифта.

Сзади зазвенел колокольчик, стукнула дверь, загудел отъезжающий лифт. Я шел все быстрее, и когда инженер вновь появился на глаза, уже почти бежал. Брутман на ходу достал фляжку, сделал глоток. Остановился у двери, похлопал по карманам, вытащил ключ и наконец заметил меня.

Замедлив шаги, я вежливо улыбнулся. Отвернувшись, инженер раскрыл дверь, и тогда я двумя руками толкнул его в спину. Прыгнул в номер следом, захлопнул дверь за собой, шелкнул замком и пошел на ошарашенного Вилла Брутмана, сжав кулаки.

2

Близкий раскат грома прозвучал, как театральный звуковой эффект из-за кулис. Я приближался к инженеру, одновременно и напуганный, и очень злой.

— Барыш... судары... Что вы себе позволяете?! — залепетал он по-английски, отступая. После толчка в спину котелок слетел с его головы и упал на пол.

— Заткнись! — выпалил я тоже на английском, осознав, что впервые бросил это слово в лицо взрослому человеку. — На кого ты работаешь, Брутман?

— О чем вы?!

— Предатель! — бросил я. Разум с воображением испуганно затихли. Я действовал на грани своей решимости, сам напуганный до крайности, ожидающий, что вот сейчас всё пойдет вразнос, Брутман закричит и с

кулаками набросится на меня, прибежит коридорный, потом швейцар, носильщики, полиция...

— Я никого не предавал! — залепетал он, продолжая пятиться. — О чем вы говорите?!

— Ты — предатель Британской короны! — я показал в сторону купола. — После взрыва начнется война между нею и Россией, ты это понимаешь?

— Что вы несете?! — в его голосе не было ни капли убедительности. Инженер допятился до дивана, ткнулся в него и сел, кажется, даже не заметив.

— Кто устроил взрыв — разберутся быстро, — я навис над ним. — Поймут: виноват ты. Во всем обвинят Британию и... Думаешь, война сейчас в интересах твоей страны? Россия сильна как никогда!

— Да кто вы такая? Вы... — он пригляделся. — Пойдите, да вы же юноша!

Брутман попытался встать, но я толкнул его пятерней в лицо, опрокинув обратно.

— Ты что делаешь?! — завопил он. — Кто ты такой, чертов щенок?!

Тогда я ударил его наотмашь — закатил пощечину, такую сильную, что на бледной щеке инженера запечатлелся отчетливый след пятерни.

Это стало неожиданностью для нас обоих, и на несколько мгновений мы замерли, ошарашенно уставившись друг на друга. А потом инженер сдался. Он зримо, явственно *сломался*, как тогда, в радиовагоне перед мистером Чосером.

Вилл Брутман — слабак, осознал я. Возможно, он великолепный механик, конструктор, инженер, но сила воли у него, как у котенка. Если бы он был другим, то просто не очутился бы в такой ситуации. Он — слабак, но я — нет, а значит, я могу сделать с ним все, что захочу.

И понимание этого как-то резко все переменяло. Из груди словно вышел клуб горячего, распирающего легкие воздуха — вырвался беззвучно и пропал, оставив

меня собранным, деловитым, уверенным. Я приподнял подол платья, поставил ногу на край дивана, склонившись над Брутманом, ухватил за край воротника, протянул к себе и заговорил, глядя в бегающие глаза:

— Может, я и щенок, но кусаюсь больно. И я не один, со мной два волка.

— Что-что? — пролепетал он.

— Теперь слушайте меня очень внимательно. Мы служим в организации (тут он вздрогнул), которая уже некоторое время следит за делишками Чосера и Кариба (он вздрогнул во второй раз, сильнее). И за вашими делишками, Вилл.

— Но я...

— Молчите, пока вам не зададут вопрос.

Он умолк.

— Вот теперь я его задаю: расскажите мне, как эти двое заставили вас установить световой детонатор в компрессоре. И рассказывайте быстро.

— Вы знаете про это? — забормотал он и обхватил себя за плечи. — Все знаете? Так вот почему Кариб ранен. Это вы тогда в вагоне... Но ведь он сказал, что там были трое... Ну да, вы же не один!

— Мои соратники находятся неподалеку, охраняют подступы к вашему номеру. Вам не уйти, Вилл. И не отвертеться. Где сейчас ваши сообщники?

Он дернул себя за волосы и промямлил:

— В гостинице для служащих. Она с другой стороны купола, где служебные постройки.

— Как они принудили вас помогать им? Отвечайте!

Вилл Брутман снова попытался справиться с паникой, он даже оттолкнул меня, явно собираясь сделать это решительно и сильно, да только вышло слабо и вяло. Я подумал, что чересчур давить нельзя: рискую совсем сломить инженера, получив неспособную действовать жалкую размазню вместо человека. Убрав ногу с дивана,

я подался назад, но не отошел, чтобы он не мог встать. Навис над ним, скрестив руки на груди.

— Мне нужно выпить... нужно... — Брутман трясущимися руками достал фляжку, сделал несколько глотков. — Позвольте, я... То есть можно мне встать... Сейчас...

Я сделал шаг назад. Он поднялся с дивана, тяжело шаркая по ковру и путаясь ногами в полах пальто, прошел к стулу, сел. Подсунув ладони под бедра, сгорбился и заговорил, уставившись вниз:

— Я хотел начать свое дело. Сначала — мастерскую, чтобы создавать двигатели, узлы тепловозов, потом открыть фабрику, депо... Огромные планы. Перспективы! Один человек дал денег. Затем фирма обанкротилась. Позже я понял: все было подстроено, — инженер поднял голову и уставился на меня, в глазах его были слезы. — Тот человек, что предоставил деньги для открытия фирмы, тайно скупил активы. У меня гигантские долги, и если он даст ход делу, я попаду в долговую яму.

— Яма, — повторил я. — Конечно — яма.

— Да-да, в тюрьму до конца жизни! Дети, жена, престарелые родители — я содержу их! Потом появились эти двое. Они заставили меня. Вы не представляете, с кем мне пришлось иметь дело, они безжалостные, беспощадные убийцы, неважно, ребенок это, женщина, мужчина, им наплевать, они способны убить любого! Кариб получает от этого мрачное, сатанинское удовольствие! Да и Чосер может такое... Он демон, изменчивый бес в человеческом обличье. Тот машинист, то есть помощник машиниста, он был всего лишь мальчишкой!

— Как им удалось устроиться служащими на «Самодержец»? Это вы помогли?

— Мне пришлось. Сказал: нужны мои люди, помощники, приезжие специалисты, как я...

— Что за технология использована в световом детекторе? — увидев, что Брутман судорожным движением

поташил из кармана фляжку, я вырвал ее у него из рук и отшвырнул в угол.

— Нет, что вы?! — вскинулся он, но сразу обмяк на стуле.

— Рассказывайте про световой детонатор, — повторил я.

Инженер растерянно покачал головой:

— Но я ничего не знаю про это. Понимаю только — смертельное оружие, огромная мощь, но... Послушайте! — он с надеждой воззрился на меня. — Если вы из *организации*, то сумеете остановить их хозяина? Того, что командует этими двумя? Тогда, по делам фирмы, он представлялся вымышленным именем, документы были поддельными, я не знаю, кто он по-настоящему, не знаю, где живет, догадываюсь только: этот человек одной национальности с мистером Чосером. Они вообще похожи. И его глаза... о, эти глаза! Они страшные, это глаза не человека, а изверга, чудовища!

— Световой детонатор, — напомнил я. — Что это?

— Дьявольская механика! Сколько лет я имел дело с различными устройствами, механизмами... я читаю все свежие издания, знаком с выдающимися специалистами, знаю все новейшие разработки, но это... Это что-то невероятное, откуда у этих людей ТАКОЕ?!

— То есть про детонатор ничего рассказать не можете? Плохо, Брутман.

— Только то, что его дистанционная инициация приведет к катастрофической силы взрыву.

— Правильно. И погибнут сотни, даже тысячи. Террористы собираются убить российского императора, вы понимаете это, Вилл?

Он кивнул и костяшками пальцев поскреб переносицу. Я добавил:

— Мы можем помешать им.

— Как?! — вскинулся Брутман. — Это правда? Если вы... Свяжитесь со своим руководством! Позовите войска! Если...

— Мы работаем не на российское правительство, — перебил я, и вспыхнувшая в его глазах надежда угасла. — К тому же если детонатор приводится в действие дистанционно, и этот человек, Хозяин, каким-то образом следит за происходящим здесь, то когда вокруг купола начнется непонятный шум, он сразу инициирует взрыв. Император, возможно, и не погибнет, но множеству людей придет конец. Нужно действовать иначе.

— Как?

Вспышка молнии пробила в номер из-за штор, снаружи гроыхнуло.

— Сейчас вы проведете нас на поезд. Меня и двух моих соратников.

— Но его охраняют. Этот офицер, Ухаров, он крайне щепетилен в исполнении своих обязанностей.

— В десять часов приедет император и начнется торжественное открытие. Что должно происходить? Вы пустите состав по парку?

— С Его Императорским Величеством внутри, — подтвердил инженер. Повел плечами с удивлением, только сейчас осознав, что на нем до сих пор надето пальто, встал и скинул его на стул.

— Правильно, а раз так, то перед столь ответственным запуском вам и трем вашим ближайшим помощникам необходимо тщательно перепроверить некоторые ключевые узлы «Самодержца». Мы будем в рабочей одежде. Просто поднимемся в радиовагон и вытащим детонатор, пока этого никто не видит. Вынесем наружу, завернув в куртку или в тряпье. И постараемся убратсья как можно дальше от населенных мест, успеть до десяти часов бросить детонатор в реку или озеро.

Пока я говорил, лицо Брутман светлело, под конец он даже поднялся со стула... тут за окном снова гро-

мыкнуло, инженер упал обратно и сгорбился, закрыв лицо руками.

— Но что будет с моей семьей? Со мной, если я предотвращу взрыв, пойду против них?

— А что со всеми вами будет, если взрыв все же произойдет?

— О чем вы...

— О том, что вас убьют. Вы, конечно, осознаете это?

— Но я и собирался погибнуть, — вяло ответил он, отнимая руки от лица. — Я ведь тоже буду на поезде в десять часов. Чосер с Карибом исчезнут, а я останусь. Я иду на это, потому что моим родным обещали защиту и неприкосновенность, к тому же большие деньги.

— Зачем им это?

— Кому? Моей семье? Но ведь меня не станет!

— Нет, тем, кто стоит за происходящим. Вашу семью уничтожат, Брутман, сразу после взрыва.

У него задергался угол рта, и я безжалостно продолжал:

— Они просто лишние свидетели, которые могли что-то видеть, что-то слышать. Вся эта операция — дорогостоящее и очень трудоемкое в исполнении дело. Это ведь вы понимаете? Сами сказали, что в распоряжении Хозяина есть невероятные технологии. Организовать взрыв Выставки, уничтожить сотни или тысячи людей, убить императора, сравнить Россию с Британией... В этом задействованы мощнейшие силы, Вилл, приведены в движение огромные шестерни. Ваша семья — даже не песчинки в этих шестернях, а так... — я потер пальцами перед носом инженера. — Просто ничто. Их сотрут без сожалений и раздумий.

Его глаза больше не бегали, но смотрели в упор на меня. В них были понимание и ужас.

— Так что же делать? — прошептал он.

— Предотвратить взрыв. Затем рассказать властям правду. Тогда Российская Империя будет на вашей сто-

роне. Да, вас станут допрашивать, судить, возможно, в конце концов, отправят в тюрьму... Но вашу родню будут защищать хотя бы как свидетелей. Ну а позже тем, кто использует вас, станет попросту не до них.

Наступила тишина. Устав говорить и немного охрипнув, я потер горло. Прошелся вокруг стула, шелестя платьем, снова остановился перед инженером и спросил:

— Будете помогать или нет? Решайте немедленно, Вилл.

— Буду, — сказал он, привычно сунул руку в карман и заозирался в поисках фляжки. — Да, буду. Мы сделаем так, как вы сказали. Зовите своих соратников, отправимся к поезду немедленно. Сейчас ведь уже... сейчас... — он потянул часы из жилетного кармана, посмотрел. — Боже мой, половина шестого! Времени совсем мало, зовите же их!

— Оставайтесь здесь, мы сейчас будем, — сказал я, выходя из комнаты.

Распахнув дверь нашего номера, я почти выкрикнул с порога:

— Мы не уезжаем!

Генри поднял голову. Джейн выглянула из-за дверцы гардероба.

— Что?

— Я заставил Брутмана все рассказать. Он поможет.

— Не может быть! Как ты его заставил?

— Свернул в бараний рог, а потом развернул, — я бросил на диван шляпку и начал стягивать платье. — Он в своем номере, мы говорили только что.

— Но мы... — начала мама. — Мы же должны уехать? Это все слишком опасно, Генри ранен, и... — она замолчала, переводя взгляд с меня на отца и обратно.

— Сотни людей, Джейн, — сказал он. — Император. И, вероятно, война. А это значит — еще сотни тысяч жизней... Может, и миллионы.

Джейн, прикрыв дверцу гардероба, медленно пошла через комнату. Она смотрела в пол, и лицо ее было таким потерянным, поблекшим, что мне стало мучительно жалко ее, но тут она встряхнулась. А после села на «шпагат». Прямо в платье, разведя в стороны руки, с громким выдохом опустилась на пол — и тогда сквозь черты ее, как теплый солнечный луч в тусклом окне, проступила та цирковая девчонка, которую я иногда, из года в год все реже, замечал в ней.

Лицо ее стало задорным и бойким, молодым, даже юным, и еще оно порозовело, и небольшие морщины в углах глаз пропали, как не бывало. Потом Джейн Визарди оттолкнулась от пола, сложив ноги, будто ножницы, распрямилась и сказала:

— Мы сделаем это.

Всего пара минут ушла на то, чтобы в очередной раз сменить одежду. Теперь мы напоминали механиков или машинистов, только вместо кепи были вязанные шапочки, а вместо тужурок — куртки. Мы вышли в коридор, а когда приблизились к номеру инженера, услышали громкий раскат грома и увидели пробившуюся из-под двери вспышку молнии. Распахнув дверь, я прыгнул внутрь.

Штора была сдвинута, окно распахнуто, в номере никого. В темноте снаружи шелестел дождь.

— Где он? — спросила Джейн.

Я бросился к окну. В пелене дождя сверкнула молния, озарив силуэт, замерший на карнизе сбоку от окна.

— Брутман, назад! — приказал я, высовываясь дальше.

С высоты второго этажа было трудновато расшибиться насмерть, к тому же внизу рос кустарник. Хозяин номера просто решил сбежать. Когда я увидел его, он стоял, запрокинув голову, с фляжкой у рта. Мое появление сопровождалось мощным громовым раскатом, от которого екнуло в груди, а здание гости-

ницы дрогнуло. Выпустив флягу, инженер вскрикнул и попытался прыгнуть, но я ухватил его за плечо и рванул обратно.

Перевалившись через подоконник, Брутман упал на пол, я тоже едва не упал, но сумел удержать равновесие.

— Я... вы... — простонал он, встав на колени.

— Сбежать надумал?! — гаркнул я, склоняясь над ним и хватая за грудки. — Слабак!

— Да как вы смеете! — он вдруг с отчаянной силой оттолкнул меня, и в этот раз я бы точно опрокинулся на пол, если бы меня не поддерживали стоящие сзади родители.

Ожесточение на лице Брутмана сменилось решимостью, он тряхнул головой, вскочил и воскликнул:

— Это была минутная слабость! Я хотел сбежать, но теперь я готов действовать! Говорю вам: я готов, господа! И дамы, — добавил инженер, приглядевшись к Джейн.

— Ваши сообщники точно покинули состав? — спросил Генри. Его раненая рука висела на перевязи под тужуркой, в другой был револьвер.

— Я сам видел, как паровая тележка увозила их в гостиницу для служащих, — заверил инженер. Вид у него был деятельный и почти что бодрый. Вот только мне не нравилось, как он иногда быстро облизывает губы, а еще то и дело зыркает по сторонам, словно не может надолго сосредоточиться на чем-то, задержать взгляд в одной точке. Да и говорил Брутман сбивчиво, невнятно. Но сейчас он, по крайней мере, был готов действовать заодно с нами и, насколько я видел, не обманывал.

— Но они могли вернуться, — заметила Джейн.

— Это вряд ли, мисс. В любом случае, мы возьмем таксо, в два счета домчимся до купола и все узнаем. У нас даже есть повод для визита на «Самодержец»: по регламенту его необходимо развернуть, чтобы во время торжественной церемонии он не выезжал из-под купола

задом. Позвольте, я только... — он огляделся, увидел свой котелок на полу, поднял его, очистив рукавом, нахлобучил на голову. Схватил черное пальто, надел и спросил:

— Ну, что же мы медлим? Уже без четверти шесть! Кто бы вы ни были, где бы ни служили, я готов идти с вами. Вперед! Кстати, как мне обращаться к вам?

Генри, покосившись на Джейн, ответил:

— Называйте меня Старший Механик. А ее — Младший Механик. И не забудьте, что эта дама — механик-женщина, первая в своем роде, прибывшая с вами из Британии. А юноша...

— А юношу зовите Главным Механиком, — заключил я.

3.

Стоянка таксо-карет находилась возле «Высокого Дома». Швейцар разбудил шофера, и тот, недовольный, молчал всю дорогу. Громы небесные смолкли, дождь превратился в мелкую морось. Два круглых зеленых глаза горели над аркой, в которую уходили влажно поблескивающие рельсы, вдоль которых тянулась дорога. Впереди были перрон, озаренный светом фонарей, и обращенный к нам кормой последнего вагона «Самодержец». Солдаты оставались на своих местах. Я разглядел седоусого унтера и прохаживающегося вдоль поезда офицера по фамилии Ухаров.

— Держитесь за мной, — велел Брутман. — Говорить буду я.

В глотке у меня пересохло. Сердце то подскакивало, колотилось где-то в горле, а то будто проваливалось в желудок. Когда, вступив на перрон, мы приблизились к солдатам, Ухаров заметил нас и своей журавлиной походкой, высоко вскидывая ноги в черных сапогах, замаршировал навстречу.

— В чем дело... — начал он издалека и тут же легко перешел на английский: — А, это вы, инженер. Кто с вами?

— Как это — кто? — удивился Брутман вполне убедительно. — Мои механики-помощники из Великой Британии.

Солдаты — серые безликие фигуры, одинаковые в своих шинелях, с ружьями и саблями, — расступились, и Ухаров встал перед нами. Длинное породистое лицо его было смертельно серьезным.

— Зачем вы пришли сейчас? — осведомился он.

— Необходимо развернуть «Самодержец», к тому же нужно еще раз осмотреть некоторые узлы, — пояснил Брутман и вдруг перешел в атаку: — Будьте добры объяснить, почему меня, главного инженера проекта, не предупредили о том, что на церемонии будет присутствовать Его Императорское Величество?

— Но... — начал офицер.

— Что значит «но»?! Сначала объявили, что император будет на открытии, затем — что его там не будет, и вдруг, в самый последний миг, я узнаю — от швейцара в гостинице! — что Его Величество все же намеревается посетить Выставку, более того, что он желает оглядеть парк, прокатившись по нему на «Самодержце»!

— О последнем изменении в планах Его Величества стало известно лишь ночью.

— Вот и я должен был узнать про это ночью! — чуть ли не выкрикнул Брутман, и Генри рядом со мной качнул головой, а Джейн едва слышно вздохнула: инженер переигрывал, в голосе его появились истерические нотки, что вызывало подозрения.

Хорошо, что сам Брутман это тоже понял и, переведя дух, заговорил спокойнее:

— Повторяю: нам необходимо проверить работу некоторых механизмов. Пропустите нас.

— Вы знаете, что все действия, связанные с «Самодержцем» после его прибытия на Выставку, строго регламентированы, — возразил Ухаров. — И по регламенту разворот состава должен осуществиться в восемь часов утра. Вот и приходите в восемь. Любые перемещения как из, так и в состав могут осуществляться только согласно заранее установленному регламенту, каковой подписан...

— А внезапное изменение в планах императора входит в регламент? — перебил инженер.

Ухаров сделал короткий жест, отмечая это возражение, и резюмировал:

— Я не могу впустить вас на «Самодержец» до восьми.

— А я не могу гарантировать бесперебойную работу силовой машины состава и, как следствие, безопасность находящегося на его борту императора, если немедленно не осуществляю проверку! — истерические нотки вновь завибрировали в голосе инженера. — И в случае возникновения неполадок причиной их будете вы!

— Однако... — начал офицер.

— Однако — мы уходим! — отрезал Брутман. — Я слагаю с себя полномочия главного инженера проекта и отказываюсь осуществлять торжественный пуск «Самодержца». Теперь, если что-то пойдет не так, вы вольны сами закатать рукава и взяться за дело.

Инженер и вправду собрался уйти, но тут Ухаров сдался. Ему явно не хотелось действовать вразрез с регламентом, однако угроза Брутмана немедленно покинуть Выставку и предоставить офицеру самому разбираться с возможными проблемами заставила пойти на попятную. Ухаров посторонился с каменным лицом и кивнул, давая понять, что мы можем пройти.

Так мы и сделали. И лишь после этого офицер осознал, что один из следующих за инженером британских механиков — женщина.

— А... позвольте! — начал он и запнулся. — Но ведь это?..

— Что, милый? — спросила мама на английском, подпустив в голос иронии и жеманства. — Что «это»?

— Но это... то есть вы же — женщина!

Генри сдержанно хохотнул, как бы выражая солидарность с этим мнением, а Джейн заметила:

— Полагаете, мой дорогой, женщина не способна разобраться в механике?

— Она — мой лучший помощник! — отрезал Брутман, не замедляя шага. Мы двигались вдоль вагонов, приближаясь к паровозу.

— Но... — Ухаров, по-журавлиному вышагивающий рядом, впал в безмолвие, когда мама стащила с головы шапочку и тряхнула кудрями.

— Зато остальные — настоящие мужчины, — грубым, низким, хриплым голосом ввернул я и остался очень доволен этой репликой, хотя на нее никто не обратил внимания.

Когда Брутман первым поднялся в радиовагон, наш доблестный офицер, успевший справиться с оторопью и не сводивший взгляда с маминых кудрей, произнес:

— Я полагал, вы собираетесь осмотреть что-то в паровозе.

— Мало ли что вы полагали! — заносчиво ответил инженер, снова заметно переигрывая. — В первом вагоне установлен сменный компрессор, и я собираюсь начать с него.

Джейн, за нею я, потом Генри, неловко ухватившийся за поручень здоровой рукой, поднялись в вагон.

— Я должен присутствовать при вашей работе, — заявил Ухаров.

— Это еще зачем? — откликнулся Брутман из тамбура.

— Я не могу допустить столь существенное нарушение регламента. Когда стало известно о присутствии Его Императорского Величества на открытии, из Охранного ведомства поступил приказ об усилении бдительности.

В тамбуре Вилл Брутман повернулся, чтобы дать Ухарову решительную отповедь, но Генри схватил инженера за плечо и прошипел:

— Хватит дергаться! Джейн, отвлеки вояку.

Ясно было, что решение офицера торчать в вагоне, пока мы находимся там, вызвано в большей степени британской женщиной-механиком, на кудри которой он глядел безотрывно, чем требованием Охранного ведомства. Мы с Генри и Брутманом вошли в вагон, а мама осталась в тамбуре с Ухаровым. Донесли их голоса; он спросил, где она обучалась механике, и она начала вдохновенно врать.

— Алек, будет лучше, если ты станешь контролировать окрестности, — прошептал отец, пока инженер отпирал монтировочный люк компрессора.

Я хотел возразить, но решил, что места возле стоящего в углу цилиндра слишком мало для троих, и сдвинул ставень на окне.

Брутман включил светильник, отец подступил к инженеру, и они негромко заговорили. Опустив раму окна, я выглянул. Серые силуэты маячили вдоль внешнего края перрона. Двое солдат, стоящие в дальнем конце, переговаривались, пользуясь отсутствием надзирающего офицерского ока, а унтер закурил, пуская дым вверх и прикрывая огонек сигарки ладонью. Под куполом стояла гулкая тишина. Опоясывающие его галереи и внутренние постройки прятались в предрассветном сумраке, горели лишь четыре фонаря на столбах, два на перроне, а два — по краям арки.

Я высунулся дальше в окно, посмотрел по сторонам и, убедившись, что никакой угрозы нет, подался обратно. Достал часы — ровно шесть. Неужели получится?

После всех переживаний, ранения Генри, после безнадежности, охватившей нас в гостинице... Вот только как они вытащат детонатор из скоб, приваренных к кожуху?

Поглядев на вяло двигающегося отца, который в тусклом свете казался смертельно бледным, на Брутмана, сосредоточенно лязгающего чем-то в компрессоре, я тихо сказал:

— Их стоит срезать вместе с задней частью кожуха.

Привалившийся плечом к стене Генри не ответил, а Брутман что-то неразборчиво пробурчал. Джейн с Ухаровым любезничали в тамбуре, доносящийся оттуда голос офицера был по-прежнему очень серьезен — даже кокетничал он строго и требовательно. Мама щебетала, как птичка по весне, но в интонациях ее прорывались нотки нетерпения и раздражения. Ухаров вряд ли слышал их, однако я слишком хорошо знал этот голос, чтобы не заметить.

Отец покачнулся и схватился за стену. Я шагнул к нему, чтобы поддержать, но он отрицательно покачал головой, прикрыв глаза. Брутман сосредоточенно копался в компрессоре, откуда лился приглушенный изумрудный свет. Я решил, что пусть лучше Генри встанет у окна, все равно он ничем не поможет инженеру, а я помочь смогу. Собравшись подойти к отцу, кинул последний взгляд наружу — и увидел, как из сумрачной глубины купола Выставки к перрону приближаются две фигуры.

Манера их передвижения казалась настолько особенной, запоминающейся, что не узнать этих двоих было невозможно. Человек-лоза скользил, тек, струился — гибкий, как змея; человек-кулак шел неторопливо и твердо, уверенно проминая, продавливая собою пространство.

Когда они попали под свет горящих на перроне фонарей, стало видно, что тот, кого называют Карибом, по-прежнему облачен в одежду машиниста, а мистер Чосер надел костюм, в котором щеголял, когда мы уви-

дели его впервые. В руках его была раскладная трость и похожий на короткую трубу несессер с железными дисками на торцах.

Они шагнули на перрон и заговорили с солдатами. Один их тех показал на арку, потом — в сторону паровоза, и мистер Чосер вскинул голову. В следующую секунду двое злодеев шагали в нашу сторону, причем шаги их все убыстрялись... и вот оба почти бегут.

Я осознал: сейчас все решится. Прямо сейчас. Больше не было никакого смысла соблюдать тишину, отпала необходимость в конспирации. Я повернулся и выкрикнул что было сил:

— Тревога! Джейн, Генри! Убийцы на перроне!

Инженер с возгласом отпрянул от компрессора. Генри, отшатнувшись от стены, распахнул глаза. Из тамбура донесся громкий голос Ухарова, который сурово и со всей ответственностью вопрошал, что происходит.

— Разводите пары! — крикнул я. — Джейн, освободи состав от лишних пассажиров!

Брутман замер с глупым выражением на лице. Генри, прыгнув ко мне с револьвером в руке, пошатнулся и упал на одно колено. Уперся в стену стволом оружия, пытаясь выпрямиться.

— Сейчас... — пробормотал он. — Секундная слабость.

— Мадам, что вы... А-ах! — раздалось из тамбура, и в окне я увидел выпавшего спиной на перрон Ухарова. Его тонкие ноги взлетели, подошвы сапог обратились к вершине купола.

— Ну же, Брутман! — прокричал я, но инженер лишь пучил на меня глаза.

На перроне закричали. Мистер Чосер с Карибом бегом приближались к составу. Из тамбура донесся выстрел, это Джейн взялась за дело. Генри все еще пытался встать. Я выхватил у него револьвер, подскочив к Брутману, ткнул стволом в лицо и гаркнул:

— Я сейчас пристрелю тебя! Или заводи этот чертов паровоз, или ты покойник!

Из ноздрей его пошла кровь, инженер мотнул головой, вытер нос, глянул на ладонь. Взгляд стал осмысленным, и он выбежал из вагона. Испугавшись, что Брутман попытается покинуть состав, я бросился за ним, но он, миновав Джейн, стоящую у выхода из суфле с пистолетом на изготовку, грудью распахнул дверь и ввалился в кабину паровоза. Я вбежал за ним.

Здесь было жарко и душно из-за водяных испарений. Брутман крутанул вентиль турбогенератора, включая освещение. Снаружи кричали и ругались. Снова раздался выстрел. Повернув колесо на паровой колонке углеподатчика, инженер сдвинул рукоять, кинул взгляд на манометр, показывающий давление в котле, что-то повернул. Заурчала, загудела колонка, откуда в котел подавалась вода.

— Сейчас мы поедem, — заверил меня Вилл Брутман.

— Не мешкайте! — велел я и побежал обратно.

В радиовагоне я вернул пришедшему в себя Генри револьвер. Выстрелы Джейн над головами солдат заставили тех укрыться за перроном, откуда торчали головы и штыки ружей. В окно я не увидел Ухарова и седоусого унтера. Зато разглядел, как укрывшийся за фонарным столбом мистер Чосер показал Карибу на арку, и тот побежал вдоль перрона.

Состав дрогнул, лязгнули сцепки, медленно-медленно паровоз начал пятиться, толкая вагоны в арке. Вынырнувшая из тамбура Джейн крикнула:

— Я заперла дверь! Охрана растеряна, они не... — она выглянула в окно, возле которого мы стояли. — Что они задумали?!

Генри, высунувшись подальше, направил ствол вслед Карибу, но один солдат выстрелил, пуля со стуком ударила в стену вагона над окном, и отец отпрянул. Это

послужило сигналом — не дожидаясь команды, другие тоже открыли огонь.

«Самодержец», набирая ход, полз назад, первый вагон выкатил из-под арки. Куда побежал Кариб? Я чувствовал, что это важно. Пули били в стену, две влетели внутрь и ударили в железный шкаф. Встав сбоку от окна, я поглядел вдоль перрона. Из-под паровоза с шипением повалил пар. Не знаю, что сделал Брутман, но на перроне поднялась настоящая паровая метель. Посреди белых клубов возник хромающий Ухаров, рядом появился унтер.

— Что задумали те двое? — повторила Джейн.

Перрон с растерянными мечущимися в клубах пара солдатами и выкрикивающими беспорядочные приказы офицерами все быстрее полз назад. А впереди, за светлеющим проемом арки, я разглядел Кариба. Он стоял возле стрелочного механизма, где сходились ветки проложенной через парк восьмерки, навалившись на рычаг, медленно сдвигал его. Вот в чем дело!

— Джейн, скажи Брутману, чтобы ускорил ход! — прокричал я. — Прямо сейчас!

Она кинулась в суфле.

— Я все же попробую подстрелить его, — сказал отец. Огонь по нашему вагону прекратился, и Генри снова высунулся в окно, поднимая револьвер.

Под напором Кариба рычаг стрелочного механизма ушел вниз, и миг спустя первый, то есть последний вагон состава достиг стрелки. Дрогнув, он начал заворачивать, за ним потянулся другой, состав плавно изогнулся. Спереди донесся частый перестук — колеса проходили по стыкам. Генри выстрелил трижды, но неясно было, попал он или нет. Кариб то ли присел, то ли упал позади стрелочного механизма.

— Разряжен! — воскликнул отец.

Вдруг человек-кулак, вылетев из-за стрелки, с ходу заскочив на подножку вагона номер пять, в купе кото-

рого на Выставку ехали мы, и только тогда я сообразил, что дверь этого вагона все время была раскрыта. За секунду до того, как Кариб нырнул внутрь, навстречу ему высунулась гибкая фигура, вцепилась в куртку, помогая подняться. Мистер Чосер еще раньше пробрался туда!

«Самодержец» двигался все быстрее. Мы выкатили из-под купола. Я сказал Генри и прибежавшей назад Джейн:

— Эти двое успели запрыгнуть. Сейчас они прорвутся сюда.

Глава 7

СЛОМАННЫЙ ТРЕЗУБЕЦ

1

Заперев дверь тамбура, ведущего в вагон-ресторан, мы отошли немного назад.

— Теперь этим путем сюда не проникнуть, — сказала Джейн, — но что дальше? Состав пустили по кругу, мы вернемся на то же место.

— Надо вытащить «поганку» из компрессора. — Левой рукой Генри двигал неловко и старался действовать только правой, но говорил он решительно и энергично. — Спрыгнуть вместе с ней и отнести подальше.

— А если тот, кто должен устроить взрыв, узнает, что тут происходит? — возразила она. — Вдруг уже узнал? Не знаю, как, но... Он может взорвать нас прямо сейчас.

— Постойте, — сказал я, и они повернулись ко мне. — В ресторане ведь обзорный купол, так? Наверх ведет лестница. Чосер с Карибом поднимутся и разобьют стекло. При такой скорости им ничего не стоит перепрыгнуть на наш вагон без всякой раздвижной лестницы.

— Ты прав, — отец стал перезаряжать револьвер. — Значит, нужно встретить их наверху.

— Как отсюда подняться на крышу? — спросила Джейн, проверяя свое оружие.

Пришлось напомнить:

— Я же разрезал крышу первого суфле.

— Тогда быстро туда!

Генри первым поспешил через вагон, Джейн — за ним, следом побегал я. Когда выскочил в суфле, она уже подсаживала отца. Из двери, ведущей в кабину паровоза, высунулся всклокоченный Брутман. Лицо его блестело от пота, на лбу красовалось пятно мазута, усы топорщились, он успел скинуть сюртук и закатать рукава рубашки.

— Что вы делаете? — крикнул инженер сквозь лязг, шипение и рокот.

— Езжайте дальше! — крикнул я. — Мы разберемся!

— Но что теперь? Нас пустили через парк!

— Мы разберемся! — повторил я и подпрыгнул, вцепившись в край прорехи над головой.

Светало, дождь прошел — ни грозы, ни грома, небо было чистым и ясным, не осталось никаких свидетельств ночной бури. Ветер тоже стих. При свете передвигаться по неторопливо движущемуся поезду было совсем несложно. Мы пробежали по радиовагону, Джейн прыгнула и оказалась на следующем, где высился стеклянный горб обзорного купола. Генри миновал преграду не столь уверенно, и на той стороне мама поддержала его. Они оглянулись на меня.

«Самодержец» подъезжал к самой дальней от купола, круто изогнутой части восьмерки. Я собрался прыгнуть вслед за родителями, когда из паровозной трубы повалил дым. Плотный, густой, он напоминал толстый хвост ваты, вымоченной в чернилах. Струя, состоящая из угольно-черных клубов, накрыла нас, я закашлялся, замахал руками. Заслезилась глаза. Дьявольская механика! Потеряв равновесие, едва не упал, пришлось опуститься на колени и упереться руками в крышу вагона.

В непроницаемом мраке раздался гулкий хлопок, от которого екнуло в груди. Зазвенело стекло. Донесся вскрик.

— Мама! — закричал я. — Отец!

Дым начал рассеиваться, теперь мимо проносились отдельные клочья, они становились все реже и бледнее. Оттолкнувшись от крыши, я распрямился. Неподалеку снова закричали.

— Мама! — я бросился туда, где во мгле проступили очертания обзорного купола, перемахнул через пространство между вагонами и остановился.

Открывшаяся взгляду картина навсегда осталась в моей памяти. Качающаяся, дрожащая крыша... Дыра в стеклянном куполе... Отца не видно... Мама лежит на краю вагона... Над ней склонился смуглый человек с жесткими складками у рта. В руке его часы. Да-да, часы: цепочка, круглый корпус — просто карманные часы. Или нет? Что-то с ними не так, корпус кажется слишком толстым...

Где отец? И почему мама не шевелится?

Из дыры в куполе появилась рука, ухватила за металлическое ребро, затем показался конец раскладной трости.

Кариб начал вращать часами, сжимая конец цепочки. Раздалось гудение, и золотой корпус как будто бы стал больше — а потом, повинувшись движению убийцы, он метнулся вниз и ударил маму в грудь. Брызнула кровь. Мама выгнулась дугой, захрипела.

С криком я налетел на Кариба, толкнул что было сил. Он отшатнулся, зацепившись за тело Джейн. Гудящий золотой диск пронесся мимо моего уха, и Кариб упал в дыру, сбив вылезающего оттуда мистера Чосера.

Когда я склонился над мамой, по ее груди расплзлась кровь из рваной раны. Одна рука сжимала револьвер, а другая поднялась, и пальцы легко скользнули по моей щеке. Губы шевельнулись.

— Малыш... — шепнула она. — Мы хотели сказать... Хотели сказать тебе, что ты не...

Ее веки затрепетали — и опустились, и больше мама не произнесла ни слова.

— Алек! — голос отца донесся сбоку.

Он висел, вцепившись в решетку вентиляции, ноги болтались над проносящейся внизу землей. Я упал на краю вагона и схватил его за руки. Он начал подтягиваться. В запрокинутом лице не было ни кровинки, по плечу расползлось темно-красное пятно. Когда Генри оказался на крыше, я крикнул:

— Джейн! Она не шевелится!

Из-под купола донеслись стук и звон. Я выхватил револьвер из безвольной руки мамы, подскочил к куполу и дважды выстрелил сквозь дыру. В полутьме вагона зазвенело, потом там выругались на незнакомом языке. Я разглядел силуэт мистера Чосера — он показывал вверх, но не на меня, выше. Человек-лоза что-то прокричал, и я снова выстрелил, однако за миг до этого он гибко скользнул вбок. Простучали шаги, внизу стало светлее — раскрылась дверь. Они выпрыгнули!

Отец, стоя на коленях, обеими руками держал голову мамы и глядел в небо. Странный свет окутывал их фигуры и весь вагон. Сияние пробивалось из щелей вентиляции, оно очертило мою руку, когда я поднес ее к лицу. Я медленно поднял голову.

Небо над куполом Всемирной Выставки горело. Световые полотнища красно-желтых и алых оттенков извивались в нем. Они медленно сворачивались исполинскими кольцами, образуя смерч, который полз прямо над нами, следуя движению поезда... то есть солярного детонатора, спрятанного в нем. Не было никаких сомнений: происходящее в небе связано с работой этого устройства.

«Самодержец», пройдя половину кольца, поворачивал обратно к месту пересечения рельс.

— Прыгай, — сказал отец.

Смертельно бледный, он сидел, поджав ноги, на самом краю вагона, и голова мамы покоилась на его коленях. Он повторил:

— Прыгай, Алек.

— Вы тоже, — я присел рядом. — Мы спрыгнем вместе.

— Я не брошу Джейн.

— Мы прыгнем вместе, Генри! — я схватил его за локоть, но он отбросил мою руку и выкрикнул:

— Она мертва, Алек! Они убили ее!

Световой смерч вращался над нами. Теперь горел весь вагон, сам металл, казалось, светился, в моих волосах проскакивали колкие искры. Силуэты Генри и Джейн сияли неземным огнем. До судороги сжав пальцы на рукояти маминогo револьвера, я повторил:

— Мы прыгнем вместе.

— Держи! — отец сунул мне свое оружие, а другой рукой ткнул в грудь портмоне, которое вытащил из кармана.

«Самодержец» изгибался на повороте. От арки в куполе к нам бежали серые фигурки. Сияние заполонило все вокруг, красно-алый смерч сверкал над поездом.

— Зачем ты даешь мне портмоне?! — прокричал я, прекрасно понимая, для чего он делает это, но не желая принимать правду. — Я не брошу вас!

— Возьми его! Это важно, возьми, там кое-что есть!

Смерч еще сгустился и стал цвета крови. Все вокруг сверкало, переливаясь красками смерти.

— Я не оставляю ее, — сказал отец. — Она ближе мне, чем воздух в моей груди. Но тебе не нужно умирать с нами.

— Но вы же мои родители! — закричал я в отчаянии.

— Нет, Алек, — ответил он.

Я просто не понял, о чем он, не смог понять. Генри запихнул портмоне мне за пазуху и произнес:

— Это то, что мы хотели сказать тебе. Твой отец, настоящий отец — тот самый человек, который попросил нас помочь Мистеру Икс. Револьверы — давний подарок твоего отца. В тот день, много лет назад, когда он отдал

тебя нам и попросил увезти подальше, в тот же день он подарил эти пистолеты. Его инициалы...

— О чем... ты... говоришь? — в оцепенении прошептал я.

— Его инициалы на рукоятках, Алек.

А потом Генри МакГрин схватил меня за плечи и толкнул вбок. Вскрикнув, я слетел с края вагона, в последний миг увидел, как сверкающий неземным светом отец наклонился и приник к губам мамы, и после эти двое навсегда исчезли из моей жизни, растворившись в небесном огне.

В падении я взмахнул руками, выпустив револьверы. Прямо подо мной оказалась вода — там был бассейн с аттракционом паровых лодок, я ушел в него с головой, но оттолкнулся от дна и взлетел над поверхностью. Плюясь, фыркая, распрямил ноги.

Поезд, стараниями Вилла Брутмана успевший хорошо разогнаться, миновал бассейн и быстро приближался к куполу. Небо сверкало, смерч расплылся в яркое облако. Ворох слепящих молний ударил из него в поезд. На полном ходу «Самодержец» въехал в арку купола. Облако полыхнуло, мир раскололся напополам. Я зажмурился. И грянул гром.

Земля вздыбилась, волна грохота накрыла меня — и схлынула. Дно бассейна содрогнулось, покрывшаяся рябью вода стала быстро убывать. Кулаками я протер глаза. Там, где раньше высился купол Всемирной Выставки, теперь было нечто другое. Обломки. Куски. Искореженные останки. Дымящиеся черные кости, оставшиеся от скелета постройки. Посреди хаоса разрушения обугленной спиралью торчал винт отисовского лифта.

Я стоял в пучине ужаса, замерев, потерянный, один в большом опустелом пространстве. И свинцовым молоточком в висок билась мысль. *Они не мои родители. Не мои родители. Они не мои. Не мои!*

Шум и гам царили под гостиницей «Высокий Дом» в это ясное, умытое ночным дождем утро. Из кустов торчала перевернутая паровая тележка, еще одна врезалась в колонну у входа. Я дотащился до гостиницы, едва переставляя ноги. Мимо пробегали служащие. Сразу несколько постояльцев со своими слугами, груженными поклажей, застряли в дверях, кричали, толкались, пытались вывалиться наружу.

Я пошел сквозь толпу, задевая людей плечами. Портмоне отца было во внутреннем кармане куртки, пистолеты просунуты под ремень. Меня толкали, били локтями по ребрам, вопили в ухо. В толпе истошно звали какого-то Мусю; миловидная юная дама искала Павлушу, беспомощно всплескивая руками и причитая: «Он же еще совсем маленький!» От стоянки на другой стороне площади, выплевывая клубы пара, отъехал перегруженный пассажирами фазтон, его место сразу занял другой, к нему потянулась взволнованно гудящая толпа. Кондуктор в дверях размахивал руками и орал. Посреди площади над людским морем возвышался поп, весь в черном, с лохматой бородой, он махал тяжелым нательным крестом на цепи, будто хотел им кого-то зашибить, и, перекрывая гам, трубно вещал про Апокалипсис и адский свет в небеси.

Сообразив, что через парадную дверь внутрь не попасть, я направился в обход и едва не наступил на графа Юрия Федоровича Кушелева-Безбородко. Он сидел на корточках, ломая руки, покачивался взад-вперед. Я бы прошел мимо, но на лице его была такая тоска, что пришлось остановиться и спросить:

— Что случилось?

— Отец... — юноша поднял полные слез глаза. — Мой отец! Он в куполе!

Мы посмотрели в ту сторону, где совсем недавно над парком и окрестностями, над Москвой, над всей

Российской империей, знаменуя ее мощь и технический гений, высилась полусфера Всемирной Механической Выставки, а ныне лишь кривые черные зубья торчали в небо, как осколки разбитого надгробия.

Ничего не ответив, я шагнул дальше, но граф вцепился в мою руку и забормотал:

— Может, он спасся? Ведь кто-то мог остаться в живых. Надо бежать туда, но я боюсь. Не могли бы вы... со мной...

Расцепив его пальцы, я сказал:

— У каждого своя скорбь. В это утро погибли многие.

— Но что же делать?! — всхлипнул он.

— Думаю, ты можешь просто жить с этим дальше, вот и все.

Вздвогнувшись, он уставился на меня. Зрачки графа расширились, он пробормотал: «Ты... Это вы... Но как?!» — а потом вжался в стену гостиницы и закрыл лицо руками, будто отгородившись от ужаса мира, снова принялся раскачиваться.

Я быстро пошел дальше. Позади здания нашлась распахнутая дверь, сквозь которую то и дело вбегали и выбегали служащие. Когда я входил внутрь, на меня никто не обратил внимания.

Запершись в номере, я стащил одежду, бросил на кровать, прошел в ванную и отвинтил оба крана. Титан работал, горячая вода была. Я принялся тереть лицо, шею, плескать на голову, намочил волосы, выпрямился и уставился в запотевшее зеркало над раковиной.

Они умерли. Они не мои родители. Они погибли, растворились в небесном огне. Они не мои родители!

Включи мозги, Алек. Думай. Думай, черт тебя дери! Я заколотил ладонью по лбу, все громче, сильнее, до боли, пока в глазах не начало двоиться, а я все бил, потом в голове будто что-то сместилось, я застонал, когда ванная комната покачнулась, отшатнулся от зеркала, опустился на корточки и уперся ладонями в пол, чтобы

не упасть. Из глаз бежали слезы. Вытер их запястьем, встал, позабыв закрутить кран, вернулся в комнату.

Два револьвера лежали на диване. Они были тут, но тех, кому они принадлежали, не стало. Тонкие серебряные линии рисовали на черном агате две буквы: «S» и «H». С них начинаются имя и фамилия моего настоящего отца. Так кто же он? Мой отец попросил помочь Мистеру Икс, так сказал Генри. Кто такой Мистер Икс? Что за человек, в распоряжении которого копировальный радиотранслятор, устройство для голосовой связи и дистанционно управляемый дрон-аэростат?

А кто может владеть технологией вроде светового детонатора? Есть трое в этом деле, кого я не знаю: хозяин Чосера и Кариба, Мистер Икс и SH. Первый — Хозяин — преступник, готовый убить тысячи людей ради своих непонятных целей. Вторые два — заодно и действуют против него.

Меня видели. Об этом я подумал, уже начав одеваться. Видели солдаты, офицеры, и когда начнется расследование... Купол обвалился, сейчас это место оцепляют, сюда подтягивают войска. Обо мне знают. Или скоро узнают. Меня поймают, надо уходить — немедленно — исчезнуть, раствориться — у меня есть деньги и паспорта — вернуться в Санкт-Петербург, в наш дом... Нельзя, там ждут, а если еще не ждут, то очень скоро агенты охраны заявятся туда.

В одном ботинке, сжимая в руках второй, я остановился у окна. Все мысли вымело из головы, потому что на другой стороне площади я увидел, как человек-кулак и человек-лоза идут к фэзтону.

Я замер, уставившись на них. В этот миг все дальнейшее встало перед моими глазами. Кто мой настоящий отец, когда он найдется и найдется ли вообще... Даже если я когда-нибудь увижу его — он останется для меня чужим. Пусть Генри и Джейн мне не родители по крови, но они — мои отец и мать. Они во многом сделали меня

таким, какой я есть. Эти двое — основа моей личности, и если я не расквитаюсь с их убийцами, то предам себя. Поэтому мне ничто не помешает. Ничто и никто не сможет остановить меня. Я не просто гимназист шестнадцати лет, я — Алек МакГрин, и я сделаю все, что могу сделать.

И тогда я начал действовать.

Натянув сорочку и жилет, разложил на диване чемодан, достал из-под вороха вещей перевязь с кобурами, нацепил на себя, вставил заряженные револьверы. Надел сюртук, разгладил на боках, проверил перед зеркалом, заметно ли оружие.

В боковом отделении чемодана обнаружился подарок родителей на день рождения — маленький золотистый пистолет с черной инкрустацией, двумя буквами: «А» и «Н». Алек... нет, не МакГрин. Моя настоящая фамилия начинается на ту же букву, что стоит на рукояти папиного револьвера. Латинское «аш», и поэтому я — А.Н. Но как же звучит моя настоящая фамилия?

Разглядывая подарок, я покачал головой. Спасибо, Генри, только это оружие мне больше не годится. Оно подходило для меня еще вчера, а сегодня уже не по размеру. Взять подарок будет неправильно — все равно, что захватить в будущее кусок детства, что-то из старых привычек, возможно, милых и подходящих мне тогда, но теперь ненужных и даже вредных. Я-ребенок не смогу сделать то, что собираюсь, для этого нужен совсем другой человек — я-взрослый.

Положив золотистый пистолет на стол, я снова нащупал под сюртуком револьверы Генри и Джейн. Нет, не их — теперь они мои. Этим утром я *врос* в них.

В чемодане нашлась бечевка, ею стянул волосы на затылке, надел кепи, глянул в зеркало — сойдет. Теперь волосы, главная моя примета, не видны. Из потайного кармана несессера достал ворох паспортов, большинство были для родителей, но среди них и несколько моих.

Перебрав, выбрал один, на имя Алекса Гримуарди. Фамилия, конечно, та еще... Ладно, годится.

Сложив все необходимое, включая свой газовый фонарь, в несессер, я сунул в нагрудный карман расческу-ножик и окинул взглядом чемодан. Куда девать остаток вещей? Это же улики, их нельзя оставлять ищейкам, которые, без сомнения, скоро появятся здесь. Надо спешить, двое убийц вот-вот уедут... То и дело выглядывая в окно, на фэтоны и толпу возле них, я отыскал в чемодане черную коробку, где лежал ворох разномастных очков. Их родители всегда брали на очередное дело — так, на всякий случай. Я выбрал одну пару с затемненными стеклами, нацепил на нос. Из другой коробки достал баллончик с керосином и зажигалку. Полил чемодан, диван, стол с гардеробом, золотистый пистолет на столе, остатки выплеснул на штору. И поджег.

Шум внизу не прекращался. Когда я закрыл дверь в номер, из-под нее потянуло дымом. Сбежав по лестнице, я через гудящий холл зашагал к дверям. Внимание привлекли трое, стоящие среди толпы, — растерянные, с багажом, который у них в неразберихе никто из служащих не спешил забрать. Низенький толстый господин с огненно-рыжими бакенбардами, высокая, худая веснушчатая дама и барышня лет семнадцати, тоже рыжая, тоже веснушчатая, с острым носом.

— Прошу прощения, — возмущенно заговорил господин на английском, когда я проходил мимо, — что происходит в этой чертовой дыре?!

Я не ответил ему, спеша к выходу, где давка уже рассосалась, но напоследок успел скользнуть взглядом по юной барышне и невесело подумал: *я был красивее.*

За последние минуты от «Высокого Дома» успели отъехать три или четыре фэтона, и очередь из желающих немедленно укатить почти исчезла. Увидев мелькнувший в дверях последнего фэтона черный цилиндр с белой ленточкой, я поспешил туда. Раскрасневшийся,

тяжело дышащий кондуктор закрывал дверь, и когда я вспрыгнул на подножку, зло выкрикнул:

— Мест нет!

— Есть одно, видел в империале, — я ткнул пальцем вверх.

— Там тоже все занято!

Фаэтон дрогнул, свистнул, из трубы ударила струя пара. Шофер прокричал из кабины:

— Отбываем!

Кондуктор попытался спихнуть меня с подножки, и тогда я ударил его в грудь. Он крикнул, отшатнулся в проеме. Я выхватил из кармана портмоне, выудил оттуда десятирублевую банкноту и сунул ему в руку. Деньги были большие, и кондуктор, выпучив глаза на банкноту, судорожно скомкал ее в кулаке.

Поглубже нахлобучив кепи и подняв воротник сюртука, я по винтовой лесенке взбежал на империал, то есть второй, открытый этаж фаэтона. По дороге кинул взгляд в салон — Кариб и мистер Чосер усаживались между господином с козлиной бородой и дородной дамой, неодобрительно поглядывающей на них.

Фаэтон поехал в тот момент, когда я втиснулся на самый край лавки, возле астматически сопящего старичка в пальто и высоком цилиндре, который он зачем-то придерживал рукой, хотя ветер не дул. Машина покатила вокруг гостиницы, быстро миновала ее и свернула на дорогу, идущую через парк. Позади над «Высоким Домом» начал подниматься дым, донеслись крики.

Стояло холодное осеннее утро. Убийцы моих родителей и всех тех людей, что погибли под куполом, были совсем рядом. Я приложил руку к груди. Необычное чувство посетило меня: острое, ясное ощущение звенящей нити, протянувшейся от меня, прямо от сердца, к этим двоим. Нить шла к Чосеру и Карибу, но на них не заканчивалась. Туго натянутая, незримая, она проходила дальше — в смутную даль, где притаился тот, кто послал двух убийц.

Снова раздался свисток, и фазтон ускорил ход.

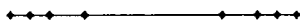
Кариб и мистер Чосер — это только руки. Две руки: левая — хитрая, гибкая, рука-плеть, рука-лоза. И правая — молчаливая, жесткая, всегда готовая сжаться в твердый, смертельный кулак. И за ними в мутной мгле стоит Хозяин, тот, кто двигает ими. Я найду его, найду и уничтожу, сколько бы времени и сил ни ушло на это.

Я стащил кепку, и вдруг мне почудилось, что с неба на меня направлен внимательный взгляд. Заерзав, я всмотрелся в равнодушную глубокую синеву, потом пожал плечами, снова надел кепку и выкинул из головы это ощущение.

Купола Выставки больше не было видно позади, зато впереди я различал серые силуэты в небе. У причальных башен московского Воздушного порта висели дирижабли. Туда — и дальше, в неведомые закутки мира, лежал мой путь.

Эпилог

ЧЕЛОВЕК В БАШНЕ

Серая башня, вырезанная из цельной каменной глыбы, стояла на утесе высоко над океаном. Висящее вдалеке одинокое облако, золотисто-белое от лучей недавно ушедшего за горизонт солнца, было единственным светлым пятном на холодном свинцовом фоне.

Крышу башни венчала антенна в форме воронки, которая заканчивалась обращенным к небу кругом зеленоватого металла. С тихим треском в нем зажглось изумрудное сияние — и в комнате на вершине башни сидящий в кресле человек открыл глаза.

Его взгляд оставлял впечатление давящей, материальной силы, буквально пригибал к земле. Казалось, что таким взглядом можно зажигать свечи... и гасить жизнь в людях. Мало кто решался смотреться прямо в глаза этого человека, а тот, кто осмеливался, потом долго не мог избавиться от двух черных пятен, плавающих на сетчатке. И от чувства, будто пара раскаленных спиц оставила в мозгу дыры с оплавленными краями.

На хозяине башни был темный костюм и черная сорочка, на лацкан пиджака приколот значок: шестеренка с черным глазом в центре. На столе перед креслом стоял большой медный ящик, от которого к потолку тянулся молочно-белый, будто из матового стекла, провод. Передней стенкой ящику служила толстая линза.

Раздалось шипение, перемежаемое треском, и в комнате зазвучал голос:

— Мы смогли пробить окно в резонансе Шумана и установили контакт. Сеанс продлится меньше минуты, но четкость будет нормальная. Начинать?

— Да, — негромко произнес хозяин башни.

По стеклянному проводу потекли пульсации света, линза в ящике мигнула, и в ней возникло изображение.

— Картинка хорошая? — спросил оператор, но человек в кресле не удостоил его ответом.

В линзе проступила земля с высоты птичьего полета, дорога между деревьями, паровая машина на ней. Помутнев, пейзаж рывком придвинулся, задрожал, снова вошел в фокус. Стал отчетливо виден верхний, открытый ярус фаэтона, где сидели люди. Снова рывок — картинка еще увеличилась. Все пассажиры были в головных уборах, и человек произнес:

— Ну, где ты?

Будто повинуясь его приказу, один из пассажиров стащил с головы кепи, открыв светло-серые, с серебряным отливом, волосы, стянутые в хвост на затылке.

Хозяин башни подался вперед, его длинные узловатые пальцы стиснули подлокотники.

— Ты! — произнес он. — Как долго... Какая сложная интрига. И как много смертей ради этого момента. Трудно было отыскать тебя среди просторов Сплетения.

Трескучие разряды побежали по изображению, будто стайка светящихся водомеров, оставляя позади расходящиеся полосы искажения. Картинка задрожала, подернулась дымкой.

— Зафиксирован *поток внимания*, — голос оператора зазвучал тревожно. — Чужой сигнал... Это вторжение. Они пытаются снять наш код и дешифровать всю систему.

— Отследите чужой поток, — приказал человек в кресле.

— Невозможно. Настройки атмосферного коннектора недостаточно для таких тонких работ. Но это Мессия,

никаких сомнений. Наверное, ему помогает Близнец. Только их уровень позволяет вмешиваться в работу нашей аппаратуры.

Картинка в линзе расплылась и пошла полосами. На секунду они сложились в лицо с черными зрачками, которое внимательно глянуло на того, кто сидел в кресле, и тут же растворилось в мутной дрожи, покрывшей все изображение.

— Довольно, — резко приказал хозяин башни, и свет в линзе погас вместе с бегущими по стеклянному проводу всполохами.

Тот, кого иногда называли SH, откинулся в кресле, потрогал значок на лацкане и произнес:

— Вот мы и встретились, Алек. Теперь ты на поводке.

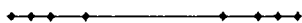
Часть вторая

ЗВЕНЯЩАЯ НАТЯНУТАЯ НИТЬ

Глава 1

НА ЗЕМЛЕ И ПОД ЗЕМЛЕЙ

1

Что, если Генри соврал мне?

Откинув одеяло, я сел на койке в своей крошечной каюте второго класса.

Человек, которого я мысленно по-прежнему называл отцом, мог сказать, что они не мои родители, надеясь этим подтолкнуть меня к прыжку с вагона. Он решил, что так мне будет легче бросить их там.

Была глухая ночь. Рокотали винты, посвистывал ветер, но за тонкими переборками стояла тишина — все спали. Уставившись в темноту, я размышлял.

Мог он соврать? В той ситуации — конечно. Тогда откуда уверенность, что Генри сказал правду? Да оттуда, что ведь были в нашей жизни всякие мелочи, детали, намеки... Раньше я не обращал внимания на все те подозрительные нестыковки, свидетелем которых становился, а теперь они всплывали в памяти, постепенно складываясь в картину, которая подтверждала: Генри и Джейн не мои отец и мать. Ведь я, на самом деле, и не похож на них — ни характером, ни внешне. Почему они настаивали, чтобы я обращался к ним по именам? И почему, черт возьми, смотрелись так молодо? Да потому, что и были моложе того возраста, который значился в их паспортах!

Хорошо, значит, когда-то очень давно они усыновили меня. Сколько себя помню, мы жили в России.

А, кстати, сколько я себя помню? Первое воспоминание: какая-то карета, большой пассажирский экипаж. Смутно вспоминается стук копыт... Мы едем куда-то... Сколько мне тогда было? Пять-шесть, не больше, то есть это происходило десять или одиннадцать лет назад. Усыновили меня раньше — возможно, тот экипаж вез нас в Россию? А когда я понял, что отец с матерью грабители? Я начал помогать им примерно с четырнадцати лет и к тому времени прекрасно разобрался в особенностях нашего положения.

Если задуматься, они постоянно грабили либо большие банки, либо богатых, причем несколько раз им, а вернее, — нам доставался изрядный куш. А это вызывает к жизни еще один непростой вопрос...

Поняв, что не засну, я оделся и вышел из каюты, захватив револьверы.

Грузопассажирский дирижабль «Рассвет империи», давно покинув пределы России, летел над Европой. На нем было три гондолы: ближе к корме так называемые моторные, с винтами, а на середине — основная, состоящая из двух ярусов. В верхнем летел первый класс, среди пассажиров которого были двое убийц, а в нижнем ярусе, менее комфортном, — второй класс, и в том числе я. Денег хватало, но я предпочел билет второго класса потому, что Кариб дважды видел меня, сначала в радиовагоне, после — на крыше, и мог узнать.

Там, где ярусы соединялись, гондолу опоясывала обзорная галерея с большими окнами. Гуляя по ней, я продолжал размышлять. Где награбленное? — вот в чем вопрос. Бриллианты, золото, ассигнации... Мы жили неплохо, но, если задуматься, тратили меньше, чем воровали. Куда делось все, что было украдено за эти годы? Может, Генри с Джейн откладывали, их сбережения где-то спрятаны? Ведь на самом-то деле у нас были средства, чтобы поселиться в большом имении или даже

замке и содержать толпу слуг. Мы должны были быть по-настоящему богаты! А мы жили скромно: небольшой дом, приходящая кухарка и горничная, убиравшая только на нижнем этаже, поскольку на верхний, где были кабинеты и спальни, ее не пускали.

По бортам гондолы горели огни, над головой нависала вытянутая громада корпуса. Дирижабль полз в ночной тиши, над темной землей с редкими огнями. Сейчас там восточная Польша, по левую руку вдали лежат северные предгорья Карпат, по правую — Краков, Берлин, Париж, и дальше, за холодным проливом, острова Соединенного Королевства.

Жесткие дирижабли довольно сложны в конструкции, и когда-то я сильно удивился, поняв одну возмутительную вещь: очень многие — на самом деле, почти все обыватели — считают, будто корпуса этих машин целиком наполнены газом, создающим подъемную силу. Ну и глупость! Более того, к стыду моему, выяснилось, что и Джейн так считает. Пришлось объяснять ей, что дирижабли делятся на так называемые мягкие и жесткие, и только у мягких баллон заполнен газом, будто воздушный шар. У жестких это сложный скелет, обтянутый многослойным бодрюшем из кишок крупного скота, и внутри него закреплены газовые баллоны.

Глядя вниз, где медленно ползли огоньки, я в который раз задумался над тайной букв «S» и «H» и над тем, кто же в действительности мой настоящий отец. Мне бы хоть какой-то намек, кроме револьверов... Было что-то в нашей жизни, что могло бы натолкнуть на верную догадку? Ничего не вспомнилось. Кстати, любопытно, что про мою мать Генри на крыше вагона вообще не упомянул.

Я достал револьвер и в тусклом свете лампы оглядел рукоять. Вот она, латинская «H», серебряная инкруста-

ция на черном агате. Высокая, строгая буква с маленькими завитушками...

Раздались шаги, и знакомый голос произнес:

— Он ждет нас через двое суток, Диего. Успеем? Я полагаю, — успеем, согласен ли ты со мной? Единомыслие так важно среди соратников и побратимов!

Неподалеку смотровая галерея круто изгибалась вокруг кормы гондолы. Двое, что приближались от лестницы, должны были вот-вот увидеть меня, и я побыстрее отступил за поворот, где наткнулся на решетку, отгораживающую вторую половину галереи. Шаги стали громче, до меня донеслось:

— Какие дела начнутся после нашего прибытия на место! О, я весь дрожу от предвкушения!

Рядом с решеткой была дверь, ведущая в служебные помещения гондолы... запертая дверь. Сунув револьвер в карман, я выхватил отмычки, вставил одну в скважину, подергал, провернул. С тихим клацаньем замок открылся.

Прозвучал глухой, лишенный интонаций голос:

— Мы будем на месте вовремя.

— Неизвестно, неизвестно, дорогой мой. Твой друг Джуса, этот жирный дебошир, мог и не успеть сделать все, что должен был сделать. Адская смесь — дело тонкое, Диего, даже без последнего ингредиента правильно составить ее не так-то просто...

Голоса звучали совсем близко, я толкнул дверь и скользнул в темное помещение за ней.

— Джуса сделает все, что надо, — прозвучало в ответ. — Он слишком боится Алукарда, чтобы не успеть.

— Надеюсь, надеюсь. Мы все знаем, как граф безжалостен в гневе.

Один говорил глухо и мертво, совсем без чувств, а голос второго переполняли эмоции. Конечно же, с первых слов мне стало понятно, кому принадлежат эти голоса. Уже закрывая дверь, я в щель увидел двух приближа-

ющихся убийц и замер. Если теперь прикрою дверь до конца, пусть даже совсем тихо, они могут услышать и заметить движение. Рука, скользнув в карман, сжала рукоять револьвера. Я бесшумно достал его и приготовился открыть огонь при первой же необходимости.

Пройдя еще немного, эти двое остановились перед дверью. Она скрыла от меня мистера Чосера, но Кариба, то есть человека по имени Диего, я видел хорошо. Убийца Джейн стоял спиной ко мне — так близко! Я могу выстрелить прямо ему в шею или в затылок... Хотя Джейн стреляла в него дважды, из этого же револьвера, и она попала, однако Кариб все еще жив и как будто не ранен. Но пуля в голову или в горло наверняка упокоит его, и затем я смогу расстрелять человека-лозу, изящно облокотившегося на свою необычайно толстую раскладную трость. Это не входило в мои планы, целью было выйти на хозяина этих двоих, а не уничтожить их при первой же возможности, но если они заметят меня, выбора не будет.

— Адская смесь, мой дорогой, — снова заговорил Чосер, — ох уж эта адская смесь, я очень рассчитываю на нее! Вглядишься во мрак под нами, свирепый Диего. Ночная земля с высоты — как покрывало дьявола. Каким великолепным будет зрелище, когда оно разорвется сотнями алых прорех, распадется мириадами сверкающих лоскутьев, и фонтаны из самого пекла взметнутся, чтобы обжечь небеса!

— Да заткнись ты, Вука, — бросил Диего-Кариб, повернулся и зашагал обратно.

Револьвер в моей руке начал подниматься будто сам собой, и лишь крайнее усилие воли помогло мне сдерживать движение, не выстрелить в затылок человека-кулака. Он уходит — и я должен отпустить его, хотя могу отомстить прямо сейчас!

В поле зрения показался Чосер, сделал шаг вслед за Карибом и остановился. Лицо его вдруг исказилось,

рука поднялась. Пальцы скрючились так, что она стала напоминать звериную лапу, на какой-то миг мне даже почудилось, что ногти выросли, обратившись кривыми когтями. Мистер Чосер сделал движение, будто вонзает их в спину сообщника.

Картина была пугающая. Просунув в щель ствол револьвера, я едва сдержался, чтобы не выстрелить в чудовище, которым стал Вука Чосер, — и тут он изменился. Лицо оплыло, руки плетью повисли вдоль тела. Как будто вся энергия разом покинула его... или он просто начал играть другую роль? По моему виску стекла капля пота, но я не пошевелился. А может, эти личины на самом деле — все когда-либо встреченные им в жизни люди, манеры которых Чосер перенял? Или все те, кого он убил? Может быть, убивая, Вука Чосер, а вернее, темное существо, которое прячется внутри него, выпитывает в себя сущность жертв?

Человек-лоза вялой походкой, подгибая колени, поплелся вслед за ушедшим вперед Карибом. А я одернул себя: прекрати, Алек! Нет никакого существа, никакого демона, поселившегося в теле Чосера, есть просто необычный человек из той породы, которую в книгах по психологии называют «социопатами».

Я так и не выстрелил, позволив этим двоим уйти. А после, вернувшись в каюту и улегшись на койку прямо в одежде, вспомнил два имени, которые прозвучали на галерее: Джуса и Алукард. Джуса, судя по разговору, находится примерно на одном уровне с Чосером и Карибом в той темной иерархии преступников, к которой принадлежат эти двое. А граф Алукард кто таков? Тот самый *Хозяин*? Я снова ощутил звенящую нить, протянувшуюся от меня к двум убийцам, а от них — дальше, вниз, к земле, куда-то очень далеко, к едва различимому силуэту с бледным пятном лица, на котором поблескивали глаза... И на этой мысли заснул.

Дирижабль — это вам не ручная тележка. Они громоздкие, инерционные, неторопливые. В последнее время их заметно модернизировали стараниями концерна «Цеппелин» и лично его главы неукротимого графа Фердинанда фон Цеппелина, русских Императорских Воздушных Дорог, британского «Аэровея», французской «Дюкрете» и американского «Небесного Треста». Но все равно невозможно быстро разворачивать летающие машины и без заминок направлять их в любую сторону, поэтому воздушные порты имеют большую площадь. В Будапеште порт занял целый остров, откуда властям пришлось убрать парк, что в свое время вызвало возмущение горожан.

Ранним вечером, спустя примерно тридцать шесть часов полета, «Рассвет империи» пришвартовался к одной из башен порта на острове Магрит, в центре столицы Австро-Венгрии.

И довольно быстро я понял, что рискую потерять двух убийц.

Для швартовки дирижаблей используют особые башни, сверху опоясанные коридором, откуда торчит так называемый посадочный мост. В действительности, никакой это не мост, просто выступающая из башни длинная площадка, снизу поддерживаемая балками. Сначала на мост вступили пассажиры первого класса, и среди них туда своей скользящей походкой перебрался человек-лоза с кофром в форме короткого цилиндра и раскладной тростью в руках. За ним тяжело, уверенно шагнул человек-кулак, у которого был черный кейс без ручки. После этого центральный люк гондолы закрыли решетчатой перегородкой, рядом с которой встали два матроса — пассажирам второго класса надлежало подождать, когда мост освободится. Сквозь проем люка я видел, как серый котелок Кариба и украшенный белой лентой цилиндр Чосера удаляются все дальше.

На мне был все тот же костюм с короткополым сюртуком, который я надел в гостинице «Высокий Дом», кепи и темные очки, а в руке несессер. С таким скромным нарядом внимания я не привлекал. Кому какое дело до того, что под сюртуком в кобурах скрывается пара револьверов, что лежащая в нагрудном кармане расческа несет в себе заточенный, как бритва, ножик, а в несессере, кроме прочего, находится газовый фонарик, способный в результате несложной манипуляции превратиться в нечто совсем другое, куда более *интересное*.

Я пристально глядел вслед двум злодеям, и по мере того, как Чосер с Карибом удалялись по посадочному мосту, а я вместе с остальными «второклассниками» топтался у люка, тревога моя все нарастала.

Возле стеклянной двери, ведущей в башню, стоял, сложив руки на груди, высокий портовый служащий. Люди вокруг гомонили, обмениваясь впечатлениями от полета, обсуждали раскинувшийся внизу город. Служащий раскрыл дверь, впуская внутрь пассажиров первого класса; котелок с цилиндром исчезли в проеме, и лишь после этого матросы сдвинули перегородку у люка гондолы.

В числе первых я вступил на мост, но тут ведущую в башню дверь на другом его конце снова закрыли. Плохо, плохо! Сейчас «первоклассники» войдут в лифт, их спустят вниз, кабина подыметя, и только после этого башню сможем покинуть мы. Внизу таможенный пункт, но проверка паспортов и багажа вряд ли займет много времени, к тому моменту, как я спущусь, убийцы могут уже... А, собственно, что они могут, куда направятся? Протиснувшись между пассажирами к краю моста, я выглянул сквозь стеклянную ограду.

Ангары, эллинги и ремонтные площадки занимали большую часть острова. Швартовочные башни, будто вбитые в землю гвозди, высились со всех сторон, возле некоторых висели дирижабли. Два моста соединяли

Маргит с берегами. В дирижабле я успел почитать путеводитель и знал, что они называются Арпад и мост Маргариты. Дунай рассекал Будапешт надвое. На высоком западном берегу лежала тихая сонная Буда с ее зелеными холмами и средневековыми замками, а на пологом восточном звенел клаксонами, гудел и шумел многолюдный Пешт.

За ведущей внутрь башни дверью разгорелся свет, и я поднял на лоб свои темные очки. Ага, это лифт приехал... Вот Кариб с Чосером входят в него вместе с другими пассажирами, вот двери закрываются, кабина уползает вниз, и за стеклянной дверью опять становится темнее.

Прежде чем нас впустили в коридор, я успел кинуть еще один взгляд на остров внизу и заметил пристань на восточном берегу острова. Возле нее пыхал дымом речной трамвайчик, а по реке от Пешта плыл другой. Когда он приблизится — первый, стоящий у пристани с пассажирами на палубе, отчалит. Чосер с Карибом успеют на второй трамвай, но я не успею... И что мне делать? Можно взять паровой кеб, но куда отправится моя парочка, в Пешт или в Буду, то есть на западный берег?

Когда нас впустили в башню, двери лифта были еще закрыты. Дожидаясь прихода кабины, я приник к окну и разглядел Чосера с Карибом внизу. Вместе с ними башню покидали другие пассажиры первого класса, несколько носильщиков с тележками суетились вокруг. Убийцы скорым шагом направилась в сторону пристани... Значит, им нужно в Пешт, и они успевают на тот трамвай, который как раз проходит середину восточного рукава реки. Они успевают, а я — нет!

Путь вниз и таможня заняли немного времени. Получив обратно свой паспорт и объяснив таможеннику, что газовый фонарик — всего лишь фонарик, проде-

монстрировав его работу и сунув обратно в несессер, я поспешил к стоянке паровых кебов.

У кебмена, человека лет сорока в фуражке и форменном костюме, лицо было унылым, как вяленая селедка. Он, казалось, повидал уже все на свете и ко всему испытывал вялое равнодушие.

— В Пешт! — велел я, запрыгивая на сиденье позади него.

— Можем по Арпаду двинуть, можем по мосту Маргариты, — ответил он на английском, почти без акцента.

— По Маргарите давайте. Быстрее!

Понукание не возымело никакого действия — шофер все так же уныло сдвинул рукоять, придавил ногой педаль. Кеб сонно тронулся.

Мост Маргариты был по-французски изящным — его и строили французы — с затянутыми в гранит опорами и украшениями в виде массивных корабельных носов. Колеса застучали по деревянной брусчатке. Обнаружив, что движение левостороннее, я обрадовался: в результате мы ехали так, что с края моста можно увидеть речные трамваи.

Стоял тихий, ясный вечер. В Будапеште было заметно теплее, чем в Санкт-Петербурге и Москве. Между полосой для движения повозок и тротуаром тянулись рельсы, и когда мы обогнали бегущий по ним трамвай, я велел:

— Стойте! Мне нужно осмотреться!

Должно быть, прозвучало это неожиданно: кебмен, вздрогнув, ударил по тормозам. Сзади прогудел клаксон, нас обогнала вильнувшая дизельная карета, обдала облаком дыма. Из кабины водитель погрозил кулаком. Не зря некоторые недолюбливают этот новомодный дизель, составивший конкуренцию старому доброму пару, — выхлоп от таких двигателей гораздо пахучей, ядовитей, а сами они громче.

— Да что это вы... — начал было кебмен.

— Помолчите! — приказал я. — Стойте здесь!

Не выпуская из рук несессер, выскочил наружу, пересек рельсы и поглядел через перила. Сдернул с лица очки, чтобы лучше видеть. Речной трамвай подходил к причалу — вот-вот Чосер с Карибом окажутся в Пеште и растворятся в бесчисленных бульварах, улицах, проспектах, площадях, в шумном многолюдье города. Мы точно не успеем вовремя. Если только...

Бегом я вернулся назад и нырнул в салон.

— Трогаем! Мне нужно к пристани речных трамваев!

Шофер дал ход, угрюмо буркнув через плечо:

— Превышать дозволенную скорость я не буду.

Только сейчас я понял, что у меня нет местных денег, то есть крон. Одна крона делится на... кажется, мелкие монеты называются филлеры, по крайней мере, те, что используют в этой части страны. Так вот, у меня нет ни крон, ни филлеров, впрочем, российские, так называемые царские рубли имеют хождение в Европе, более того, — они здесь ценятся как одна из самых твердых, надежных валют.

— Рубли возьмете? — спросил я.

— Э, рубли... — вяло протянул он.

— Царские рубли. Один рубль — это примерно три кроны.

— Ну... могу и взять...

— Сколько стоит проезд до пристани? Той, куда идут лодки с острова?

— Полкроны, — проворчал кебмен недовольно. — За беспокойство мое — полкроны.

— Значит, примерно семнадцать российских копеек. Дам два рубля. Это шесть крон.

— Чего-о? — он оглянулся с унылым, тяжелым удивлением, явно нервничая из-за моей напористости.

— Слушай, хватит вести себя, как снулая рыба! — повысил я голос. — Получишь два царских рубля — шесть крон! — но нам нужно успеть к пристани за три минуты!

— Невозможно такое.

— Даю по рублю за минуту. Слышишь? Три рубля — девять крон! — Выудив из портмоне ассигнации, я помахал ими перед вытянутым лицом. — Это твое — но только если успеем.

Пару секунд он соображал, а потом скорость нашего передвижения резко изменилась. Слава человеческому корыстолюбию — в большую сторону.

Когда кеб, скрипя рессорами на крутом повороте, выкатил к пристани, я облегченно выдохнул, разглядев, как двое знакомых мне господ садятся в дизельное авто, украшенное, как и наша паровозка, желтым флажком со словом «ТАХИ». Подавшись вперед, я ткнул пальцем в переднее стекло:

— Туда!

— Мы их... этих... преследуем, что ли? — спросил он.

— В какую сторону они едут?

— По Святому Иштвану, к площади.

Мысленно я представил себе карту города из путеводителя.

— Площадь Октагон? Езжай за ними так, чтобы нас не разглядели.

— Я в слежке участвовать не подрыжался, — пробурчал шофер, но не нашел в своей вялой натуре сил, чтобы сопротивляться, и поехал, как было велено.

Окруженная высокими зданиями площадь Октагон находится на пересечении проспекта Андраши и большого кольца бульваров. Андраши — крупнейшая, кажется, улица города, по крайней мере, самая известная и основную часть суток заполненная людьми. Когда мы подъезжали к площади, я припомнил, что первая в Европе городская подземная железная дорога, так называемая подземка, открытая в Будапеште, проходит как раз под проспектом и что одна станция должна быть где-то неподалеку.

Даже хруст ассигнации в кулаке не вывел кебмена из апатии, хотя и пробудил в его глазах некоторое сум-

рачное оживление. Я покинул паровозку, надвинул поглубже на глаза кепи, поправил очки и фланирующей походкой зашагал вслед за убийцами, будучи уверен в том, что они проследуют либо к станции подземки, либо в гостиницу... И ошибся.

Парочка зашагала в сторону кафе «Жербо», чей украшенный колоннами фасад виднелся между высокими светлыми зданиями, окружавшими площадь. Про знаменитую на всю Европу кондитерскую я, конечно же, слышал. Родители в ней бывали и рассказывали, а историю ее я читал в «Коммерческих ведомостях».

Пока Чосер с Карибом приближались к «Жербо», последний дважды оглядывался, изучая площадь. Когда они вошли внутрь, я решил сразу не следовать за ними, а для начала прогуляться у дверей. В кафе, занимавшем первый этаж большого дома, были высокие окна, лишь частично прикрытые занавесками, и я разглядел, как моя парочка уселась в дальнем углу зала. Появился официант. Отвернувшись, чтобы сквозь витрину не привлечь внимание бдительного Кариба, я переложил несессер в другую руку, поправил кепи и прошелся перед входом.

Начинало смеркаться, но электрические фонари по периметру площади пока не зажглись. Вокруг гуляли господа и дамы, бегали дети. Неподалеку остановился прикативший на велотележке торговец.

Нетерпеливо прохаживаясь перед кафе и как бы невзначай заглядывая в окна, я припомнил историю «Жербо». В «Коммерсантах» писали, что его открыл чуть ли не полвека назад некто Хенрик Кутлер, потомственный кондитер, исколесивший Европу для приобретения кулинарного опыта. Заведение, поначалу носящее другое название, быстро стало очень популярным, здесь было лучшее на всю Австро-Венгрию мороженое, здесь подавали настоящий чай по-русски. При воспоминании о местной карамели у Джейн загорались глаза, а Генри очень хвалил ликер. Интересная деталь: сейчас в Буда-

пеште было два кафе «Жербо». Году этак в восьмидесятом Куглер в Париже познакомился с неким Эмилем Жербо, удачливым коммерсантом, которого позвал в компаньоны. И через несколько лет как-то так получилось, что кафе стало принадлежать компаньону. Газеты писали, что был долгий суд, дележ собственности и, в конце концов, своеобразное почкование заведения, разделение его на два, одно из которых находилось теперь на площади Октагона, а второе в другом месте. Среди приезжих считалось особым шиком позавтракать в одном из них, а поужинать в другом.

Решив, что выждал достаточно, я вошел в кафе и занял место у окна. Убийцы сидели в другом конце большого зала. Кариб пил кофе, крошечная белая чашечка в его лапище казалась не больше наперстка; мистер Чосер, оживленно болтая и жестикулируя, поедал огромный кусок торта.

В зале с бархатными портьерами было много мрамора, бронзы и дерева дорогих пород. Люстры, хоть и массивные, казались изящными и невесомыми. Подошедший официант с вежливым поклоном положил передо мной меню. Недолго думая, я заказал чай по-русски, шоколадный марципан, имбирное печенье с черносливом и апельсиновый кекс. К ним пару круассанов с карамелью и сдобную булочку по-венски в пикантном винном сиропе, ну, просто потому, что мне понравилось, как это звучит. Хотел попросить еще кусок торта «Будапешт в сливочном соусе с орехами», но сказал себе, что нужно быть сдержанным. Аскетизм и умеренность — лучшие черты мужчины. Хватит с меня марципана, печенья, кекса, круассанов и сдобной булочки по-венски, тем более, в винном сиропе.

Выяснилось, что проблем с российскими рублями никаких нет. Официант сообщил к тому же, что они могут поменять необходимую мне сумму на местные кроны, я протянул ему пару банкнот, и он удалился.

В это время в кафе вошел господин, сразу же приковавший мое внимание. Смуглый, лет пятидесяти, в темном костюме и котелке, ростом примерно с человека-кулака, но не такой крепкий, скорее оплывший, рыхлый. Оглядевшись, он зашагал к столику Чосера и Кариба. Это и есть тот самый Джуса, про которого они говорили на галерее? Помнится, мистер Чосер упоминал, что тот жирный... А еще, что Джуса — дебошир. Переведя взгляд с вновь прибывшего на Кариба и обратно, я подумал о том, что у них костюмы джентльменов, а повадки бандитов, и что обоим скорее пошли бы кожаные штаны, просторные рубахи, цветастые головные платки и остроносые сапоги. Раскормленное, с двойным подбородком, лицо толстяка было и не лицо даже, — а совершенно злодейская рожа. На ней сверкали черным глянцем закрученные кверху усы. Крашенные, решил я, седину прячет. Мистер Чосер, не вставая, махнул рукой в приветствии, Кариб кивнул, и Джуса (наверняка это был он) уселся за их столик.

Официант принес мой заказ и блюда с местными деньгами, которые я отправил в портмоне. Помимо марципана, печенья, кекса и прочего мне подали две пиалы, с винным сиропом и сахарными сливками, и на какое-то время я погрузился в океан сладости, где между миндальных островов плавали шоколадные корзинки, шарлотки и груженные сыром тирамису, в сироповой дымке на горизонте лежал континент Брауни-с-Ликером, а по небу летели кремовые облака, украшенные маленькими клубничками. Будете в Будапеште — обязательно загляните в кафе «Жербо»!

Увы, а может, и к счастью, но кондитерское блаженство продлилось недолго. Мистер Чосер вскоре после появления Джусы сменил маску. Даже издали, наблюдая искоса, я разглядел, как он преобразился. Жизнерадостный малый пропал, его место за столиком занял собранный, жесткий, немногословный человек, скупой

и резко жестикулирующий. Он заговорил, кривя рот, подался к Джусе, требовательно постукивая по столу кулаком. Сосредоточившись на этом зрелище, я вдруг понял, что Кариб исподтишка внимательно оглядывает зал и в данный момент смотрит прямо на меня.

Я заставил себя взять чашку с чаем, отвернувшись, скользя ленивым взглядом по обстановке кафе, сделал пару глотков, затем подозвал официанта и попросил счет. Лучше снова прогуляюсь по площади, так безопаснее. Когда, расплатившись, я встал, Чосер с Джусой закончили разговор, и все трое поднялись. Кариб переложил из руки в руку свой черный кейс, мистер Чосер подхватил с пола кофр-цилиндр. У их столика возник официант.

Покинув кафе, я остановился возле велоторговца, раскрывшего крышку своего ящика на колесах, в котором оказались благоухающие корицей горячие булочки. Их запах успел привлечь двух очень юных и очень изящных барышень с зонтиками. Непонятно было, зачем им зонтики — не было ни дождя, ни солнца. Купив по паре райски пахнущих булочек, барышни поглядели на меня, обменялись чирикающими репликами на венгерском и захихикали.

Сохраняя невозмутимый вид, я глядел сквозь витрину кафе — моя троица шла к выходу.

— Уйшаг! Уйшаг! — мимо пробежал мальчишка с торчащим из сумки ворохом газет.

— Give me the newspaper, please, — обратился я к нему. Мальчишка заморгал, но все понял, как только увидел монету на ладони — и, сграбастав ее, сунул мне пахнущий типографской краской листок.

Троица была уже возле дверей кафе. Заметив на газетной передовице фотографию Вилла Брутмана, я быстро огляделся и шагнул к барышням.

— Excuse me, lady... do you speak English?

Они снова захихикали, глядя на меня блестящими юными глазами, и одна ответила:

— Yes, but it would be better in French.

— Мой французский так плох... — продолжал я на английском. — Извините мою бестактность, ведь нас не представили. Прошу не принимать меня за праздного наглеца, но эта газетная статья и снимки крайне взволновали меня. Не могли бы вы взять на себя труд донести до меня ее смысл?

С этими словами я протянул им газету и шагнул в сторону, чтобы стоять лицом к кафе, но чтобы барышни оставались между дверями и мной. Они, как по команде, снова повернулись ко мне, качнув подолами, такие чистенькие, аккуратные и нарядные в своих светлых платьях, с белыми зонтиками и обернутыми в розовые салфетки булочками в руках.

— Господин из России? — уточнила одна. Я ответил, что нет, но в Москве живут мои родственники, и я беспокоюсь за них в связи с «terrible accident», про который, судя по всему, написано в газете.

Вышедший из «Жербо» Кариб оглядел площадь и посторонился, пропуская Чосера с Джусой. Я переместился еще на полшага вбок, чтобы зонтики барышень совсем прикрыли меня от троицы, и поставил несессер на мостовую. Мы продолжили разговор. На франко-англо-венгерской смеси языков мне было поведено, что в передовице сообщается о страшной смерти семьи инженера Брутмана, погибшего, судя по всему, во время недавнего взрыва Московской Всемирной Выставки. Родные инженера, то есть его престарелые родители, мать, семилетняя дочь и взрослый сын ехали в паровой карете (управлял сын — Джерри Брутман) по улице Лондона, когда котел ее взорвался. Смерть всех находящихся в экипаже наступила мгновенно. Президент консорциума «Force Motors» сэр Бор Ловезьяк заявил, что причиной взрыва наверняка послужила диверсия, так как до сих

пор не случилось ни единого подобного инцидента с паровыми каретами его компании, и всей Европе известна их исключительная надежность. *«А не обошлось ли тут без руки с Востока?»* — так многозначительно закончил сэр Ловезьяк свое выступление перед репортерами, тем самым намекая на смерть инженера во время взрыва Московской Выставки и на попытки России уличить Великобританию в причастности к этому чудовищному происшествию.

Постскриптумом к статье говорилось, что напряжение между Британией и Россией, достигшее было апогея, несколько сглажено срочной «встречей в верхах», однако Европа «затаила дыхание на пороге возможной войны». Ну а после статьи шло интервью с мсье Франком Виакром, директором фирмы «Дюкрете», недавно выбросившей на рынок сразу две новые модели дизельных карет «панар», конкурирующих с продукцией «Forge Motors». Мсье Виакр разглагольствовал про ненадежность паровых двигателей, про их общую отсталость и то, что лишь косность мешает победному маршу дизельного прогресса.

Поблагодарив, я распрощался с двумя изящными венгерками, которые, жизнерадостно чирикаая, поедая булочки и оглядываясь на меня, стали удаляться по площади. Глядя вслед, я подумал о том, что им следует умерить количество потребляемой сдобы, иначе они рискуют в скором времени перестать быть такими изящными, а после выбросил венгерок из головы, сосредоточив внимание на вышедшей из кафе троице. Те удалялись по площади. Отказавшись от булочки, которую торговец настойчиво пытался мне всучить, я подхватил несессер и направился следом.

И вскоре понял, что мистер Вука Чосер, Диего Кариб и человек по имени Джуса направляются к каменной балюстраде, за которой под землю уходит лестница. Та, что ведет к станции будапештской подземки.

Глава 2

ПОДЗЕМНАЯ МАШИНЕРИЯ

1

Спустившись вниз, я разочарованно огляделся.

Подземная железная дорога или метрополитен, как его называют в Лондоне, оказалась всего лишь подземным трамваем. Строительство его, наверное, происходило примерно так: вдоль проспекта Андраши прокопали глубокую канаву, по дну пустили рельсы, каждые четыреста—шестьсот метров сделали расширение под станцию, а сверху канаву накрыли плитами, ставшими частью мостовой.

Станция состояла из двух платформ и пары рельсовых веток между ними. Подошел кондуктор с большой сумкой на ремне и продал мне билет, который давал право на проезд от «Артези фюрдэ» на северо-восточном конце линии вплоть до «Гизелла-тер» на юго-западном.

Я покрутился по платформе, стараясь не приближаться к дальнему концу, где остановились мои подопечные. Вокруг было множество людей. Из глубины туннеля донесся нарастающий рокот, потом раздался мелодичный перезвон, и на станцию выкатил состав: паровоз с близко посаженными фарами, который показался бы игрушечным на фоне «Самодержца», и три желтых вагона.

И это все? Я снова ощутил разочарование. Эх, чудеса прогресса, не такие уж вы чудесные! Вагоны совсем не-

большие, сколько людей такой поезд сможет перевезти зараз? Несколько десятков...

Двери раскрылись, и кондуктор прокричал сначала на венгерском, а после на французском и английском:

— Станция «Площадь Октагон»!

На платформу вышли несколько человек, другие стали заходить. Мистер Чосер, за ним Джуса, а после Кариб, в дверях окинувший станцию внимательным взглядом, шагнули в первый вагон. Я нырнул во второй. Двери за мной закрылись, снова прозвучал радостный перезвон, и подземный поезд тронулся.

Не успел я осмотреть вагон, как, спустя пару-тройку минут после отбытия, мы стали замедлять ход. Остановились, двери раскрылись, снаружи донеслось:

— Станция «Опера»! Выход к Оперному театру!

Станция была такая же, с боковыми платформами и низким сводом. А наверху — Оперный театр, который я вообще-то хотел увидеть, потому что его хвалила Джейн за пышные орнаменты в стиле барокко и великолепную настенную живопись. Но троица из соседнего вагона наружу не вышла, и пришлось ехать дальше, сказав себе, что я — пес-ищейка, а не праздный турист. Красоты Будапешта, проспект и окрестные бульвары, знаменитая Опера или открытый на месте осушенных болот парк Варошлигет с его искусственными озерами — все это теперь не для меня.

Путешествие закончилось на конечной станции подземки, недалеко от восточного берега Дуная. И дальше все стало очень интересно: моя троица наверх не пошла, а осталась на платформе. Встав за колонной, я увидел, как Джуса раскрыл железную калитку в конце станции. От калитки в туннель уходила неширокая полка, и все трое один за другим вступили на нее. Кариб небрежно оглянулся, скользнув взглядом по платформе, и я затаил дыхание.

Как только они скрылись из виду, я поспешно зашагал в ту сторону. Кажется, на поступок этих троих никто не обратил внимания, люди на станции либо вообще не придали значения тому, что кто-то прошел в зону, для обычных пассажиров явно не предназначенную, либо приняли тройцу за служащих подземки.

Оказавшись возле калитки, я оглянулся — кондуктора поблизости не было — и под удивленным взглядом какой-то дамы сдвинул защелку. Прикрыв калитку за собой, сделал несколько шагов и остановился. Где же они?

Полка шла примерно в метре над полом туннеля. Заметив в кирпичной стене слева дверь служебного помещения, я толкнул ее — закрыта. Тут в глубине туннеля включился фонарик, и тогда стало ясно, что тройца не вошла внутрь, а двигается прочь от станции.

Я поспешил за ними, раскрыл еще одну калитку и по короткой лестнице спустился к рельсам. А ведь дальше поезда пассажиров не везут, эта станция конечная. Впереди туннель разделялся, две колеи уходили каждая в свой рукав. Я двигался быстро, но тихо. Льющийся со станции позади свет постепенно тускнел, протянувшаяся передо мной тень все бледнела. В свете горящего впереди фонаря виднелись три силуэта. Оставалось только надеяться, что никто из тройцы не оглянется — сейчас они легко заметят слежку.

Мы шли по узкому туннельному рукаву, между концами шпал и его стенами почти не оставалось места. На ходу я достал из несессера ремешок, пристегнув, перебросил через голову. Под ногами тихо хрустел щебень. Спереди доносились негромкие голоса Джусы и мистера Чосера, Кариб, как обычно, отмалчивался.

Преступники уходили все дальше от станции, и я совершенно не понимал, что им понадобилось в этом месте. Что, во имя всех подземных крыс, может прятаться в глубинах будапештского метро?! Где-то здесь должно быть депо, ремонтные помещения и, уже совсем близко,

Дунай. Туннель либо должен свернуть вдоль реки, либо закончиться, либо круто нырнуть вниз, чтобы пройти под ее ложем. Хотя я слышал про разветвленные, таинственные и опасные парижские катакомбы, но ничего не знал про искусственный туннель под Дунаем...

Сзади донесся шум поезда. Он вкатил в туннель и теперь догонял меня.

И тут же горящий впереди фонарь погас. То ли выключился, то ли его от меня что-то закрыло — источник света исчез. Я побежал. Поезд стучал все громче, идущий от него свет становился ярче, моя тень скакала, ломаясь на рельсах. А если машинист не заметит меня, если не затормозит? На бегу я протянул вбок руку — расстояние между рельсами и стеной совсем небольшое, там не укрыться, паровоз меня собьет, размажет по камням и шпалам. Но куда подевались те трое? Я бежал, что было сил — и сумел понять, что миновал небольшую нишу, лишь когда та осталась позади. Споткнувшись о шпалу, едва не упал, прыгнул назад. Навстречу по туннелю, ревя и грохоча, мчалось железное чудовище с узко посаженными сверкающими круглыми глазами.

В неглубокой нише пряталась дверь: железная плита в прямоугольнике из толстых балок. Тяжело дыша, я прижался к ней спиной. Поезд пронесся мимо, замигали окна, грохот наполнил нишу, мелькнул последний вагон — и стало темно. Я поморгал, потрогал уши, затем достал фонарик, включил и повернулся.

Получается, преступники исчезли за этой дверью? И она, конечно же, заперта... Ничего, отмычки со мной!

Прежде, чем вскрыть замок, я вытащил из кобуры револьвер. Воображение живо нарисовало картину того, как стоящий прямо за дверью Кариб поднял свой двустольный обрез, готовясь выстрелить мне в лицо...

Когда замок раскрылся, я погасил фонарик, толкнув дверь, упал на одно колено и выставил оружие. Впереди было темно. И тихо, очень тихо. Помедлив,

я снова включил фонарь — луч озарил каменный коридор, идущий вниз с небольшим уклоном. На своде поблескивала влага, пол со стенами были неровные, в трещинах и выступах. Коридор изгибался сначала в одну сторону, потом в другую, так что луч не проникал далеко, и я не видел тех, кого преследовал. Но и они не видели меня.

Я стал спускаться, перешагивая через камни. Трижды коридор круто поворачивал, затем расширился и стал пологим. Кажется, он теперь тянулся в юго-восточном или южном направлении, примерно вдоль реки. Вскоре он стал еще шире, окончательно превратившись в туннель, и я погасил фонарик, когда увидел луч света впереди. Прислушавшись, различил далекий голос, слов не разобрал, но по интонации узнал мистера Чосера и поспешил дальше.

В туннель влился другой, под ногами потянулись рельсы узкоколейной дороги. Между шпалами я заметил россыпь чего-то белого, осторожно потрогал, понюхал пальцы, потом лизнул — мука. Дальше валялась смятая консервная банка, пахнувшая рыбьим жиром, потом кусок холстины, пустой мешок, обломки ящика... Дорогой пользовались, возили по ней грузы, причем вполне понятные, обыденные. Я шел, не отставая, но и не приближаясь к троице. Вдруг их фонарик погас, и наступила полная темнота. Скользя рукой по неровной стене, я еще некоторое время двигался вперед, потом остановился, подождал с минуту... свет больше не появлялся, голоса не были слышны. Тогда я включил фонарик и спустя минуту быстрой ходьбы обнаружил в стене справа ворота, к которым сворачивали рельсы. Дальше туннель был перегорожен завалом камней.

Ворота оказались заперты, но в створке была приоткрытая дверь. Сквозь решетчатое окошко проникал ритмичный гул, голоса и приглушенный свет. Я осторожно заглянул. Осмотрев помещение за воротами, бесшумно

скользнул в дверь и спрятался за широкой железной стойкой. С десятков их поддерживали толстую горизонтальную трубу, которая шла метрах в трех над полом вдоль стены с воротами.

2

Труба выходила из стены справа и заканчивалась большим загрузочным бункером: железным конусом, узкой частью обращенным к полу. Судя по звукам, доносящимся из трубы, внутри нее был конвейер — над головой я слышал хлопки резиновой ленты и стук валиков.

В центре цеха между двумя люками на высоком потолке неярко горел прожектор. С одного люка, квадратного и большого, свисали цепи с крюками, а к другому — поменьше, круглому, от пола шла винтовая лестница. Под стеной выстроилась дюжина пузатых железных бочек высотой с меня, накрытых брезентовыми колпаками. В дальней, полутемной части цеха виднелись пустые стеллажи, перед ними стояла моя троица. Джуса что-то объяснял Чосеру с Карибом, а те внимательно слушали.

Раздался голос, и я присел за стойкой. Сбоку показались двое рабочих, кативших тележку, на которой стояла тринадцатая бочка. Следом шел высокий усач. Осторожно наблюдая за ними, я принюхался. Запах в цехе стоял необычный — густой, сложный, он складывался из вонии машинного масла, керосина, жиров и чего-то еще, смутно знакомого.

Когда бочка оказалась под бункером, усатый отдал команду, и рабочий сдвинул заслонку в нижней части железного конуса. С бульканьем в бочку полилась смесь, поблескивающая тускло-стальными искрами. Запах стал острее. Второй рабочий встал на краю тележки, расправляя брезентовый сверток. Наполнив бочку, первый по приказу бригадира сдвинул заслонку на место, а второй захлопнул лючок на бочке, крутанул запорное колесо и

натянул брезентовый колпак. Они откатили тележку, бригадир же подошел к троице преступников. Обменявшись репликами с Джусой, он повернулся к трубе с конвейером и махнул рукой.

Тут только я понял, что прямо на трубе у меня над головой стоит третий рабочий. Он что-то нажал, и глухое гудение мотора смолкло вместе со стуком роликов и хлопанием резины. В тишине отчетливо прозвучал радостный голос мистера Чосера:

— Прекрасно, прекрасно, драгоценные мои! Думаю, пора грузиться.

— Поднимемся, — ответил Джуса с сильным акцентом. — Эй, все навверх!

Тринадцатая бочка присоединилась к остальным под стеной, и мне пришлось на корточках переместиться за стойкой, чтобы рабочие не заметили меня. Вместе с бригадиром они направились к винтовой лестнице. Сверху прозвучали шаги бункеровщика, и вскоре он, спустившись по одной из стоек, присоединился к остальным.

Один за другим люди исчезли в освещенном проеме люка, и крышка того опустилась. Стало тихо, свет погас.

Вытащив из несессера фонарик, я бросился к лестнице. Вбежал по ступеням, толкнул круглую крышку, уперся посильнее, надавил, но она не поддавалась. Тут и отмычки не помогут, в ней вообще нет замка: то ли вверху засов, то ли на люк поставили что-то тяжелое. Что делать? Они же уйдут! Я повернулся на ступеньке, слыша быстрый стук сердца в груди. Можно возвратиться к узкоколейке, оттуда в туннель подземки, через станцию подняться на поверхность... но куда потом? Ведь непонятно, под каким местом находится подземный цех, в какую сторону двигаться по городу. Ясно, что мы возле реки, но больше ничего не ясно, поэтому уходить тем же путем бессмысленно.

До второго люка, возле которого с потолка свисали цепи с крюками, было не добраться. Я спустился,

обошел помещение, встал на середине и приказал себе успокоиться. Мои враги, попав в Будапешт, встретились с третьим сообщником и сразу же направились сюда — скорее всего, в их планах подземный цех играет немаловажную роль. Я нашел нечто важное, и даже если Кариб с Чосером не вернутся сюда, след не потерян. Надо осмотреться и понять, что к чему.

Я нашел доску, поднялся на конвейер, сдвинув крышку бункера, посветил внутрь и доской поскреб стенки изнутри. На ней осталось густое вещество, в котором поблескивала металлическая стружка. «Адская смесь», как выразился мистер Чосер на смотровой галерее, источала запах рыбы, селитры, жиров и машинного масла, а еще — серы. Вот какой запах я не смог узнать сразу! Смесь напоминала не успевшее загустеть мыло. Только какое-то *грязное* мыло, с неожиданными примесями, да к тому же пахнущее серой...

Спустившись с конвейера, я нашел трещину в каменном полу, соскреб в нее вещество с доски, после чего достал спички. Зажег одну и собрался сунуть в трещину, но что-то во мне запротестовало. Отойдя на пару шагов, я прицелился и бросил горящую спичку. Прочертив огненную дугу, она упала точно в трещину.

Вспышка. Глухой хлопок — громкий, гулкий — у меня даже в груди екнуло и дрогнули колени.

Трещина, на миг превратившись в нить слепящего пламени, погасла. Волна жара разошлась по цеху, фонарик едва не выпал из моих рук.

Опасливо подойдя к трещине, я посветил на нее — ну и ну! Камень вокруг растрескался, она удлинилась, протянувшись аж до стены. Я вернулся, пройдя под конвейером, оглядел железные бочки. Если каждая наполнена адской смесью, и если всего несколько граммов вызвали такую вспышку, выделили такое количество тепла, то что будет, если рвануть целую бочку? А тринадцать бочек? Это же континент можно расколоть!

Снова выйдя на середину цеха, я медленно повернулся, скользя вокруг лучом фонаря. Куда я вообще попал? Что это за разбойничья пещера, что за темные дела тут творятся?

Надо получше осмотреть бочки. Необычные они с виду: по бокам откидные скобы, сверху эти брезентовые колпаки. Когда рабочие наполняли одну веществом с конвейера, я разглядел под колпаком круглую крышку люка с запорным колесом. Если подумать, бочки смахивают на бомбы, которые могут скидывать на вражеские земли военные дирижабли.

Перекинув через голову ремешок несессера, я полез на ту бочку, которую наполняли последней. Заглянул под брезентовый колпак, потом забрался под него. Ну вот: вентиль, крышка... и прикрученный винтами железный короб. Он-то тут зачем?

Сверху донеслись лязг и голоса. Мгновенно погасив фонарик, я выставил голову из-под брезента и увидел, как сдвигается крышка большого люка. Второй был уже открыт, по винтовой лестнице спускались знакомые рабочие во главе с усачом бригадиром. Я замер под брезентом, не зная, что делать.

В освещенном проеме люка появился Джуса, поглядел вниз и что-то произнес на венгерском. Рабочие направились прямиком ко мне. Момент, когда еще можно было незаметно спрыгнуть с бочки и спрятаться, оказался утерян — пришлось сдвинуть колпак на прежнее место и затаиться в темноте. Рядом заговорили, раздался стук, заскрипела тележка. Бочка, качнувшись, приподнялась, и я вцепился в запорное колесо. Снова скрип, покачивание, лязг — они зацепили крюки за скобы на ее боках.

Когда бочку стали поднимать, под колпак проник свет. Донеслись сразу несколько голосов, и среди них — мистера Чосера. Он теперь говорил совсем в другом тоне, негромко, деловито, даже требовательно, то есть

исполнял какую-то новую роль, но я сразу узнал его. Мне совсем не нравилось слепо таращиться в темноту, поэтому я достал из кармана расческу, спрятанным в ней ножиком проделал в брезенте небольшую дыру и выглянул.

Через просторное помещение тянулся ряд варочных котлов, у стены стояли цистерны с надписями на венгерском и английском:

Свиное сало. Костный жир. Рыбий жир. Льняное масло. Глицерин.

Это был мыловаренный цех. Бочку везли на тележке мимо длинных столов с устройствами наподобие гильотин и брусками еще не разрезанного мыла. Вскоре столы закончились, и я увидел стоящих у стены Джуса, Чосера и Кариба. Последний, держащий обеими руками свой черный кейс, смотрел прямо на меня. Он никак не мог увидеть наблюдателя сквозь крошечное отверстие в брезенте, но я затаил дыхание. Злодеи были совсем рядом — почти также недалеко от меня, как на смотровой галерее дирижабля!

Бочка остановилась, донеслись удаляющиеся шаги того, кто толкал ее.

— Ты уверен, что замки на посудине надежные? — негромко спросил Кариб. — В кейсе важные бумаги и вещи.

— Никто не полезет в каюту, — голос у Джусы был грубый, а говорил он раздраженно. — Суньте кейс под кровать, и все дела.

— А где же наша каюта, дорогой вы наш моряк? Если, конечно, правильно называть этим словом того, кто плавает — ах, простите, кто ходит! — по реке?

Это, конечно же, сказал мистер Чосер — даже если бы я не видел его, манеру речи было невозможно спутать.

— Ваша — вторая по правому борту, рядом с боцманской, — пробурчал Джуса. — Моя — вторая по левому, рядом с капитанской. Матросня живет внизу, в кубрике.

— На этой лоханке даже есть отдельные каюты для капитана, его помощника и пассажиров! — восхитился Чосер. — Я уже предвкушаю чудесное путешествие. Но что насчет капитана? Он будет слушаться?

— Ему столько заплатили... — Джуса помедлил, раздумывая. — Я вот что скажу: кэп тот еще тип. Упрямый старый болван. Моя воля — я бы открутил его трухлявую башку и зарядил ею пушку. Но он будет слушать нас, потому что получил за рейс кучу монет. Да и матросы... Я им наговорил, какие два важных господина плывут с нами, и что в конце они подкинут каждому по несколько крон. С командой проблем не будет. Не должно быть.

Чосер пристукнул тростью о пол:

— Ну что же, хорошо, если так. Нам еще многое нужно обсудить. Когда?

Снова донеслись шаги — кто-то приближался к бочке сбоку, и я замер, положив руку на револьвер. Джуса ответил:

— Сейчас у меня полно дел. Через час после отхода встретимся в моей каюте.

Бочка качнулась, заскрипела тележка.

— Эй, где шлялись?! — повысил голос Джуса. — Грузите ее быстрее!

После этого несколько минут я не рисковал выглядывать. Раздавался стук, ляг, бочку поднимали, несли, опускали — и наконец все стихло. Выждав еще немного, я сдвинул брезент и уставился в темноту. Сверху доносились голоса и скрип, а еще я слышал гулкий плеск и низкий, монотонный рокот.

Прозвучал длинный гудок. Рокот стал громче. Все вокруг мелко задрожало, а потом меня будто мягко толкнуло...

Сомнений больше не было: я находился в трюме судна, и только что оно отправилось в плаванье по Дунаю.

Глава 3

ДОЛГАЯ НОЧЬ

1

Судно почти не качалось, но ясно было, что мы плывем. Топали ноги о палубу, вверху переговаривались, скрипели, стучали. Кто угодно мог спуститься в трюм, и я ждал. Шум стих, когда часы показывали начало первого ночи, — тогда я выбрался из-под брезентового колпака, уселся на краю бочки и повел вокруг лучом фонаря.

Ящики, тюки, свертки, коробки, бочонки с надписями **Bavarian Beer**... А вот и двенадцать сестер моей бочки — стоят под переборкой. Я спрыгнул, поеживаясь от холода, заглянул в проход, образованный ящиками и тюками, посветил вверх. Большое судно, вон, как потолок высоко, трюм вместительный. Под одним ящиком что-то валялось, я подошел, присмотрелся... ну вот, иногда и мне везет! Это оказался бушлат из черного сукна, с двумя рядами потускневших латунных пуговиц и заплатами на локтях. Я понюхал его, отряхнул и надел. Рукава коротковаты, но в плечах не жмет, да и теплый. Кстати, а ведь кепки на голове нет... Когда успел потерять? Я стал припоминать — ах да, снял ее перед тем, как открыть крышку бункера и выскрести адскую смесь со стенок. Положил там на трубе, чтоб не упала в бункер...

Жалко кепи. К тому же на палубе, наверное, еще холоднее, головной убор мне нужен. Я осмотрел лежащие у переборки свертки с тканью и ножиком из расчески

взрезал один. Ткань оказалась плотным фетром; откромсав широкую полосу, соорудил себе платок на голову. Не очень-то удобный, но уши прикрывает — и то хорошо.

Пора было изучить бочку и ее содержимое, в цехе сделать это так и не удалось. С крышкой привинченного к бочке железного короба пришлось повозиться, но наконец я сладил с ней и уставился на то, что пряталось в коробе. Не сразу даже и понял, что это батарея с тумблером. От нее два провода без изоляции уходили внутрь бочки. Вот так-так! Зачем тут батарея? Ничего не понимая, я повернул запорное колесо крышки и откинул ее.

Смесь, это адское мыло, которым бочку наполнили в цехе, застыла. Не просто загустела, а стала твердой, в чем я убедился, потрогав ее. Под лучом фонаря в мутно-стеклистой массе тускло поблескивали железные опилки. Возле проводов, уходящих от батареи в глубину смеси, их было больше, там они висели этакими застывшими смерчами. Я перекинул тумблер, и батарея едва слышно загудела. Донесся тихий треск. Сначала ничего не происходило, потом внутри забулькало. Прищурившись, я наклонился ниже и разглядел, что смесь будто плавится, постепенно разжижаясь, а опилки пришли в медленное круговое движение.

Получается так: кладем бочку на бок и включаем батарею. Вещество теряет плотность, вытекает, попадает куда-то... в щель, в простенок, в канализацию, куда угодно, — и после взорвется. Хорошо, но для чего опилки? Они оставались непонятным элементом.

Адское мыло булькало все громче и чаще, опилки в ленивом хороводе кружились вокруг проводов. Я снова щелкнул тумблером — треск и гудение смолкли, потом стихло бульканье. Закрыв бочку, я задвинул на место крышку короба, где находилась батарея, и спрыгнул на дно трюма. Пора выбираться отсюда.

По пандусу добрался до люка в потолке, погасив фонарик, достал револьвер и приподнял крышку. Снаружи было совсем темно, в небе ни звездочки, да и луны почти не видно, лишь бледное пятно во мгле. Прислушавшись, я включил фонарик. Палуба была заставлена ящиками с надписями «**Manufactory**» и «**United Commercial Association of Budapest**». Я решил, что надо осмотреться с высоты, и полез на них. Усевшись на краю дощатой площадки, метрах в пяти над палубой, поставил несессер рядом и оперся на него локтем.

Судно было большим — очень большим, как для речной посуды. И каким-то слишком уж широким. Я сидел спиной по ходу движения, недалеко от борта. Две цепочки бортовых огней горели с обеих сторон, и та, что справа, была близко, а слева — совсем далеко. На корме высилась огромная подкова, там тоже горели огни, протянувшиеся широкой приземистой дугой. Над подковой выступали две темные башни, едва угадывающиеся на фоне неба.

Оглядевшись, я так и не смог понять, куда попал. Понятно, что на грузовой корабль, но почему такая странная форма у кормовой надстройки и почему корпус кажется таким широким?

Плеск волн едва доносился сквозь мерный, тяжелый рокот, льющийся с кормы. Такое впечатление, что там работает не один, а сразу несколько двигателей. Застегнув бушлат на все пуговицы, я выпрямился во весь рост. На палубе было темно, только бортовые огни горели, а у дверей кормовой постройки ярко светил фонарь. Там прошел человек, потом другой. Дверь со скрипом раскрылась, закрылась... Вдруг в моей голове будто что-то провернулось — и я понял, где именно нахожусь.

Это не просто баржа — самоходная баржа-катамаран! Два корпуса, накрытые общей палубой, вот почему она показалась мне такой широкой. А башни — пара торчащих на корме, то есть на *кормах*, труб! Потому

что на судне и вправду не один двигатель, их здесь два. Ну а «подкова» — кормовая надстройка, которая действительно имеет форму широкой подковы, концами упирающейся в задние части корпусов.

Я очень внимательно оглядел надстройку. С момента отплытия прошло уже около часа, даже, пожалуй, побольше. Что там говорил Джуса? Его каюта вторая по правому борту, рядом с боцманской. А сам толстяк обитает во второй по левому борту. Поправив платок на голове, я прищурился, вглядываясь. Связанная с погрузкой и отплытием из Будапешта суeta закончилась, все, кроме несущих вахту, ушли спать. Это ведь не парусное судно, тут не нужно много людей, чтобы ползать по мачтам и заниматься теми делами, которыми занимаются матросы на парусниках... В морских и речных делах я разбираюсь плохо, но ведь видно: людей на палубе немного, а в надстройке горит лишь пара окон. Вон то, на середине, за которым виден неподвижный силуэт, — это, наверное, штурманская рубка, где штурвал. Окна, кстати, тянутся вдоль дугообразной галереи, то есть открытого коридора, идущего через всю надстройку. И между окнами еще есть двери, из которых на эту галерею можно выйти.

Ют, вспомнил я. Кормовая надстройка называется ютом. И сейчас там, в юте, в своей каюте Джуса совещается с мистером Чосером и Карибом. По крайней мере, так они договаривались перед отплытием. А черный кейс лежит в другой каюте, возможно, спрятанный под кроватью. Судя по тому, что молчаливый Кариб отдельно упомянул содержимое кейса, внутри что-то по-настоящему важное. И тяжелое — он ведь сильный мужчина, но держал кейс обеими руками, видно было, что тот не легкий. Поэтому Кариб и не хотел брать его с собой на совещание в каюту Джусы. Внутри какие-то документы и что-то еще.

Я повернулся к носу, потом снова к корме. На палубе никого — добраться до юта нетрудно. Тем более, на мне бушлат, а волосы скрыты под банданой. Даже если меня кто-то заметит, в полутьме я не так уж отличаюсь от других людей на барже. Главное, не позволять рассматривать себя вблизи, здесь наверняка все знают друг друга в лицо. Отмычки при мне, замки вскрывать умею... Содержимое черного кейса может многое рассказать о происходящем. До сих пор я, как слепой щенок, — ничего толком не могу выяснить, ничего не понимаю, только следую за злодеями, ежеминутно рискуя, что меня раскроют. В кейсе может прятаться ответ на вопрос, куда они плывут, какие-то намеки или даже прямая информация, для чего нужно адское мыло. И еще — Чосер мог оставить в каюте свой необычный цилиндрический кофр, содержимое которого тоже может оказаться любопытным. Да и всю каюту не помешало бы обыскать. Главное, сделать это так, чтобы они не поняли, что внутри кто-то побывал.

Я присел, собираясь спуститься с ящиков, но услышал внизу стук и схватился за револьвер.

— Ты его украл, тварь мелкая!

— Пошел к дьяволу, Гаррис, не брал я твою фуфайку!

— Фуфайку?! Щенок, это бушлат новенький, десять крон мне стоил!

— Чего? Да ты брешешь, как пес! За эту рвань — десять крон?!

— Теперь уже двадцать, падла! С тебя двадцать крон, понял? Чтоб до шлюза отдал!

— Правильно! — поддакнул еще один голос.

Он, как и тот, что обвинял в воровстве, принадлежал взрослому мужчине, а третий был детским — мальчишеским.

Далеко внизу, в просвете между ящиками зажегся фонарь, и я разглядел три фигуры. Один мужчина был

толст и лыс, на голове второго повязан грязный платок. Перед ними стоял чернявый мальчик.

— Гони деньги, — произнес Лысый. — Или отыщем прямо здесь, щенок.

— Шиш тебе, Чубан! — выкрикнул мальчишка. — Не брал я бушлат! Я не вор!

— Не вор?! — возмутился Платок. — Да ты в Париже в шайке Быка был! Или, думаешь, я не знаю? Ты на баржу зачем вообще нанялся? Сказки он рассказывает — не вор! Падла французская!

В ответ мальчишка выдал такую руладу, какую вряд ли ожидаешь услышать из уст ребенка. Лысый по прозвищу Чубан крикнул, а Платок, злобно ругнувшись, вытащил раскладной нож. Щелкнуло лезвие. Мальчик попятился к ящикам, но сверху я видел, что деваться ему некуда. Противники приближались, и тут он неожиданно врезал Чубану носком ботинка между ног.

Это было, во-первых, неожиданно, а во-вторых, я уверен, очень больно. Чубан взвыл, согнувшись, ухватился за причинное место.

Нож блеснул в свете стоящего на палубе фонаря, но мальчишки уже не было на прежнем месте — отскочив, он упал на четвереньки. Между двумя нижними ящиками оставалась узкая прореха, куда он начал протискиваться.

Платок бросился вперед, взмахнул ножом, попытался схватить беглеца за ногу, но тот вырвался и канул в прорехе. Забраться туда взрослому было невозможно. Скрежеща зубами, Платок повернулся. Чубан, стоя на коленях, раскачивался из стороны в сторону.

— Вставай, — проворчал Платок, сложил нож и зашагал к борту.

— Ты видел, как он врезал, Гаррис... — простонал Чубан, выпрямляясь.

— Из тебя боец, как из меня королева Алекия! Вставай! Спать уже охота, сил нет. Шас мы его не поймаем, завтра разбираться будем.

— Да он может ночью свалить.

— Куда он там свалит... все, дрыхнуть пошли.

Они ушли, я же сел на краю ящиков, свесив ноги, и пощупал свой бушлат. То есть не мой — получается, он этого Гарриса? В трюме во время погрузки ему стало жарко, грузчик снял бушлат да и забыл, а теперь обвинил мальчишку в краже. Ну и ладно, подумал я. Наплевать, это все не мое дело. Сейчас мое дело — незаметно добраться до юта, залезть в каюту и хорошенько ее обыскать. Причем сделать это надо побыстрее, ведь неизвестно, сколько Чосер и Кариб будут совещаться с Джусой.

Перекинув через голову ремешок несессера, я стал спускаться.

2

Добраться до места оказалось не так уж трудно. По дороге через палубу дважды приходилось прятаться, а возле юта я прошел мимо бородатого машиниста в измазанном маслом фартуке, который выбрался из люка, глянул на меня, равнодушно отвернулся и стал раскуривать самокрутку. Потом была короткая лестница, пустой полутемный коридор и двери кают. Встав перед нужной, я прислушался — за дверью стояла тишина — и достал отмычку.

Когда замок шелкнул, я медленно, чтоб не заскрипела, приоткрыл дверь. Окинул взглядом коридор и скользнул в каюту — просторную, с двумя прикрученными к переборкам койками, шкафом и столом. Прикрыв дверь, убрал отмычку в карман, локтем передвинул за спину несессер. Включил фонарик.

На другом конце каюты был небольшой иллюминатор, я пересек каюту и выглянул в него. Иллюминатор выходил на корму. Справа черной башней высилась одна из труб, вторую я не видел, зато видел темную воду и светло-серую кильватерную струю далеко внизу. Гул моторов здесь звучал громче и тяжелее, а пол едва заметно дрожал. Баржа плыла, как на мой непросвещенный взгляд, очень быстро для двухкорпусной грузовой посуды. Двигатели на ней, должно быть, стояли мощные.

Я заглянул под одну койку, под другую — черного кейса не было ни там, ни там. Плохо, если Кариб все же взял его с собой. И где кофр-цилиндр Чосера? Я открыл шкаф... Вот они, голубчики, оба здесь, как на заказ. Кофр стоял на дне шкафа, а кейс лежал прямо на нем. Я присел на корточки, поставил фонарь на пол, протянул руку — но, так и не взявшись на кейс, выхватил из-под сюртука револьвер. И крутанулся на корточках, тихо скрипнув каблуками по полу.

Причиной были тихие шаги, донесшиеся из коридора. Они смолкли под дверью, послышалось сопение, а потом щелчок. Точно такой же звук раздался, когда я ковырялся в замке отмычкой.

Сидя спиной к раскрытому шкафу и нацелив пистолет на проем двери, я погасил стоящий на полу фонарь. Проем был чуть светлее окружающего, и в нем скользнула приземистая тень. Раздалось хрипловатое сопение. Будто какой-то зверь проник в каюту: опасный, злобный зверь... Что, если это Вука Чосер принял одну из своих странных ипостасей? Забрался в каюту на четвереньках, скаля заострившиеся зубы, идет напрямик ко мне... он уже совсем близко, поднимает лапу с кривыми когтями, как тогда, на галерее дирижабля, вот-вот вонзит мне в лицо... Я почти что выстрелил, понимая, что это будет означать конец моей операции, потому что звук, конечно, услышат на всей барже. Спусковой крючок подался под пальцем, но все же мне удалось сдержаться. Глаза

постепенно привыкали к полутьме, и хотя дверь закрылась, теперь я видел того, кто проник в каюту.

Никакой это был не зверь — просто человек, который, справившись с замком, встал на четвереньки и таким манером забрался внутрь. Ребенок. Мальчишка. Собственно говоря, знакомый мальчишка! Я видел его совсем недавно, сначала спорящим, а после дерущимся с двумя грузчиками. Тот самый, которого обвинили в воровстве надетого на мне бушлата...

Кажется, он собрался обчистить пассажирскую каюту.

Все эти мысли пронеслись в голове мгновенно. Я не шелохнулся, револьвер смотрел прямо на мальчика — а тот, замерев посреди помещения, пялился на меня.

Медленно я опустил оружие.

— Ох ты ж... — прошептал мальчишка растерянно, а потом вдруг с приглушенным урчанием рванулся вперед.

Он двигался быстро и с каким-то сосредоточенным остервенением, будто уверенный в том, что я собираюсь убить его, и поэтому надо успеть первым. В тусклом звездном свете, проникающем через иллюминатор, блеснуло короткое лезвие.

— Нет, стой... — шепотом начал я. Лезвие мелькнуло в воздухе, я подался вбок, и когда оно скользнуло по моему плечу, врезал рукоятью револьвера ему по голове.

Мальчик упал. Приподнялся, потряс головой. Из глубины коридора, через который мы проникли в каюту, донеслись голоса... нас слышали или там просто заговорили громче? Это не Чосер и не Кариб, говорят незнакомцы. Может, капитан с боцманом?

Мне надо было бежать, но если оставить ребенка здесь, если его поймают, и он расскажет, что на кого-то наткнулся в каюте...

Пока я раздумывал, воришка пришел в себя, развернулся и на четвереньках кинулся обратно. Схватив фонарь, я последовал за ним. Когда выглянул, мальчик крался вдоль стены коридора, а с другой стороны на

полу лежала полоска света, падающая из приоткрытой двери. Голоса тоже доносились оттуда, говорили на венгерском. Мальчишка, приостановившись, через плечо поглядел на меня. Голоса стали громче. Он махнул рукой и прошептал:

— *Suivez-moi! Cachez!*

Моих знаний французского хватило на то, чтобы понять: он предлагает следовать за ним и прятаться.

Засовывая фонарь в несессер, я шагнул наружу. Прикрыл дверь. Голоса стали еще громче — в помещении, откуда проникал свет, двое не просто разговаривали, они шли к выходу в коридор.

Пригнувшись, я поспешил вслед за мальчишкой. Коридор закончился покатой лестницей, дальше была дверь, затем пустая палуба. Плескалась вода, рокотали двигатели, дул ровный прохладный ветер. Из-за юта доносились громкие голоса — несколько человек двигались в нашу сторону. Я был уверен, что маленький вор убежит, как только окажется снаружи, но он дожидался меня у двери. Когда я появился, окинул взглядом с ног до головы, потер висок, по которому получил револьвером, и прошептал:

— *En français, vous savez? Viens avec moi!*

Понятно, что он ориентируется на барже лучше моего, но вот что ждать от этого существа — совершенно неясно. И все же мы теперь повязаны: он вряд ли выдаст меня команде, ведь я расскажу, в каких обстоятельствах произошло наше знакомство.

Мы нырнули между ящиками, мальчишка поднял спрятанный за одним из них газовый фонарь, где тускло горел синий огонек, и поспешил дальше, прихрамывая на левую ногу. Он часто оглядывался, будто проверяя, не сбежал ли я. Когда вокруг был уже настоящий лабиринт ящиков и бочек, мальчик полез вверх, поманив меня за собой. Вскоре мы очутились на дощатой площадке,

высоко вознесенной над палубой. Когда я забрался туда, мой спутник уже сидел, поставив фонарь, лицом ко мне.

Я тоже сел. Он широко раскрытыми глазами смотрел на меня, ухватившись правой рукой за кисть левой.

Мальчик был чернявый, с всклокоченными густыми волосами. Тонкий шрам рассекал верхнюю губу, отчего она казалась вздернутой. Широкие штаны, рваная рубашка, пиджак с закатанными рукавами. Лицо подвижное, живое. Глаза... немного безумные глаза, с лихорадочным блеском. Некоторое время мы молча разглядывали друг друга, а потом он вдруг встал на четвереньки, подполз ближе и ухватился за платок на моей голове. Движение было таким быстрым, что я не успел отреагировать — только дернул головой. Мальчишка сорвал бандану, отшвырнул и вытаращился на мои волосы.

— Blanc, — прошептал он. — Noble.

Я рассерженно схватил платок, и пока натягивал его на голову, он отполз обратно.

— Qui êtes-vous?

— Eh bien, qui êtes-vous? — произнес я.

— Lapin.

— Заяц? — повторил я, от удивления переходя на английский. — Что-что?

Мальчик быстро провел пальцем по шраму и тоже заговорил на английском:

— Заячья Губа, так зовут. Заяц. А ты — граф?

Последнее было скорее утверждением, чем вопросом.

— С чего ты взял?

— Граф, — уверенно повторил Заяц. — А бушлат на тебе Гарриса. И в каюту залез... зачем? Грабануть пассажиров хотел?

— Как и ты.

— Да, — кивнул он. — Но я бедный, а тебе зачем?

— Нету денег на проезд, — хмуро ответил я.

— Вре-ешь, — протянул Заяц. — У графов всегда деньга есть. Ты не бойся, я тебя не выдам ни за что. А ты зачем тут плывешь?

— Мне так нужно, — ответил я.

— Но зачем, зачем? — с напором повторил он.

Подумав о том, какой странный у нас получается разговор, я ответил:

— Кто ты такой, я не знаю, и не могу рассказывать тебе свои тайны.

Он вытаращился на меня, вдруг запустил пальцы в черные вихры и стал уминать их, тискать, скребя ногтями голову. Зрачки съехались к носу, на лице отразилось сосредоточенное раздумье.

— Ладно, не говори. Только я тебя не выдам, никому не скажу, что ты тут прячешься. Хочешь, на крови поклянусь? — Заяц вытащил из кармана ножик с наполовину сломанным зазубренным лезвием.

Когда он вознамерился проткнуть себе руку этим ржавым ужасом, я поспешно сказал:

— Эй, не надо клятвы! Не выдашь — хорошо. Ладно, я тебе верю.

Ножик исчез в кармане, Заяц подтянул закатанные до локтей сползающие рукава и спросил:

— А как тебя звать?

— Алекс Гримуарди, — ответил я после паузы.

— Чего-о? Анри, значит?

— Почему Анри? — удивился я.

— А вот так. Ты ж с Парижу?

— Ни с какого я ни с Парижу. Я даже французский почти не знаю.

— А откуда? С Лондона? Точно! Все равно — Анри. Ты такой... похож на Анри. Давно плывешь так... тайно? Жрать охота? Могу притащить.

Пить и есть мне хотелось уже давно, но совсем непонятно было, чего можно ждать от этого мальчишки. Хотя

он казался искренним, доверять ему не было никаких оснований. Я осторожно сказал:

— Да, я голоден. И пить хочется.

— Нельзя, чтоб тебя другие видели? — уточнил он.

— Нельзя.

Мальчишка замер, не оторвав рук от своих волос, и некоторое время паялся перед собой остановившимся взглядом, о чем-то напряженно раздумывая. Потом, приняв решение, зачистил:

— Ты слушай, граф, мне сейчас пойти надо, проверить, тихо ли на юте. Вроде не шумят, но все равно. И я потом вернусь. Попозже, но скоро, а ты здесь сиди. Я попить-поесть принесу.

— А ты сюда никого не приведешь? — спросил я.

— Нет, нет! Ты чего, я же клятву дал. Скоро приду, быстро. Еды принесу. Попить. Покажу другое место, где прятаться лучше. Хорошо? Хорошо?

Он так требовательно повторял это и так серьезно заглядывал мне в глаза, что стало окончательно ясно: мальчишка не просто удивлен и взбудоражен встречей с таинственным незнакомцем, прячущимся на барже, во всем этом для него присутствует нечто еще глубоко личное.

— Ладно, — сказал я, — буду здесь. Но учти, если ты кому-то скажешь про меня, кого-то сюда приведешь... Мой револьвер ты видел, и он у меня не один. Ничем хорошим это не кончится. Совсем ничем, ты понял, э... Заяц?

Он дернул себя за волосы, мотнул головой:

— Никого не приведу! Только и ты тихо и не уходи никуда!

Потом, явно обрадованный, что мы договорились, он погасил фонарь, подпернул рукава, по-обезьяньи крутанулся на месте и вдруг бросился вниз с ящиков. Уверенный в том, что увижу тело, распластавшееся на палубе далеко внизу, я на корточках подобрался к краю — и

успел заметить, как юркая фигура, прихрамывая, скользнула прочь между ящиками.

Торчать тут в ожидании непонятно чего я не собирался, и как только мальчишка убежал, перебрался с ящиков на цистерны неподалеку. Лег там головой в сторону площадки, где разговаривал с Зайцем, вытащил и положил перед собой револьверы и задумался. Что делать дальше, не очень-то понятно — то есть надо плыть, потому что Чосер с Карибом тут, и бочки с адским мылом тоже, но получится ли оставаться незамеченным? Хотя баржа большая, но здесь же команда... И этот Заяц. Который может помочь мне. Или, наоборот, помешать. В каюте — уже помешал, из-за него я упустил хороший шанс лучше понять происходящее. С другой стороны, он, судя по разговору, действительно не собирается выдавать меня. Не только из опасения, что я расскажу, как именно мы повстречались, но и по какой-то еще причине. Эти его странные взгляды, реакция на цвет моих волос, который он счел «благородным», а еще — словечко «граф», которым он меня наградил... Что-то за всем этим кроется. Такое впечатление, что мальчик, что-то для себя смекнув, преисполнился желанием помочь новому знакомому, тайно прячущемуся на барже. Может, хочет получить с меня за это деньги?

Мелькнули отблески света, и я увидел, как на обрассованную ящиками площадку выбирается Заячья Губа. Тускло горящий фонарь висел у него на поясе. Сжимая под мышкой небольшой сверток, он покрутил головой, выискивая меня, повернулся — на лице было разочарование — сел, свесив ноги, ссутулился и стал массировать левое колено. Мальчишка пришел один, и я шикнул, привлекая его внимание. Заяц не услышал, тогда я приподнялся и окликнул громче:

— Эй!

Он вскинул голову. Заметив меня на цистерне, всплеснул руками, выпустил сверток из-под мышки, успел под-

хватить его прежде, чем тот улетел вниз, и скользнул с ящичков. Вскоре мальчик был рядом — обезьяной заскочив на цистерну, подобрался ко мне, сопя, окинул взглядом и сказал, деловито разворачивая сверток:

— Молодец, что переполз, граф. Тут место надежнее.

В холщовом свертке оказалась тыквенная фляга, хлеб и кусок кровяной колбасы, которая пахла так, что у меня затрепетали ноздри, а желудок громко и требовательно забурчал.

— Графья такое едят? — осведомился Заяц.

— Графья все едят. — Первым делом я откупорил флягу и сделал пару глотков кисловатого слабого вина. — И я не граф. Тебя никто не видел по дороге сюда?

Он помотал головой, достал свой сломанный нож и взялся за колбасу, но я отобрал ее.

— Не надо, я сам.

Приоткрыв рот, Заяц уставился на ножик-расческу. Я порезал колбасу, положил на холстине, взял кусок, разломал хлеб и принялся есть. Видя, с каким аппетитом я уминаю все это, он сказал гордо:

— Я жратву в камбузе украл. Кок там дрыхнет в гамаке, так храпит, аж трясется все.

Решив, что нам пора познакомиться поближе, я спросил:

— Ты давно на этой барже?

— С самого Пресбурга плыву. Деньжат заработать хочу.

— И много платят?

— Ты че, гроши вообще! — отмахнулся Заяц и простодушно добавил: — Я обкрасть капитана хочу, ну или помощника, или кого еще... то есть хотел, а потом эти двое появились, вот я их решил обкрасть. Они ж богатеи, сразу видно, хотел стырить побольше всякого, в узелок связать и с борта — шасть! До берега плыть.

— Но теперь передумал?

— Конечно. Теперь же ты здесь.

— А откуда ты? Говор у тебя французский.

— Так с Парижу. А ты откуда? Не с Парижу, я точно вижу. Не такой ты. С Лондона?

Я неопределенно пожал плечами:

— Вроде того. Как к тебе обращаться, имя-то у тебя есть?

Он засопел, быстро глянул на свое левое запястье и сказал на французском:

— *Lapin et tous.*

— *Ce n'est pas le nom*, — строго ответил я и снова перешел на английский. — Это не имя, а прозвище.

— Так меня зовут! — с непонятной страстностью заявил он, схватил кусок колбасы, вцепился в него крепкими зубами и зачавкал.

— Ну, ладно, значит, Заяц, — заметив, каким напряженным стал мальчишка, я решил сменить тему. — Куда плывет эта баржа?

— Так на юг же, — он махнул рукой, потом схватил флягу у меня из рук и сделал большой глоток. Вино потекло за грязный воротник.

— Это понятно, но докуда именно?

— До самых Карпат. Так матросня бает.

— А чье это судно?

— Капитана, — он вернул мне флягу. — Разве не знаешь? Мистер Петер, он ее хозяин. Берет груз всякий. По Дунаю много таких ходит. Разный груз, из разных мест, в другие места возят, с этого деньги имеют.

— Петер, значит... венгр?

— Ага. А ты кто все ж таки, граф? По-моему, ты и не британец совсем. Ирландишка, может? — и поскольку я, приложившись к фляге, не ответил, Заяц продолжал спрашивать: — Ты скажи, ты что тут делаешь, почему прячешься? А то те двое, они вроде тебя. Ну, те, в чью каюту мы... Хотя они не такие графья, ты сразу видно, такой, — он провел рукой по лицу, — тонкий, а они нет, они не такие. И волоса у тебя белые.

— Двое господ, — повторил я. — Один усатый, второй гибкий, так?

— Вот, точно! Знаешь их? — он подобрался, пытливо уставившись на меня, будто приготовился услышать захватывающую тайну. — Ты ж не просто так в их каюту залез, ну, скажи, скажи! Это я — чтоб грабануть, а ты? Графья так не грабят!

Я помолчал, затем ответил, внимательно наблюдая за ним поверх фляги, которую держал у рта:

— Эти двое — убийцы, и я за ними слежу.

Глаза Зайца распахнулись, он обеими руками вцепился в свою шевелюру и замер, уставившись на меня. На подвижном, выразительном лице его отразилось сложное сочетание чувств: разом жгучий интерес, тревога, возбуждение и желание помочь. А еще — радость, будто случилось нечто, чего он давно ждал и чему теперь обрадовался.

— А они кто, граф?! — выдохнул он, качнувшись ко мне. — Кого они убили?!

— Моих родителей, — сказал я.

Дыхание у него перехватило, Заяц подался назад, глаза закатились, будто он собрался упасть в обморок. Я даже вытянул руку, чтобы придержать его, но он закачался из стороны в сторону и вдруг снова ухватил себя за кисть левой руки. Сдавил ее, громко сопя, и едва слышно прошептал:

— Убили... родителей...

Я уже понял, что ребенок мне попался впечатлительный, но подобного все же не ожидал. Заяц реагировал слишком остро, в конце концов, мы едва знакомы, какое ему вообще дело до родителей «графа»? Мальчик снова дернул себя за волосы и лихорадочно засипел:

— Граф, я тебе помогу! Что ты хочешь сделать? Убить их, да? Убить гадов! — он стукнул кулаком по палубе, попал по колбасе, та брызнула во все стороны корич-

невыми ошметками, он не заметил. — Что надо делать, ты только скажи!

Обескураженный этой неистовой реакцией, я осторожно ответил:

— Пока ничего делать не надо. Сейчас я должен прятаться от всех и узнать, куда плывут эти двое. Узнать их планы.

— Следить за ними, да? Следить за ними! Я буду следить, а потом тебе докладывать!

— Ты успокойся, — посоветовал я. — А следить — зачем? Разве что во время стоянок, если будем причаливать, в другое время они никуда не денутся.

— А вдруг на лодке уплывут, и ты ихпустишь? Там лодка есть... Нет, я следить буду!

— Ну, попробуй, — сказал я. — Только осторожно. Они настоящие убийцы, а тот, который усатый, очень внимательный, все время смотрит по сторонам. Ты слышишь, Заяц? С ними надо по-настоящему осмотрительно, это не шутки.

Он отмахнулся:

— Я драться умею.

— Не ты один умеешь. Вот те двое, Гаррис с Чубаном, могли тебя по ящикам размазать.

— Видел, да? — засопел он. — Сверху смотрел?

— Да.

— Ничего, я с Гаррисом еще разберусь. Это бриташка из грузчиковой артели, бригадир, знает, что я француз и хочет мою денюгу забрать. Мы друг друга видели в Париже пару раз, он там фармазоном мелким был, а я... Слушай, граф, тут тебя заметить могут. Давай в другое место проведу.

— В какое другое место? — Я достал из кармана платок, и Заяц смолк, приоткрыв рот. Он уважительно наблюдал, как я промокнул лоб, отряхнул руки, вытер платком лезвие ножика, спрятал в расческу и

отправил в карман. Встрепенувшись, мальчишка стал объяснять:

— Ближе к носу есть такие длинные ящики непонятные, их в Будапеште грузили. Я между ними логово заделал, тайное, глубокое. Там от Гарриса спрятался вот сейчас, когда он с Чубаном меня хотели побить. Тряпкой занавесил. Ночью же холодно, а там теплее. Давай туда отведу, граф, сейчас поползем? Там точно не заметят.

— Что за ящики?

— А, не знаю. Деревянные.

— Но я там ничего не буду видеть, если это такое глубокое логово, как ты говоришь.

— Не, наверх можно вылезти, оттуда вид — ого какой! Мне сейчас снова идти надо, на рассвете Апатин, там большая выгрузка. Баржа у Петера быстрая, чуешь, как плывем скоро? Он двигуны себе недавно модер... модеризировал, я слышал, он хвастался боцману: у него теперь самая скорая баржа на всем Дунае. Потому его и наняли эти... убийцы. Им куда-то быстро доплыть надо, токмо я не знаю, куда. В какое-то непонятное место они хотят, боцман жаловался, в такое, куда никто не плавает. Хотя где на Дунае места, куда никто не плавает? Я и не знаю таких! Пошли сейчас в логово, поспишь там. А потом тебе еды еще притащу и питья.

Я посмотрел по сторонам и зевнул. Вечер и первая половина ночи оказались сложными, напряженными, суматошными... Усталость брала свое, но оставаться на пристане на ночь нельзя, мне в любом случае необходимо другое убежище, не такое голое. Лицо мальчишка выражало искреннее желание помочь, и я спросил:

— Ты действительно хочешь подсобить мне против этих убийц?

— Да, да! — закивал он. — Честно, граф, я ж не обманываю! Я все для тебя сделаю! Хочешь, сам их убью?

— Не хочу. И я совсем не уверен, что могу тебе доверять.

— Можешь! Мамкой клянусь, папкой... кровью своей — можешь!

Я покачал головой, снова удивляясь его непонятной страстности, и сказал:

— Ну, хорошо. Веди в свое логово.

3

— Здесь тебя точно никто не найдет, — повторил он, откидывая край мешковины. — Я слышал, капитан Петер говорил, что эти ящики аж у Железных ворот на выгрузку пойдут, ну, в Джердапском ущелье, в самом конце.

Заяц нырнул в просвет, на четвереньках пополз по нему, и я последовал за ним.

«Непонятные ящики», занимавшие носовую часть палубы, оказались и вправду не очень понятными: длинные, узкие, затянутые плотной тканью, на которой были под трафарет начертаны иероглифы. Любопытно было бы посмотреть, что там внутри, но я решил заняться этим попозже.

На ящики мы перебрались с большого, стоящего поперек палубы короба без крышки, наполненного песком, в котором поблескивали стеклянные шарики. Для чего и кому могла понадобиться подобная смесь, оставалось загадкой. Я сразу вспомнил адское мыло из железных бочек. В отличие от него песок со стеклом взорваться не могут... Впрочем, я уже готов был сомневаться в чем угодно.

Несколько десятков ящиков образовывали перетянутый веревками куб, и в том его боку, что был обращен к носу, темнела прореха. Этакое ущелье, в глубине которого Заяц и организовал свое логово — то есть бросил там несколько тряпок и занавесил мешковиной, после чего оно стало почти совсем незаметным.

— Смотри, залезть можно, — он показал вверх. — Оттуда все-все видно. Ты можешь тут сидеть, а можешь туда. А я утром за гадами следить буду.

— Какими гадами? — не понял я.

— А теми... убийцами. За ними послежу, потом тебе расскажу.

Я предостерег:

— Ты осторожнее, Заяц. Они не добренькие господа и если заметят твой интерес к ним...

Он мотнул головой:

— Да я осторожно!

— Ты слушай, не отмахивайся. Ты этих двоих успел разглядеть?

— Успел, когда погрузка была.

— Так вот: того, который усатый и смуглый, я называю человек-кулак. Он на моих глазах перерезал навахой горло машинисту поезда и выкинул его в окно. Понимаешь?

— Навахой? Это что?

— Такой испанский нож. Раскладной, изогнутый. Он у Кулака всегда с собой, а еще обрезы-двустволки. Ему тебя пристрелить или зарезать, а потом швырнуть за борт — что клопа раздавить. Ты меня внимательно слушаешь?

— Слушаю я, слушаю. Я осторожно буду, говорю же тебе. Сейчас погрузка, скоро уже. Потом Белград, там большая работа, керосин будем сгружать и муку. А потом шлюз. Но ты сиди здесь спокойно, эти ящики не тронут, они до конца плавания. Сюда и не подойдет никто.

Он повернулся, чтобы выбраться из логова, но я окликнул его:

— Постой. Ты, я смотрю, пронырливый малый, вездe лезешь... Может, слышал, кто нанял капитана с баржей вести груз до Карпат? Те двое, Кулак и Лоза, или кто-то другой?

— Этого не знаю, — ответил он. — Слышал только, их вроде этот привел, ну, помощник капитана...

— Джуса.

— Ага, он новый здесь, недавно совсем работает. А еще слышал, боцман капитану баял, что ему этот рейс не нравится. Денег много платят, но не нравится, баял, душа беспокойна, хорошим не закончится, и плывут в плохое место. Но боцман того, — Заяц помахал рукой, — старый он, бурчливый, ему все не нравится.

— А те двое тебе мстить не будут? — уточнил я. — Гаррис с этим Чубаном?

— Не, при всех они меня бить не станут, — возразил он. — Им меня подловить надо. Чубан вообще трус, он только с Гаррисом смелый, а сам меня боится.

— Прямо боится? — не поверил я, вспоминая здорового толстого Чубана.

— Я ж не сам, я с ножом, — пояснил Заяц. — Они бриташки, не любят меня, француза.

— Грузчики не из команды, то есть это не матросы?

— Не, команда постоянная. А грузчиков капитан Петер в портах новых нанимает, разные артели, иногда только на один рейс, иногда надольше. Анри, ты пока здесь сиди, то есть спать ложись, только никуда не ходи совсем, чтоб тебя не заметили. Совсем никуда, слышишь? — он просительно заглянул мне в глаза.

Я кивнул, и мальчишка наконец ушел.

Приближался рассвет, спать хотелось уже просто мучительно, я с трудом соображал, что делаю. Отряхнув тряпки, расстелил их, лег и накрылся бушлатом. Несесер подложил под голову. Мысли качались, как лодки на волнах, и я сам уплывал, погружался в теплый мрак сна. Звуки смешались, я ощутил себя крошечным сгустком жизни, букашкой в скорлупе, которая плывет по длинному извилистому ручью, втекающему в большую лужу под названием Черное море... Я был один. Раньше рядом со мной всегда были двое других — постарше, поопытнее меня, но теперь их не стало, чья-то безжалостная рука расправилась с ними...

А потом я снова ощутил ее. Звнящую нить, протянувшуюся от меня к двум убийцам, спящим в каюте. Я даже увидел их: Кариб неподвижно лежал на спине, похожий на большой камень, и тихо храпел, а мистер Чосер вздыхал и ворочался во сне. Иногда по лицу человека-лозы, будто темная волна, пробегала судорога, меняя выражение: со спокойного на зловещее, потом на жалостливое и плаксивое, затем превращало его в лицо убийцы. Они спали, и нить моей судьбы шла от них двоих дальше, на восток...

Затем произошло нечто странное. Мое сонное видение дрогнуло и будто сместилось, открыв что-то еще. Мир, через который тянулся ручей-река, где я плыл в крошечной скорлупке, сам стал крошечным. Он превратился в часть, элемент чего-то большего, очень необычного — гигантской области, погруженной в клубящуюся мглу...

И это стало последним, что я запомнил, прежде чем окончательно заснуть.

Глава 4

ОПАСНАЯ РЕКА

1

Проснулся я поздно, когда солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Съел остатки колбасы, допил вино, вылез на ящики и огляделся.

На корме позади юта торчали две толстые черные трубы, из одной валил дым, а из другой — пар. Ящики, тюки, жестяные короба, клепаные цистерны и контейнеры образовывали сложный лабиринт проходов и тупиков. Он занимал почти всю палубу, накрывавшую оба корпуса так, что просвет между ними был не виден.

В расположении грузов была своя система, более легкие — ближе к бортам, тяжелые и громоздкие — на середине, и с обязательными проходами между ними. Свободное пространство оставалось возле кормовой надстройки, вдоль бортов и в носовой части. Насколько я мог понять с этой точки, палуба делилась на четыре секции, и в каждой стояли грузы своего типа. Некоторые были занайтованы сетями, привязанными к железным скобам, другие обвязаны веревками и тросами.

Доносились стук и голоса. Неподалеку артель рабочих перекачивала бочонки, а возле другого борта, где торчала небольшая грузовая стрела, несколько людей таскали ящики. Судно шло быстро, Будапешт остался далеко позади. В заводях у берегов стояли рыбацкие лодки. Навстречу нам полз, выдыхая белые клубы, небольшой шлюп.

Раскрылись двери в верхней части юта, и на галерею, дугой протянувшуюся вдоль фасада, вышел человек. Капитан, сразу решил я. Очень такой типичный: седая борода, трубка в зубах, китель, фуражка с белым козырьком. Он всем своим видом говорил, да еще и повторял утвердительно: глядите, я — капитан, и никто другой.

Встав у поручня, он принялся раскуривать трубку. В конце галереи появились мистер Чосер с Карибом. До кормы было далеко, увидеть меня они вряд ли могли, но я предпочел улечься на ящиках плашмя. Их нагнал человек в светлом парусиновом костюме и широкополой шляпе с отогнутым кверху краем... Ба, да это Джуса! И не узнать сразу. Они заговорили. Капитан сосредоточенно раскуривал трубку, не обращая на троицу внимания. Ну что же, все на месте, злодеи не покинули баржу ночью. Только Зайца не видно — он, наверное, сейчас среди тех, кто таскает бочки, или возле подъемного крана.

Чуть позже баржа стала поворачивать, и я увидел, что мы приближаемся к Белграду. Примерно в это же время в небе далеко на востоке появилась летающая машина, на целую минуту приковавшая мое внимание. Бугристая и длинная, похожая на гусеницу, наглотавшуюся вишен, она летела над берегом примерно в ту же сторону, куда плыли мы. Необычная конструкция — никогда раньше не видел ничего подобного. Я подумал, что если она подлетит ближе, надо спуститься за несессером, достать подзорную трубу и рассмотреть дирижабль повнимательнее.

В акватории белградского порта на рейде стояли несколько судов. Миновав их, баржа развернулась кормой к берегу, дала задний ход и всплыла между двумя длинными дебаркадерами. На палубе засуетились, забегали матросы, на дебаркадерах показались люди, подъехала грузовая паровозка, и началась работа.

Разгрузка шла сразу с двух бортов. Загудел подъемный кран на дальнем краю палубы. Грузчики прицепили тросы к жестяной цистерне с керосином, кран приподнял ее, надсадно гудя, извергая клубы пара из-под кабины, и перенес тяжело покачивающуюся цистерну в открытый кузов паровозки.

Наблюдая за происходящим, я задумался о своих насущных делах. К таковым в настоящий период моей жизни относились по большей части террористические акты, слежка, стрельба, оружие, взрывы и тайное наблюдение. Из-за всего этого у меня почти не оставалось времени обдумать происходящее. На борту «Рассвета империи» я по большей части лежал плашмя на койке или бездумно слонялся по палубе, приходя в себя после пережитого в России, но теперь пора все тщательно обмозговать.

Какова моя главная цель? Добраться до логова Хозяина, раскрыть его планы, уничтожить его самого и его приспешников. О'кей, как говорят янки, и что следует предпринять для достижения этой цели? Итак: есть Хозяин, есть его подручные мистер Лоза, мистер Кулак и мистер Джуса. И наверняка есть кто-то еще, другие члены преступной организации, кого я пока не знаю. Они организовали взрыв Всемирной Выставки, намеревались убить императора, для чего был использован известный британский железнодорожный инженер Вилл Брутман. Его шантажировали. Семья инженера мертва, причем уничтожена она стремительно и безжалостно, о чем я, к слову, и предупреждал Вилла в гостинице «Высокий дом», когда говорил, что его родственники — просто песчинки в шестернях происходящего. Убиты не только взрослые, но и семилетняя девочка. Это многое говорит о нраве моих врагов.

Мы с Генри и Джейн смогли частично расстроить планы Хозяина, то есть графа Алукарда. Но лишь частично. И если...

Додумать мне не дали мистер Чосер и Кариб — они сошли на дебаркадер, и я с тревогой приподнялся. Уж не собирается ли моя парочка насовсем покинуть баржу? Но ведь адское мыло не выгружали, даже не открыли грузовой люк трюма... Тут я заметил, что в руках человека-лозы нет несессера, а Кариб без кейса, и понял: они всего лишь прогуливаются, воспользовавшись длительной стоянкой.

Человек-кулак вскоре вернулся на палубу, а Чосер по дебаркадеру направился к берегу, где стояли серые здания складов. Между ними высилась кирпичная башенка с открытой галереей вверху, там были столики со стульями, несколько человек пили кофе.

По дебаркадеру двое грузчиков несли навстречу Чосеру большой ящик. Человек-лоза, судя по горделивой походке, изображал по меньшей мере архигерцога и уступать дорогу не собирался. Он широко шагал к ним; грузчики сначала приостановились, затем сдали вбок, увлекаемые инерцией своей громоздкой ноши, и лишь в последний миг сумели отойти с пути господина в черном цилиндре с белой ленточкой, будто бы и не заметившего их. Когда он прошел мимо, один грузчик, обернувшись, что-то сказал вслед.

Чосер сделал еще шаг, развернулся, будто строевой офицер на плацу, и направился к этим двоим, уже тащившим свою ношу дальше. Он нагнал их, и грузчики снова остановились. Тот, который что-то сказал Чосеру, отпустил свой конец ящика и упер руки в бока — и тогда взлетевшая трость ударила его по плечу.

Я был далеко, но отчетливо разглядел, что в этот миг человек-лоза мигом сбросил личину графа и сделался кем-то другим. Грузчик, крупный малый явно недюжинной силы, отшатнулся. Чосер завращал тростью, быстро изгибаясь из стороны в сторону, торс его при этом казался невероятно подвижным, эластичным, ноги танцевали джигу. Он согнулся в виде большого вопросительного

знака... Или, подумал я, в виде кобры, выползающей из мешка факира. Может ли такое быть, чтобы этот человек изображал сейчас змею? Очень хотелось увидеть его лицо, узнать, какое выражение на нем, ведь мистер Вука Чосер, как я понял еще на «Самодержце», надевая на себя очередную маску, отдавался роли целиком. Менялось все: жесты, мимика, манера двигаться и говорить. Менялась сама его сущность. Какое лицо у него теперь? Жалко, что несессер с трубой остался внизу, пока буду лазать за ним — все пропущу.

Грузчик попытался ударить его кулаком, и Вука скользнул вбок. Трость на миг вырвалась из мерцающего стального круга, образованного ее стремительным движением, впилась в живот противника и тут же — в подбородок. Молниеносный двойной удар опрокинул здоровяка на дебаркадер. По-прежнему гибко покачиваясь и пританцовывая, человек-змея — так его теперь следовало называть? — повернулся ко второму грузчику. Приятель упавшего предпочел отступить к сходням, где уже стояла небольшая толпа, наблюдающая за бесплатным развлечением.

Я думал, на том все и кончится, но нет — змея вошла в раж и не желала прекращать бой так скоро. Лишившись второго противника, Вука скользнул обратно к первому, неловко пытавшемуся встать. Трость опустилась еще раз, и еще, каждый следующий удар следовал с новой стороны и по новой части тела. Грузчик содрогался и будто сминался под ударами, а еще он кричал — хриплый, полный боли вопль разносился над дебаркадером и палубой.

Широко раскрытыми глазами я наблюдал за расправой. Там и вправду был не человек, а змея, смертоносный ползучий гад, танцующий в свете солнца. Он атаковал безжалостно, с невероятной быстротой. Как вдруг, в какой-то неуловимый миг, все закончилось. Я моргнул... Мистер Чосер уже не дрался — широко

шагал прочь, стуча тростью по камням, и позади него содрогалось в конвульсиях тело его жертвы. На сходнях зашумели, несколько человек поспешили к раненому. А я глядел вслед человеку-лозе и думал о том, что открыл для себя кое-что новое, важное. Раньше я думал, что в этой паре Диего Кариб выполняет роль бойца, стреляет и дерется, к тому же отслеживает возможных соглядатаев, а Чосер — скорее мозг. Он казался хитрым, коварным, лукавым и подлым, но до сих пор ни в одной из своих личин Вука не производил впечатления умелого бойца. И вот теперь я убедился, что был не прав. Оба они способны постоять за себя, уложив в драке нескольких противников. Возможно, *сам по себе* человек-лоза и не умеет драться, но, напялив личину бойца, он превращается в такового.

Сколько еще масок способен надеть этот человек и какие это маски? И есть ли вообще Чосер «сам по себе»? Мне он представлялся в виде эдакого шкафа, большого гардероба, в котором висят украденные костюмы. Их можно перебирать и перебирать, входя в тусклые недра все глубже, сдвигая бесчисленные вешалки с плащами, сюртуками, фраками, пиджаками, углубляясь в загадочный платяной лабиринт. А когда наконец доберешься до конца, то не увидишь ничего, никакой личности, прячущейся под этим ворохом одежд, поймешь, что и конца-то никакого нет — лишь темная молчаливая пустота.

Стонущего грузчика подняли и понесли куда-то. Мистер Чосер, достигнув причала, направился в сторону кирпичной башенки, на крыше которой была терраса кафе. По краю дебаркадера за ним посеменила знакомая фигура — я узнал Зайца. Выполняя свое обещание, мальчишка следил за Вукой.

Чосер сел за столик на террасе и принялся пить принесенный официантом кофе, а Заяц спрятался между зданий.

Разгрузка продолжалась. Я лег на бок, достал револьвер и провел пальцем по изгибам буквы «S» на рукоятки. Что еще мне известно? Против Хозяина, то есть графа Алукарда, действует некто, выступающий под именем Мессия, хотя мне привычнее называть его Мистером Икс. Через моего отца, этого SH, Мистер Икс вышел на Джейн с Генри и попросил помешать операции Кариба и Чосера, работающим на графа. Судя по нашим радиопереговорам в «Самодержце», Мистер Икс знал про намерения злодеев далеко не все. Теперь связь с ним для меня потеряна. Я понятия не имею, как сильно Мистер Икс намеревается еще вмешиваться во все это, осведомлен ли он о том, что я выжил, а мои приемные родители мертвы, одиночка ли он или глава организации, противостоящей Хозяину. Не знаю, кто он вообще такой и где находится... Я ничего о нем не знаю. Ясно только, что возможности у него большие, но это и всё. У меня нет никаких сведений ни о нем самом, ни о его дальнейших планах, а значит, Мистера Икс пока что лучше отложить в сторону. То же самое касается и SH — причем про него известно еще меньше.

Пора вычленить главное. Я поглядел на кирпичную башенку, удостоверился, что мистер Чосер по-прежнему мирно пьет кофе, и задал себе самый важный, самый тревожащий вопрос.

Каковы намерения убийц, почему они делают то, что делают? Взрыв купола и смерть Его Императорского Величества при явном посредничестве британского гражданина спровоцировали бы полномасштабную войну Соединенного Королевства и России. Но план сработал не до конца: император жив, а он известен добрыми, чуть ли не дружескими (насколько это вообще возможно между крупными политическими деятелями) отношениями с маркизом Солсбери, британским премьер-министром. И что Хозяин собирается делать дальше? Кариб с Чосером везут куда-то на юг адское мыло,

смесь невероятной взрывной мощи. Для чего? Ясно, что в планах графа Алукарда еще один взрыв, еще одна катастрофа — крупнее первой.

Мне вдруг стало холодно, я поежился и сжал рукоять револьвера, подумав о чудовишной силе, заключенной в железных бочках, стоящих в трюме подо мной. Террористы собираются взорвать либо что-то одно — и тогда, наверное, очень большое, — либо несколько объектов. Воображение отказало, когда я попытался представить мощь взрыва тринадцати бочек разом. Да этого хватит, чтобы пустить на дно Британские острова!

Когда погрузка закончилась, и громкий гудок оповестил о том, что баржа вскоре отчалит, мистер Чосер покинул кафе. И тут же из-за ближайшего склада вынырнул Заяц. Я подумал о том, что он не слишком осторожен. Если бы на месте Чосера был Кариб, слежка наверняка была бы замечена.

2

Белград был уже далеко за кормой, а Заяц все не появлялся. Когда перевалило за полдень, в небе снова появился дирижабль — бугристая гусеница плыла далеко над западным берегом. Завидев ее, я побыстрее спустился в логово и достал из несессера футляр с подозрительной трубой. Джейн подарила ее Генри на юбилей их замужества два года тому назад. Изящная вещица, не слишком мощная, зато компактная и крепкая, выпущенная из Германии, с самого «Meuer-Optik», за приличные деньги.

Вернувшись на ящики, я в трубу оглядел летающую машину — и ухмыльнулся. Это же «небесный паровоз»! Я с первого взгляда сумел понять, в чем суть его конструкции, потому что однажды во время очередного ученого диспута, состоявшегося с Петькой Сметаниным у него дома, предложил очень похожий вариант. Петька его обсмеял как антинаучный, я принялся с жа-

ром возражать, он стал возражать на мои возражения, а я (нам было тогда по тринадцать лет) выдвинул ряд контраргументов, суть которых сводилась к тому, что Сметанин дурак и технический невежда, смыслящий в воздухоплавании примерно столько же, сколько мушка дрозофила смыслит в теоретической физике, и место ему не на первом курсе Технического училища, а среди чистильщиков сортиров на должности заместителя младшего секретаря помощника ночного сторожа... мы чуть не подрались тогда и смертельно поссорились на целый час. И вот теперь оказалось, что я был прав — воздушный поезд не только возможен, но даже построен и уже летает! Утрись, Сметанин!

Машина состояла, в чем я был уверен, хотя не мог видеть этого, из ряда круглых газовых баллонов, скрепленных между собой и запеленутых в длинную тканевую кишку красного цвета. Судя по тому, как она бугрилась, баллонов было шесть. Под ними висела длинная гондола из нескольких отсеков с торчащей позади трубой, откуда валил дым. Из-под днища гондолы выступали крылья — приглядевшись, я понял, что там закреплен аэроплан, также выкрашенный в ярко-красный цвет.

Над корпусом торчали гибкие флагштоки с разноцветными выпелами и флагами, развевающимися на ветру. Я повел трубой вдоль воздушного поезда. Надо же, какие аппараты летают нынче над Европой, кто бы мог подумать... Почему такая окраска? И для чего нужны те толстые трубы, идущие внутрь корпуса от задней части гондолы? В том месте стоит двигатель — от него по трубам к баллонам может поступать горячий воздух! То есть я вижу паровой дирижабль... паролет... небесный пароход... как еще его назвать? Он нуждается в подпитке летучим газом или горячим воздухом гораздо реже, чем обычные летающие машины.

Удивительный небесный зверь недолго двигался вдоль берега. Вскоре он стал удаляться, и когда расстояние

стало слишком большим, я опустил трубу. И подумал о том, что мне до сих пор совсем непонятен маршрут, который избрали злоумышленники. Мы уплываем все дальше от цивилизованной Европы, а вся суть терроризма в его *звучности*, которая тем сильнее, чем больше людей погибнет и чем больше свидетелей останется в живых, чтобы рассказать про это. По идее, железные бочки должны приближаться к Берлину, Лондону, Парижу или Вене, но все наоборот... почему?

Потому, что где-то там, на юге или юго-востоке, находится логово Хозяина. Чосер с Карибом везут груз к нему, а уж оттуда бочки будут переправлены в место или в места, где адское мыло должно выполнить свое предназначение. Вот в чем дело.

Было кое-что еще во всем этом, некий оттенок, который, накладываясь на происходящее, добавлял ему фантастичности, даже, пожалуй, мистичности. Речь шла о технологиях, которыми владели обе противостоящие стороны: и Мистер Икс, и Хозяин. Имелись и другие странности, более мелкие. Например, слова Мирини и Сплетение, употребленные Мессией в радиопереговорах, или, к примеру, удивительная живучесть Кариба, получившего две пули в грудь и чувствующего себя, как ни в чем не бывало... хотя тут я, кажется, понимал, в чем дело. Но все это меркло в сравнении с невероятным радиошифратором, с возможностью передавать по радиоволнам голос, с загадочным телеуправляемым дроном в небе над «Самодержцем». В конце концов — с таинственным световым излучением, заставившим работать солярный детонатор, а ведь я до сих пор не знал, что там, собственно говоря, взорвалось... Сошедшиеся в схватке силы обладали технологиями, которых, как я считал до недавнего времени, просто не существовало на Земле.

Так что же это за силы и что я могу противопоставить их мощи? Вопрос был риторический, но я все

равно мысленно ответил на него: ничего, кроме разума, хитрости и ловкости. Я могу оставаться маленьким и незаметным для могущественных врагов. Протиснуться, ввернуться, ввинтиться как можно глубже в ту сложную темную махину, которой представлялась мне организация Хозяина, и попытаться разрушить ее точечными ударами. Диверсиями, саботажем, убийствами. Этой тактики и следует придерживаться.

Знакомое сопение донеслось из логова, я заглянул — внизу появился Заяц. Он быстро забрался наверх и сказал:

— Анри, я за гадами следил. Они хитрые, ничего такого не делают... подозрительного. Кулак назад в каюту пошел, а Лоза кофе пил.

— Только перед тем грузчика избил, — добавил я.

— Ага, — согласился мальчишка. — Он ему ребра поломал и вообще... Ох и зверь! Того в больничку при порте снесли. Слушай, мы к шлюзу подходим. Теперь осторожнее надо, чтоб сверху не увидели.

Я повернулся к носу баржи. На юго-востоке серыми конусами проступали горы. Редкие облака играли в догонялки, двигаясь в одном направлении — на запад, где маячил уже знакомый дирижабль. Впереди через реку тянулась серая полоса дамбы. Вправо от русла отходил изогнутый дугой канал с нанизанной на него бетонной коробкой шлюза — наше судно поворачивало к нему. Вскоре мимо потянулись забранные камнем скошенные берега, и я спросил:

— Ты впервые здесь?

Заяц кивнул, разглядывая окружающее. Впереди показалась башня управления, стоящая возле раскрытых шлюзовых ворот. Донеслось тихое стрекотание, я поглядел в небо и нахмурился. Мальчишка схватил меня за рукав:

— Это что там?!

Вытащив подозрную трубу, я посмотрел. От дирижабля к нам двигалась темная точка. Когда стало ясно,

что это такое, и я опустил трубу — баржа уже вплывала в шлюз, а Заяц благоговейно таращился на меня.

— Можно поглядеть? — спросил он так робко, что я не нашел в себе сил отказать и протянул ему трубу.

— Вот здесь крутишь, чтобы настроить фокус... В смысле, если картинка расплывается, то делаешь нормальную резкость. Понял? И держи осторожно, не урони. Она дорогая, и это память о родителях.

Заяц принял трубу с трепетом и уставился в нее. Точка, успевшая превратиться в красный крестик, продолжала расти.

Внутри шлюза гулко плескалась вода. От башни управления пополз низкий рокот, почти заглушивший звук наших моторов. Вода подернулась рябью, за кормой начала подниматься железная плита, которая вскоре перекрыла вход в шлюз. Вторая заслонка, поднятая ранее, была впереди.

— Анри, что это? — спросил Заяц, глядя в трубу.

— Аэроплан, — пояснил я.

— Почему он к нам летит?

— Не знаю. Видел дирижабль, такой необычный, длинный?

— Ага. Вчера и сегодня. Он и сейчас там висит.

— Не висит — летит в ту же сторону, куда плывем мы. В прошлый раз я решил, что это случайность, но теперь так не думаю. Он вроде как следит за баржей.

— Как ты за Лозой с Кулаком?

— Ну, наверное. Только они про меня не знают, а дирижабль с баржи хорошо виден. Этот аэроплан оттуда, вчера я разглядел его под гондолой. Давай назад трубу.

Заяц вернул ее с сожалением.

— Будешь мне еще давать посмотреть? Потом, попозже. Хотя бы иногда.

— Попозже? — переспросил я. — Это когда? Ты думаешь, мы еще долго будем вместе?

— Конечно. Я теперь с тобой насовсем.

Не найдя, что ответить на это, я молча спрятал трубу в чехол. Тяжелый рокот не прекращался, вода в шлюзе волновалась, уровень ее стал ниже. Это означало, что где-то под поверхностью сдвинуты заслонки водопроводных галерей, и вскоре мы сможем выплыть в реку.

— Анри, а эти, на дирижабле, это твои друзья? — спросил Заяц.

— С чего ты взял? Я не знаю, кто там летит и как они связаны со всем происходящим.

Аэроплан двигался по широкой дуге. В ярком свете солнца он казался темно-красным, будто вымочен в крови. Далеко за баржей крылатая машина развернулась и обратно над каналом приближалась к нам со стороны кормы.

Вода покидала камеру шлюза через водосброс, стены его все росли над головой — мы будто опускались на дно гигантской обувной коробки. Снизу казалось, что поблескивающая окнами башня управления высится до небес. На палубу высыпали матросы и грузчики, на галерее появились капитан Петер и Кариб, все смотрели вверх.

С громким стрекотом аэроплан красной стрекозой пронесся низко над нами и улетел вперед.

— Анри, там Лоза! — прошипел Заяц, падая на ящики.

Распластавшись на них, я проследил за его взглядом — мистер Чосер стоял на крыше юта и в бинокль наблюдал за аэропланом. Если опустит взгляд, то легко заметит нас.

— Не шевелись! — прошептал я.

С башни управления донесся гудок, и баржа дала ответный сигнал. Аэроплан развернулся и снова пронесся над нами. Я разглядел темный продолговатый выступ под брюхом, но не понял, что это. Когда машина исчезла за рубкой, Заяц проворчал:

— Чего он носится, как дурак?

С гудением передний створ ворот шлюзовой камеры стал опускаться. Стрекотание аэроплана, почти стихшее,

опять донеслось сквозь тяжелый гул и плеск воды. Мистер Чосер повернулся спиной к нам, опустив бинокль, приложил ладонь козырьком ко лбу.

— Нам лучше спуститься обратно, — пробормотал я, начиная отползать к расселине между ящиками.

Аэроплан появился над кормой. В звук винта вплелся частый стук, что-то взвизгнуло, мелко зазвенело.

— Стреляют! — завопил Заяц.

Машина пронеслась над баржей, накрыв ее длинной пулеметной очередью. Взбурлил песок в коробе, стеклянные шарики разлетелись мириадами сверкающих брызг. Пули ударили в ящики, на которых лежали мы, и мальчишка завизжал:

— Прячемся!!!

Он кубарем скатился в логово, я сиганул следом, оставив наверху несессер. Затрещало, стена дощатого ущелья просела, на голову посыпались щепки, солома, труха и что-то еще — мелкое, округлое...

В полосе неба мелькнул крылатый силуэт, волной накатило и стихло жужжание и частый стук. Заяц замер лицом книзу, подогнув под себя ноги и выпятив зад, накрыв голову руками. Я сгреб в горсть то, что просыпалось из разбитого выстрелами ящика. Ореховая скорлупа. Обычная скорлупа... нет, не обычная — угловатые выступы на ней были немного сглажены. Как это называется — кажется, окатанная скорлупа? Ее как-то обрабатывают, и получается вот такое. Черт возьми, песок, стеклянные шарики, орехи — для чего все это?!

Жужжание опять стало громче. Палуба дрогнула — мы поплыли. Вскочив на колени, я ткнул Зайца кулаком и прокричал:

— Если накроет очередью — нам отсюда некуда деться! Лезем обратно!

— Там нас видно! — заорал он в ответ, выпрямляясь.

— Спрыгнем в короб с песком, зароемся!

Он безумно поглядел на меня, облизал губы, вскочил и, как таракан, быстро полез вверх.

Баржа уже плыла по той части канала, которая вела обратно к Дунаю. Жужжание приближалось. Когда я выставил голову над ящиками, аэроплан пронесся над палубой. Стука пулемета не было слышно, но от него отделился темный предмет, пролетел по дуге и врезался в дальний борт. Гроыхнул взрыв, все вздрогнуло, и спустя миг аэроплан исчез из виду за ютом.

— Это бомба, — хрипло сказал я распластавшемуся на ящиках Зайцу. — Авиабомба.

Она упала возле подъемного крана, за высокой пирамидой мешков. Кран дрогнул и накренился в клубах дыма, но не опрокинулся — взрыв был не слишком силен и, кажется, не причинил особых повреждений. Раздались крики. Я перекинул через голову ремешок несессера, и мы с Зайцем подобрались к тому краю ящиков, за которым был короб с песком. Мальчишка показал в сторону кормы:

— Анри, смотри!

Мистер Чосер стоял на юте спиной к нам с тростью в руках. Какая-то она необычно длинная... Ну да, ведь эта штука телескопическая, раньше я просто не видел ее разложенной во всю длину. Вука положил трость на плечо и держал ее как... Как держат длинноствольное ружье, вдруг понял я.

Он поднимал конец трости все выше, целясь в налетающий с кормы аэроплан. Пулемет снова застучал. Я будто воочию увидел, как пули колотят по кильватерной струе, приближаясь. Сейчас они догонят баржу, взлетят по корме, по юту, пройдут по крыше, пересекут то место, где стоит мистер Чосер...

В этот момент он выстрелил. Едва заметная дымная полоска вырвалась из трости и растаяла в воздухе. Раздался гулкий хлопок, который я уже слышал на крыше «Самодержца». Правое крыло аэроплана переломилось,

как спичка. Черный дым, в котором плясали языки пламени, повалил от него.

Аэроплан качнулся, с надсадным гудением заваливаясь на бок. Двигаясь по крутой дуге, он прочертил в небе дымовую полосу и врезался в скошенную стену канала. Взлетели плотные клубы дыма, обломки разрушившейся машины упали в бурлящую воду.

— Анри, ты видел?! — засопел Заяц. Мы стояли на краю ящиков, готовые прыгнуть в короб с песком, который был на пару метров ниже. — Он же в него... он будто из пушки... Чем он его сбил?!

— Не знаю, — сказал я. — Это вроде ружья очень большого калибра, спрятанного в трости.

— Он же крыло взорвал! Это как пушка!

— Говорю — очень большой калибр. Знаешь что, лучше нам...

Снизу донесся крик, и я смолк. Между коробом и бортом стоял Платок, то есть бригадир артели грузчиков Гаррис, и глядел на нас, задрав голову. Я схватился за револьвер. Заметив движение, он попятился, и тогда Заяц закричал:

— Стреляй в него! Стреляй быстрее!

3.

Грузчик бросился к корме, вопя и размахивая руками. Я повел за ним стволом, палец напрягся на спусковом крючке.

— Да стреляй же, стреляй!

Оружий во всю глотку Гаррис был уже на полпути к юту, от которого навстречу спешили люди, а я все медлил.

— Ну что же ты?! — мальчишка неистовствовал, подпрыгивал рядом.

— Он слишком далеко, — проговорил я. — Да и вообще...

— Что вообще?!

— Это обычный человек, и он ни в чем не виноват.

— Что?! Да он меня хотел... он...

Заяц двумя руками вцепился в мое запястье, поворачивая его и направляя револьвер вслед за беглецом. Просунув палец под скобу, сильно надавил. Я дернулся, револьвер выстрелил, пуля ушла далеко в сторону.

— Болван! — локтем я оттолкнул его, едва не сбросив с ящиков. Гарриса уже обступили матросы и грузчики, теперь стрелять точно не имело смысла.

Мистер Чосер, зажав трость под мышкой и перегнувшись через ограждение крыши, пристально смотрел в нашу сторону.

— Почему я болван?! — закричал Заяц. — Он плохой! Плохой! Надо было его убить! Он же нас выдаст... уже выдал!

— Нас бы выстрел выдал, даже если бы я попал! — повысил я голос, убирая револьвер в кобуру. — Ты что, не понимаешь? А теперь...

— Бежим, граф! — мальчишка вдруг сиганул вниз. Упал в короб, вскочил и, увязая в песке по щиколотку, побрел к другому краю. Оглянулся, махнул рукой: — За мной давай!

— Куда?! — прокричал я.

На крыше юта появился Кариб, встал рядом с Чосером. Человек-лоза поднял бинокль, а человек-кулак — подзорную трубу, и оба уставились на нас.

— За мной, за мной! — донеслось снизу.

Я прыгнул — сначала в короб с песком, а потом с него на палубу. Заяц потащил меня в лабиринт грузов. Я был уверен, что обычный капитан обычного мирного судна, на который сбросили бомбу, пусть даже такую слабосильную, обязательно причалит, станет проверять повреждения, свяжется с властями... Но ситуация на барже и отношения капитана Петера со злоумышленниками были не очень ясны. Если судно способно плыть

далее, — а бомба, судя по всему, не причинила серьезных разрушений, — то оно может продолжить свой путь без остановок.

Ящики, бочки, мешки и контейнеры образовывали острова, между которыми оставались проходы, площадки и тупики. Несведущий человек вроде меня сразу запутался бы, но Заяц ориентировался здесь отлично. Вот только наверняка то же самое можно было сказать про большинство из наших следователей.

В том, что нас уже вовсю ищут, не было никаких сомнений: топот ног и крики раздавались со всех сторон.

— За мной, Анри! — сипел мальчишка, вбегая в очередной проход, ныряя в тесные тупики, выбираясь из них по мешкам и бочкам. — Не отставай, не отставай!

Он хромотал, заметно припадая на левую ногу, и я наконец понял, что она у него короче правой. Бежать мальчишке было больно, но это не мешало ему то сворачивать на полном ходу, то резко останавливаться, предостерегающе вскинув руку. Через минуту мы остановились за невысоким штабелем из свертков ткани. Голос Джуса прозвучал совсем рядом, по другую сторону штабеля. Я хорошо представил себе его жирное разбойное лицо, загнутые кверху черные усы, представил, как он идет в сопровождении матросов... И тут он показался на глаза. В руке его была кривая сабля, а за пояс заткнута плетка.

Джуса прошагал мимо во главе троицы матросов, вооруженных ножами и дубинками. То есть пробравшийся тайно на баржу пассажир взволновал капитана Петера больше, чем атака авиетки? Не может такого быть. Наверняка на наших поисках настояли Чосер с Карибом — и это значит, что у них есть рычаги влияния на капитана. Деньги. Или страх. Или и то, и другое.

Заяц стоял передо мной, будто защищая, выставив свой ржавый сломанный ножик, жалкий в сравнении с саблей толстяка. Стоял и тихо сопел. Нас могли легко

заметить, стоило только кому-нибудь повернуть голову к штабелю, но они прошли мимо, так и не кинув взгляд в нашу сторону, и скрылись в проходе, ведущем к носу.

Выждав еще, я сказал:

— Нет смысла бегать по палубе. На нас все равно наткнутся, рано или поздно.

— Есть, — возразил Заяц, поворачиваясь. — Есть смысл, потому что у меня есть план.

— Ну, какой у тебя план, кроме как метаться туда-сюда?

— Такой план, что мы можем спрятаться в юте!

— Под боком у капитана? Ты с ума сошел. Может, прямо у него в каюте? Мы оба уже пробовали залезть в одну каюту...

Моя ирония была просто слабой попыткой замаскировать тот факт, что я и сам понятия не имел, как теперь быть. Но Заяц воспринял эти слова всерьез:

— Да не в каюте, а там снизу есть ходы! Над машинным отделением, такие... лазы, узкие, с решетками, я в них ползал.

— Вентиляция, что ли? Там нас тоже запросто...

— Тихо! — шикнул он.

Неподалеку снова раздались голоса. Я попятился, развернулся и на цыпочках заспешил прочь от штабеля, слыша шаги мальчишки за спиной. Вскоре мы очутились на свободной от груза площадке между ящиками с надписью «Manufactory» и высоченной пирамидой мешков с мукой. Со стороны носа и кормы к площадке вели два прохода, а в середине был грузовой люк.

Голоса сменились звуком шагов — кажется, это знакомая нам компания с Джусой во главе возвращалась назад. А ведь за мешками — борт, сообразил я, и вдоль борта тянется пустая полоса, хорошо просматриваемая по всей длине. Если окажемся на ней — нас обязательно увидят. И останется только...

— Анри, ты куда?! — воскликнул Заяц, когда я прыгнул на площадку с люком. — Вниз не надо, там как в ловушке!

Трюм действительно был ловушкой, но я не собирался спускаться — лишь распахнул крышку и бросился назад, за мешки. На ходу вцепившись в шиворот мальчишки, поволок его за собой.

Мы замерли позади мешков. Несессер висел за моей спиной, револьвер с буквой «S» на рукояти был в правой руке. Почему-то я предпочитал пользоваться им, всегда первым доставал из кобуры. У меня было чувство, что с буквы на этом оружии начинается имя моего отца, а с «Н» — фамилия, и поэтому тот револьвер нужно использовать вторым. Глупость, конечно...

Трое матросов и Джуса, громко топая, выбежали со стороны носа. Двойной подбородок толстяка содрогался, сабля в руке ходила ходуном. Погоня давалась ему тяжело, и злобное выражение красного лица недвусмысленно говорило о том, что он сделает с беглецами, как только они попадутся ему.

Матрос показал на раскрытый люк, они подбежали туда, заглянули, потом расступились, пропуская тяжело пытящего Джуса. Он посмотрел вниз, кинул взгляд вокруг. Заяц вцепился мне в рукав, мы затаили дыхание.

Джуса отдал приказ — и матросы полезли в трюм.

Толстяк спускался последним. Когда над палубой осталась только его голова, донеслись тяжелые шаги, и в поле зрения появился Кариб. Он окликнул Джуса, тот кивнул ему — и пропал из виду.

Кариб склонился над люком, упершись рукой в колено. Я решил, что он тоже собирается слезть, но человек-кулак, распрямившись, поглядел по сторонам. Я едва успел отпрянуть за мешки, а Заяц сдавленно прошептал:

— Второй пистоль достань.

Делать этого я не стал, но выставил перед собой тот револьвер, который уже был в руке, чтобы открыть

огонь, как только это понадобится. Выглядывать из-за мешков ни один из нас больше не рискнул, теперь мы могли только слушать. Звук шагов не раздавался, палуба не скрипела — непонятно было, крадется ли Кариб к нам или стоит на месте. Доносились перекрикивания преследователей, но на площадке стояла тишина, и ожидание становилось невыносимым.

— Я сейчас! — прошептал Заяц.

— Нет, погоди! — начал я, но он бесшумно метнулся вокруг мешков, оставляя следы в белесой мучной пыли, покрывающей палубу у подножия пирамиды.

Я ждал с поднятым револьвером. Джейн тогда стреляла в грудь, а я, если Кариб появится передо мной, выстрелю ему в голову, прямо в смуглое лицо с жесткими складками у рта. Вот только и он может с ходу выстрелить... ладно, примем смерть вместе, плохо только, что в живых останутся мистер Чосер и Хозяин. Если что-то мелькнет впереди, мне нужно сразу резко присесть, надеясь, что пуля пролетит над головой, и тогда уж стрелять.

Возглас и громкие голоса донеслись с другой стороны палубы — скорее всего, преследователи обнаружили наше логово. Хорошо, что несессер со мной, и что я надел свою жилетку с сюртуком. Хотя между ящиками остался бушлат, к тому же вход занавешен мешковиной — догадаться, что именно там провел ночь неизвестный пассажир, нетрудно. С юта Чосер и Кариб наверняка заметили не только меня, но и Зайца, и если для команды все происходящее может быть вроде игры, то эти двое, да и Джуса вместе с ними, настроены серьезно.

Сзади донеслись легкие шаги, я узнал их и не стал оборачиваться. Меня подергали за рукав. Не опуская револьвера, я присел, чтобы Заяц мог говорить совсем тихо, и он зашептал:

— Ты больше не выглядывал?

Я мотнул головой. Мальчишка продолжал:

— Этот Кулак сначала стоял над люком и так оглядывался... Будто вынюхивал.

— Тише, — велел я.

— Да я тихо, тихо. Он, как пес, понимаешь? Такой... страшный, я думал: шас залает и на меня прыгнет! И зубами вцепится! А он понюхал, поглазел, потом достал часы, большие, ого, золотые такие, аж сияют, и стал ими качать на цепочке. Туда-сюда, туда-сюда... и потом дальше к носу пошел. И двуствол у него! Я таких раньше не видал, стволы толстые, с мою руку. Честно, не вру.

— Знаю, — сказал я, выпрямляясь и начиная отступать к борту. — Его часы — оружие, в них спрятаны лезвия. Не знаю, какой там механизм, но Кулак ими может убить, имей в виду. Сейчас его там уже нет?

— Нету, нету. Идем.

— Не идем. В любой момент сюда может прийти кто-то еще. Или те, кто спустился в трюм, поймут, что нас там нет, и вылезут обратно.

— Да нет же! — возбужденно зашептал он. — Почти все на другом конце палубы, а эти так скоро не вылезут! Трюм большой, чтобы весь обыскать, много времени надо.

— Значит, ты все-таки предлагаешь идти к юту? Мы туда не подберемся, перед ним открытая площадка, нас заметят. Я думаю, пора с борта нырять.

— Но как же? Мы же твоих врагов потеряем, уплывут.

— Другого выхода нет, на барже нас найдут так или иначе.

— На корме запрятаться сможем, в юте.

Запахло гарью — мы подошли к тому месту, где стоял подъемный кран. Одну из трех его металлических лап выворотило из палубы, он сильно накренился, упершись в ограждение. В палубе рядом темнел небольшой пролом. От него шел дымок, но огня не было.

— Мы из канала выплыли уже, — сказал Заяц.

Я огляделся, пытаюсь сообразить, что делать. На протянувшейся вдоль борта свободной от грузов полосе никого не было. Судя по звукам, большинство охотников сошлись у нашего логова между ящиками на носу. Может, сделать так, как предлагает мальчишка: пробежать вдоль борта к корме, проникнуть в ют, попробовать спрятаться там?

Заяц присел, потирая колено, и выжидающе глядел на меня. Одно понятно: здесь оставаться нельзя, скоро из трюма появятся матросы. Я повернулся к мальчишке, и тут из-за мешков к нам скользнула гибкая фигура с тростью в руках.

Еще пару секунд мистер Чосер оставался в главном своем образе угодливого весельчака, а потом темная судорога прошла по его лицу, стерев прежнюю личину и обнажив другую. Пугающую. Ужасную.

Лицо стало напоминать морду безумной лисы-оборотня. Вытянувшееся, заострившееся, оно почти лишилось человеческих черт, из-под вздернувшейся губы выступили зубы... клыки... нет, все же зубы. Согнув длинные ноги, существо, которым стал этот человек, бросилось к нам. Я не успел выстрелить, лишь вскинул револьвер, но Чосер ударом трости выбил оружие. Он присел, крутанув тростью, врезал мне по бедру. Нога подогнулась, с криком боли я упал на бок. Попытался встать, вытащить второй револьвер, а оборотень был уже надо мной, и трость взлетала, чтобы обрушиться мне на голову. Узкая тень легла на мое лицо.

Сбоку выскочил Заяц и с протяжным всхлипом воткнул ржавое лезвие своего ножа в ляжку Чосера.

Тот завизжал. Высоко, протяжно, словно женщина или зверь — раненая лиса. Нога его подогнулась почти так же, как у меня, но Чосер упал не на бок, а на спину, широко взмахнув тростью, метя ею в голову Зайца. Вот только он не учел, что это ребенок не слишком высокого роста. Трость пронеслась над макушкой, зацепив

волосы, а Чосер свалился на палубу. Ножик торчал из его ноги.

Вдоль борта к нам бежали вооруженные люди. Из-за мешков донесся голос Джусы, который раздраженно вопрошал, что происходит.

— В воду! — Заяц схватил меня за плечи, помогая встать. — В воду давай!

— Нет, стой, мой револьвер! — начал я, но мальчишка что было сил толкнул меня в пролом, и мы упали вниз.

Глава 5

НАШЕ ДЕЛО

1

Ветер разогнал облака, и мы смогли согреться на солнце. На перевернутой кверху днищем старой лодки разложили банкноты из портмоне и одежду для просушки. Я переоделся в сухое белье из непромокаемого несессера, а Заяц расхаживал по берегу голый, только намотал на поясницу свою рубашу, высохшую первой. Тело его, не по-детски жилистое, хранило на себе следы нескольких серьезных потасовок. Я заметил ножевые шрамы на плече, на руке и груди, причем с левой стороны — такой удар вполне мог стать смертельным. Над левым коленом торчал шишковатый нарост, нога казалась немного искривленной. Впервые я сумел разглядеть его запястье, за которое Заяц имел привычку хвататься в минуты волнения, и не заметил ничего особенного, кроме большой темной родинки, похожей на сердце, как его рисуют барышни в своих альбомах.

Нога после удара тростью болела и немного распухла, но кость была цела, иначе я бы просто не доплыл до берега. Я присел на корме, а Заяц ходил вокруг и сопел, изредка кидая на меня тревожные взгляды. Опасался, наверное, как бы я не бросил его на этом берегу, между рощицей и небольшой пристанью, у которой покачивались на мелких волнах рыбацкие посудины.

От реки веяло прохладной свежестью. Небо было необычайно голубым и чистым, лишь одинокое белое об-

лачко висело низко над Дунаем. Я прищурился — нет, не облако это, а пар из трубы. И посудина, над которой торчит труба, плывет к пристани неподалеку от нас.

— Ты пистолем сильно дорожил? — спросил Заяц.

Мои ремни и кобуры тоже лежали на лодке. Я достал револьвер, показал Зайцу и сказал:

— Видишь, что на рукояти?

— Буква это.

— Понятно, что буква, но какая? Ты читать умеешь?

— Умею. Меня мамка выучила. То есть она не мамка мне была, но я умею. А там... — он пригляделся. — «Аш», так читается.

— Правильно. А на втором револьвере была буква «S». Это инициалы.

— Ини... чего?

— Первые буквы имени и фамилии человека.

Послышались голоса, на дороге со стороны рыбацкой деревни, видневшейся далеко за пристанью, показалась дородная женщина. Вокруг нее сновал целый выводок детей, старшие толкали две ручные тележки, в которых сидела пара младших, другие бегали рядом. Смех и крики разнеслись над берегом. Подойдя к пристани, компания стала дожидаться баркаса. Тот оказался неповоротливой, но симпатичной посудиной — приземистой, широкой, с выгнутой кверху кормой и округлым носом. Он смахивал на старый башмак, уверенно плюхающий по мелким волнам. На корме виднелась невысокая рубка и толстенькая короткая труба, над бортом торчал шест со свисающей сетью.

На боку посудины было написано белыми буквами: «Мое дело».

Хрипло прогудев, баркас начал разворачиваться. Детвора забегала по берегу, огласив берег радостными криками. Двое старших детей, девочка и мальчик лет двенадцати, поднялись на далеко уходящий в реку настил и приготовились принять концы.

Когда баркас причалил, на палубе показался человек в парусиновых шароварах, фуфайке и сапогах. Немолодой, коренастый, грузный, с трубкой в зубах. Дети с криками посыпали на палубу, облепили его. С берега женщина окликнула их, они схватили стоящие на палубе корзины, потащили к тележкам.

— Веселые они, — пробормотал Заяц.

Вскоре рыба была перегружена из корзин в тележки, и старшие дети покатали их обратно по дороге, а рыбак, вытащив изо рта трубку, поцеловал жену. Приставив ко лбу ладонь, она поглядела в нашу сторону и кивком показала ему на нас. Он повернулся, некоторое время смотрел, после чего взрослые отправились вслед за детьми.

— С баркасом управляться умеешь? — спросил я.

— Не-е, — протянул Заяц. — И с парусом тоже не могу.

— На весельной лодке мы точно не догоним баржу.

— Анри, ты баркас захватить хочешь? Ну, как пират? Послушай, а скажи все-таки, что за буквы на револьверах? Чьи эти... циялы?

— На рукоятях инициалы моего настоящего отца.

— Настоящего? А ты... а твои... Анри, но ты ж сказал, Лоза с Карибом твоих батю с матушкой убили?

Я устало присел на лодку. Нога болела, на бедре багровел синяк, и сойти ему предстоит не скоро.

— Не понимаю! — заявил Заяц, требовательно заглядывая мне в глаза. — Что значит «настоящего отца», про что ты говоришь?

— Первое: я не граф, и никогда им не был. Второе: я жил с приемными родителями, а настоящих своих не знаю. Третье: мой отец подарил им эти револьверы в тот день, когда отдал меня на усыновление. На рукоятях стоят его инициалы: «S» и «H». «H» остался у меня, а «S» теперь в руках Лозы и Кулака. Эти револьверы — моя единственная связь с отцом, которого я не знаю.

Я посмотрел на Дунай, безмятежно несущий свои воды на юго-восток, и на горы, маячившие вдалеке. Баржа капитана Петера давно пропала из виду. Где мы сейчас? Неподалеку рыбацкий поселок, вон, видны крыши и сети на жердях... надо пойти туда и все выяснить. А если рыбаки вызовут полицию? У меня есть паспорт, он был в несессере и не промок. Нужно только придумать убедительную историю, такую, чтобы полицейские не начали выяснять подробности. Хотя рыбаки могут обойтись и без полиции, судя по крышам, деревня не совсем бедная, но и не богатая — банкнота из портмоне сделает местных моими лучшими друзьями.

От мыслей меня отвлекло сопение. Вообще-то этот звук в обществе Зайца за последнее время стал привычен, но сейчас оно было каким-то взбудораженным, и я перевел взгляд на мальчишку. Он дергал себя за кудри, мял их, скреб ногтями голову и при этом тарасился на меня совершенно ошалело.

— Что с тобой? — спросил я.

— Граф... — прошептал Заяц. — Ты все равно граф! Твой отец граф! Ты понимаешь?!

— Нет, не понимаю я тебя, — вздохнул я устало.

— Он же тебя отдал, ЭсАш этот... почему отдал? Потому что граф! Спрятал тебя!

— От кого спрятал?

— От... врагов. От злых родичей или... Я тоже...

— Да что ты несешь? — совсем удивился я, и когда мальчик застыл, беззвучно шевеля губами, добавил: — Эй, очнись! Ты что, считаешь себя графом, которого лишили семьи?

— Я... Нет... Да... То есть... — залепетал он и смолк.

Заметив движение в небе, я перевел туда взгляд. Знакомый дирижабль летел невысоко над Дунаем, гораздо ближе, чем раньше, что позволяло разглядеть детали. Красная кишка, в которую были запеленуты газовые баллоны, напоминала лохмотья нищего. Она состояла

будто из сплошных заплат, с боков свисало подобие бахромы: сети, обрывки канатов, тряпки, корзины, клетки и что-то еще, трудно различимое. По гребню шел ряд флажстоков, на которых развевались разноцветные знамена. Под гондолой полоскались на ветру какие-то простыни, словно на освободившееся от аэроплана место повесили белье для просушки.

Из передней части гондолы торчали две кривые штанги, напоминающие длинные тонкие рога. Металлические, с узкими загнутыми концами — я не мог даже примерно понять, для чего нужны эти штуки.

Нет, эта странная машина похожа не на гусеницу, подумал я. Агрегат напоминает скорее рыбу — беззуботную, слегка сумасшедшую рыбину, вылетевшую из морских глубин поближе к солнцу, рыбу-весельчака, задорного бродягу-сумасброда.

Заяц, позабыв о своих переживаниях, пялился на дирижабль, который медленно удалялся от нас. А я вдруг понял, что на определенном расстоянии часть узоров, покрывающих бока, превращаются в... Ну да — в огромные буквы, которые складываются в слова: «**Табор ветров**».

Глядя вслед дирижаблю, я стал одеваться. Это что же — цыганский дирижабль? Но при чем тут, спрашивается, цыгане? Логично предположить, что люди, преследующие баржу, которая перевозит адское мыло, связаны с противником Хозяина — то есть с Мистером Иксом. Неужели цыгане в союзниках у Мессии? Или он сам — цыган? Цыганский барон? Я тряхнул головой: какая-то ерунда! Не верю я в такое. Но тогда почему летающий табор преследует баржу, почему цыганский аэроплан атаковал ее?

По-прежнему очень много вопросов и мало ответов, и по-прежнему, чтобы получить их, нужно отыскать Хозяина. Вот только баржа уходит все дальше, и мне во что бы то ни стало нужно побыстрее догнать ее.

Дунувший от реки ветер зашелестел прилепленными к лодке банкнотами, сорвал одну, и Заяц с криком: «Деньга улетает!» кинулся в погоню. Бросив рубашку, я стал поспешно собирать деньги в портмоне, пока силы природы не лишили меня финансового благосостояния. Мальчишка принес обратно банкноту в пять венгерских крон, отдал мне.

— Тепло здесь, — заметил он, прыгая на одной ноге и натягивая штаны. — Потому что это юг. Значит, Анри, пойдем от реки, найдем город какой-то. Деньга у тебя есть, нужно одёжу нам новую купить. Наша такая уже, особенно моя... фрики могут как бродягу загрести.

Он сделал несколько шагов прочь от берега, но увидел, что я зашагал в сторону пристани, и окликнул:

— Эй, ты куда?

— Иди за мной, — сказал я.

— Зачем?

— Заяц, я не могу потерять Лозу с Кулаком. Они уплывают и скоро будут совсем далеко.

— Да куда ж им с Дуная деться?

— А сколько пристаней ниже по реке? Если они сойдут с баржи? Как хочешь, я тебе не приказываю.

— Я ж сказал, что теперь насовсем с тобой, Анри! — он бросился следом.

Одежда высохла не до конца, и мне было зябко, несмотря на теплый день. Так и простудиться недолго... Ничего, скоро тяжелая физическая работа меня согреет. Например, надо будет бросать уголь в топку. Или там автоподача? На такой посудине — вряд ли, хотя кто его знает, скоро увидим. Я повел плечами, потрогал кобуру. Два револьвера стали моими привычными спутниками, и пустая кобура справа была как дупло на месте выпавшего зуба, которое то и дело машинально щупаешь языком. Рука тянулась под куртку, пальцы хватали пустоту... оружие нужно вернуть, без двух револьверов я чувствовал себя неполным, недостаточным.

Мальчишка нагнал меня уже у пристани, когда под ногами закрипел настил, и спросил:

— Ты на баркасе поплыть хочешь?

Я кивнул, и он продолжал спрашивать:

— А дальше как? Нас же на баржу не пустят. Вот догоним — и что делать?

— Будем следить. На реке можно держаться далеко, в трубу только посматривать на них, и все. Увидим, где баржа встанет окончательно, тогда я буду решать, как быть.

Он семенил рядом, потом приотстал, обежав меня сзади, пошел с другой стороны, заглядывая в лицо:

— Анри, но как же мы поплывем? Мы ж не знаем, как с баркасом управляться.

— Вряд ли это так сложно. Я имел дело со всякими машинами, а это тоже паровой механизм, просто для передвижения по воде. Справимся... если ты мне можешь.

— Помогу, помогу!

Конечно, все это было очень самонадеянно. Речная наука — тоже наука, и для начала ею надо овладеть, а уж потом браться за дело. Но сейчас мне не оставалось ничего, кроме самонадеянности.

Рыбачьи лодки, весельные и небольшие парусники, качались на волнах по обе стороны причала. Баркас «Мое дело» был пришвартован в самом конце, и вблизи он подтвердил первое впечатление: растоптанный, но крепкий башмак — из того племени простых народных башмаков, что приняли форму ступни своего владельца. Пусть они выглядят нескладно, зато надежны и удобны так, что их просто не замечаешь на ноге.

В конце причала Заяц, сорвавшись с места, перемахнул через борт. Баркас стоял кормой к нам, палубу от взгляда закрывала рубка. Мальчишка нырнул внутрь, снова показался, крикнул: «Колесо там, колесо с руч-

ками! Этот... штурвал!» — после чего, обежав рубку, скрылся из виду.

Я остановился на краю настила. Всерьез плавать мне пока не доводилось, и уж тем более не доводилось управлять судном, пусть даже таким небольшим. Неважно, разберусь. Передо мной просто плавучий механизм, а с механизмами я всегда ладил.

Но я не успел перебраться на баркас, потому что услышал стук копыт. К пристани подъезжала двуколка, запряженная низкорослой лошадкой. Экипаж производил то же впечатление, что и посудина: нечто приземистое и как бы раздавшееся в бока, старое, выдавшее виды, но еще крепкое, еще готовое послужить... И лошадь была такой же — немолодой, выдавшей виды, спокойной, крепкой и философски настроенной.

Сидящий в повозке хозяин баркаса слез и неторопливо направился ко мне. Доски заскрипели под грузными шагами. Пухлые розовые щеки, веснушки под глазами... добродушное лицо его свидетельствовало о здоровье как душевном, так и физическом. Он шел, заложив большие пальцы за ремень штанов из добротного темного сукна, на которые успел сменить свои парусиновые шаровары. Трубка в зубах дымилась. Большие залысины поблескивали в лучах солнца, глаза смотрели внимательно и твердо.

— Что это вы делаете с моим баркасом? — произнес мужчина на немецком, не вынимая трубку из зубов.

— Просто смотрим, — сказал я тоже по-немецки, поплотнее запахивая сюртук, хотя этот человек с его внимательным взглядом почти наверняка успел заметить рукоять револьвера. — Вы знаете английский?

— Не очень-то. — Он остановился передо мной, широко расставив ноги. — Но понимаю сносно.

— А я, увы, плохо знаю немецкий, — ответил я уже на английском. — Но понимаю его.

— Тогда я буду говорить на языке Германии, а вы — на том, который привыкли использовать жители британских островов.

С баркаса к нам перемахнул Заяц, вцепился в мой рукав, потянул, и когда я нагнулся, прошептал:

— Давай щас в воду его бросаем, а сами ходу отсюда.

Я отрицательно качнул головой, выпрямился. Мужчина уточнил:

— Значит, вы просто осматривали «Мое дело»... И чем вызван интерес?

— Любопытством ребенка, — пояснил я.

— Что же, похвальная черта, — он смерил Зайца взглядом и пожевал губами, перемещая трубку из одного угла рта в другой. — Жаль, что сейчас нельзя показать мальцу работу двигателя.

— Нельзя? — повторил я.

— Никак невозможно. Угля на борту не хватит даже для того, чтобы развести пары, уж не говоря про плавание, пусть и совсем короткое. Запасы я храню в своем угольном амбаре, — он махнул рукой в сторону рыбацкой деревни.

— Вот как, — произнес я ровным голосом. — Хотя какая нам разница.

— И правда — никакой. Не очень-то я привык вмешиваться в чужие дела, но хотелось бы узнать, что делают два человека, явно недавно выбравшиеся из реки, возле Пестемары?

— Так называется эта деревня?

— Да-да, так она называется. А я ее староста. Разом и староста, и полицмейстер... То есть полиции-то у нас нету, отродясь тут не случалось преступлений. Но она есть в ближайшем городе, Калинеску, и я иногда докладываю тамошнему полицмейстеру о том, что в Пестемарах все спокойно, все по-прежнему абсолютно спокойно. — Он достал трубку из зубов, выдохнул дым

и сразу вставил ее обратно. — Но хватит обо мне — расскажите о себе.

— Мы просто путешественники, — пояснил я. — Мальчик упал в воду, я прыгнул за ним. Он не очень хорошо плавает и...

— Я хорошо плаваю! — возмутился Заяц.

— ...И теперь хотим догнать свое судно. Боюсь, там не сразу заметят наше исчезновение.

По лицу старосты было не понять, поверил ли он в эту историю. Выдохнув дым, он глянул на переминающегося с ноги на ногу Зайца, на меня и произнес:

— Меня зовут Хольф.

— Алекс Гримуарди, — представился я. — А это... в общем, зовите его Заяц.

— Алекс и Заяц, — повторил Хольф. — Что же, баркас все равно не поплывет без угля. И я вижу, что вам двоим, прежде всего, необходимо окончательно просохнуть, а еще выпить чего-то горячего. Может быть, даже горячительного. Вероятно, и поесть. Потом я выслушаю вашу историю и, возможно, сумею помочь.

Я неуверенно оглянулся на Дунай, по которому двое убийц с их опасным грузом уплывали все дальше, и тогда Хольф добавил:

— Прямо сейчас вам не догнать судно, с которого вы упали. Это просто невозможно, поэтому я и приглашаю вас в гости. Мы все обсудим — и решим, как поступить.

2

Дети то и дело вбегали в просторную комнату, глядели на нас, сидящих за столом вместе с хозяином, и выбегали, когда мать прогоняла их во двор.

Насчитав четырех девочек и трех мальчиков, я с уважением поглядел на круглолицую женщину с немногим сонным, меланхоличным лицом, которую Хольф

называл Марго. Она звякала посудой у печи, растопленной, несмотря на теплый день. Рядом на вбитых в стену крючках висели мой сюртук, пиджак Зайца и наши рубашки, вместо которых нам выдали другие — просторные, без пуговиц, с завязками на груди. Перед тем в двуколке, сидя за спиной Хольфа, я снял ремни с кобурами и убрал в несесер, который теперь стоял под столом между моих ног.

— Так уж случилось, что мы выпали за борт, — сказал я, отпивая пряный напиток, смахивающий на травяной чай, куда добавили вина. — Хорошо, что удалось добраться до берега.

Зайцу досталась чашка поменьше, он выпил почти все и успел опустошить половину большой тарелки с пирожками — набил ими рот и громко жевал, иногда плюясь крошками. Мальчишка делил свое внимание между разговором и часто вбегающими в комнату детьми, на которых зыркал не очень одобрительно, будто опасался подвоха, хотя вся семья вела себя дружелюбно.

— Мы кое-как просохли, — продолжал я, — потом отправились осмотреть окрестности и встретили вас. Вот и все. Кстати, хочу показать.

Я встал, под взглядом хозяина и двух мальчиков, застывших в раскрытых дверях, прошел к нашей одежде, вытащил из сюртука портмоне и паспорт. Портмоне сунул в карман брюк, а паспорт раскрыл и положил на стол перед Хольфом.

— Ну, что вы, — он подвигал трубкой во рту. — Я верю вам.

— И все же взгляните.

— Алекс Гримуарди, подданный Великобритании, — Хольф глянул на герб, украшающий первую страницу. — Славное имя.

Поняв, что брать документ в руки хозяин не собирается, я закрыл его и сунул в карман.

— И с какого судна вы выпали?

— Оно недавно прошло вниз по реке. Баржа...

— Двухкорпусная баржа? — уточнил он.

— Да. Вы ее знаете?

— Конечно, знаю. Это «Двузубец». Не слышал, что капитан Петер берет пассажиров.

«Двузубец»? Меня словно ударили кулаком в грудь, я вздрогнул и быстро глянул на Хольфа, не заметил ли он. «Двузубец»?! Именно такое кодовое имя взяли себе Джейн с Генри для радиопереговоров с Мистером Икс! Это что — намеренно? Они что-то знали про баржу? Да нет, не может быть! Просто совпадение, которое ничего не значит... Но какое неожиданное, зловещее совпадение.

Вошедшая в комнату старшая девочка потянула за подол мать и что-то прошептала ей. Оглянувшись на нас, Марго кивнула с легкой улыбкой. Остальные дети сгрудились в дверях, мальчик постарше держал за плечи младшего, который все рвался подойти к нам. Получив ответ, девочка направилась к двери, и остальные расступились. Она вышла, трое детей зашагали следом, а трое остались глядеть на нас.

— Мы с «Двузубца», — подтвердил я, — и нам необходимо догнать его.

— Обратитесь в полицию, — посоветовал Хольф. — Я отвезу вас в город, приведу к полицмейстеру. Он выслушает вас. В порту есть полицейские катера, вы можете поплыть на одном из них.

Заяц, не дожидая очередной пирожок, невнятно забормотал, возражая на это предложение. Я сказал:

— По определенным причинам я не могу обратиться в полицию.

Хольф вздохнул, выпустил дым через ноздри и откинулся на стуле. Несмотря на возраст, лицо у него было гладким, а светлые глаза — неожиданно ясные. Двигался хозяин мягко, неторопливо, никаких резких

или суетливых жестов. В разговоре он иногда плавно поводил рукой, подчеркивая отдельные слова, а иногда, поставив локти на стол, сцеплял пальцы домиком. Один раз он оперся о них подбородком и окинул Зайца долгим оценивающим взглядом, под которым тот заерзал и смутился.

Пока Хольф задумчиво молчал, я огляделся. И снаружи, и внутри дом напоминал баркас «Мое дело» — он словно раздался вширь, приняв основательную форму своего хозяина и переняв его черты. Мистер Хольф все вокруг себя, включая рыбацкий поселок, по единственной улице которого он провез нас на пути к своему дому, превращал в нечто удобное, крепкое и приятное для существования. Этот немец казался человеком, повидавшим жизнь и разбиравшимся в ней, но не ставшим циником, не потерявшим веру в людей, все еще способным и любить, и прощать их.

Заяц снова потянул меня за рукав, и когда я повернул голову, прошептал:

— Анри, нам побыстрее надо. Упустим совсем баржу. За устьем начинается эта... как ее...

— Дельта, — сказал я. — Там река разливается, и найти баржу будет совсем трудно. Нужно догнать ее раньше.

— Так я о чем! Что делать будем, Анри? — еще жарче зашептал он, покосившись на хозяина. — Плыть уже надо, плыть быстрее!

— Вы поможете нам? — прямо обратился я к Хольфу. Тот развел руками, как будто немного виновато:

— Вы не хотите обращаться в полицию, это смущает меня. Да и чем я могу помочь? Вот разве что покормить вас и дать обогреться.

— У вас баркас. И угольный амбар во дворе. Загрузите несколько больших корзин угля в двуколку, едем на пристань. Я не умею управляться с баркасом, но вы-то умеете и...

Я запнулся, когда новая мысль пришла в голову. Просить хозяина отвезти нас — означает впутывать хорошего человека в свои нехорошие дела. Лучше мне плыть одному. Зайца тоже надо бы оставить на берегу, да только вряд ли получится, но старосту втягивать уж точно не следует.

— И все-таки — просто продайте мне баркас, — произнес я. — Ничего, как-нибудь справлюсь. Может, где-то ниже по реке живут ваши знакомые? Я бы, наверное, мог оставить баркас им. Или просто причалить где-то на берегу, в таком месте, где он будет замечен. Спустя несколько дней вы вместе с одним из рыбаков поплывете следом, найдете свою посудину и вернетесь с ней.

Еще не договорив, я понял, что его не устраивает мое предложение. Выслушав, Хольф навалился локтями на стол, подался к нам и неторопливо заговорил, все так же добродушно и немного виновато, но очень уверенно, почти требовательно. Он будто хотел, чтобы мы обязательно признали его правоту:

— Послушайте-ка, Алекс... В мире происходит много чего. Очень многие нуждаются в помощи, и всем помочь я не могу. Все на свете делится на две части: мое дело и не мое дело. То, что вы предлагаете, — не мое дело. Я староста этой деревушки, Пестемаров, я сам ловлю рыбу, хотя в последние годы больше по привычке, чем по необходимости, я помогаю рыбакам... Скупщики, которые забирают улов по всему побережью, дают за него на треть меньше. Но у меня небольшая грузовозка там, в каретном сарае за домом, я сам отвожу рыбу на фабрику. Скупщики недовольны, зато люди в деревне с каждого улова получают больше денег и благодарны мне. Хотя старый двигатель отжил свое, сейчас машина не на ходу... Так вот, это, — взмахом мягкой ладони он очертил все вокруг: и хлопчущую у печи жену, и детей, опять столпившихся в дверях, и дом, и двор с

пристройками, и деревню, а затем посмотрел на меня прямо и твердо. — Все это — мое дело. А вести двух незнакомцев вслед за баржей, с которой они почему-то выпали, когда один из них вооружен, а второму, кажется, довелось повидать много больше, чем положено ребенку его возраста... Нет, Алекс Гримуарди, простите, но это — не мое дело.

Речь его прозвучала очень веско, но я не собирался сдаваться и сказал:

— Хольф, но я же сказал: вам не нужно плыть. Я сам...

Он вздохнул и внимательно посмотрел на Зайца. Это был не первый подобный взгляд, которым хозяин ода- ривал мальчишку, причем после них Хольф всякий раз посматривал на собственных детей с выражением, кото- рое я не мог понять, а однажды переглянулся с женой, которая, помедлив, кивнула ему с легкой полуулыбкой.

— Юноша, вы просто не знаете, о чем говорите, — произнес Хольф. — Ниже по реке Джердапское ущелье. Так называемые казаны, Хайдучка воденица... Это самые опасные места на всем Дунае. Через них не всегда уда- ется пройти даже опытным шкиперам, не один десяток судов покоится там на дне. А вы хотите, чтобы я позво- лил вам плыть дальше в одиночку? Да проще пробить в днище баркаса дыру и затопить его прямо у пристани! Нет-нет, тут уж речь идет не про деньги — без опытно- го человека пройти ущелье невозможно. Отпустить вас дальше одного значило бы отправить на смерть и вас и «Мое дело».

Я уставился на стол перед собой. Если так, то... Я не хотел втравливать этого человека в свои дела, но у меня просто не было выбора.

— Тогда плывите с нами, — сказал я. — Высадите там, где я укажу, и возвращайтесь. У меня есть деньги, я по-настоящему много заплачу вам. Смотрите...

Хольф собрался возразить, но я уже полез за портмоне. Дети в дверях загомонили, между ними прошла старшая девочка с миской в руках. Поставила миску на стол перед нами — там было земляничное варенье, крупные алые ягоды плавали в густом сиропе. Заяц сглотнул, потянулся к миске, но девочка что-то сказала на румынском, и он отдернул руку. Она улыбнулась, взяла у подошедшей матери тарелку, тоже поставила на стол. В тарелке был нарезанный крупными ломтями домашний хлеб, благоухание которого тут же распространилось по комнате.

Заяц тут же схватил кусок хлеба, намазал вареньем и впился в него зубами. Марго вернулась к своим делам, а девочка подошла к отцу. Он поцеловал ее в темя, она обхватила его за шею и зашептала, поглядывая на Зайца. Взгляд Хольфа потеплел, он кивнул. Тогда она коснулась губами его щеки и ушла к матери.

Я достал из портмоне пятьдесят рублей. Положив на стол, шелчком отправил между тарелками в сторону хозяина и спросил:

— Знаете, что это?

Хольф произнес на румынском:

— Margo, v rug m naște copii afar . Și v cer s stai acolo, de asemenea.

Она долгим взглядом посмотрела на него, но ничего не сказала, лишь кивнула и вышла из дома, прихватив детей.

— Это российские рубли, — сказал Хольф, когда дверь за ними закрылась. — Хорошие, твердые деньги. Позвольте?

— Да, пожалуйста.

Он поднял банкноту, оглядел, повернувшись к окну, посмотрел на свет. Потер ее пальцами и, отправив через стол обратно ко мне, заключил:

— Она настоящая.

— Конечно, настоящая. Вы получите вдвое больше, если поплывете с нами. Сто рублей.

Он удивленно покачал головой, взялся было за погасшую трубку, однако так и не вытащил ее из зубов. Я продолжал:

— Вы знаете цену российской валюты... В Европе с ней может сравниться только фунт. За сто рублей купите новый баркас.

— Мне не нужен новый, — возразил он, — даже если бы мне предложили его бесплатно. Меня полностью устраивает «Мое дело».

— Тогда можете купить новый грузовик. Или хотя бы новый мотор для старого. И еще останется, причем много.

Но Хольф снова покачал головой:

— И все же я не хочу в это вмешиваться. Заберите деньги.

Не прикасаясь к банкноте, я устало потер глаза. Что теперь — брать и вязать его? Угрожать пистолетом, запереть всю семью в доме, хватать уголь, двуколку, мчать к пристани? Нет, это не выход.

— Герр Хольф, мне действительно необходимо нагнать баржу, — сказал я. — Это крайне важно. Здесь замешаны вопросы жизни и смерти. Я не преувеличиваю.

— Вы же всего лишь обычный пассажир, прыгнувший за борт вслед со своим слугой, — повторил он мои слова.

— Да, но есть некоторые нюансы.

Хозяин в который раз внимательно глянул на Зайца. Постучал пальцем по трубке. Та казалась его неотъемлемой частью, он почти не выпускал ее изо рта. Мне вдруг представилось, как Хольф лежит в постели рядом со спящей женой, она на боку, он на спине, тихо похрапывая, весь такой основательный, добропорядочный, серьезный даже во сне, и трубка торчит вверх из его зубов, будто перископ.

— Я слышу по вашей речи, вижу по манере держаться, что вы образованный человек, — заговорил Хольф. — Но у вас в кобуре револьвер, хотя, казалось бы, вы еще молоды для по-настоящему серьезных дел... И вы не простолудин... Однако же я знаю про Арсена Люпена, этого благородного французского жулика. Хотя и не уверен, что два таких слова, «благородство» и «жульничество», совместимы. Короче говоря, я не знаю, кто вы, Алекс, и главное: я не могу раскусить вас. В этом вся проблема. И поэтому я повторяю свое предложение: обратитесь в полицию. Конечно, это стоит делать лишь в случае... в случае, если вы, скажем так, — *не Арсен Люпен*.

Я ответил со всей твердостью:

— Нет, я не благородный жулик. Но в полицию пойти не могу. Тут замешано имя одной дамы из Лондона. Особы королевской крови.

Он смотрел с недоверием, и я продолжал как можно более убедительно:

— Мы тайно перевозили шкатулку с ее фамильными драгоценностями: бриллианты, золото, дорогая брошь. Все это дело связано с королевской семьей. Двое посланных за нами грабителей завладели шкатулкой и напали на нас, чтобы убить. У одного, мексиканца, двуствольные обрезы, а у другого тяжелая трость, которой он хотел разmozжить мне голову...

— Да! — перебил Заяц запальчиво, звонко хлопнул себя по темени, и Хольф перевел на него внимательный взгляд. — Мне тоже хотел, это... разmozжить! По волосам зацепил, чуть-чуть ниже, снес бы башку совсем. Анри, то есть Алексу по ноге ударил, там синячище ого какое! А мне чуть голову не снес совсем!

Кажется, словам Зайца наш хозяин поверил больше, чем мне, — чувства мальчишки были явно неподдельными. И пока впечатление от них не стерлось, я продолжал:

— Спасая свои жизни, мы прыгнули в воду. Со мной был несессер, и больше ничего. На барже остались наши

вещи, но главное, там осталась шкатулка... и двое злоумышленников. Невозможно обратиться в полицию, потому что дама, чьим кузеном я являюсь, из королевского окружения. Все это звучит фантастично, но вы сами сказали: в мире происходит много чего. И вот сейчас вы невольно стали свидетелем именно таких событий... Слишком больших для того, чтобы обращаться в провинциальную полицию. Так подобные дела не решаются.

Хольф с сомнением постучал трубкой о край стола. Он все еще не верил нам или верил не до конца. Он не мог отдать нам баркас, и он не хотел плыть сам — это было видно. Я сильно сомневался, что смогу выстрелить в этого человека, разве что в ногу, да и то... Вот наставлю на него револьвер, — а он с места не сдвинется. Просто откажется подчиняться, и что дальше? Убрав пятьдесят рублей в портмоне, я вытащил две сотенные банкноты. Одну положил перед собой, вторую отправил через стол хозяину, после чего сделал еще одну попытку:

— Давайте поступим так... Прямо сейчас я дам вам сто рублей, и эти деньги вы оставите здесь. Отвезете нас вслед за баржей, посадите неподалеку от того места, где она остановится. Перед тем, как покинуть баркас, я передам вам вторую банкноту. Двести рублей — это...

— Это очень много, — заключил он. — Слишком много, чтобы я согласился взять такую сумму.

— Мне нужно догнать преступников, грабителей и убийц, и вернуть шкатулку, вот и все. Решайте.

Он откинулся на стуле и прикрыл глаза. Снаружи доносились голоса детей и Марго. В сарае заржала лошадь. Заяц, не вытерпев, толкнул меня локтем в бок, но я сделал знак, чтобы он молчал. Когда Хольф снова посмотрел на нас, что-то в его лице изменилось. Взгляд скользнул по ассигнации на столе и устремился на сидящего рядом со мной мальчика. Помолчал еще немного, хозяин произнес:

— Мне трудно решиться, но... Вскоре я хотел отдать старших мальчиков в училище. Для этого нужны деньги. И для ремонта грузовозки... в этом мире деньги нужны для всего. Хорошо, давайте поступим так: за всю эту работу я возьму с вас сто рублей. Оставлю их жене, а вас довезу куда надо. Но на баркасе я капитан. Там вы слушаетесь меня беспрекословно, и это не должно вызывать никаких возражений ни сейчас, ни после. Согласны?

Мы с Зайцем, не сговариваясь, кивнули.

Глава 6

КРОВЬ И ДЫМ

1

Довинтив гайку, я зафиксировал рычаг. С ритмичным стуком две изогнутые штанги снова начали двигаться, вталкивая уголь в отверстие приемника. В небольшом машинном отделении было жарко, пахло мазутом. Погасив горящий на стене фонарь, я стал расправлять закатанные рукава, и тут сверху донеслось:

— Анри, иди, глянь! Быстрее!

— Да что ж такое! — проворчал я. Поднявшись на палубу, под тусклые звезды, схватил Зайца за плечо и прошипел:

— Сейчас мое имя — Алекс. Алекс, запомни, наконец!

— Я запомню, запомню! Ты погляди, только с кормы лучше!

Сквозь широкое окно мы видели стоящего в рубке за штурвалом Хольфа с трубкой в зубах. На крюке под низким потолком покачивалась газовая лампа, то озаряя его лицо, то погружая в тень. Ночь подходила к концу, вокруг высились черные конусы гор.

Пройдя вдоль борта, мимо рубки, мы остановились на корме. Внизу бурлила вода, а в темноте над головой, медленно догоняя баркас, ползла цепь золотистых огней. Они озаряли часть длинной гондолы, в мягком мерцании виднелись свисающие в сетях свертки, клетки,

тросы... С первого взгляда становилось ясно, что это там летит.

Хольф, выйдя из рубки, остановился рядом, и я сказал:

— С углеподатчиком все в порядке. Просто разболтался винт.

Он кивнул. Угольки в трубке разгорелись, угасли. Выдохнув дым, наш капитан спросил:

— Вам знаком этот аппарат?

«Табор ветров» быстро обгонял баркас, теперь золотистые огни были точно над нами. Я покачал головой:

— Мы видели его пару раз в небе над Дунаем, вот и все.

Хольф поставил ногу на ограждение и уставился на огни.

— Необычный. И вы оба смотрите на него так, будто знаете, что это.

— Так она ж странная какая, махина эта! — не выдержал Заяц. — Конечно, смотрим. Ты вот тоже смотришь.

— Хольф, мы не знаем, что это такое и кому оно принадлежит, — сказал я. — Днем видно, что эта штука напоминает небесный поезд. Сцепка из нескольких баллонов.

— Сцепка, гм. Что-то я слышал про такое... Ну да, точно: баро Мирче Рольфо.

— Баро... в смысле, это значит — цыганский барон?

— Нет никаких цыганских баронов, это все выдумки газетчиков. Своих старших цыгане зовут баро — большой, главный. Мирче Чераре Рольфо, вот его полное имя.

— Мирче Рольфо, — повторил я, припоминая. — То есть, хотите сказать, над нами летит король всех цыган?

— Положим, не всех, а только европейских. Кроме прочего, как я слышал, он хозяин большого цыганского цирка.

Цыганский цирк? Джейн была циркачкой... Опять совпадение, как и название баржи? Черт возьми, весь мир

состоит из совпадений! Мирче Рольфо, самый главный цыган, большой цыганский босс, летит за баржей, где перевозят адское мыло. И вчера по его приказу судно атаковал аэроплан... Но какое отношение ко всему происходящему имеют цыгане? Над «Самодержцем» висел какой-то летающий *дрон* — аэростат или что-то подобное — и вот теперь за Чосером с Карибом летит необычный дирижабль. Так, может, Мистер Икс — это баро Рольфо? Или Рольфо, на самом деле, мой отец, то есть SH? Я мотнул головой. Какая-то путаница, путаница и ерунда! Уж на кого, а на цыгана я точно не похож, да и нет в инициалах буквы «R», равно как и «M». Значит, Мирче Рольфо — это все-таки Мистер Икс? Если припомнить манеру, в которой тот говорил с нами по радио... Нет, она совсем не похожа на цыганскую. Мистер Икс — человек явно образованный, а я не слыхал про образованных цыган. С другой стороны, это может быть предрассудок, много ли я знаю о цыганах? Видел их таборы, их танцы, что-то читал про них, вот и все. Почему бы цыганскому боссу не быть образованным и подкованным в технике человеком?

— Кстати, были слухи, что баро Рольфо то ли умер, то ли тяжело болен, — добавил Хольф, внеся окончательное смятение в мои мысли. Затем он вернулся в рубку, откуда донесся его голос: — Скоро светает. Мы подходим к узкой части ущелья, приготовьтесь к небольшой качке.

Золотистые огни маячили уже над носом баркаса. «Табор ветров» летел заметно быстрее, чем раньше, — будто спешил, как и мы, отыскать затерявшуюся в темноте баржу.

Некоторое время назад мы заметили свет ее кормовых огней впереди. Поначалу они становились ярче, но после исчезли — «Двузубец» вошел в Железные ворота, и скалы скрыли его от нас. Теперь в том же направлении пролетел дирижабль, а за ним плыл наш баркас... Что,

если цыгане собираются снова атаковать баржу? Хотя я не видел на «Таборе ветров» других авиасток, но они могут сбросить бомбы с гондолы.

— Что тебе? — спросил я Зайца, когда тот засопел с таким видом, будто собирался сообщить нечто очень важное.

Сквозь проем мальчишка поглядел на стоящего у штурвала спиной к нам Хольфа и смущенно прошептал:

— Он предложил с ними жить.

— Что-что? — удивился я и тоже посмотрел на капитана. — Жить с ними?

— Говорит, у него дочерей четверо, а сыновей только трое. Ему для ровного счета еще один нужен. Шутит так. Но он серьезно!

— То есть он хочет усыновить тебя?

— Ну... да, — Заяц стал переминаться с ноги на ногу, потом тихо выругался, нагнулся и потер левое колено. — Так это называется? Я ж не знаю. Мне раньше никто не предлагал.

— Заяц, что с твоей ногой? — спросил я. — Почему хромаешь?

— Перебили мне ее, — сумрачно ответил он. — Бык Калиган, главарь наш.

— Чей это «наш»?

— Так банды нашей. Ну, в Париже. Палкой, то есть она только с виду палка, а внутри стержень железный.

Мальчик отвернулся от меня, не желая больше ничего рассказывать. В рубке Хольф повернул штурвал, волны громче заплескались за кормой, и палуба под ногами накренилась.

— Усыновить, значит... — пробормотал я. — Так вот почему Хольф в действительности согласился плыть. Добрый он человек. Вот и одежду тебе дал.

На Зайце были парусиновые штаны, широковатые, зато крепкие, с блестящим новеньким ремешком. Им мальчишка очень гордился и часто трогал с таким вы-

ражением, будто всякий раз заново удивлялся, что у него появилась этакая вещь. Еще он получил тельняшку и картуз с якорем — по словам нашего капитана, якорь вышила старшая дочка, та, что принесла земляничное варенье. В таком наряде Заяц выглядел почти благообразно, хотя движения оставались порывистыми, а поблескивающие под козырьком глаза выдавали его энергичную и склонную к авантюрам натуру.

— И что, ты согласился?

— Как это? Нет, конечно!

— Почему? Ты видел, они живут не бедно, да и люди хорошие. Жена его детей любит, это заметно. Будет и тебя любить.

— Не будет она меня любить, как своих. И вообще у меня другая судьба, — гордо и очень по-взрослому ответил он, после чего крепко обхватил пальцами свое левое запястье.

— Какая же у тебя судьба? — спросил я.

Он снова принялся переминаться с ноги на ногу, сопя все громче, как набирающий ход паровоз, и наконец выпалил:

— Графская!

А после уставился на меня с подозрением, будто ждал, что я начну смеяться над ним. Я не смеялся — молча дожидался продолжения, но Заяц, уставившись в темноту за кормой, больше не сказал ни слова.

Тогда я прошел в рубку. Капитан выровнял посудину, уменьшил обороты, и гудение двигателя под палубой стало тише. На носу баркаса ярко горел прожектор. Сквозь смотровое окно виднелись золотистые огни «Табора ветров», успевшего улететь далеко вперед. Я все размышлял над тем, что будет, когда дирижабль нагонит баржу. Можем мы услышать эхо взрывов? Но ведь в трюме «Двузубца» бочки, и если огонь доберется до них прежде, чем они окажутся под водой...

— Баркас может плыть быстрее? — спросил я.

Хольф сказал, не оглядываясь:

— Нет, пока мы в ущелье.

— Оно длинное?

— Да уж не маленькое. На сто пятьдесят километров тянется.

— Откуда такое взялось? — Заяц вошел в рубку следом за мной.

Капитан пояснил:

— Ущелье река проделала.

— Как это? Не могла река такое сделать. Вода... она ж мягкая!

— Мягкая, но упорная. Река горы точит. А Дунай в этом месте, как дерево. — Хольф улыбнулся пришедшему в голову сравнению. — Там, где мы плывем, — основной ствол. От него отходят ветки: ущелья, теснины всякие. А еще на дереве есть плоды.

— То есть пещеры? — догадался я.

— Точно, пещеры. Дунай пещер много в этих местах понаделал, часть затоплена. Смотрите, — он показал влево, потом вправо. — С той стороны Балканские горы, с этой — Карпатские, то есть южные отгорья Карпат. Тут сходятся два горных хребта.

— Скорее — горных массива, — поправил я.

— Пусть будут массивы. Это... великая красота. Вот за что я люблю реку и все эти места вокруг.

— А дальше что? — спросил Заяц. — За ущельем, там же Черное море?

— Но сначала речная дельта, малец. Дунай расходится тремя рукавами, а между ними... — отпустив штурвал, Хольф широко развел руки, и я услышал в его голосе искреннее волнение. — Там, парень, рай. Там живут пеликаны, особые, и всякая другая живность, которую и не увидишь больше нигде. Там...

— Меня беспокоит, что мы не видим огни «Двузубца», — сказал я.

— Меня тоже это беспокоит. Хотя и меньше, чем вас, Алекс. Возможно даже, что мое беспокойство мешается с облегчением.

— Хольф, нам обязательно надо догнать баржу.

Он повел плечами.

— Не можем мы ее не догнать.

— Но она ведь свернуть могла? — спросил Заяц. — В одну из этих, ну, веток. Боковых ущелий.

— Не могла. Как там двухкорпусник провести? Туда рыбацкие лодки могут заплывать, но не «Двузубец». Не такой капитан Петер дурак. Ущелья для него слишком тесные, к тому же там отмели. Он или борта о скалы обдерет, или сядет на камни.

— Думал, в таких ущельях должно быть глубоко, — заметил я.

— Там бывают омуты такие глубокие, будто до самого ада идут. Но есть и отмели. — Хольф повернул погасшую трубку мундштуком кверху и показал нам. — Торчит со дна такой каменный столб, заканчивается в метре под поверхностью. С борта его не увидишь, но если поплывешь над ним, он тебе вспорет брюхо, как ножом. Да и узкие эти ущелья в большинстве. И ломаются зигзагами... Не пойдет туда «Двузубец».

— А тут вокруг кто-то живет? — спросил Заяц.

— Горные козлы да горные румыны. А в долинах скотоводы, сербские вlahи. Дикае места.

Снова выйдя из рубки, я встал у борта ближе к носу. Вокруг громоздились скалы. Вода била в борта, вскипала бурунами; Дунай недовольно извивался в теснине, которая становилась то уже, то раздавалась вширь. Мы проплыли мимо развалин крепости, основанием погруженной в воду, миновали несколько каменистых островков — из одного торчал накренившийся могильный крест — и повернули, следуя изгибу русла.

Светлело очень медленно — утро с опаской вползало в Джердапское ущелье. Когда я вернулся в рубку, ка-

питан по-прежнему стоял у штурвала, а Заяц сидел на полу у стены. Присев на шаткий табурет, под которым стоял мой несессер, я спросил:

— Опасно проходить здесь ночью?

— Есть такое дело, — согласился Хольф. — Суда частенько бьются. Но я плавал в этих местах, знаю их.

— И ночью тоже плавал? — спросил Заяц.

— Ночью пока не доводилось. Не волнуйся, сынок, пройдем.

В голосе капитана была спокойная уверенность в себе и в «своем деле», которое он намеревался выполнить правильно, без суеты и без ошибок. Тут я увидел через окно огонек, возникший далеко впереди, и вскочил.

— Что это там? Вы видели... уже пропал!

— Кормовой фонарь, — пояснил Хольф.

— Это «Двузубец»?

— Более чем вероятно.

— Но куда он делся?

— Должно быть, снова закрыли скалы на изгибе реки. Минуем поворот, тогда увидим.

Баркас качало все сильнее. Хольф пошире расставил ноги, крепко держась за штурвал. Основательный, как статуя, он внушал уверенность в том, что все обойдется благополучно. Не мог этот человек не вернуться в свой крепкий приземистый дом, к своей двуколке, запряженной добродушной лошадкой, к своей круглолицей Марго и к детям — ко всему тому, что ждало его.

— Вы бы не переживали, Алекс, — заметил он. — Не вижу я причин для волнения. Во всяком случае, до тех пор, пока не нагоним баржу.

Когда я снова сел, Хольф вытащил трубку изо рта, зевнул и добавил:

— Впрочем, одна причина для волнения все же есть — мне хочется спать.

— Могу сменить вас за штурвалом.

— На спокойной воде, днем — да. Но не здесь и не сейчас. Чувствуете, волнение еще усилилось?

Баркас качался все сильнее — раскачивался газовый светильник на крюке у потолка, наши тени колебались на полу и стенах. Поскрипывали два портрета, пожилых мужчины и женщины, висящие на гвоздях. Заяц для равновесия вытянул ноги, я устроился на табурете верхом.

— Лучшее средство от сна — добрая беседа, — заметил Хольф. — Я пытался расспросить мальчика о прошлой жизни, но он на редкость скрытен для ребенка.

— Ничего я не скрытен, — возразил Заяц сумрачно. — Просто не люблю вспоминать.

— Что же такого было в твоей пока еще недлинной жизни, что ты не любишь вспоминать об этом?

— Всякое было, — мальчишка устался на свои колени.

Не дождавшись другого ответа, Хольф обратился ко мне:

— Ну а вы, Алекс? Чем занимались вы?

— Мне много чем доводилось заниматься.

В этот момент за левым бортом раздался громкий плеск, и баркас сильно качнуло.

— Это что?! — Заяц чуть не опрокинулся на бок.

— Все в порядке, — заверил капитан. — Но вам лучше держаться крепче.

Вместе с табуретом я перебрался поближе к столу, чьи ножки были прикручены к полу, ухватился за него. Посмотрел на портреты, с тихим скрипом качающиеся на гвоздях, и спросил:

— Кто там нарисован?

— Мои родители, — пояснил капитан. — Они давно почии.

— Вы немец. Как попали туда, где мы вас встретили?

Он кинул на меня взгляд через плечо, сдержанно улыбнувшись, давая понять, что заметил, как быстро

я перевел разговор с себя на него, и снова уставился в окно. А я все вслушивался, ожидая, что спереди до нас донесутся раскаты взрывов, ведь цыганский дирижабль уже должен был догнать баржу.

— Рассказ о самом себе отгоняет сонливость, — сказал Хольф. — Мы вот-вот снова увидим «Двузубец», но пока этого не произошло, можете послушать... Я из Кельна. Сын пивовара, причем богатого пивовара. А сам-то пива отродясь не любил! — хмыкнул он и посмотрел на портреты. — Отец мой владел пивоваренным заводом, торговал своим товаром. Он был деятельный и жесткий человек, хорошо понимающий в коммерции. Как только я подрос, стал посылать меня с партиями пива в разные места, где у нас были интересы. И как-то — мне было двадцать — я с помощником управляющего привез сотню бочек в город Калинеску. И там встретил ее.

— Вашу будущую жену? — уточнил я.

— Да, Марго. Тогда она была еще Маргариткой. Я влюбился без памяти, всей силой, — он усмехнулся, — неистового германского духа. Мы должны были оставаться в городе около месяца, требовалось заключить кое-какие контракты с венгерскими торговцами, а еще отец приказал подыскать место под оптовый склад. Свалив все дела на помощника управляющего, я развил бурную деятельность: познакомился с родителями Маргариты, чей отец держал небольшую лавочку, засыпал ее маменьку подарками, очаровал саму Маргариту... Я тогда был совсем не такой, как сейчас, — резвый, длинноногий. Позже она вспоминала со смехом, что я немного пугал ее родителей, потому что иногда казался безумцем, и что зря я так старался. Они бы все равно выдали ее за сына богатого немецкого пивовара.

Мы обручились, и я уехал в Германию, чтобы объясниться с отцом. Он, конечно, был против. Выяснилось, что он как раз сговорился с одним торговцем, у которого была дочка подходящего возраста, и что этот брак был

для отца крайне выгоден.... Он свирепствовал, а я стоял на своем. Отец не привык к отпору, в нашей семье он всегда был безусловным главой. Мы смертельно поссорились. Я выкрикнул ему в лицо гневные обвинения и покинул дом, хлопнув дверью. Очень, очень громко хлопнув ею. Он лишил меня наследства, но даже это не заставило меня пойти на примирение — я уехал в Венгрию. Через некоторое время туда пришло письмо, что он восстанавливает меня в правах... А я в ответ послал ему нашу свадебную литографию и снова был лишен наследства. На свадьбе, к слову, присутствовал мой младший брат, но не было нашей матушки, которой отец запретил приезжать. Позже, когда она умерла, мой престарелый родитель немного повредился умом. Обвинял меня в ее смерти, говорил, что она не перенесла мою женитьбу, хотя матушка всегда меня одобряла, и первый год, когда мы еще не встали на ноги, тайком от отца слала деньги. Еще несколько лет он буйствовал, иногда присылая полные гнева письма. Мы поселились в рыбацком поселке, потому что родители Марго были крайне недовольны тем, что выгодный жених остался без средств, я занялся ловлей, но быстро смекнул, как выгоднее продавать улов... У нас появилась Жасмин, потом, с небольшим перерывом, Бианка, Вираг, Джола и маленькая Маргаритка. Годы шли своим чередом, я купил свой первый баркас, затем второй. А потом младший брат прислал сообщение, что отца хватил удар, он при смерти и хочет видеть меня. Я собрал всех детей — у нас их тогда было пятеро, — жену и поехал в Кельн.

Мы с Зайцем слушали, не перебивая. Плавное поворачивая штурвал и внимательно глядя вперед, Хольф продолжал:

— Видели бы вы лицо старика! Когда он полулежал в своей постели, в темной спальне, смертельно бледный, тоньше тени, а ведь всегда был дороднее меня... Мы раздвинули шторы, внуки с внучками обступили кровать

и стали спрашивать, как он себя чувствует, и хвататься за одеяла, и теребить подушки, а младшая, Маргаритка, тогда еще совсем крошка, забралась на постель и стала играть с перстнем на пальце деда... — Хольф оглянулся на нас, и я увидел, как блестят его глаза. — Клянусь — отец выздоровел тогда! Ненадолго, но он победил болезнь, порозовел, сел на кровати, прогнал сиделку, которая попыталась уложить его. В голосе его снова была уверенность, сила, так хорошо знакомая мне с братом, а потом он посмотрел на мою жену, на меня, так... — Хольф запнулся и продолжал хрипло: — Отец поглядел на нас так, что я понял: он простил и меня, и ее, и еще понял, что он... что он счастлив сейчас, впервые за много лет по-настоящему счастлив. Отец посадил Маргаритку на колени, осторожно взял маленькую ручку в свою морщинистую сухую ладонь. Руки остальных внуков сжал другой рукой, очень осторожно и ласково, снова лег на подушки и закрыл глаза. И на лице его была улыбка, такая... какую я не видел больше никогда.

Хольф замолчал, уставившись в окно. Я тоже молчал, но Заяц был не из тех, кто способен остановиться у самого конца истории, не дослушав, чем кончилось дело.

— А потом? — спросил он, ерзая. — Хольф, эй, что было дальше?

— Дальше... — пробормотал капитан. — Что же, дальше малышка стала теребить его и после спросила, почему дедушка больше не играет с ней, а он лежал с улыбкой на лице... С навсегда застывшей улыбкой. Мы сказали детям, что дед заснул, хотя старшие обо всем догадались, но Маргаритка осталась в уверенности, что он просто спит, и после еще много раз вспоминала о нем, просила отвести к дедушке, а потом забыла.

— Так он умер? — догадался Заяц. — А как же наследство? Ты его получил?

— Отец не успел снова изменить завещание, все досталось младшему брату.

— Эх! — разочарованно махнул рукой мальчишка. — Свезло брату твоему.

— После похорон он подошел ко мне, — добавил Хольф, — и предложил поделить пивоварню с нашими магазинами и складами. Поделить все напополам...

— Не может быть! Зачем ему?

Капитан пожал плечами.

— Зачем... Может, чтобы прямо смотреть в глаза своему брату?

— Чего-о? Не, я говорю, зачем он тебе предложил половину от богатства, ему какая выгода? Если бы...

— Заяц, не все на свете определяется выгодой, — перебил я.

— Да ладно... — скептически протянул он, но на лице его появилось глубокое раздумье, и мальчишка надолго замолчал.

— Брат предложил вернуться в наш дом в Кельне, — снова заговорил Хольф. — Он хотел, чтобы мы вместе занялись делами фирмы. Она разрасталась, он собирался строить новые склады и недавно открыл магазин в Берлине.

— Вы отказались, — заключил я.

— Отказался? — восторженно воскликнул Заяц. — Откуда ты знаешь?

— А иначе как бы мы встретили Хольфа возле той деревни?

— Отказался, — подтвердил капитан. — Жизнь у реки показалась мне... интереснее.

— Вряд ли интереснее, — возразил я. — Скорее уже спокойнее и тише.

— А может быть — полнее и правильнее? Одно я знаю точно: на лице моего отца, когда его хоронили, была та же самая улыбка, которая появилась, когда он взял за руки своих внуков. Да-да, он продолжал улы-

баться даже на смертном одре, и это такая же правда, как и то, что уже рассвело, что мы миновали Большой казан... — капитан подался к окну. — И что впереди я вижу «Двузубец», который, черт его побери, все же сворачивает в одно из боковых ущелий!

2

— Не нравится мне это, — произнес Хольф. — Что могло заставить капитана Петера всплыть сюда? Он очень рискует... Сколько же ему заплатили?

А может, не заплатили, может, принудили? Я не стал высказывать эту мысль вслух, чтобы не пугать нашего доброго капитана. К голове Петера могли приставить двуствольный обреза... или конец стреляющей трости и заставить повернуть в опасное ущелье, по которому мы теперь плыли вслед за «Двузубцем».

Небо стало светло-голубым, белые облака ползли над вершинами отвесных скал. Ущелье изгибалось огромной запятой, вдалеке мы видели корму «Двузубца», который медленно поворачивал вправо. У подножия головокружательных круч наш баркас казался не больше ореховой скорлупы. В темных трещинах рос кустарник, а на одном уступе Заяц углядел скрюченное деревце и долго тыкал в него пальцем, показывая нам, изумляясь, как оно смогло прорасти на камнях.

— Как думаете, с баржи нас заметили? — спросил я.

Трубка закачалась в зубах Хольфа.

— Именно об этом я размышляю последние минуты. Достаточно кому-нибудь просто кинуть взгляд с кормы... Хотя мы держимся в отдалении, и я давно погасил прожектор, но ведь уже рассвело, заметить нас нетрудно.

Ущелье впереди изогнулось еще круче, и баржа исчезла из виду. Я попросил:

— Увеличьте скорость.

— Мы и так нагоняем их, к тому же в этом месте им точно некуда деться от нас. И это беспокоит меня. Такое чувство, — Хольф приложил ладонь к груди, — будто неприятный, влажный ком застыл где-то здесь. Ничего хорошего нас не ждет.

— Может, спереди их увижу? — Заяц выскочил из рубки, и через смотровое окно мы увидели, как он пробежал к носу. Навалившись на ограждение, мальчишка вытянул шею, пытаясь заглянуть за изгиб ущелья, к которому приближался баркас.

— Мне все это не нравится, — повторил капитан.

Я достал из портмоне сторублевую банкноту, протянул Хольфу.

— Возьмите, чтобы беспокойство оставило вас.

— Я уже взял деньги за эту работу. У нас есть договор, и дело обоих выполнять его.

— Вы свою часть почти выполнили. Мне кажется, ущелье вот-вот закончится. Высадите нас и сразу отправитесь обратно.

Он так и не оторвал рук от штурвала, чтобы взять деньги, и я убрал банкноту обратно. На носу Заяц все тянул шею, глядя вперед.

— Этот паренек... — произнес капитан. — Вы, Алекс, молоды, но по вам видно, что вы отдадите себе отчет в своих действиях. Но мальчик только кажется взрослее из-за того, что вел жизнь бродяги. На самом-то деле он совсем ребенок, он наивен и чист... Да-да, чист. И я очень боюсь, что вы втравливаете его в беду. Возможно, даже ведете к смерти.

— Так заберите его, — вздохнул я. — Я хотел его прогнать, но он, как тень, идет за мной. Заберите, я буду только благодарен, если мне больше не придется отвечать за него.

— Как это, должно быть, хорошо — отвечать только за себя. Как просто тогда живется! — Хольф принялся медленно крутить штурвал, и баркас накренился. — Как

же мне забрать его, если он не хочет? Я надеялся... я уже несколько раз заговаривал с ним, пока мы плыли. Он отказывается наотрез.

— Мы можем запереть его в трюме, я сойду, а вы поплывете обратно. Привезете к себе. Он сказал, что вы предложили ему жить у вас.

— Трое из наших детей — приемные, — пояснил Хольф, и я удивленно поглядел на него. — Виэг, Жасмин и Джола. Двое — дети погибших рыбаков, у которых не было матерей, а третья, которая подала вам землянику с хлебом, просто бродяжка. Я подобрал ее как-то, возвращаясь из города.

— Вот как, — пробормотал я, вспоминая радостно галдящих детей, и как они разглядывали нас. — Ну так тем более: заберите и мальчишку.

— Я бы хотел, но он не останется. Почему-то он считает своим долгом... считает *своим делом* следовать за вами. А если его запереть, то что он после этого будет испытывать ко мне? Нам удерживать его в доме насильно? Нет, так нельзя. Вот если бы вы попытались уговорить его... — с надеждой заключил Хольф.

— Я попробую. Хотя сомневаюсь, что Заяц послушается.

Ущелье начало расширяться — склоны расступались, пока не образовали круглую долину, заполненную водой. Ветра не было, озеро было, как голубое блюдо в белых пятнах облаков.

Справа у пологого берега из воды торчали несколько деревьев в окружении густых зарослей, а на противоположной стороне долины темнел вход в огромную пещеру. В глубине ее что-то гудело и двигалось, свет горящих огней отражался от воды и непонятных металлических конструкций. Заяц на носу оглянулся, подскакивая, тыча пальцем в сторону пещеры. Хольф произнес заворуженно:

— Что же это тут прячется...

Темная пасть пещеры была заключена в огромную букву «П» из трех бетонных балок. Горизонтальная служила опорой для стены замка, который стоял на большом уступе прямо над пещерой. Примыкая концами к склону, стена подковой огибала замковый двор.

Что там находилось, отсюда было не разглядеть, виднелся лишь выступающий далеко вверх шпиль башни. Его венчал фасетчатый шар из зеркального металла, заключенный в железную дугу.

Слева над стеной висел закрепленный тросами воздушный шар с пропеллером на боку круглой гондолы.

— Удивительная картина! — пробормотал Хольф.

— Баржа идет к пещере, — я кивнул на «Двузубец», который уже достиг середины озера, затем показал вправо, — а вы сверните к этим зарослям. Там берег пологий, мы легко сойдем.

— Не хотелось бы оставлять вас здесь, — он повел плечами. — Это место буквально пропитано опасностью. И с баржи нас наверняка успели заметить. Да и что это за шар на том шпиле? Он как глаз огромной мухи. Стальной глаз. Выглядит на редкость неприятно.

— Плывите к зарослям, — повторил я. — Остановитесь, а потом разберемся. Получится встать возле них?

— Судя по тому, насколько деревья выступают из воды, глубина подходящая. Набросим носовой конец на сук потолще.

Баркас качнулся, медленно поворачивая. Замок с пещерой и движущийся к ней «Двузубец» оказались на одной линии, на левом траверсе от нас. Вытащив из несессера трубу, я покинул рубку и встал у борта. Заяц подбежал ко мне, взволнованно затопал ногами, засновал вокруг, не в силах сдержать возбуждение.

— Ты это видишь? Анри, то есть Алекс, видишь?! Там замок прямо над пещерой... А шар этот?... О-о! Что это вообще? Зачем оно там?

— Хольф сказал, что шар похож на глаз стальной мухи. Мне он напоминает что-то другое. Вышка, шар... нет, сейчас не соображу.

— Ты и про орехи и песок со стеклом тоже говорил, что напоминают, а вспомнить не можешь!

— Про них я как раз вспомнил. Такие материалы используют для определенных работ, чтобы расклинивать породу, а потом... — покосившись на его недоуменное лицо, я замолчал и поднял трубу.

— Дай мне посмотреть! — взмолился он. — Ну, дай!

— Не суетись. Посмотрим оба, по очереди.

Первое, что я увидел, настроив резкость, — стоящего на юте «Двузубца» Вуку Чосера, который в бинокль глядел на меня. Некоторое время мы рассматривали друг друга, затем я поднял трубу выше, скользнул взглядом по балке над пещерой, по стене замка и дальше, вдоль троса и веревочной лестницы, удерживающих на месте воздушный шар.

— Там сидит дозорный, — сказал я, разглядев в корзине наблюдателя с биноклем. — А «Табора ветров» не видно.

После этого я надолго замолчал, и в конце концов Заяц принялся дергать меня за рукав:

— Ну, что? Что там еще?

— Это странно, но от замка идет железная дорога.

— Железка?!

— Ага. Там уступ, который изгибается и уходит в расселину на той стороне долины. Видишь ее? Настоящая железная дорога в этих местах... Не такие уж они и глухие, а?

— Ну, дай же мне посмотреть!

Я протянул трубу, и Заяц жадно приник к ней. Вышедший из рубки Хольф быстро пересек палубу, схватил трос, скрутил петлю и набросил на дерево, оказавшееся почти вплотную к правому борту, между баркасом и каменистым берегом. Нос «Моего дела» смял высокие

заросли, ветви пружинисто качались и стучали по бортам. Берег, у воды пологий, дальше становился крутым. Я не очень понимал, что делать после того, как мы покинем баркас, и тот уплывет. Вся ситуация складывалась какая-то непонятная: мы преследуем наших врагов, они знают про это, причем их больше и они сильнее... Впору им начинать преследовать нас.

Палуба подрагивала, двигатель рокотал — Хольф не рискнул глушить машину. Тем временем «Двузубец» достиг пещеры, в глубине которой я разглядел подъемный кран. Значит, она вроде грузового дока? Если так, то пещера с замком должны быть соединены туннелями.

— Дай мне еще посмотреть, — я забрал у Зайца трубу. Резкость была сбита, пришлось настраивать ее.

Скрипнули доски, и вставший рядом с нами капитан сказал:

— Никогда бы не поверил, что в этих местах есть такое.

— Знаете что, — произнес я, не отрываясь от трубы, — вам нужно уплывать прямо сейчас. На всех парах. Мы переберемся на берег и спрячемся, а вы уходите назад в ущелье.

— И где вы собираетесь прятаться на этом берегу? Я уже говорил, что не хочу оставлять вас здесь. И не оставлю.

Я покосился на него.

— Хольф, я буду решать свои дела, а вы решите свое — вернитесь к семье. Вас ждет прекрасная жена и куча детишек. Меня не ждет никто.

— Но этот мальчик, пусть хотя бы он... — капитан попытался взять Зайца за плечо, однако тот вывернулся, отскочил и крикнул:

— Я с графом!

— С графом? — переспросил Хольф и вопросительно поглядел на меня.

Пожав плечами, я снова приник к трубе.

— Так он меня называет, хотя я не граф... Что он там делает?

— О чем вы?

Я подкрутил фокус. «Двузубец», всплыв в пещеру, целиком скрылся в темноте, но под сводом зажегся прожектор, и яркий свет озарил крышу юта, будто сцену.

Единственным актером был мистер Чосер. Он прикреплял к своей трости небольшую трубу, смахивающую на прибор в моих руках, только поуже и покороче. Положив трость на плечо, человек-лоза направил конец в нашу сторону, приник к трубке и прицелился.

— Назад! — заорал я, отскакивая от борта. — Прячьтесь!

Заяц, имевший богатый опыт беспризорника, мгновенно упал на четвереньки и бросился к рубке. Но капитан Хольф был гораздо старше и гораздо медлительнее.

— В чем дело? — удивленно спросил он, не двигаясь с места.

Дымная полоска выстрелила из зева пещеры. Гулкий хлопок отразился от склонов, раздалось быстро нарастающее гудение. Я упал.

Хольфа вбило в палубу, будто молотом.

Мистер Чосер в момент выстрела находился гораздо выше нас, и выпущенный им снаряд прилетел к баркасу наискось. Он ударил капитана в грудь, пробил насквозь и врезался в палубу. На миг перед моими глазами мелькнуло сломанное тело, красно-черное облако дыма и крови, бьющее из груди Хольфа.

Баркас сильно качнулся и просел, по-старчески кряхтя и скрипя. В трюме заклокотало — звук донесся сквозь дыру в палубе. Вскочив, я прыгнул к рубке. Заяц стоял на коленях, вцепившись в волосы, смотрел на меня глазами-блюдами.

От пещеры к нам неслись, дымя трубами, два катера с узкими корпусами. На них стояли вооруженные люди.

«Мое дело» начало тонуть. Вода громко шумела в трюме. Вдруг там оглушительно зашипело, сквозь щели между досками повалил пар. Старый баркас содрогнулся, будто получил удар кулаком под дых, корма стала быстро опускаться, палуба накренилась. Не сговариваясь, мы бросились к задравшемуся носу.

— Они его убили! — заорал мальчик. — Убили Хольфа! Сволочи! Он добрый, а они его убили!

— Прыгаем! — велел я.

В этот миг двигатель взорвался, толкнув нас в спины волной жара. Корму подбросило, нос резко ушел вниз, и мы перелетели через ограждение. Я едва не захлебнулся, но уперся ногами в согнутые заросли, оттолкнулся и всплыл. Вокруг клокотали волны.

— Заяц! — крикнул я, но мальчишка исчез из виду.

Подплывшие катера замедляли ход. На носу одного стоял Джуса с кривой саблей в руках. Свой европейский костюм он сменил на то, что подходило ему гораздо больше: кожаные шаровары, заправленные в остроносые сапоги, цветастую рубашу и черные перчатки с рас-трубами. На его подручных были брюки с лампасами и куртки из парусины, выкрашенной в тускло-стальной цвет. У всех на ремнях висели пистолеты.

Баркас перестал тонуть. Вода почти достигла палубы, однако дальше он не опускался. Возможно, где-то в корпусе образовался воздушный пузырь — я не видел другого объяснения такой плавучести. Где Заяц? Я нырнул с открытыми глазами, путаясь в ветках и оказавшейся под водой листве. Поднятая со дна муть кружилась вместе с мелкими обломками, я почти ничего не видел и, едва не застряв в изломанных ветвях, вынырнул обратно. Катера уже остановились. Вода хлюпала и пенилась, мелкие волны плескали в лицо. Оказавшись посреди леса тонких стволов, я едва видел происходящее.

Пара «стальных курток» перебрались на палубу баркаса, еще двое по приказу Джусы разделись и прыгнули в

воду. Некоторое время они плавали совсем рядом, трижды я опускался с головой и не высывался, пока хватало воздуха в груди. В это время один человек, выбравшись на берег с ножом в зубах, заглядывал за валуны.

— Никого тут! — прокричал он наконец.

— Говорю же — утонули! — ответили с палубы баркаса. — Вон в трюме мертвяк... Эк его разворотило, вроде бомба в кишках взорвалась.

— На лоханке было трое, — ответил Джуса, постукивая клинком по колену.

— А вы видели, как рвануло, господин Джуса? Никто выжить не мог.

— Все равно оставлять ее тут нельзя. Граф приказал отбуксировать к пещере.

— В пещеру? Затонет по дороге.

— Затонет — перерубим тросы. Тут мелководе, а на середине глубоко, пусть идет на дно. Выполнять!

— Эй, а я несессер нашел. В рубке вот болтается, чуть не унесло...

— Сюда его, — приказал Джуса. — Разворачивайтесь, крепите концы.

Он говорил на английском, отвечали ему по-английски и по-французски. Сидя по ноздри в воде, я видел, как развернули катера, как тросы привязали к баркасу. Он тяжело закачался, вода перехлестывала через борт, волны прокатывались по палубе, и все равно старый башмак не тонул, каким-то чудом удерживаясь на поверхности, цеплялся за жизнь... Я видел все это — но больше я не видел мальчика, которого звали Зайцем, и, конечно, я не видел капитана Хольфа, чье искалеченное тело осталось в затопленном трюме. Ему не суждено было вернуться в рыбацкий поселок, к жене, к детям, к своему делу. И виноват в этом был я.

Солнце высоко поднялось над горами, в круглой долине стало тепло и светло. На катерах перекрикивались, отдавал приказы Джуса, шумели двигатели, дым шел

из труб. Когда «Мое дело» развернулось проломленной кормой к берегу, я снова нырнул. Продравшись между веток, очутился возле баркаса и схватился за край дыры. Моторы загудели громче, меня потянуло вперед. Только сейчас, когда первый шок прошел, я почувствовал, как холодна вода в горном озере. Меня пробирала дрожь, зубы стучали, перехватывало дыхание, но я держался крепко. Не потому, что боялся смерти. Я боялся только одного: что не смогу отомстить.

Вода бурлила и пенилась, катера набирали ход. Огромная пещера и замок над ней были все ближе.

Глава 7

ОРУЖИЕ РАЗРУШЕНИЯ

1

Остатки рубки закрывали от меня катера, но сквозь плеск волн доносились гудение и голоса. Мы достигли середины озера. Ныли руки, одежда потяжелела от воды; я сбросил сюртук, решил было избавиться и от туфель, но передумал — неизвестно, что дальше, без обуви может прийти туга.

Вот только будет ли какое-то «дальше»? Снова и снова возвращалось чувство, которое охватило меня после падения с «Самодержца» и взрыва — будто я один, потерянный, в бездне времени и пространства. Совсем один, никого вокруг; то есть людей много, но все это враги, все они готовы убить меня, дай только шанс. Заяц и Хольф погибли из-за того, что были втянуты в мои дела, ни в чем не повинные, случайно встреченные на пути... мертвы, убиты безжалостно и походя. Чья-то рука смахнула их, будто крошки со стола. Небрежность, с которой мои враги отнеслись к чужим жизням, вызвала глухую, угрюмую ненависть к ним.

Я тряхнул головой, усеяв воду вокруг брызгами с волос. Надо собраться. До пещеры недалеко, и сейчас мне понадобятся все оставшиеся силы. И ум. Любая ошибка означает гибель.

Баркас дрогнул, правый борт приподнялся, а левый сильнее ушел в воду.

— Сейчас потонет, — донеслось с катера. — Мистер Джуса! Эй, видите?

— Вижу, — откликнулся тот. — Ладно, здесь глубина подходящая, руби концы.

— Подходящая? — добавил кто-то еще. — Да под нами центр котла, здесь дредноут затопить можно!

Я оттолкнулся от баркаса, кренившегося все сильнее, и стал отплывать назад. Ремень, где висела кобура с бесполезным револьвером, натер плечо. Спереди донесся стук, хлесткий удар, когда один из натянутых тросов высвободился, перебитый топором. Громко шелкнул второй трос. Баркас качнулся на корму, приподняв нос, будто устало и грустно махнув на прощание, а потом совсем ушел под воду, оставив на поверхности лишь волны. Дело капитана Хольфа закончилось — больше не осталось ничего, что напоминало бы о нем...

Нет, остались его дети, родные и приемные. Осталась Маргарита, крепкий, надежный дом, посаженные в саду деревья, процветающий рыбацкий поселок, старостой которого он был... и остался я. Пусть мы с Хольфом были знакомы всего сутки — я помнил о нем. Я был жив и находился здесь благодаря ему. Он принял удар, который, не будь капитана на палубе, пришелся бы в меня, и теперь единственная правильная вещь, которую я мог сделать, — это ударить в ответ.

На поверхность вынесло несколько досок, обломков борта. Вместе с гроздью пузырей всплыл затянутый просмоленной тканью деревянный квадрат, в котором я узнал крышу рубки. Все это закачалось, бултыхаясь в воде. На корме катера Джуса поставил ногу на ограждение, поигрывая саблей, которая двигалась на удивление легко в его толстой руке. Поглубже вдохнув, я опустился под воду, проплыл немного и очутился под дощатым квадратом. Уперся в него руками — и затем оставался под водой, сколько хватало дыхания. Когда глухой рокот моторов начал стихать, грудь уже жгло огнем. Я припод-

нял край крыши, запрокинув голову, прижался к ней лицом. Вдохнул, выдохнул несколько раз, снова нырнул. Гул стал еще тише. Подождав с минуту, я выставил голову над поверхностью.

Катера подходили к пещере, в глубине которой виднелась корма «Двузубца». Вцепившись в доски, я всю заредел ногам. Пальцы окоченели, меня била дрожь. Нужно покинуть озеро побыстрее, но склоны возле пещеры отвесные, по ним не залезть, а плыть обратно к зарослям слишком далеко — оставалось лишь двигаться к пещере, надеясь, что внутри получится выбраться из воды незамеченным.

Боковые балки колоннами высились по сторонам от меня, снизу казалось, что они уходят в самое небо. Замок пропал из виду за горизонтальной балкой — верхушкой огромной «П». Зев пещеры, похожий на разинутую пасть, все рос и рос надо мной. Гора готовилась проглотить непрошеного гостя.

Дневной свет померк, отблески прожекторов заряблили на мелкой волне. Эхо разносило скрип, лязг, стук и голоса. По периметру пещеры шел бетонный парапет, «Двузубец» стоял справа, бортом к нему, а катера подплывали к небольшой пристани в глубине пещеры.

Пальцы почти не слушались, ноги онемели. Я обогнул баржу и свернул к парапету. Забрался по уходящей в воду железной лестнице и выглянул из-за бетонного края. Справа надо мной нависал нос «Двузубца», а далеко слева была пристань с катерами. С баржи перекинули аппарель, по которой несколько грузчиков несли хорошо знакомые длинные ящики, причем первый ташили Гаррис с толстяком Чубаном.

Передо мной на проложенных по парапету рельсах стоял небольшой состав: легкий двухосный вагон-теплушка с решетками на окнах, четыре открытые грузовые платформы и... паровоз? Если так, то где труба? И емкостей для угля не видно, и сухопарника, и тендера

позади тоже нет. Выходит, это электровоз, но тогда от какого источника питания он работает? Проводов не видно. Либо на нем батареи, либо электричество подается через рельсы.

Состав стоял между подъемным краном и пологой эстакадой на штангах. Она тянулась вдоль стены, в глубину пещеры, и дальше изгибалась, уходя в круглое отверстие туннеля.

Кран медленно поворачивался, переноса с палубы на платформу наполненный песком и стеклянными шариками короб. По краю парапета, сложив руки за спиной, нервно прохаживался капитан Петер. Неподалеку старый боцман хмуро наблюдал за происходящим, раскуривая трубку. Дальше стояли несколько «стальных курток», а рядом — мистер Чосер, Кариб и высокий господин в черном фрачном костюме, синих перчатках и бархатном цилиндре с синей лентой. Этот человек держался так, что сразу становилось понятно: он здесь хозяин.

Пригнувшись за краем парапета, я внимательно оглядел его. Статный мужчина с красивым лицом, которое портили лишь темные глаза навывкате. Долговязый, сутулый, он наклонился вперед и сложил руки за спиной, нависая над Карибом и Чосером, слушал их. Никаких сомнений не было — я видел графа Алукарда. От всей его фигуры веяло самоуверенностью. Длинное, породистое лицо было серьезным, сосредоточенным. Глаза напоминали два выпуклых зеркала, в глубине которых лежала вечная ночь.

С лязгом короб опустился на платформу, грузчики стали отцеплять тросы. В это время другие складывали ящики на соседнюю платформу, а двое «стальных курток» катили по аппарели тележку с бочкой, накрытой брезентовым колпаком.

Эхо донесло голоса, я поглядел влево — по парапету от пристани с катерами приближался Джуса со своими людьми. Надо было что-то делать: когда они подойдут

ближе, мне останется только спуститься обратно в воду, иначе меня заметят.

Тем временем боцман тронул за плечо капитана и показал на бочку, которую подвозили к платформе.

— Этот груз! — эхо разнесло по пещере возмущенный голос капитана Петера, повернувшегося к графу. — Чертов Джуса! Я нанял его по хорошим рекомендациям, а он... Мой помощник работал на вас! Он уволен! Вы засунули бочки в трюм тайно от меня! Я не собираюсь... — он запнулся, увидев, что его просто не слушают. Граф говорил с Вукой и даже не повернул головы.

Все это происходило на глазах у столпившейся на палубе команды. Капитан Петер заколебался — он наверняка понимал, что имеет дело отнюдь не с добропорядочными господами. На миг мне показалось, что капитан отступит, но Петер плюнул, сжал кулаки и зашагал к троице. Боцман окликнул матросов, призывая их помочь своему капитану, те загомонили и направились к аппарели. Часть грузчиков и «стальных курток» прекратили работу, наблюдая за происходящим.

Поскольку Джуса со своими людьми был еще далеко, я перемахнул через край парапета и бросился под эстакаду. Оказавшись в узком просвете между нею и стеной пещеры, отбежал под прикрытие состава. Тихо рокочущий электровоз закрыл меня от взглядов, теперь увидеть можно было разве что мои ноги, если присесть и посмотреть под днищем. Но скоро погрузка закончится, состав поедет и тогда... А может, опередить его? Взбежать по эстакаде, достичь туннеля, к которому она сворачивает, спрятаться в нем? Нет, не выйдет — Джуса и его «стальные куртки» увидят меня, пока буду подниматься.

Неожиданная мысль пришла в голову, и я устоял на электровоз. Он не очень высокий, к тому же за толстую медную раму бокового окна можно схватиться, а потом упереться в нее ногой...

Я потер красные от холода руки, размял пальцы и полез вверх.

На плоской крыше электровоза были три стеклянных люка. Из одного, приоткрытого, шел теплый воздух, и я улегся рядом, стуча зубами. В проеме виднелся роскошно обставленный салон с деревянными панелями на стенах, посреди него на пышном ковре стояли диваны и столик с прибором, похожим одновременно на радиопередатчик и телефон. В передней части салона невысокая перегородка отделяла место для управления составом.

События внизу развивались своим чередом. Капитан решительно приближался к графу, но так и не достиг цели — Кариб, сделав шаг навстречу, ткнул его кулаком в грудь. Петер отшатнулся и едва не упал. Матросы зашумели, некоторые побежали к ним. Граф и Чосер, занятые беседой, по-прежнему не обращали на происходящее внимания, но Кариб достал обрез. Кто-то из матросов закричал, боцман отскочил, а Петер присел, накрыв голову руками. Выстрел грохнул на всю пещеру, пуля пролетела над капитаном, над матросами. Воинственность их мигом исчезла — едва не сбив с ног тех, кто шел позади, они ринулись обратно по аппарели и отступили к корме. Боцман, на ходу выбивая трубку о ладонь, последовал их примеру. Капитан выпрямился, растерянно потирая грудь, оглянулся на своих людей. Кариб вернул обрез в чехол, громко приказал: «Продолжайте работу!» и повернулся к Вуке с графом.

Я приподнялся, наблюдая за происходящим. Люди с катеров подошли к составу и по команде Джусы тоже занялась бочками. «Стальные куртки» доставали их из трюма и подкатывали к платформе, а забравшиеся на нее грузчики во главе с Гаррисом принимали. Обращались с бочками очень осторожно, и хотя тех было немного, дело шло медленно.

Граф сделал жест в сторону электровоза, после чего они с Карибом и Вукой направились в мою сторону.

— А деньги?! — взревел стоящий на аппарели капитан Петер, бросаясь следом. Я отодвинулся от люка, чтобы снизу меня не заметили. Граф вошел в салон, за ним поднялся Кариб, а мистер Чосер, лучезарно улыбаясь, поспешил навстречу капитану.

— Так бушевать положено скорее океану, нежели человеку! — закричал он еще издалека. — Дорогой мой, успокойтесь, молю вас, и выслушайте меня...

Он подхватил капитана под локоть, не пуская к составу, негромко заговорил. Лицо его было ласковым и заботливым, но Петер смертельно побледнел и потерял горло. Попятился, вырвав локоть из цепких пальцев человека-лозы, развернулся и, теряя остатки самообладания, побежал назад к барже.

Последнюю бочку поставили на платформу. В электровозе громко зарокотало, и «стальные куртки» стали усаживаться на ящиках с ореховой скорлупой. На барже по знаку капитана Петера матросы убирали аппарель.

— Э, а мы? — удивился Чубан, один из шестерых грузчиков, оставшихся на платформе с бочками. — Они чего, без нас уплывают?

— Ходу назад, ребята! — приказал Гаррис, поправил бандану и первым спрыгнул на бетон, но стоящий там Джуса приказал:

— Лезьте в последний вагон.

— Это с чего вдруг? — спросил Гаррис.

— Наверху не хватает людей, помогите.

— Ты сдурел? А кто нам платить будет? И назад мы как потом?

— В вагон лезь, — повторил Джуса.

— Да пошел ты! — сплюнул Гаррис. — Ты уже не помощник кэпа, не командуй!

Удар в лицо сбил его с ног. С криком бригадир вскочил, в руке блеснул нож. Кривая сабля выскочила из ножен и плашмя врезала ему в плечо. Гаррис с рычанием бросился в атаку — и был встречен еще одним ударом,

теперь по голове. Джуса бил так, чтобы не нанести серьезных повреждений, но острый край резанул Гарриса по носу, и тот снова закричал. Бригадир отшатнулся, получил влогонку еще один удар, по груди, и тут же — по колену. Для толстяка Джуса двигался очень проворно, сохраняя на лице презрительно-скупающее выражение, будто наказывал за провинность дворового пса.

Гаррис упал, выпустив нож, потянулся к нему и завизжал, когда каблук сапога впечатал его кисть в бетон.

— А вы что стоите? — спросил Джуса, поворачиваясь к остальным людям с баржи. — Всем в тот вагон лезть!

Кто-то из «стальных курток» достал пистолет, и грузчики попрыгали с платформы. Состав дернулся, я распластался на крыше, чтобы не скатиться. Грузчики стали забираться в последний крытый вагон. Джуса поглядел на извивающегося у ног Гарриса, концом сабли подцепил платок на его голове и сдернул, обнажив большую плешь.

— Ха... — саблей он провел по лысине красную линию. — Так ты у нас господин Большая Голая Поляна?

Кто-то из «стальных курток» засмеялся.

— У тебя теперь главная забота, дружок: уйти отсюда живым. Хочешь жить? Целуй сапог. Ну!

Бригадир задергался, пытаясь высвободить руку, другой ударил Джусу по лодыжке, и тот вновь провел саблей по его плечи, нарисовав там крест. Кровь потекла по волосам, по дергающейся голове.

— Хорошая мишень, мистер Джуса, — один из его людей поднял пистолет. — Спорим, я с пяти метров точно в центр свинец засажу?

— Со своей маманей спорь, твой папаша тебя заделал или нет, — отрезал Джуса.

Грузчики, для которых прежде всего и предназначалась эта сцена, столпились в дверях вагона. Убрав ногу с кисти бригадира, Джуса бросил: «Лезь внутрь,

живо!» — и зашагал к платформе, куда забрались «стальные куртки».

Состав, загудев громче, медленно покати́л к эстакаде. И одновременно «Двузубец» дал протяжный гудок. Капитан Петер не желал оставаться здесь ни единой лишней секунды — по его приказу матросы не только втащили на борт аппарат, но и перерубили тросы, удерживавшие баржу у причала.

Джуса запрыгнул на платформу, повернулся. Гаррис встал, пошатываясь, поглядел на отчаливающую баржу, на состав. Джуса взялся за саблю. Увидев это, бригадир прыгнул в раскрытый проем вагона, едва не упал с края, но его поддержали и помогли забраться внутрь. Он обернулся, безумным взглядом провожая баржу и баюкая скрюченное запястье. По лицу стекала кровь из пореза на голове.

— Лун, запри их пока что, — велел Джуса, и тот из его подручных, который хотел использовать голову бригадира грузчиков в качестве мишени, спрыгнул на парашет. Прежде, чем состав успел разогнаться, он задвинул дверь вагона и накинуд засов, а потом вернулся к своим, устроившимся на ящиках.

Колеса стукнули громче, крыша подо мной накренилась — мы достигли эстакады. Я улегся головой поближе к люку, чтобы поток теплого воздуха из салона оведал меня. Справа ползла каменная стена, слева внизу был парашет и темная вода за ним.

— Южанин хочет, чтобы все началось побыстрее, — донеслось из вагона, и я уставился в люк. У графа Алукарда был глубокий баритон с легкой хрипотцой — бархатистый, красивый.

— Как значимо это звучит: «Все началось»! — хохотнул человек-лоза. — И как точно, не правда ли? Ведь это действительно начало всего. Наша акция в России была лишь подготовкой, прологом. Либретто к сим-

фонии гибели, которая грянет вскоре. Мы перевернем судьбу Сплетения!

Я крепче вцепился в край люка. Последнее слово было мне знакомо — его уже произносил Мистер Икс, и оба раза оно звучало так, словно было названием. Вот только понять бы: чего именно?

— Но ты, — продолжал Вука, — имеешь привычку определять будущее событие еще значимее: Искупление. Звучит очень серьезно... и немного пошло.

— Они действительно искупают свою вину, — возразил граф.

— Перед кем же?

— Перед нашим великим предком. Перед нашим великим родом. Перед всей Румынией. Или ты не согласен?

Мистер Чосер пожал плечами:

— Сдается мне, нашего великого предка, наш род и Румынию обидели венгры, а не вся Европа, которую ты собираешься наказать.

— Она поддержала их.

— Европа скорее уж просто не вмешивалась, поскольку происходящее устраивало ее.

Я напряженно слушал, пытался понять смысл разговора. Славный предок, славный род, предательство венгров... О чем они говорят?

— Двенадцать лет тюрьмы, Вука, — снова заговорил граф. — Двенадцать лет в смрадной венгерской тюрьме. А после — отвратительный документ, фальшивка, написанная по приказу этого мерзавца Корвина, чтобы опорочить честь того, кого он предал и продержал в заточении столь долго... Поганая, гадкая, подлая фальшивка.

— Но ты же знаешь — он и правда сажал людей на кол, — примирительно возразил Чосер.

— Конечно — своих врагов. То были времена решительных нравов и гордых сердец. Кровожадные и дикие времена... великие времена. Так или иначе, все должно

свершиться со дня на день. Мы поможем Южанину, а он поможет нам.

В глубоком, властном, уверенном голосе графа было нечто, от чего пробирала дрожь. Едва заметные, но явные нотки безумия — вот что звучало в нем. Медленно-медленно я подался вперед, заглядывая в люк. Кариб стоял у пульта спиной к салону, а мистер Чосер с графом расположились на диванах, возле столика с радиопередатчиком. Вука, раскрыв дверцу бара, достал высокую бутылку с двумя бокалами. Граф положил ногу на ногу и бросил цилиндр на столик.

Осторожно потянув из кобуры револьвер, я увидел, как из ствола потекла вода, и засунул его обратно. Состав начал поворачивать, следуя изгибу эстакады, — впереди рельсы уходили в темноту туннеля.

Я достиг своей цели: все мои враги были рядом, прямо подо мной. Вот только у меня не было ни малейшей идеи, как расправиться с ними.

2

Туннель шел большой дугой, он все загибался и загибался, вокруг было темно... а потом сверкнуло солнце, и я зажмурился. И когда открыл глаза, мы уже ехали по замковой стене.

Здесь дул холодный ветер. Стуча зубами, я отодвинулся от люка и лег на бок. Рельсы были проложены по глубокой каменной выемке между двумя бордюрами, идущими по верхушке изогнутой в виде подковы стены. Мы выехали на нее из склона — и, проехав через всю стену, должны были снова въехать в склон. Впереди висел воздушный шар, закрепленный веревочной лестницей и тросом. Сообразив, что сейчас дозорный из гондолы увидит меня, я пополз к краю крыши, чтобы спрыгнуть с электровоза, но остановился, когда понял,

что в корзине шара никого нет. Переведя дух, вернулся на прежнее место.

Перед отверстием туннеля на другом конце стены, сбоку от рельсов стояла сложенная из камней будка с окошком. Вход в туннель, к которому мы довольно быстро приближались, перегораживал шлагбаум-бревно.

Озеро в кольце высоких скал раскинулось с одной стороны от меня, а с другой был замковый двор. Я повернулся к башне с фасетчатым шаром на шпиле, задней частью примыкающей к горе. У ее подножия стояло несколько построек, похожих на бараки или склады. Железный шпиль ярко блестел на солнце, а уж как сверкал шар... Словно клубок желтого огня, причем по мере нашего движения одни его фасеты гасли, а другие вспыхивали, и казалось, что шар поворачивается. Теперь я лучше разглядел опоясывающую его металлическую дугу — кажется, она могла вращаться вокруг шара. На дуге был закреплен радужный кристалл. Я даже приблизительно не мог понять, что это за устройство.

Во дворе не было ни одного человека. Такой большой комплекс не может обойтись без множества людей, но я не видел никого, да и наблюдателя в корзине нет... О чем это говорит — замок собираются покинуть?

Состав успел преодолеть половину пути, мы находились почти точно над входом в пещеру, когда снизу донесся звучный голос графа:

— В последнее время агенты Мессии давали о себе знать?

— Какой-то дирижабль преследовал баржу, — ответил Вука. — С виду — цыганский цирк. Они даже атаковали нас, когда мы были в шлюзе. Пришлось мне воспользоваться своей Аккельте.

— Что же, должно быть, они растерянны, если решились на такой шаг, — задумчиво изрек граф. Как и мистер Чосер в некоторых своих ипостасях, Алукард говорил велеречиво, торжественно, но если Вука при этом был

ироничен, то граф — сама серьезность. Он словно вещал с трибуны, осознавая важность каждого своего слова, даже когда говорил что-то совсем обыденное.

— Да, растерянный, — весело подтвердил человек-ло-за. — Выпустили аэроплан, он стрелял из пулемета, потом сбросил бомбу. Пришлось угостить вредную пчелку поцелуем моей крошки. — Сверху я увидел, как сидящий на диване с бокалом в руках Чосер любовно похлопал по трости, которую поставил между ног. — Моей нежной, моей ласковой Аккельте.

— Ты стрелял из нее на глазах у команды баржи?

— А что было делать, что было делать?! К тому же я ведь знал, чем для них закончится плавание, — так какое имеет значение, что они увидели Аккельте в действии?

Я слушал очень внимательно. Значит, Мессия? А перед тем они упоминали некоего Южанина... Он был их союзником, причем высокого уровня, ну а Мессия — врагом. Значит, я не ошибся: это его аэроплан напал на баржу. Или, по крайней мере, его союзников. Отчаянная попытка помешать доставить бочки с адским мылом в озерный замок...

— Летающая сосиска цыган появлялась еще дважды, — заключил Чосер. — Могла ли она проследить за нами до озера, вот какой вопрос заботит меня.

Аппарат на столике зазвенел, и Чосер схватил лежащую на нем трубку, от которой к корпусу тянулся провод. Я почти привык к странным технологиям, которыми владели, кажется, все имеющие отношение к этому делу, и уже ничему не удивлялся. По-видимому, устройство на столике следовало называть радиотелефоном.

Подняв трубку, мистер Чосер мгновенно сменил личину. Теперь он был клерком, секретарем при важной особе.

— Я слушаю. Говори! — деловито произнес он. — Разворачивается? Нет, мы еще не... Секунду. — Чосер

посмотрел на графа. — Это оператор с башни. Судно капитана Петера собирается покинуть озеро. Оператор спрашивает, должен ли он...

— Он может начинать, — перебил граф, поднимаясь с дивана. — Прямо сейчас. Немедленно.

— Немедленно! — повторил Чосер в трубку. — После этого покинь рубку управления. Спускайся в депо, поступишь в распоряжение Джусы.

— Диего, притормози, — велел граф. — Я желаю любоваться зрелищем.

Кариб на что-то нажал, и состав начал замедляться. Переместившись вбок, я снова осторожно заглянул в люк. Граф с Чосером подошли к окну, а поезд остановился, хотя гудение под полом не смолкало. Сзади донеслись голоса «стальных курток», рывкнул Джуса, и они замолчали.

— Вот она, — произнес Чосер.

Сверху я увидел баржу раньше их: «Двузубец» двигался прочь от пещеры, прямым ходом к ущелью, по которому мы достигли озера. Он целиком показался из-за края стены, и тут пятно желтого света пробежало по составу, будто огромный солнечный зайчик. Следом другое, третье... Я оглянулся. Дуга на фасетчатом шаре вращалась. Воздух над башней мерцал, там медленно проступала световая воронка, упиравшаяся в шар узким основанием.

В проеме люка было видно, как граф сжал кулаки, уставившись в окно. Чосер, отойдя к Карибу, показал на Алукарда, как мне почудилось, с иронией.

Судно почти достигло середины озера, когда от башни полился гул. Небо над ней украсилось всполохами, световая воронка загустела, налилась красками.

Фасетчатый шар полыхнул огнем, и сквозь радужный кристалл на дуге выстрелила молния.

Длинный, ветвистый разряд, протянувшись над озером, впился в баржу. С оглушительным треском он из-

вивался и дергался, хлестал по палубе, полосовал ее, будто кнут. Разряд прошелся от носа до кормы, разбивая и круша все на своем пути. Тонкими шупальцами от него ответвлялись молнии поменьше, били в оставшиеся на палубе ящики, ломали доски, ограждение, борта. Одна подхватила фигурку бегущего человека, закрутила в воздухе и отбросила в воду.

Башня низко гудела, все вокруг дрожало. Сияние затопило чашу горного озера. Бьющая из кристалла гигантская молния налилась режущим глаза свечением, достигла кормы и разворотила ют. Накренилась одна труба, другая повалилась за корму. Во все стороны ударили струи пара. Оглушительное шипение прокатилось по долине, отразилось от склонов, у меня зазвенело в ушах... А потом ют исчез во вспышке пламени. Его крыша взлетела, подпираемая снизу густыми белыми клубами, и рассыпалась на куски. Облако пара целиком накрыло баржу. Языки огня пробились сквозь него вместе с дымом, и все это смешалось в грязно-белое, с проблесками красного и багрового, пятно, которое медленно росло посреди озера.

Как только молния погасла, стихло и льющееся от башни гудение. Уши у меня заложило, я несколько раз сглотнул и заглянул в люк. На лице Кариба была кривая улыбка, мистер Чосер наблюдал за катастрофой, небрежно облокотившись на трость, а граф Алукард подался к окну, пожирая взглядом происходящее внизу. Выпуклые глаза его стали как у голодного зверя, — они сверкали ненасытным темным огнем.

Облако взрыва редело, сквозь него проступали качающиеся на воде обломки. Некоторые дымились, другие еще горели. Вода в озере волновалась, между скалами ходили волны. Чосер, сунув трость под мышку, негромко похлопал в ладоши. Граф вздрогнул, моргнул, разжал кулаки. Потер руки, приходя в себя, отступил от окна и произнес буднично:

— Едем дальше.

Кариб вернулся к пульту, и мы снова поехали. Шар на шпиле больше не сверкал, дуга не двигалась, в небе над башней дотлевала, постепенно исчезая, световая воронка. Втянув воздух ноздрями, я ощутил запах озона. Ясно было, что смертельный процесс, уничтоживший «Двузубец» с командой, был того же рода, что и взрыв, разрушивший купол Всемирной Выставки. Почти с благоговением я посмотрел на шпиль с шаром. Какая мощь! Я опять стал свидетелем действия невероятной, фантастической, чуть ли не мистической технологии, в существование которой раньше не мог бы и поверить.

Поезд приближался к туннелю, и вышедший из будки часовой поднял шлагбаум. Отодвинувшись от люка, я внимательнее поглядел вперед. А ведь туннель совсем небольшой. Зазор между электровозом и сводом такой, что меня просто расплющит.

Состав двигался не быстро, но прыгать на каменные бордюры, между которыми шло углубление с рельсами, слишком опасно. К тому же, хотя грузчики заперты в вагоне, но «стальные куртки» сидят на платформе с ящиками и сразу увидят меня. Я отполз от люка, приподнялся. Часовой стоял на краю стены у въезда и глядел на приближающийся состав.

Когда электровоз достиг туннеля, я поджал ноги, вернулся к будке и прыгнул. На крыше ее перекатился, улегшись лицом кверху, вытащил револьвер и замер, направив ствол в небо. Мой маневр остался незамеченным, стук и гудение состава заглушили шум падения.

Мимо один за другим катили вагоны, а я разглядывал револьвер. Вряд ли он выстрелит, хотя кто его знает, патроны-то герметичные, вода не должна была повредить им. Стук колес начал стихать, прозвучали шаги, скрипнула дверь. Часовой что-то произнес, будто говорил сам с собой. Теперь он был подо мной, но голос донесся со стороны рельс, потому что в ту сторону

выходило окно будки. Опять раздался скрип, а после — приглушенные шлепки. Чем он там занимается?

Я сел, продолжая изучать револьвер. Вроде бы ничего такого, что может выйти из строя из-за воды, там нет, но черт его знает, в рабочем ли он состоянии. Перебравшись к краю будки, я прислушался к затихающему стуку колес. Вдруг он смолк — поезд остановился, причем не очень далеко. Эхо донесло отголоски голосов, лязг. Нужно идти вслед за составом, но часовой заметит. Стрелять нельзя — услышат. Я с сожалением убрал револьвер в кобуру и сглотнул. В горле першило, хотелось закашляться, чтобы очистить его. Купание в холодной воде не прошло даром, к тому же одежда и обувь были насквозь мокрые.

Взявшись за край крыши, я свесился, медленно наклоняя голову и заглядывая в окно без стекла. Подоконник... край стола... руки... а это что такое? Ага, он там в карты играет сам с собой.

Я повернулся спиной к окну, присев на самом краю, несколько раз глубоко вдохнул. Когда сердце заколотилось быстрее, резко подался назад и соскользнул с крыши, крепко держась за нее. Распрямив руки, качнулся в проем окна, выбросил вперед ноги — и угодил подошвами в лицо часового. Под каблуком хрустнуло, он вскрикнул, но тут мои пальцы сорвались, и я грохнулся спиной на стол. Хорошо, что кроме игральных карт на нем ничего не было, и очень хорошо, что он выдержал толчок.

В отличие от стула, ножки которого подломились.

Когда стул опрокинулся вместе с часовым, я соскочил на пол, схватил обломок и ударил его по голове, угодив в лоб. Часовой затих. Кривясь от боли в пояснице, я перевернул тело на бок, выдернул пистолет из кобуры и увидел, что это «люггер» на восемь патронов. Вполне надежная австро-немецкая машинка... ну вот — удача!

Часовой не шевелился. Я стащил с него сапоги, освободил от одежды. Разделся, нацепил чужой наряд — штаны оказались впору, хотя рубаша с курткой великоваты — сунул в кобуры «люггер» и свой револьвер. Потом связал часового своей одеждой. Ненадежные путы, но в будке не было веревки, да и придет он в себя не очень-то скоро.

Кровь из разбитого носа образовала лужицу вокруг головы часового. А ведь я вообще не вспомнил о том, что боюсь крови, хотя когда-то от одного ее вида мог упасть в обморок. Как же я изменился за последнее время! Все эти смерти... Вспоминая себя в тот день, когда посреди нашей гостиной Джейн достала пистолет и сказала, что мы собираемся грабить банк, я будто глядел на полужнакомого юнца, слишком самонадеянного и смешного в своей уверенности, что он все на свете знает.

Дыхание успокоилось, сердце стучало ровно, спокойно, деловито. Покинув будку, я по шпалам шагнул в туннель, думая о том, что разучился улыбаться. Почти разучился. Когда-нибудь я смогу рассмеяться... Но только после того, как Вука Чосер, Кариб, Джуса и граф Алукард будут мертвы.

Глава 8

ЛЮДИ И ЧУДОВИЩА

1

Вдоль стены туннеля тянулся провод с висющими на крюках лампами. В тусклом свете поблескивали рельсы и лужицы воды между шпал, воздух был влажным, пахло плесенью. Туннель полого изгибался, уходя в глубь горы, куда-то за центральную башню замка. На ходу я закашлялся в кулак: в горле першило все сильнее, свербило в носу.

Шум впереди стал громче, и я пошел медленнее, баюкая «люггер» в руке. Ладони, привыкшей к револьверу, рукоять его казалась неудобной, какой-то слишком угловатой.

С каждым шагом становилось все теплее. Я опять закашлялся, постучал себя по груди и пошел еще медленнее, вслушиваясь в голоса впереди. Ровный поток теплого воздуха, наполненный запахом разогретого мазута, газа и угля, шел мне навстречу. Шум стал громче, и через несколько шагов я очутился на краю большой пещеры.

Стук, лязг и скрип отражались от стен и далекого свода, сливаясь в мерный рокот подземной машинерии. Из расселины в глубине пещеры текла горячая вода, она парила, пузырилась в каменной канаве. В стене справа от меня была железная дверь. Судя по тому, как изгибался туннель, где-то за этой дверью должны находиться склон горы и замковый двор.

Железнодорожная ветка, по которой я пришел сюда, тянулась через всю пещеру и скрывалась в туннеле на противоположной стороне. Состав с электровозом стоял в центре, а за ним — еще один, из нескольких вагонов и паровоза, в котором я узнал британскую модель «джорджи-7». Возле них высилась легкая погрузочная стрела на треноге, с ее помощью несколько «стальных курток» переставляли бочки с адским мылом с платформы электровоза на второй состав.

Дальняя часть пещеры была ярко озарена прожекторами, но та, где находился я, пряталась в сумраке. Я медленно пошел вдоль стены пещеры в сторону железной двери, не спуская глаз с поездов. В расселину, откуда текла вода, один за другим входили грузчики с баржи, толкая перед собой тележки, загруженные песком со стеклом. У некоторых в тележках была ореховая скорлупа. Неподалеку стояли ящики с нею, часть уже вскрытая, их содержимое высыпалось наружу. Раздевшийся до пояса Чубан под суровым взглядом Джусы вовсю махал лопатой, загружая скорлупу в очередную тележку. Графа с Чосером и Карибом видно не было.

Я почти достиг двери, когда заметил, что дальше из камней на высоте полутора метров торчит толстое стальное кольцо, от которого провисающая цепь тянется ко второму такому же кольцу, расположенному метрах в пяти от первого. Под цепью спиной ко мне сидел чернокожий. Он вытянул ноги, руки были подняты над головой, кандалами прикованные к цепи. Человек не шевелился — кажется, мертвец. Откуда мог взяться чернокожий в южных Карпатах, я понятия не имел, но удивляться не стал. Я уже давно ничему не удивлялся.

За дверью открылся каменный коридор — скорее всего, он вел к замку, то есть к центральной башне с железным шпилем и шаром. Насколько я разглядел со стены, это здание вплотную примыкало к склону, то есть

из пещеры можно попасть внутрь башни, не выходя в замковый двор.

Из расселины на другом конце пещеры показался Гаррис с пустой тележкой, зашагал к вагонам, но Джуса окликнул его и показал в сторону ящиков. Гаррис поспешил к Чубану, насыпавшему скорлупу в тележки. Песок со стеклом и орехи... Рукоятку револьвера я постучал себя по лбу. Сланцы, ну конечно! Сланцы — это особые слоистые горные породы. Сланцы, трещина и так называемый «водяной разрыв»... Песок со стеклом и ореховая скорлупа — материалы, помогающие раскрошить трещину.

Так вот в чем дело!

Я новым взглядом окинул пещеру и происходящее в ней. Выходит, граф Алукард — коммерсант, да к тому же геолог и горный инженер. Пора уяснить кое-что: я выступаю против высокотехнологической корпорации. Ею командует румынский граф, и у него глобальные интересы. С помощью терроризма он пытается влиять на политику государств. Наверняка безымянный озерный замок — лишь одно из подразделений, а «стальные куртки» с их униформенной одеждой и схожим оружием напоминают не просто бригаду наемников, но костяк частной армии. Что может сделать одиночка против такой организации?

Убить графа, вот что я могу сделать. Это — главная задача. Но прежде допросить его, если понадобится — пытать. А потом убить. Просто застрелить. Теперь все, что я делаю, — не только личная месть, мне нужно предотвратить катастрофу, наверняка гораздо большую, чем взрыв Выставки. Без графа Алукарда все сорвется, его воля двигает происходящим. Или нет? Вот сейчас и узнаю. Нужно найти графа прежде, чем он уедет отсюда. Я не сомневался, что Алукард покинет это место вместе с поездом, который повезет адское мыло. Передний вагон второго состава выглядел роскошно: бронзовые львы по

углам крыши, бархатные портьеры на окнах, обзорная площадка в задней части... Вагон явно предназначен для самого графа, но сейчас окна там темные — внутри пока что никого нет. Скорее всего, Алукард где-то в замке.

Тем временем содержимое последнего ящика было загружено в тележки, и грузчики покатали их к расселине. Туда же пара наемников повезла одну из бочек — остальные двенадцать уже стояли в вагоне. Решив, что видел достаточно, я шагнул в каменный коридор за дверью, и тут сзади на меня упала тень.

Стрелять было нельзя, звук привлек бы внимание всех, находящихся в пещере. Развернувшись, я взмахнул рукой, чтобы врезать рукоятью пистолета по голове того, кто незаметно подобрался ко мне. Острый кулак больно ударил по кисти, человек крутанулся на месте, отбросив мою руку, и вскрикнул:

— Анри, ты чего?!

Лишь чудом я сумел сдержаться изумленный возглас. Схватив Зайца за шиворот, бросил взгляд в сторону поездов и ввалился в коридор. Закрыл дверь, прижал Зайца к стене, направив пистолет в дальнюю часть коридора, откуда мог появиться кто угодно, прошипел:

— Ты зачем подкрадываешься?!

— Я не крался! — возмутился он. — Я тебя увидел, обрадовался... Ты чего?!

— Ты меня напугал, вот чего! Я в тебя чуть не выстрелил... Не делай так больше! — шагнув назад, я окинул его взглядом. — С тобой все в порядке? Не ранен?

— Как это не ранен? А вот! — он повернул голову, демонстрируя ссадину за ухом. — Знаешь, как доской с баркаса приложило? Аж в глазах темно, я чуть не утоп.

— Где ты тогда спрятался?

— Так на дереве же.

— Как на дереве? — удивился я.

— Ну, так. С баркаса меня на дерево бросило. Ты вниз, а я — туда. Повис там. Ствол обхватил, прижался и вишу. Ну, не вишу, в сук уперся...

— И тебя не заметили?

— Не-а. Я тебя видел, как ты в кустах прятался, а после за баркас уцепился и уплыл. Вот я к замку и подался, за тобой следом... А Хольф, он мертвый, да?

— Мертвый, — подтвердил я и зашагал по коридору. — Давай за мной.

— Эх... — догнав меня, мальчик шмыгнул носом. — Жалко его очень. Он хороший. Почему хорошие умирают?

— Думаю, потому что хорошие — часто слабые, — ответил я. — И потому, что мир не очень хорош. Я хочу сейчас немного это исправить.

— Я с тобой! — с жаром задышал Заяц. — За Хольфа мстить, да? Только скажи, что делать!

— Для начала осмотрим центральную башню. Помоему, в замке мало людей, а может, вообще никого нет, кроме тех, кто в пещере, а еще графа с Лозой и Кулаком. Двор был пустой... Заяц, как ты сюда пробрался?

— А по склону. От того места, где заросли, идет каменная тропинка, узкая такая, вдоль всей долины, аж до замка. По ней побежал, чтоб согреться, потом через стену, тоже по склону. Там будка, а в ней — мужик связанный! Дергается, хрипит... Это ты его?

Я кивнул, и он продолжал:

— Вот, я ему стулом по башке — ррраз! Чтоб не дергался, гад. Потом в дыру, ну, куда рельсы уходят, а потом уж тебя увидел.

— По склону через стену перелез... — я покачал головой. — Надо же, сумел.

— А чего? Я по стенам в окна заползал, и даже в слуховые под самой крышей. В дома всякие, когда еще у Быка Малигана в банде был. И по крышам ходил, и бегал от фликов. Я по-всякому могу лазать.

— Ладно, Заяц, я рад, что ты жив, — заключил я, когда мы оказались в дальнем конце коридора, у второй

железной двери. — Вроде гора с плеч свалилась. Тяжело было думать, что ты погиб из-за меня.

— Чего это из-за тебя?

— Того, что из-за меня ты попал в это все.

— Не, ты врешь, Анри, — возразил он. — Я сам так захотел, сам себя во все это... попал. Ну, что дальше делаем?

— Дальше — идем, тихо и незаметно.

Миновав дверь, мы очутились под широкой лестницей, и когда обошли ее, увидели полутемный холл. Свет проникал сюда через стрельчатые окна на другой стороне помещения. Над головой висела большая люстра, напоминающая клубок переплетенных оленьих рогов, но там не горела ни одна свеча или лампа. Плотный ковер заглушал звук наших шагов.

— Где все-таки люди? — пробормотал я, останавливаясь у основания лестницы.

Под окнами были двери, которые могли вести только во двор замка, и я задумался, куда двигаться дальше. Из пещеры, пройдя по этому коридору, Алукард мог выйти во двор, а мог и подняться по лестнице. Я достал револьвер, проверил барабан, патроны в каморах. Пожалуй, он теперь выстрелит. Даже наверняка выстрелит, но на всякий случай я вытащил и «люггер». Значит, план остается прежним: убиваю Чосера с Карибом — сразу, без всяких разговоров стреляю, как только вижу, — и потом разбираюсь с графом. Он высокий, с виду — сильный, сильнее меня, но под дулом пистолета ничего не сможет сделать. Ударю его по голове, свяжу... Звучит самонадеянно, но почему бы и нет?

Самоуверенность города берет. Хотя есть еще «стальные куртки», наемники... Значит, нужно будет запереться в том помещении, где найду Алукарда, допросить его, а после прикрываться им, как щитом. Сложно — но выполнимо. Ставки увеличились: я должен не только

отомстить, но и помешать тому, для чего предназначено адское мыло.

Сообразив, что не слышу шагов Зайца, я кинул взгляд через плечо. Он стоял у стены, перед висевшими там картинами, и рассматривал одну из них.

— Заяц! — шикнул я, но мальчишка не оглянулся.

С «люггером» и револьвером в руках, готовый открыть огонь по любому, кто появится в холле, я быстро подошел к нему. Заяц разглядывал ничем не примечательную картину, где была изображена дама в пышном платье, какие носили с полвека назад, сидящая в оплетенной виноградом беседке. Рядом, облокотившись о ее колени, стоял темноволосый мальчик лет десяти.

На других картинах была псовая охота, пейзаж с замком и батальная сцена, но почему-то Заяц глядел именно на даму с ребенком.

— Чего смотришь? — спросил я

— Похож на меня, — он показал на мальчика, и я пригляделся.

— Нет, не очень-то.

— Похож! — запальчиво воскликнул он. — Что это за картина?

— Откуда я знаю? Вон подпись художника в углу, но названия нет, непонятно, кто нарисован. Идем.

— Давай ее сымем, — предложил он.

— Зачем? Идем.

— Сымем, из рамы вырежем, я сверну — за пазуху. С собой ее хочу.

— Слушай, не говори ерунду, — я начал терять терпение. — Нас могут заметить в любой момент, а ты собрался картины воровать

— А, я ж и ножик потерял... — пробормотал он. — Анри, у тебя нож есть? Тот, в расческе?

— Нет, он выпал в воде, — я пошел обратно к лестнице, но резко остановился и вскинул оружие.

— Что?! — ахнул Заяц и закрутил головой. — Где?!

Я медленно повернулся кругом и сказал хрипло:

— Мне вдруг почудилось, будто за нами кто-то следит.

— Откуда следит?! Стреляй по нему!

— Нет, я... Не могу понять. Вроде взгляд в затылок уперся. А сейчас исчез.

— Я никого совсем не вижу, — объявил мальчишка. — Только мы с тобой здесь.

Помедлив еще, я опустил оружие.

— Да, показалось. Просто место такое... Ладно, думаю, нам стоит подняться. Поищем графа в комнатах над холлом.

— Мы его убьем? За дядю Хольфа?

— Убьем, — согласился я.

— Но вначале помучаем?

— Вначале допросим. И убьем Лозу с Кулаком.

— А потом и графа убьем! — кровожадно заключил Заяц. — У тебя же два пистоля теперь, Анри, дай мне один.

— А ты с ними умеешь обращаться?

— Я стрелял, по стене. С этим... с револьвером не умею, а с пистолем могу.

— Позже, — решил я.

— Нет, дай мне пистоль сейчас! — запротестовал Заяц. — Так надежнее, слышь, Анри, чтобы у каждого по пистолю. Почему ты не хочешь мне его дать? Думаешь, я мелкий еще, глупый? Я не глупый, я такие дела делал!

— Ну, какие ты там дела делал... — начал я и запнулся, когда прямо передо мной свесилась, качаясь, тонкая черная веревка.

2

По ней соскользнула фигура, затянутая в темно-рыжую кожу, в куртке на железных застёжках и маске-капюшоне, закрывающей верхнюю половину лица, с прорезями, в которых блестели глаза. Некоторые осо-

бенности фигуры, которые я бы определил как «специфические изгибы и выпуклости», явно намекали на пол незнакомца... То есть — незнакомки. На ногах были мягкие облегающие сапоги, на ремне висели сумки и футляры, моток веревки с карабином и большой нож.

— Джейн! — ахнул я, потому что двигалась она так по-особому ловко и быстро, так *акробатично*...

Она мягко упала на пол, прыгнула к нам, и тогда я понял, что никакая это не Джейн. Блеснул большой пистолет. Ногой девушка ударила Зайца в грудь, опрокинула на пол и встала над ним, наступив на живот. Оружие нацелилось на меня — необычное оружие, у которого вместо ствола была... Я недоуменно прищурился. Пружина? Зачем там пружина?

Сбитый с толку, я наставил на незнакомку револьвер и «люггер». В горле сильно запершило, захотелось откашляться, пришлось сдерживаться из последних сил.

— Ну, ты... — произнесла девушка на английском, с едва уловимым акцентом и немного шепелявя. — Я тут навидалась бледнолицых, но впервые вижу бледноволосого.

Голос был звонкий и живой, задорный. Судя по нему, этому созданию в маске было лет пятнадцать.

— Скорее серебряноволосого, — поправил я и, не найдя, что сказать еще, добавил: — Давай-ка не делать резких движений. Поспокойнее.

Заяц попытался встать, но девушка сильнее нажала ногой, и он придушенно хрипнул.

— Да я спокойна, как орел, — сообщила она. — А вот ты, томагавк тебе в задницу, получше следи за своими шаловливыми пальчиками. Я про те, что на спусковых крючках, если ты не понял, малыш.

Несколько обескураженный такой манерой речи, я молчал. Удерживая меня на прицеле, девушка свободной рукой стащила с головы маску и откинула капюшон. Черные волосы, густые и блестящие, упали на плечи.

У нее было треугольное лицо с большими глазами, симпатичное, хотя не очень-то красивое — скорее милое, к тому же ехидное и самоуверенное. И смуглое. Пистолеты дрогнули в моих руках. Она что — индианка? Силы небесные, откуда здесь индианка?! В Карпатах, за тысячи километров от Американского континента!

Незнакомка попятилась, и Заяц сел, потирая грудь. Я думал, он возмущенно вскочит, может, даже попытается ударить обидчицу, это было бы вполне в его духе, но мальчишка просто сел и уставился на нее. Пауза затягивалась, и я произнес:

— Не знаю, зачем ты в замке, но ясно, что ты из той же категории посетителей, что и мы.

Она свела над переносицей черные брови, соображая, что я имею в виду. Теперь я лучше разглядел ее пистолет. То, что сначала напомнило пружину, оказалось железным стержнем в плотной обмотке. На конце стержня было утолщение в виде корзинки из тонких металлических прутьев.

— Ты пряталась на люстре, — сказал я.

— Какой проникательный. Так и есть: вы из-под лестницы, я с люстры.

— Значит, нам всем лучше тут не задерживаться.

— Твоя правда, бледноволосик. Что там за стеной? Откуда вы пришли вообще?

— Там депо.

Одна бровь приподнялась.

— Депо?

— Если это можно так назвать. Пещера с рельсами, в ней два поезда. Еще — расщелина. За ней, я уверен, шахта. В ней добывают газ.

— Они разгрузили то, что привезли на барже?

— Смотря о чем ты.

— Там были ящики и железные бочки.

— И еще песок со стеклом. Знаешь, что в ящиках?

— Не знаю. Открой мне глаза пошире, малыш.

— Ты хорошо владеешь английским? — уточнил я. — А то выражаешься как-то странно. В ящиках ореховая скорлупа.

— Эй! — девушка была искренне удивлена. — Ты мне тут перья не путай, зачем им ореховая скорлупа?

Заяц, оглянувшись на меня, сказал:

— Зачем, Анри? Я тоже не понимаю.

— Для одного дела. Кстати, железные бочки загрузили в поезд.

— Все? — она напряженно подалась ко мне.

— Кроме одной. Ее отвезли в шахту за пещерой.

— Одну, значит, сняли... Он замечает следы. А ты, бледноволосик, знаешь, что в бочках?

— Какая-то взрывная смесь. Очень необычный состав.

— Смесь, — повторила девушка, переступив с ноги на ногу. — Святая Текаквита, да уж — смесь!

В горле у меня першило, побаливала голова, иногда пробирал озноб. Снова захотелось раскашляться, я сглотнул и спросил:

— Кто ты такая?

— Дочь своего народа, — отрезала она.

— И как тебя зовут, дочь народа? Я, как ты уже слышала, Анри. Это — Заяц. А к тебе как обращаться?

Она поправила волосы, окинув меня взглядом с ног до головы, и сказала:

— Зови меня Электра.

Неожиданная догадка возникла в моей голове, и я заявил:

— Ты с дирижабля. С «Табора ветров», точно! Я прав?

Она не ответила, но выражение смуглого лица подтвердило мою правоту. Неужели эта девушка — цыганка? Ведь совсем не похожа, хотя она и смуглая, как большинство из них.

Револьвер был тяжелее «люггера», рука начала устывать, и я сунул его в кобуру.

— Ты — цыганка? — напрямую спросил Заяц, пока я мучился догадками.

— Я из Америки, — отрезала она.

— Ого, далеко! — восхитился он и медленно встал, не спуская с нее взгляда.

— Так и думал, — кивнул я. — А почему путешествуешь с цыганами? Ты точно прилетела сюда на том дирижабле.

— А почему бы и нет? Имеешь что-то против романэ?

— В общем-то, не имею. Хотя среди них...

Я хотел сказать «Среди них много воров», но запнулся, подумав: а ты-то сам, Алекс Гримуарди, кто таков?

— Что среди них? — насупилась она. Ее необычный пистолет смотрел точно мне в грудь. — Что ты там бормочешь, бледноволосик? Ты у нас чистая британская кровь, чай-с-молоком? Недолюбливаешь всяких таких... малых мира сего? Цыган, русских, эскимосов, черных, смуглых, индейцев, ирландцев?

— Я сам ирландец, — отрезал я, — и на четверть русский. И вообще, при чем тут русские? Нашла малый народ, который две трети континента заселил.

— Ну ладно, тогда прощаю. А то ты меня сейчас напряг чуток. Цыгане согласились помочь мне, вот и все, — заключила она, потом отвела за спину руку и схватила веревку. Шагнув в сторону, крутанула ее, как-то по-особому провернула... веревка пошла волной, завращалась спиралью, вверху тихо стукнуло, и она упала вместе с привязанным к концу крюком.

— Думаю, нам пора опустить оружие, — сказал я. — Одновременно, а?

Игнорируя это предложение, Электра подошла к лестнице и уперлась в перила локтем руки, которой держала пистолет. Ствол оставался нацелен на меня.

— Как там тебя... Анри. Давай я тоже поиграю в догадайки. Вы двое прибыли сюда на баркасе, который эти твари затопили. Прямо за баржей приплыли, да?

— Надо иметь развитую логику, чтобы понять это, — кивнул я. А после подумал, глядя на выражение ее лица, что мои обычные несколько витиеватые шуточки с этой девушкой неуместны. Она просто не понимает их, и если я собираюсь иронизировать в разговоре с Электрой, то должен выражаться проще. Не путать, в общем, ей перья.

— С логикой у меня порядок, — подтвердила девушка. — А вот скажи-ка, малыш Анри, что вы двое делаете в замке? Зачем вы здесь?

Несколько секунд я размышлял, а затем произнес, внимательно наблюдая за ней:

— Мы собираемся убить графа с подручными, но его перед тем допросить. А у тебя какие планы, малышка Электра?

Она беззаботно улыбнулась:

— Для начала попасть в радиозал, изучить кое-что, а после убить графа с подручными. Его перед тем допросить. Кстати, зал где-то там, — Электра ткнула пистолетом вверх и сразу опять направила его на меня.

— Ты хочешь с кем-то связаться?

— Да нет, хочу понять, с кем связывается Цепеш.

— Кто это такой?

— Вот-те на! Ты не знаешь имени человека, которого собрался убить? Эй, это совсем невежливо, парень!

— Теперь знаю. Электра, а можно поближе рассмотреть твой пистолет? Очень необычное оружие.

— Как это — поближе? — удивилась она. — Дать его тебе, что ли? Конечно, нельзя.

— Скажи тогда, чем он стреляет? На каком принципе работает?

— Это сейчас важно?

Вдруг она уставилась на меня во все глаза, будто увидела только что, помолчала и воскликнула:

— Постой, ведь ты уже мне попадался! То есть твоя фотография! Ты, как же там тебя... Да — Алек МакГрин! Ребенок «Двузубца».

— Правильно, — согласился я, перехватив удивленный взгляд Зайца.

— Постой, но... — сбита с толку Электра тряхнула волосами. — Но вы же были в России? Как ты сюда попал? Ах да, на том баркасе... Хорошо, а как попал на баркас? Великий Маниту, как вообще очутился в этих местах?!

— Я следил за теми двумя, что взорвали московскую Выставку. Откуда ты знаешь, что...

— Следил за Вукой Цепешем и Диего Гомесом? И они тебя не засекли?

— Цепеш... вот, значит, какая его настоящая фамилия. Мне все время казалось, что Чосер — псевдоним.

— Чосер — просто вариант Цепеша. Они с графом братья. Так ты следил за ними от самой Москвы... Вы, грое неумех, должны были помешать этим маньякам в России! — ее глаза сверкнули гневом. — И не справились! Сколько людей погибло из-за вас?!

Я холодно ответил:

— Мы помешали убить российского императора и уменьшили количество смертей с тысяч до сотен. И, судя по всему, война пока тоже не началась, а именно она, я уверен, была в планах этих людей.

— Сотни людей — это, по-твоему, мало?! — она в негодовании топнула ногой. — Да вы просто провалили дело!

— Среди этих сотен были мои родители. Они сгорели на моих глазах, когда мы пытались достать детонатор из едущего поезда. А где в это время была ты, девочка?

Она задохнулась от ярости, пистолет задрожал в руке, глаза сверкнули... И погасли. Электра отвела взгляд, помолчала, глядя на уходящие вверх ступени, и заключила:

— Мне нужно в радиозал.

— И мы туда! — объявил Заяц.

Девушка перевела взгляд с него на меня, кивнула:

— Можем пока что действовать вместе. Мы... — Электра запнулась, подбирая слова. — Кажется, сейчас мы на одной стороне. Цепеш поддерживает постоянную связь с кем-то, чью личность нам никак не удастся определить. И это важно. В радиозале могут найтись записи.

— Кому это — «нам»? — уточнил я. — На кого ты работаешь?

— На того, кто нанял вас для того дела в России. Больше ничего не скажу, и не допытывайся. Я пока совсем не уверена, что могу тебе доверять. Но торчать тут и дальше — глупо. Пора двигаться.

— Значит... — я глазами показал на «люггер», потом на ее пистолет. Помедлив, мы разом опустили оружие, после чего она повела подбородком в сторону лестницы:

— Идем туда.

Намотав веревку на пояс, Электра включила фонарик и стала подниматься по лестнице. Шагая за ней, я вспомнил о своем газовом фонаре. Где теперь мое изобретение, в чьих руках? Или его вместе с несессером выбросили в озеро, или он у врагов... Я потерял почти все, даже ножик-расческу, даже портмоне Генри, оставшееся в несессере. Револьвер с буквой «Н» на рукояти — все, что сохранилось от прежней жизни.

Заяц, потянув меня за рукав, прошептал:

— Что дальше делаем?

— Она вроде бы наша союзница, но будь настороже, — тихо ответил я, глядя на затянутую в кожу гибкую спину девушки. — Электра, эй! Так ли уж нам нужен этот радиозал? Сейчас важнее найти графа.

— А если начнется стрельба, и я его убью? Ну или ты, хотя это вряд ли... Я же тогда могу ничего не узнать. Очень важно понять, с кем в Америке Цепеш поддерживает связь. В радиозале должен лежать журнал с записями. Тот человек, с которым он...

— Южанин? — перебил я.

Она мгновенно развернулась на ступеньке:

— Ты что-то знаешь о нем?!

Луч фонарика уперся мне в лицо, я заслонился ладонью, а после раскашлялся, прижав кулак ко рту.

— Говори, Анри!

— Ничего о нем не знаю. Его упоминали, когда я подслушивал разговор в поезде.

— И все? — она выглядела разочарованной. — Точно?

— Точно. Не свети мне в лицо и не стой посреди лестницы, здесь нас видно и сверху, и снизу.

Опомнившись, девушка зашагала дальше. Достигнув гранитной площадки, мы повернули на следующий пролет, я поравнялся с Электрой, заговорил:

— Получается, ты все знаешь про меня. Про Генри с Джейн, про дело с Выставкой, знаешь, как мы встряли в него... Хорошо, а знаешь, что это? — Я сунул ей под нос револьвер, повернув так, чтобы была видна рукоять с буквой.

— В смысле? — не поняла она.

— Что означает эта буква? Есть еще второй, и на нем другая — «S». «S» и «H»... чьи это инициалы?

— Понятия не имею. Да ты о чем вообще, Анри... в смысле, Алек?

Я убрал револьвер обратно в кобуру.

— Ни о чем. Ты работаешь на Мессию, так?

Она лишь хмыкнула в ответ. Двигалась Электра быстро и легко, бесшумно шагала по ступеням. Лестница привела нас в изгибающийся пологий спиралью коридор с закрытыми дверями — и тут меня снова накрыло ощущение чужого взгляда. Смотрели будто исподтишка, но пристально и недобро. Откуда-то сбоку... Выхватив револьвер, я повернулся. Нет — слева! — я крутанулся в другую сторону, потом встал лицом к лестнице, а когда сделал еще один оборот вокруг оси, увидел, что Заяц

с Электрой удивленно глядят на меня и что в руке у девушки пистолет.

— В чем дело? — спросила она. — Ты чего крутишься, как флюгер на ветру?

— По-моему... — растерянно пробормотал я, осознав, что ощущение направленного на меня взгляда уже прошло. — Вот черт!

— Да в чем дело?

— У меня чувство, будто за нами наблюдают. Уже во второй раз. Сначала оно появилось перед тем, как ты спрыгнула с люстры, и я решил, что ощутил твой взгляд. Но теперь опять.

— Откуда наблюдают?

— Не знаю. Отовсюду. Прямо... будто прямо из воздуха. Только это уже прошло.

Она помолчала, подозрительно сощурившись, затем пожала плечами и опустила пистолет, но убирать его в кобуру не стала.

— Ладно, пугливый, дальше идем.

На полу коридора был ковер, а на стенах висели чучела — звериные головы. В свете фонаря тускло, мертво поблескивали глаза оленей, медведей, волков и лис. Когда мы зашагали прочь от лестницы, я снова заговорил:

— Ты — полевой агент Мессии. Хотя и очень молода для такой работы.

— Ты и сам-то не зрелый мужчина. А уж паренек твой... — Электра оглянулась на Зайца, который продолжал отмалчиваться.

— И еще не пойму, зачем использовать для подобного барышню.

— Я не барышня!

— А кто же?

— Девушка.

— Гм... Не вижу разницы.

— А она есть.

Я искоса пригляделся к ней.

— Да, извини, теперь вижу. Барышни — в кружевах и с веером. Ты — в коже и с ножом.

Она не ответила, я же кинул взгляд на Зайца. Необычно он себя вел: молчал, будто воды в рот набрал, даже не сопел. Внимательно слушал наш разговор, пристально глядел на новую знакомую, но не пытался участвовать в беседе, что для него было совсем не типично.

Мы шли мимо ряда одинаковых дверей, но почему-то Электра не пыталась заглянуть ни в одну из них. Было тихо и темно — никаких свидетельств того, что где-то поблизости есть люди. Ощущение тайного присутствия, чувство, будто за нами скрытно наблюдают, накатывало волнами, отчего меня каждый раз пробирало ознобом. Пару раз казалось, что слышу шорохи, — совсем близко, звучащие будто бы прямо в воздухе, как если бы за нами крался невидимка. Я крутил головой, оглядывался, водил из стороны в сторону стволом оружия — и никого, кроме двух своих спутников, не видел.

— Странно, мне все время что-то мерещится, но при этом такое ощущение, что во всей башне, кроме нас, никого, — произнес я. — Хотя она не выглядит запущенной. Пыли нет, ковры в порядке... Чтобы поддерживать чистоту в таком здании, нужно много слуг. Где они все?

— Лежат в бараке во дворе, — ответила Электра.

— Чего? — спросил сзади Заяц.

Я потребовал:

— Объясни!

— Они убили всех слуг.

— Не может быть! — ахнул мальчишка, догоняя нас.

— Я их видела. Там десятка два людей... то есть тел. Лежат в одном из барakov. Уверена, что это поработали наемники Цепеша. Он набирает их среди бывших каторжан — всяких грабителей, убийц и еще из отставных вояк, тех, что резали черных в Африке или расправлялись с остатками индейцев в Америке. Хорошо им платит, но и муштрует, требует полного подчинения.

— «Стальные куртки», — пробормотал я.

— Кажется, они сами называют себя солдатами Армии Освобождения Евразии.

— Освобождения от кого?

— От остальных людей! — отрезала Электра.

После этого мы некоторое время шли молча. Она водила фонариком из стороны в сторону, то освещая стены, то направляя луч вперед, а я заново осознавал всю опасность и серьезность происходящего. И угрозу для моей жизни — прямую и явную, бесспорную, серьезную угрозу. Попросту говоря, я могу никогда не покинуть озерный замок. И я, и Заяц с этой самоуверенной девчонкой. Наши враги взорвали купол с сотней людей, расправились с семьей Вилла Брутмана, они за просто убили собственных слуг, уничтожили баржу со всей командой, наверняка то же самое ждет оставшихся грузчиков... Человеческие жизни ничего не значат в этой игре. Люди — просто фишки на карте событий, и нет никакой разницы, взрослые это, дети или старики, мужчины или женщины. В том, как действовали мои противники, было что-то нечеловеческое, равнодушно-жестокое и пугающее. Я словно имел дело с непонятными чудовищами, темными кошмарными существами, прячущимися под личиной людей. Похожие мысли уже посещали меня на смотровой галерее «Рассвета империи», когда Вука Чосер за спиной Кариба вдруг преобразился в нечто неопишемое, и позже, на дебаркадере, во время избиения грузчика, а потом у борта «Двузубца», когда мы прыгнули в воду, — всякий раз от человека-лозы веяло чем-то запредельным.

Снова пронзило чувство, будто мне смотрят прямо в спину, я вздрогнул, оглянулся — сзади никого не было — закашлялся, прижав ладонь ко рту. Сглотнул. И в который раз одернул себя: это только твои фантазии! Мало ли жестокостей творят люди без помощи всяких чудовищ? Мы и сами вполне можем быть чудовищами, и

звериной кровожадности в некоторых из нас не меньше, чем доброты в других. Просто раньше я не сталкивался с подобным коварством, бессердечием, изуверством, вот и пугаюсь теперь... Ну так привыкай, черт тебя поberi, Алек МакГрин!

Ведущая вверх спираль коридора все не кончалась, и я обратился к Электре:

— Поговорим о графе. Его зовут Алукард, хотя сразу было ясно, что это псевдоним. Цепеш... Вроде бы я где-то слышал эту фамилию.

Она покосилась на меня:

— «Где-то слышал»? Влад Цепеш — владыка Румынии в пятнадцатом веке. А эти двое, граф с Вукой, — его потомки.

— Что ж мне, всех румынских владык помнить? Ладно, и как этого графа по-настоящему зовут?

— Бальтазар.

— Значит, Бальтазар Цепеш... А почему «Алукард»?

— Да что ж такое с тобой, Алек! Алукард — это Дракула наоборот! Ты что, Брэма Стокера не читал?

— Нет, — признался я.

— И я не читал, — буркнул Заяц сзади.

— Да ты читать-то умеешь, паренек?

— Умею! Меня мамка... то есть... ну, тетка, с которой жил, выучила.

— Молодец, — усмехнулась она. — А тебе, малыш Алек, стыдно не знать Брэма Стокера и про Дракулу не слышать.

— Я вообще не очень люблю художественные книги, — пожал плечами я.

— Ага, а какие ж ты любишь?

— Учебники по механике и логике.

— Такое настоящее суровое мужское чтиво, да? Ну, давай девушка тебя просветит, суровый мужик. Влад Цепеш, тот правитель из пятнадцатого века, стал, как бы сказать... В общем — основой для образа графа Дракулы,

которого Брэм Стокер вывел в своем романе. Граф Дракула — вампир и спит в гробу. Ну, это же знаменитый роман, почти как «Доктор Франкенштейн», только хуже! Неужели ты совсем не...

— Я слышал про книгу, — перебил я. — Просто не читал ее. И про вампира Дракулу, конечно, тоже слышал, но не связал с ним слово «Алукард».

— Вампиры же кровь пьют? — вмешался Заяц. — А разве они на самом деле бывают?

— Нет, на самом деле их не бывает, — твердо ответил я.

— Ну, я бы не стала говорить так уверенно, — возразила Электра, — кто их, вампиров, знает, бывают они или нет. Но Цепеши, конечно, никакие не вампиры. Просто Влад был очень жестоким, любил людей на колья сажать, пытать по-всякому. У него было два сына, Влад Монах и Михня Злой. Бальтазар и Вука — потомки вроде бы второго. Они побывали в Америке и там познакомились с человеком, с которым и проворачивают все свои дела. Больше я ничего не знаю, вот и хочу узнать.

— А при чем тут Америка? — спросил Заяц.

— При том, — сказала Электра, не оборачиваясь, — что все дороги ведут в Америку. Америка — империя зла на Земле.

Это было произнесено без патетики, абсолютно серьезно. И прозвучало очень уверенно. Хотя я привык считать Америку страной... возможностей и свободы, вот так. Больших возможностей и больших опасностей, больших людей, больших дел и большого риска, но уж никак не империей зла.

Пользуясь тем, что девушка внимательно смотрела вперед, я окинул ее взглядом. Необычная она, что ни говори. То болтает как девица из простонародья, какая-нибудь дочка лавочника — «ну, ты даешь», «кто его знает», — а то выражается как образованная... И еще очень ловко двигается, карабкается по веревке и умело

обращается с оружием. И, черт возьми, она — индианка! Которая говорит на английском почти без акцента, ясно излагает свои мысли. Но ведь индейцы — дикари, в конце концов, просто дикие племена, которых белые люди уничтожили или загнали в резервации. Разве не так? Может, я чего-то не знаю про индейцев, как и про цыган?

Коридор закончился распахнутой дверью, за которой виднелся темный зал. Электра устремила к ней, воскликнув:

— Наконец-то!

Мы с Зайцем остановились в дверях, а девушка сделала несколько шагов вперед, поворачивая фонарик из стороны в сторону. Перед нами было большое круглое помещение со стеклянной колонной в центре. Сквозь нее от пола к потолку шел жгут проводов и кабелей, перехваченный проволочными кольцами.

— Прямо над нами шпиль и фасетчатый шар, — сказал я. — Не знаю, как называется это устройство, но с его помощью Бальтазар Цепеш уничтожил баржу.

— Электромагнитная башня, — пояснила Электра, медленно обходя колонну. — Ее украли. То есть не прямо ее — технологию.

— Бальтазар украл? — уточнил я, вместе с Зайцем направляясь за девушкой.

— Да, и не только башню... За одно это его надо пристрелить!

— Какая ты кровожадная. Так эта технология украдена у Мистера Икс? У твоего хозяина — Мессии?

— Хозяина! — усмехнулась она. — Ну, пусть так — хозяина. Вот только «Мессия» — это всего лишь устройство.

— Как — устройство? — не понял я. — Так он все-таки механический человек?

Настал ее черед удивиться:

— Чего-чего? Не поняла тебя, бледноволосый. Я к тому, что это просто название машины, одного аппарата. Я потер лоб и медленно заговорил:

— Тот, с кем мы разговаривали по радио из поезда перед взрывом Выставки, назвался Мессией. А братья Цепеши в разговоре называли его так же. А теперь ты говоришь, что Мессия — это аппарат. Я вообще ничего не понимаю.

— Просто это — кодовое имя. Мой хозяин использует его в радиопереговорах, потому что так называется машина, из которой он выходит на связь. Только и всего.

— Фух... — протянул я. — А то у меня в голове все перевернулось. То есть Мистер Икс все же обычный человек?

— Уж обычным я бы его точно не назвала. Но он человек, без сомнения. Мужчина. Европейец. Хотя и американец одновременно тоже... в каком-то смысле.

Разговаривая, мы шли через зал, а Заяц приотстал, заметив что-то на другой стороне. «Люгтер» был у меня в руке, и хотя Электра свое оружие из кобуры не доставала, но наверняка могла мгновенно выхватить его.

В зале было много мебели: стулья и столики, полки с папками, чертежами и свертками, тумбы и шкафы. На стенах висели картины, а в глубине виднелась закрытая дверь. Хотя Электра дала понять, что не собирается выбалтывать мне ничего про Мистера Икса, я продолжал задавать вопросы:

— «Мессия» — это дирижабль?

— Ну, нет, — рассеянно ответила она, оглядываясь по сторонам.

— Корабль?

— Да никакой не корабль.

— Ну а что? Паровозка, электровоз, дизель? Поезд? Она тряхнула волосами:

— Ладно, отвянь. Все равно не угадаешь.

Отвянь? Это словечко было мне не знакомо. Нет, я не собирался «отвянывать» и, двигаясь вместе с девушкой между столами, стал размышлять вслух:

— Получается так: Мистер Икс владеет новейшими технологиями, которых нет больше ни у кого. Братья Цепеши с Карибом и американским партнером, этим таинственным Южанином, украли их у Мистера Икс и теперь используют для своих дел. Правильно? Они устроили взрыв Выставки, которому Мессия пытался помешать. Ты — его агент. Значит, солярный детонатор и вся технология подобного взрыва принадлежали ему?

— Он их создал! — отрезала она.

Я потерял горло, стараясь не раскашляться.

— Если ты работаешь на него, то знаешь, что именно происходило возле купола Выставки. Что это был за свет? Воронка, вóлны в небе?

— Я в этом не очень разбираюсь.

— Ничего, я разбираюсь. Приведи меня к своему боссу, мы с ним поговорим. У меня к нему вопросы накопились.

Заяц, опять заинтересовавшийся картинами на стене, уже с минуту изучал их, и мы направились к нему. Электра смерила меня взглядом:

— Нет, к боссу я тебя не поведу. И кто он такой — не скажу. Кое-что ты уловил, а остальное тебе знать пока незачем. И не приставай больше с этим. Что это там намалевано? Святая Текаквита, ну что за извращение!

На картине был изображен замковый двор, весь утыканный кольями с людьми. Некоторые корчились в судорогах, другие были уже мертвы... Художник постарался передать муки жертв как можно реалистичнее, но особенно ему удался сидящий за обеденным столом между кольями граф Бальтазар Цепеш — его долговязую фигуру и глаза навывкате нельзя было не узнать. Облаченный в нечто пышное, с поблескивающими на груди

орденами, граф обедал. За спиной его вдоль стены замка стоял ряд виселиц с повешенными.

— Ой, мама... — прошептала Электра. — Вот сволочь паскудная! Он же настоящий псих! Я и раньше подозревала, а теперь... Нет, ты видишь? Бледнолицый урод!

— Получать удовольствие от таких вещей по меньшей мере необычно, — согласился я.

— Эх ты... интеллигентно. Тоже мне, умник. Слушай, а может, это вообще автопортрет? Такие... мечты, а? Эротические, томагавк ему в задницу, фантазии. Бальтазар представляет себя в роли своего предка, тот ведь любил, чтоб обеденный стол выносили во двор и ставили между кольями. Я читала: любил кушать и смотреть на свои жертвы. Аппетит у него разыгрывался. Исторический факт. А еще он в тюрьме когда сидел, ну, в Венгрии, мышей на колышки сажал. Представляешь?! — она толкнула меня локтем в бок. — На маленькие такие... со скуки по любимому делу.

— Тренировался, чтоб форму не потерять, — предположил я.

Она нервно хихикнула.

— Короче, предок графа был тем еще чудиком. Свихнулся он из-за турков, когда в плену у них был в детстве. Или, скорее, в заложниках. Ну и насмотрелся там на всякие ужасы, на пытки и прочие невинные развлечения. Потом вырос и сам стал ужасы творить. А Бальтазар под него подделывается, копирует его. В мечтах. Хотя старается и в делах.

— Заяц, пошли дальше, — окликнул я.

Не отвечая, он потянулся к одному из пары подсвечников, стоящих на полке под картиной, и только теперь я понял, что совсем не она стала предметом внимания мальчишки — подсвечники были золотые.

— Эй, сейчас не время для этого! — позвал я, но он не слушал: взял подсвечник, рассмотрел со всех сторон, поставил на пол и потянулся за вторым.

— Заяц... — начал я, но Электра перебила:

— Смотри, вон радиоустановка.

Справа в глубокой нише поблескивал агрегат с пристроенным сбоку столом, на котором лежали телеграфный ключ и журнал для записей. Возле стакана с перьями-самописками и карандашами валялись смятые листы бумаги.

Электра первым делом раскрыла журнал и стала листать тяжелые испещренные записями страницы.

— Шифр... — разочарованно протянула она. — Код какой-то, ничего не понять. Ладно, все равно захватим с собой.

— Теперь нам нужно найти графа, — сказал я. — Допросить, заставить отвечать на вопросы. А это что?

Смятые листки в большинстве своем были вырванными страницами из журнала, но один в свете фонарика казался белее других. Положив «люггер» на стол, я развернул бумагу. Там была нарисована Эйфелева башня, и при виде нее мы с девушкой надолго замолчали, потому что вид постройки казался, мягко говоря, необычным.

— Что это значит? — тихо спросила она.

— Ну, Электра, я бы не хотел...

— Называй меня Эли.

— Да, Эли, я бы не хотел делать скоропалительных выводов, но складывается впечатление...

— Ты бы попроще говорил — глядишь, люди бы к тебе и потянулись. Наверное, граф чиркал это, пока болтал по радио. Так, вроде машинально. Он у нас большой художник, этот граф...

Сзади скрипнула половица, и мы обернулись.

Появившийся из теней в дальнем конце зала Кариб держал Зайца за шею, зажав рот и прижимая спиной к себе, душил.

Мой «люггер» лежал на столе, и я схватился за револьвер в кобуре, а Эли — за свой пистолет. Но достать оружие мы не успели, потому что от двери к нам скольз-

нул мистер Чосер. Срез ствола на конце раскладной трости целился в нас.

— Не шевелись! — я схватил девушку за руку, не позволяя вытащить пистолет. — Это оружие.

— Что — трость?! — прошипела она, пытаясь оттолкнуть меня.

— С ее помощью он сбил аэроплан. А потом убил капитана нашего баркаса с другой стороны озера.

— Он знает, он знает! — хихикнул Чосер, останавливаясь перед нами. Голос был непривычно высоким, Вука говорил скороговоркой, идиотски улыбался — какой-то новый образ, этакий глупый опасный клоун. — Он все знает, наш маленький белобрысый дружок! Ой-ой, деточки мои, долго держать эту палочку на весу тяжело даже для моих стальных мышц, так что позвольте мне...

Опустив трость, Чосер выхватил из-под сюртука револьвер с серебряной буквой «S» на рукояти.

— Знакомая штучка? — пропищал человек-клоун.

Электра затихла и больше не пыталась достать пистолет. Кариб душил Зайца, тот вращал глазами, дергался и топал ногами по полу. Я с угрюмой ненавистью смотрел на Чосера — видеть оружие Джейн в его клешне было почти невыносимо.

— Знакомая? — повторил он все тем же дурашливым голосом.

Я молчал. Его лицо исказилось, как у капризного ребенка в приступе ярости. Вука даже немного присел, будто придавленный гневом, со стуком ударил тростью по полу и гаркнул на весь зал:

— Отвечай!!!

— Это оружие знакомо мне, — произнес я.

— Что нарисовано на рукояти?!

— Буква «S».

— И что она означает?

Эли внимательно слушала нас. Мистер Чосер смотрел на меня пронзительно, властно, губы его дергались, и я

понимал: лишь короткое движение пальца, лежащего на спусковом крючке револьвера, отделяет меня от смерти — и движение это он уже готов совершить.

— Буквы — инициалы моего отца, — произнес я, тщательно подбирая слова. — Я не знаю, кем он был, потому что никогда не видел его. Отпусти ребенка.

Последние слова были обращены к человеку-кулаку, в объятиях которого хрипел Заяц. Глаза его закатились, тело обмякло. Убийца равнодушно смотрел на меня.

— Он сейчас умрет, — добавил я, стараясь игнорировать ствол, ходящий ходуном в руке мистера Чосера.

Кариб, отпихнув мальчишку, ударил его кулаком в затылок. С протяжным всхлипом тот засеменял вперед, крелясь все сильнее, и свалился у моих ног. Я наклонился было, чтобы помочь ему встать, но человек-лоза прокричал певуче:

— Руки за голову, руки за голову! А теперь повернитесь лицом к стене!

Кариб неторопливо достал из-под пиджака двустольный обрез и тоже направил на нас. Мы развернулись спиной к убийцам, а сзади высокий голос все не умолкал:

— Вам в головы нацелены три ствола, два в руках нашего друга Кариба, а один в моей проворной быстрой руке. Не шевелитесь, если дорожите своей жизнью, молодые — такие молодые! — люди, ведь ваш шанс стать постарше висит на волоске... на крошечной волосинке, подобной нежному пушку на темени новорожденного.

Продолжая болтать что-то полубессмысленное, Вука подошел вплотную и принялся обыскивать меня. Ловкие, как у картежника, пальцы засновали по одежде, прикосновения их были неприятны, даже омерзительны. Чосер вытащил из кобуры револьвер — я лишился второй буквы инициалов — и отступил в сторону. Электра шепотом выругалась, когда человек-лоза занялся ею.

— А что это висит у тебя на груди под курткой? — снова заговорил Вука. — Милая, ты носишь на шнурке свисток... как странно. Святая Венера, между какими *формами* он висит! О, эти нежные мягкие холмы, подобные двум пузатым щенкам своей непорочной трогательностью... Позволь-ка, я сниму с тебя сию необычную свистульку, вот только расстегну все пуговицы на твоей куртке.

— Ах ты, бледнолицый маньяк! — выдохнула Эли возмущенно. — Убери от меня свои потные грабли!

Развернувшись, она дала Чосеру звонкую оплеуху. Он тонко вскрикнул, отскочил — и сильно ткнул ее тростью в лоб. Ахнув, она села на пол, потом завалилась на спину.

— Ты! Не трожь ее! — неожиданно взревел Заяц, как оказалось, успевший прийти в себя и лишь изображавший обморок. Вскочив, он с кулаками бросился на Чосера, но не добежал — шагнувший к нам Кариб врезал ему стволами обреза по темени, и мальчишка опять растянулся на полу.

Эли села и помотала головой. Тяжело дышащий, покрасневшийся Чосер переводил разъяренный взгляд с нее на меня.

— Насилие так возбуждает! — воскликнул он, но тут же мгновенно успокоился и добавил ласково: — Ты тоже что-нибудь предпримешь, мой мальчик?

— Я стою на месте и не двигаюсь, — ответил я сдержанно и уловил презрительный взгляд, которым меня наградила выпрямившаяся Электра. Под расстегнутым воротом на ее груди висел на шнурке металлический цилиндр размером с мизинец.

Кариб держал нас на мушке, а Вука, сунув револьвер в карман и зажав трость под мышкой, подошел к стене, откуда торчали несколько металлических воронок, закрытых круглыми крышками. Откинул одну и громко произнес:

— На связи! Как слышно? Мы взяли их.

Он приник к воронке ухом. Донесся голос графа, но слов было не разобрать. Выслушав ответ, Чосер снова заговорил:

— Да, следили с самого холла. Конечно, потайные окна и глазки, а также ходы между стен — одна из самых удачных твоих идей, о великий брат мой!

Заяц медленно встал на колени и стал оглядываться с таким видом, будто удар Кариба вышиб из него всякое понимание происходящего.

— Разоружены и безопасны! — хохотнул человек-лоза, отвечая на вопрос графа. — Мы немедленно ведем их к тебе, в твою удивительную библиотеку, это скопище знаний вселенной — спешим, шагаем, маршируем в ногу!

— Когда-нибудь ты захлебнешься словами насмерть, — проворчал Кариб. — Заткнись и делай дело.

— Как ты сегодня разговорчив, мой крепкошкурый друг! — восхитился Чосер, оборачиваясь. — Столько всего сказал зараз — смотри, как бы не отказал язык.

— Идите к двери, — Кариб повел обрезом. — Не к этой, к той.

Я шагнул, куда было сказано, но яростно сверкающая глазами Электра осталась на месте, и Кариб проворчал:

— Я болтать, как он, не буду. Выстрелю по ногам — поползешь.

Человек-кулак сказал это без угрозы, вообще без всяких чувств, будто сообщал простой факт вроде того, что собирается выпить стакан воды, — и тем убедительнее прозвучали его слова. Девушка скрипнула зубами и под хохоток Вуки направилась вслед за мной. Заяц догнал нас у двери. Его пошатывало, и я взял его за шиворот, помогая идти.

В коридоре Эли прошептала:

— Трусость — опасная зараза.

— Глупые люди путают трусость с осторожностью, — ответил я.

Она шумно вздохнула, засопела почти как Заяц и широко зашагала дальше, опередив меня.

— Куда торопишься, милая? — крикнул сзади Чосер. — Смерть не уйдет от тебя. Каждого из нас она поджидает в конце пути, и вопрос лишь в том, кого раньше старуха примет в свои костлявые объятия.

3

Библиотека оказалась большим помещением с рядами уходящих в темноту высоких, до потолка, шкафов. Пустых. Там не было книг! В немом изумлении я оглядел голые полки. Они вызывали чувство тревоги.

Перед дверью стояли столик, стул и две софы. На одной сидел, положив ногу на ногу, Бальтазар Цепеш, облаченный в синие панталоны, пиджак с кружевами на рукавах, в шапочке с пышным восточным узором и торчащим сбоку алым перышком. Он держал перламутровый мундштук с тонкой сигарой, на шее был небрежно повязан синий платок.

Бальтазар рассеянно кивнул при виде нас. Во всем облике графа были изящество и сила. На столе перед ним стояли фарфоровый графин и три высоких бокала, в одном было налито нечто темно-красное, показавшееся мне в тусклом освещении почти черным. Вспомнив рассказ Электры, я подумал, что в бокале кровь, и в который раз одернул себя: брось чудить!

— Красивая пепельница, — тихо сказала Электра.

По крайней мере, та была необычной — миниатюрная Эйфелева башня с откинутой на петле верхушкой. Мы с девушкой хорошо разглядели рисунок на столе возле радиоустановки и теперь уставились на пепельницу во все глаза.

Мистер Чосер, обойдя нас, остановился возле брата, и я отметил фамильную схожесть их черт. Непохожи были только глаза — у Вуки обычные, а у Бальтазара огромные, нездорово выкаченные. Такие, наверное, могли принадлежать какой-нибудь глубоководной рыбе.

— Каких птенчиков мы доставили к тебе в руки, а? — Вука осклабился. — Съешь их сырыми или сначала хорошенько прожарим?

Я исподтишка разглядывал графа. Он был больше младшего брата не просто физически, с первого взгляда Бальтазар Цепеш казался более крупной личностью. Вука, при всей его пугающей изменчивости и коварстве, выглядел суетливым, лукавым, дерганным и, в сравнении с графом, попросту мелким. Бальтазар отличался от него разительно. То, что в младшем брате я бы назвал игривостью — его привычку забавляться с людьми, как кошка с мышью, — у старшего превращалось в изящный артистизм.

— Что же, я приветствую наших незваных гостей, — произнес Бальтазар, выпустив в потолок струю сизого дыма. — Вы трое прибыли в замок вместе?

— А, по-моему, нет, братец, — весело ответил Вука.

Взгляд, которым старший брат наградил его, был не слишком добр. Мистер Чосер развязной походкой прошелся вокруг стола и присел на его край. Кариб остался позади нас.

— Вы, как я понимаю, довольно бойкий юноша, — обратился ко мне граф задумчиво, словно размышляя над какой-то дилеммой. — Расскажите мне, как попали в замок?

Еще по дороге сюда я усиленно размышлял, какую линию поведения избрать, и уже в библиотеке понял, что лгать напропалую нет смысла. Чосер с Карибом могут в любой момент убить меня по приказу графа — если тот решит, что нам незачем тратить время на разговоры. Уж не об этом ли он сейчас размышляет? Раз

так, то лучше мне отвечать на вопросы, мешая правду и ложь. Заинтересовать их, заставить слушать. И чтобы спастись, и чтобы услышать, что они скажут в ответ. Важно при этом ничем не выдавать себя, не проявлять никаких чувств, не раскрываться перед врагами.

Игнорируя брошенный искоса презрительный взгляд Электры, я заговорил:

— Я следил за этими двумя от московского порта. Мы прибыли в Будапешт в одном дирижабле, потом...

— Вот как! — воскликнул Чосер. — Милый, дорогой вы мой юный человек, а не присутствовали вы случайно ночью на смотровой галерее, не прятались ли там... уж не знаю где, наблюдая за двумя господами, пришедшими, дабы насладиться ночным пейзажем? Сдается мне, я тогда уловил некий дух... эманации чужого присутствия... едва уловимые флюиды... этикие... такие... ну, вы понимаете, — он повел в воздухе рукой, шевеля длинными пальцами.

— Опять болтает, как пьяный священник на проповеди, — проворчал Кариб сзади.

Дождавшись, когда человек-лоза замолчит, я продолжал:

— Потом в Будапеште я вслед за ними попал в подземный цех и оттуда пробрался на баржу. Ту, что вы сожгли молнией. Довольно впечатляющее оружие дальнего боя.

— Мы называем его оружием массового уничтожения, — пояснил граф. — И это только один из образчиков, имеющихся в нашем распоряжении.

Я кивнул с безучастным лицом и снова заговорил:

— В подземном цехе соскреб немного вещества со стенки бункера и поджег. Совсем немного, но результат... Могу представить, что будет, когда взорвутся все те бочки, которые вы привезли сюда, а теперь собираетесь отправить в Париж.

Ноготь безымянного пальца шелкнул по мундштуку, и столбик пепла просыпался на ковер. Я мысленно поздравил себя: тактика действовала. Своим невольным жестом граф подтвердил, что я попал в цель — железные бочки предназначены для Парижа. И в то же время я не сказал ничего, о чем они не могли без особых трудов догадаться и сами.

Мы по-прежнему стояли возле софы. Кариб оставался позади нас, а Вука Чосер стал прохаживаться туда-сюда, постукивая по ковру тростью. Бальтазар, снова выпустив струйку дыма, уточнил:

— Вы видели, как прибывшие из Будапешта бочки грузят в вагоны?

— Видел. От замка идет «первая в Европе частная железная дорога», как о ней пишут газеты, по ней вагоны и поедут во Францию. Но вы загрузили не все бочки, одну оставили.

— Правильно, а для чего, по-вашему?

— Ну, это элементарно. Вы собираетесь устроить катастрофу почище, чем в Москве. И подобное вам просто так не спустят. Подключатся правительства других стран, разведки, особые службы. Ваши действия угрожают всем. Вас будут искать и обязательно найдут этот замок, причем достаточно быстро, поэтому вы собираетесь уничтожить его. Стереть все следы подготовки к тому, что планируете. К этому... парижскому мероприятию.

Электра спросила:

— Приятно вот так выставлять себя умником?

— Да, — признался я, по-прежнему сохраняя на лице безучастное выражение. — Мне это доставляет удовольствие.

Она фыркнула и отвернулась, а граф, стряхнув пепел в Эйфелеву башню, неторопливо заговорил:

— Вы правы, я решил уничтожить это место. И хотя все уже готово для второго акта симфонии, до сих пор размышляю: а не допускаю ли ошибку? Все-таки — ста-

ринный замок, пусть и перестроенный... Вскоре после того, что мы совершим, в моей власти будут все земли вокруг, — он широко улыбнулся, хотя открытости и доброты в этой улыбке было не больше, чем в оскале крокодила. — Заметать следы станет не нужно. Напротив, деяния мои будут прославлены, в честь их станут рисовать картины, создавать скульптуры и памятники, запечатлевать их на бумаге, в бронзе, в камне, в стихах и прозе.

Отпив из бокала с черной жидкостью, Бальтазар продолжал:

— Впрочем, между подготовленным нами вторым актом симфонии и тем моментом, когда...

— Когда ты вступишь в должность! — хохотнул Чосер. Граф едва заметно поморщился.

— ... когда, по своевременному замечанию Вуки, я вступлю в должность, то бишь обрету абсолютную власть, пройдет определенный срок. Нежелательно, чтобы наши противники, при всей их слабости, стали потрошить замок и разбирать его на камни в поисках улики. Однако же, вы можете сесть, — заключил он.

Я тихо вздохнул с облегчением. За последнюю минуту окончательно стало ясно: граф раздумывает, стоит ли убивать нас прямо сейчас. Кариб недаром остается сзади со своим двустволом, да и Вука тут как тут с тростью и моими револьверами — стоит Бальтазару кивнуть или сделать жест, как нас пристрелят на месте. Но я сумел заинтересовать его, хотя бы просто как собеседник, и теперь речь идет о том, насколько хватит этого интереса.

Электра первая села на софу. Мне казалось, что лишь постоянным усилием воли девушка сдерживает себя, чтоб не наброситься нашему гостеприимному хозяину или не наброситься на него с кулаками. Или на меня — как на болтливого труса. Я тоже сел, а Заяц, насупленный, будто дождевая туча, остался стоять на месте. Кариб пихнул его кулаком в плечо:

— Сел, шенок.

Мальчишка дернулся, пробормотал что-то и присел на край софы, сунув руки между колен. Кариб остался стоять на месте, Чосер же опять принялся суетливо прохаживаться вокруг нас.

— Итак, юноша, вы побывали в месте, которое называете подземным цехом, — заговорил граф. От сигары в его руках струилась, покачиваясь в воздухе, тонкая струйка дыма. — И как попали туда?

Я пояснил равнодушно:

— Приехал в подземке. В соседнем с ними вагоне. Они не слишком-то внимательны...

— Ах! — вскричал Чосер, останавливаясь за спиной брата. — Каково, а? Каково, братец, слышать подобное из уст юнца!

— Довольно юркого и разумного юнца, нет? — уточнил Бальтазар, не оборачиваясь.

— Был бы разумным, не попался бы нам, — буркнул Кариб.

Вука, перегнувшись через спинку софы, простер к нему руки:

— Но ты, мой многословный друг, ты-то ведь куда опытнее в подобных делах! Сколько раз ты уходил от погони в мексиканских прериях? Сколько раз...

— Прерии в Америке, — перебил Кариб презрительно. — У нас в Мексике — равнины.

— А сколько играл с фликами в «попробуй, догони» на улицах Нью-Йорка? И профукал какого-то мальчишку, позволил ему следовать за нами столько времени! Как ты мог, Кариб, как ты мог?

— Может, он умелый, — пожал плечами Кариб.

Вука погрозил ему тростью:

— Только что ты усомнился в разумности нашего соглашения, а теперь уже присуждаешь ему титул «человека умелого». Нет ли тут противоречия? Впрочем, допускаю,

что общая разумность и умелость в определенном виде деятельности не всегда идут под руку и даже, возможно...

Граф Цепеш, повернув голову, выдохнул в лицо Вуки струю дыма и велел:

— Сомкни свои бойкие уста, брат.

Чосер показушно закашлялся, выхватил из кармана платок, замахал им перед собой. И одним из движений платка будто смахнул с лица прежнее выражение, а с ним — и прежнюю свою личину. Место лукавого болтуна занял... Черт его знает, кто именно. Мне показалось, что я вижу каменную маску. Глаза Чосера сузились, превратившись в щелки. Скомкав платок в кулаке, он застыл, как статуя, позади брата. Бальтазар окинул его взглядом, снова повернулся к нам и продолжал:

— Ну а ты, девочка... Расскажешь что-нибудь, чего я не знаю?

— Я не такая болтливая, как этот тип, — отрезала она, недобро глянув на меня.

— Ты прибыла сюда на дирижабле. Тот самый аппарат, что атаковал баржу... Где он теперь?

— Улетел обратно.

— Что же это за дирижабль, который доставил единственную пассажирку так далеко — и сразу улетел?

— Я хорошо заплатила капитану.

— Ты заплатила и за то, чтобы он послал аэроплан бомбить баржу?

— Лжет, — пробурчал Кариб. — Сдается мне, не в деньгах дело. Цыгане — ее дружки.

— Более чем вероятно... — Бальтазар посмотрел на Зайца, но не счел того достойным отдельных вопросов и снова перевел взгляд на меня. Я подумал о том, что он не спросил у Электры, откуда она прибыла, с какой целью проникла в замок, кто она вообще такая — выходит, граф знал ее раньше.

— Как вам моя библиотека, юноша?

Вопрос прозвучал неожиданно. Я с сомнением оглядел пустые шкафы, поднял бровь и сказал:

— Кажется, здесь собрано много знаний из различных областей.

Заяц засопел, заерзал на софе и, не выдержав, воскликнул:

— Там же ни одной книжки!

— Что ты говоришь... — ответил я, не поворачивая к нему головы. — Наверное, это потому, что здесь просто нет книг?

— Чего? Анри, я и говорю: ни одной чертовой книжки! Какая это библия... библиотека, если...

— Я сжег их, — перебил граф. — Это была самая богатая библиотека в южной Европе, но когда случилось мое преображение... Ты помнишь, брат?

Чосер за его спиной отмер. Каменная маска слетела с лица этого удивительного человека, он услужливо склонился над плечом Бальтазара и затараторил, потирая руки:

— Помню, как же! Ты тогда стал совсем, совсем другим.

— Да, я стал другим, — подтвердил Бальтазар серьезно. — Потому что понял: вся книжная премудрость, все драмы и великие трагедии не стоят и ломаного сантима. Все это — выдумки, вздор. Духовный хлеб грубого помола для услаждения низменного вкуса толпы.

— Даже сочинения Фридриха Ницше? — спросил я.

— Толпа не читает Ницше. Хотя я, признаю, кое-что любопытное из них почерпнул.

— Так я и думал, — кивнул я.

— Что бы там ни было, все книги — вздор. Лишь болтовня, пустые разговоры. Настоящее значение имеет кое-что другое.

— Что же?

— То, что ты делаешь. Твои дела, твои свершения. Твоя битва. Твоя великая личность.

— То есть ваша личность? — уточнил я.

— Именно так! — его глаза сверкали голодным темным огнем, большой рот скривился в усмешке. — Вот что я вам скажу: для меня важен только я. Я и моя цель.

— И какова же она, братец? — осведомился Чосер ласковым шепотом, склоняясь к брату еще ниже. Не обратив на него внимания, Бальтазар подался вперед, и в выпуклых глазах его отразился мой силуэт.

— Быть мне королем мира, — хрипло произнес он.

— Только Европы, — негромко поправил Кариб, но граф не услышал его. Он пронзительно глядел на меня, и неуголимый огонь плясал в его глазах. В этом огне сгорали города, пылали корабли, поезда, мосты и улицы, полыхали дворцы и лачуги. Тот взрыв, что уничтожил баржу капитана Петера, был лишь крошечной частью, маленьким языком пламени в пожаре, что обещали разжечь по всей Европе глаза Бальтазара Цепеша.

Мои кулаки, лежащие на коленях, невольно сжались. Я имел дело с себялюбцем высшей пробы, королем эгоистов, рвущимся к власти, умным и абсолютно безжалостным. Состраданием к людям он обладал в той же мере, в какой удав испытывает это чувство к проглоченному кролику. И подобно удаву, Бальтазар Цепеш готовился проглотить мир. Или только Европу, если верить замечанию Кариба. Полные ненасытного голода глаза, не моргая, в упор смотрели на меня. С этим человеком не имело смысла вести словесные битвы, в нем не было слабостей и мелких страстей, на которых можно было бы сыграть... кроме одной. Неудержимое стремление к власти — вот что было его слабостью. При всем коварстве и хитрости, оно делало его однобоким, прямолинейным. Предсказуемым.

— Мой великий предок, — произнес граф, — был обесчещен и низвергнут. Он потерял все. Я восславлю наш род в веках, вернув утраченное в стократном размере.

Заяц вжался в софу, будто хотел целиком втиснуться в щель между спинкой и сиденьем. Электра опустила

голову, вцепившись в полу своей куртки. Еще несколько секунд граф опалал нас свирепым темным огнем своего взгляда, а затем переменял позу, закинул ногу на ногу и отвернулся к пустым шкафам. Я медленно разжал кулаки, с трудом подавив желание закашляться. Горло болело все сильнее.

— Кому вы успели рассказать о том, что видели, юноша? — спросил Бальтазар.

Вот оно. Самый главный вопрос. Графу необходимо понять, кто знает о том, что успел узнать я. Весь предыдущий разговор он, слушая меня, пытался определить это, а теперь задал прямой вопрос — я знал, что так или иначе услышу его. Можно было ответить, что я перечислил все собранные сведения в письме, которое оставил в банке с указанием вскрыть или переслать в полицию, если до определенного числа от меня не поступят другие распоряжения... но это прозвучало бы просто как лепетание ребенка. Неубедительно.

— Кому? — повторил граф требовательно.

Я неопределенно пожал плечами в ответ. Вука, быстро обойдя софу, склонился надо мной, заглядывая в глаза, потом отступил и сказал брату:

— Никому, никому! Никто ничего не знает, братец. Да у него и не было возможности рассказать. Когда? На это не хватило бы времени.

Граф неторопливо затянулся, выпустил дым.

— Все вы побывали внизу, все видели пещеру. Понимает ли кто-то из вас, что там происходит?

Я пожал плечами:

— Вы добываете газ из сланцев.

— Так и есть, юноша.

— Не бог весть какое открытие. Сланцевый газ получал еще, как же его звали...

— Харт, — подсказал граф, на лице которого появилось оживление. Кажется, эта тема по-настоящему интересовала его.

— Да, Уильям Харт. В двадцатых годах, в Нью-Йорке.

— А зачем орехи и песок со стеклом? — спросила Электра, и они с Зайцем повернулись ко мне в ожидании ответа.

— Расклинивающие материалы, — пояснил я, — для трещины в сланцевом пласте, откуда поступает газ.

— Раскли... — мальчишка запнулся. — Это чего, Анри?

— Их можно закачать в трещину вместе с водой или, например, с сырой нефтью. Под давлением. Кажется, такое называют водяным разрывом пласта. Гидроразрыв, как-то так. Специально я не изучал эту тему.

— Чего еще за гидра? — спросил Заяц. — Что ты говоришь, я совсем не пойму.

— Зачем вам газ, граф? — обратился я к хозяину.

— Он спрашивает! — хихикнул Чосер.

— Коммерция, конечно же, — ответил Бальтазар. — И любопытство. Я серьезно изучал геологическое дело, много времени провел на шахтах Америки. Вернулся, подыскал этот замок, купил его. Добытый здесь газ мы продаем в Венгрию. Есть особая прелесть в том, чтобы наживаться на своих врагах, получая от них средства, которые тратишь на то, чтобы покорить их.

Кариб, сунув обрез в чехол, взял со стола бокал, наполнил его черной жидкостью и сделал несколько глотков. Потом сел на стул, широко расставив ноги, упер кулаки в колени. Часовая цепочка золотой дугой поблескивала на его животе.

— В общем, я собираюсь убить вас троих, — со светской улыбкой произнес граф. — Очень скоро вы исчезнете, пропадете... Пфф! — он выдул струйку дыма на свои пальцы и щелкнул ими, взвив сизый смерч, тут же растаявший в воздухе. — Растворитесь в эфире навсегда. Вместе с этим замком.

— А тем временем вы поедете в Париж, — добавил я.

— Отправимся в путешествие, да.

— В хор-рошее путешествие! — Вука, упав на диван рядом с братом, радостно захлопал себя по коленям. — Вместе с дюжиной бочек, полных восхитительной, ароматной субстанции.

— А что станет с тринадцатой бочкой?

Потянувшись к бокалу, Бальтазар ответил:

— Ее содержимое будет вылито в горизонтальный отдел шахты. Благодаря своему особенному составу смесь обладает некоторыми удивительными свойствами. К примеру...

Пол дрогнул, скрипнули шкафы, и в библиотеку проник низкий гул. Он быстро смолк, оставив по себе неприятное, тревожное ощущение.

— А вот и разрыв пласта, — как ни в чем не бывало продолжал граф. — Мы, знаете ли, дополнительно расширили трещину. Видели козырек, на котором стоит замок? Я просчитал его вес, массу постройки... Все должно получиться.

— Что должно получиться? — спросила Электра.

— Обещаю — ты сама увидишь, и очень скоро. Но я говорил про удивительную смесь в бочках... Она обладает определенным свойством, которое кое-кто, — Бальтазар бросил взгляд на девушку, — назвал электромагнитной связностью. Даже если смесь разделена... Скажем так — растеклась на отдельные лужицы, между ними, если только расстояние не чрезмерно, остается связь. *Кое-кто* проводил опыты по передаче электричества на расстояние, и так уж случилось, что я стал владельцем результатов этих опытов. Судя по вашему лицу, юноша, вы не очень понимаете меня? Ну вот, представьте бикфордов шнур. По нему бежит огонек — в каких терминах мы можем определить его? По сути, это сигнал, не так ли? Огонек — сигнал, и когда он дойдет до цели, то есть динамита, то инициирует взрыв.

— Можно описать процесс и так, но... — с сомнением начал я.

— Да-да, вполне можно, так вот: путь, по которому идет сигнал, вовсе не обязательно должен быть материальным в привычном нам понимании. Проводником сигнала может быть не только провод, шнур или пропитанная горючим составом веревка. Им может стать сам эфир вокруг нас. Мне кажется, это гениально... Электромагнитное поле связывает смесь в бочке, даже если та растечется и прямое сцепление между отдельными ее частями исчезнет. Достаточно воспламенить одну из частей, чтобы взорвались все.

— А остальные бочки? — спросил Заяц. — Они тоже рванут?

Я предположил:

— Вероятно, нет, если их увезти на большое расстояние.

Бальтазар сдержанно улыбнулся:

— Кажется, вы не очень поверили мне, юноша?

— Поверил. Я ведь видел взрыв Выставки и свет в небе — там было что-то подобное. Передача сигнала через атмосферу.

— В тот раз вы наблюдали несколько иной процесс, хотя...

— Я не поняла, так что будет? — перебила Электра.

— Девочка, повторяю: ты сама все увидишь, и очень скоро.

— Ладно, — кивнула она, — а остальными двенадцатью бочками ты собираешься взорвать Париж?

— Все-то ты знаешь! — усмехнулся Бальтазар.

— Так мы же видели твою картинку, — пояснила она. — В радиозале... Бездарный рисунок.

— Твои попытки уязвить мое самолюбие столько же нелепы и смешны, как и ты сама.

Она развела руками:

— Слишком мелкий объект, чтоб я всерьез старалась оскорбить. Ты же обычный вор, ну и еще маньяк. Строишь из себя великого вождя Джеронимо, а на самом

деле — просто жалкий потомок какого-то пучеглазого уроды.

Скрипнула софа, звякнул бокал, и содержимое его выплеснулось в лицо Электры. Заяц вскочил с возмущенным возгласом, но я схватил его за руку и дернул обратно, заставив сесть. Граф поставил бокал на стол. Чосер с любопытством, а Кариб равнодушно наблюдали за происходящим. Вытерев лицо рукавом, девушка облизала губы и сказала:

— Черничный сок. Да еще и с кучей сахара. Тоже мне, наследник вампира — сок хлебаешь. Я знаю, ты ведь на самом деле боишься крови.

Но Бальтазар уже успокоился. Снова развалившись на софе, он кивнул:

— Не спорю, была у меня такая слабость: боязнь крови. Знаете ли вы историю Гёте, молодые люди? Великий писатель, гений... Хотел отправиться в путешествие по Альпам, но боялся высоты. Что же он сделал? Забрался на Страсбургский кафедральный собор и сидел там, пока не излечил свой страх. Впрочем, «лечение» — неподходящее слово. Он убил, уничтожил страх, принудив себя глядеть вниз с огромной высоты. Какая сильная воля! — граф выдохнул дым в сторону Электры. — Твои сведения устарели, девочка, я давно не боюсь крови. Я изжил этот страх, пуская кровь другим. Делал это столько раз, пока совсем не перестал бояться. Теперь я, знаешь ли, наоборот, получаю от вида крови удовольствие.

Последняя порция пепла упала внутрь Эйфелевой башни. Последняя струя дыма вырвалась между губ графа, и он постучал мундштуком о пепельницу, стряхнув туда остатки сигары. Символизируя то, что вскоре должно было случиться в Париже, из башни пошел дымок.

Бальтазар Цепеш захлопнул верхушку миниатюрной постройки, встал и произнес:

— Сейчас вас отведут в пещеру и прикуют напротив выхода шахты. После этого, очень скоро, вы погибнете, а мы отправимся в Париж.

Глава 9

СИМФОНΙΑ ГИБЕЛИ

1

Клацнул третий замок, и Чосер попятился. На плече его висел мой несессер, трость была зажата под мышкой. Он показал нам ключ, которым замкнул соединенные цепочками стальные кольца на наших запястьях, повернулся и швырнул его в глубину пещеры. Все прожекторы в ней были погашены, горели только фары паровоза, освещающие проем дальнего туннеля, куда уходили рельсы. Я не увидел, куда ключ упал. Никто не видел. Найти его среди камней теперь почти невозможно.

Кандалы были захлестнуты за пятиметровую цепь, протянувшуюся на высоте пояса между двумя торчащими из стены железными кольцами. Если я поворачивался спиной к стене, то Заяц и Электра оказывались слева от меня. А с другой стороны, полулежал, повиснув на цепи, чернокожий человек.

— Как вам мой наряд, молодые люди? — Чосер опра-вил сюртук в лиловую полоску и поднял над головой газовый светильник.

— Вид что надо, — сказал я.

Он заулыбался, стряхнул с плеча пылинку.

— Однако же, он меркнет в сравнении с одеждами брата, коего вы будете иметь счастье лицезреть вскоре.

Когда человек-лоза направился к коридору, ведущему в башню, я подергал цепь. Не порвать, конечно, а отмычки в несессере. Я лишился револьверов, портмоне,

отмычек — всего, кроме одежды и своего разума. Вот только сейчас он молчал, неспособный подсказать ничего толкового.

В пещере было тихо. Состав с электровозом отогнали, должно быть, обратно в пещеру под нами, а вокруг второго поезда прохаживались наемники. На смотровой площадке заднего вагона сидел часовой с ружьем в руках. Грузчиков с «Двузубца» не видно — то ли их убили, как слуг, то ли заперли где-то.

Из-за поезда появился Джуса с саблей в ножнах и заткнутой за ремень плеткой, окликнул часового и показал ему в нашу сторону. Когда толстяк снова скрылся за вагонами, наемник переложил ружье из руки в руку и устоялся на нас.

Я закашлялся, звякнув кандалами, прижал ладонь ко рту, с трудом сглотнул, сплюнул. Горло болело все сильнее. Электра о чем-то напряженно размышляла, а Заяц кивнул на чернокожего:

— Анри, может, он живой?

Шагнув к четвертому пленнику, я взял его за черные кучерявые волосы, приподнял голову и заглянул в лицо.

— Мертвец. И на нем ошейник.

— На тех мертвецах в бараке тоже были ошейники, — нехотя сказала Электра.

Я уточнил:

— Там тоже были чернокожие?

— Несколько.

— Они — рабы? — спросил Заяц.

— Вообще-то рабство было отменено тридцать пять лет назад, — сказал я. — В смысле в Америке отменено... Что ты делаешь?

Не обращая на меня внимания, Электра вытащила из-за пазухи шнурок с металлическим цилиндром. Я сообразил, что в радиозале мистер Чосер так и не забрал свисток — сначала девушка отвлекла его, залепив оплеуху, потом он ткнул ее тростью в лицо, Заяц попытался

вмешаться, получил удар от Кариба... В суматохе про свисток все забыли.

— Для чего это?

Она хмуро зыркнула на меня, приставила свисток к губам и подула. Никакого звука я не услышал, но девушка зачем-то подула еще раз. Потом отправила его обратно за пазуху и, поглядев на каменный свод, про-бормотала:

— Наверное, не пройдет. Слишком толстый камень, надо выбраться на поверхность.

Заяц громким шепотом спросил:

— Анри, а почему она так... Вроде не замечает нас?

— Потому что считает, что в библиотеке я вел себя как трус, выбалтывая врагам всякие сведения, — ответил я. — Она думает, что гордо молчать или провоциро-вать — признак смелости.

— А чего это признак? — поинтересовался мальчишка.

— Глупости. Как минимум — детской наивности.

— А-а, понял.

— Ты — дурак! — вспыхнула Электра. — Дурак и трус! Хочешь сказать, ты не струсил в библиотеке?! Лепетал там, рассказывал им все...

— Вспомни, что именно я говорил. Сможешь или от злости мозги совсем растаяли?

— Заткни рот, бледнолицая шлюха!

— Ого, какие словечки. Я не сказал им ничего, что они не знали или не могли легко догадаться. Вообще ни-чего. И при этом узнал от них много всего... Про Париж, про шахту и газ, про безумные планы графа. Главное — я понял его самого, что он за человек. Знаешь, почему?

Она молча сверкала на меня глазами, но Заяц тут же спросил: «Почему, Анри?» — и я ответил:

— Потому что внимательно слушал и наблюдал, пока ты злилась сама и думала только о том, как разозлить графа.

Эли возмущенно шагнула ко мне, лязгая цепью, наткнулась на Зайца, сжала кулаки, но потом опустила руки. Постучала наручником о стену и сказала:

— Нам сейчас нет смысла ссориться.

— Ага, — кивнул я. — Это было бы совсем глупо. У кого-нибудь есть проволока или что-то похожее?

Выяснилось, что нет, а свисток Электры в скважину наручников не влезал. Я не успел спросить, для чего на самом деле нужна эта железка, — донесся ритмичный лязг, и Кариб вкатил в пещеру высокий стол на колесах. На нем были раскрытый железный ящик и толстая катушка с проводом, а сзади шел мистер Чосер со светильником в руке.

— Что там стоит? — спросила Эли. — И провод еще... Вроде телефонного?

— Похоже, — согласился я. — Хотя... Смотрите, он его разматывает и тащит конец к шахте. Это взрыватель.

— Что? — не поняла она.

— Дистанционный взрыватель. И провод очень длинный, вон сколько его на катушке. Наверное, хватит, чтобы вынести взрыватель обратно в туннель или даже на стену, оттуда дать сигнал...

— Какой еще сигнал?

— Электрический. Он пойдет к смеси из последней бочки, которую они вылили в трещину, и та взорвется.

Кариб поставил столик посреди пещеры, а Чосер подошел к большому плоскому камню, лежащему под стеной метрах в трех от чернокожего мертвеца. Камень использовали вместо стола — на нем валялись грязные свертки, моток бечевки, лежал разбитый фонарь и старые инструменты. Вука поставил на камень светильник и мой несессер, с улыбкой погрозил нам тростью и распахнул полы сюртука, показывая два револьвера с инкрустациями на рукоятках. Весело рассмеявшись, он пошел назад, но на полпути становился. Откинув голо-

ву, Чосер прикрыл глаза ладонью, будто ослепленный блеском того, кто появился из коридора.

На Бальтазаре Цепеше были черный плащ, узкие синие штиблеты, необычно высокий цилиндр с яркосиней лентой, синие перчатки и красный шейный платок. Он прошел мимо Кариба с Чосером, опираясь на длинную, похожую на посох трость. Набалдашником ей служила золотая шестерня с заключенным внутри круглым темным камнем, на котором был изображен глаз.

Из-за вагонов навстречу хозяину вышел Джуса. Мистер Чосер повернулся к нам и доверительно заговорил:

— Мой брат, как вы уже наверняка поняли, человек с фантазией и не без масштабности. Хочет разыграть пьесу вашей гибели как по нотам. Исполнить симфонию, где главной темой станут ваши предсмертные крики.

Я не слушал его, стараясь уловить беседу Джусы с графом. Реплику первого расслышать не удалось, но звучный голос Бальтазара донесся отчетливо:

— В баке шара есть топливо, мотор работает? Хорошо, тогда возвращайся в Будапешт, жди новостей. На твой счет переведены пять тысяч фунтов.

Чосер, напутственно хлопнув толстяка по плечу, весело хохотнул:

— Ведь ты же знаешь, что лежит в корзине шара, воинственный брат мой? Славное, веселое оружие! В дороге можешь поразвлечься, охотясь на птичек, зверюшек... или людишек. Поверь, это так забавно — разить их с высоты!

Вука с графом и Карибом направился к поезду. В это время четверо вооруженных наемников вывели из расщелины грузчиков. Они зашагали к железной двери, за которой был ведущий в башню коридор, но на полпути из толпы выскочил Гаррис.

— Ваша милость! — закричал он, бросаясь к графу. — Пощадите!

Голос у него был совсем перепутанный, и я понимал причину: на замковой стене из окна вагона они видели, какая судьба постигла баржу капитана Петера вместе с командой.

— Ваша милость! — встав на пути графа, Гаррис поклонился и забормотал неразборчиво: — Готов служить... прошу... все сделаю...

Бальтазар оттолкнул его, и Гаррис повалился на колени, умоляюще протянул вслед графу руки, когда тот пошел дальше. Сделав несколько шагов, Бальтазар остановился, склонил голову, задумавшись, и бригадир затих, с надеждой глядя ему в спину. Чосер с Карибом как ни в чем не бывало приближались к поезду. Остальных грузчиков наемники графа стали заталкивать в коридор за железной дверью. Бальтазар вдруг повернулся — крыльями взметнулись полы плаща, открыв кроваво-красный подбой, а в руке графа возник большой черный пистолет с красно-синим узором на стволе. Бальтазар расставил ноги, положив оружие на сгиб локтя, прицелился в картинно-красивой позе. Гаррис вскрикнул, и граф выстрелил.

Ойкнул Заяц, Электра растерянно выругалась. Я думал, такое большое оружие гроыхнет на всю пещеру, но пистолет лишь приглушенно стукнул. На конце ствола мелькнула тусклая вспышка. Голова Гарриса взорвалась, как арбуз, свалившийся на мостовую со второго этажа. Тело упало на спину. Кариб даже не оглянулся, а Чосер, кинув взгляд через плечо, похлопал в ладоши — немного снисходительно, будто одобряя шалость ребенка. Граф убрал пистолет под плащ и снова зашагал к составу.

— Анри, ты видал? — хрипло прошептал Заяц. — Он ему башку снес совсем. Начисто. Одним выстрелом!

— По-твоему, куда я смотрел сейчас? — ответил я, не в силах отвести взгляд от обезглавленного тела на камнях.

— Одним выстрелом, — бормотал мальчишка заворуженно. — Совсем башку снес, ничего не осталось. Вообще ничего. Бах! — и нет башки...

— Слушай, помолчи! — взмолилась Электра. — Томагавк тебе в печень, и так тошно, а тут ты еще... Заткнись!

Вскоре конвоировавшие грузчиков наемники вернулись к поезду. По приказу Джусы они стали сходить к последнему вагону, в то время как Бальтазар Цепеш, подойдя к первому, украшенному бронзовыми львами, повернулся к нам.

— Хочу, чтобы вы хорошо понимали происходящее, — громко заговорил он своим звучным баритоном, разнесшимся по всей пещере. — Особенно вы, юноша. Гидроразрыв пласта углубил трещину, она почти достигла реки, протекающей внутри этой горы. Когда вода из трещины ушла, туда закачали содержимое бочки. Снаружи Джуса подаст напряжение... Вы уже видели взрыв смеси. Представьте такой же, но в тысячи раз больший, внутри этой горы. Он соединит трещину с естественной полостью, по которой течет река, и массив камня окажется практически отделен от остального. К этому массиву относится и уступ, где стоит замок. Осознаете последствия? Прекрасно. Что же, на этом мы расстаемся. Не могу не отметить, мои молодые недруги, что наше знакомство было столь же недолгим, сколько и, признаться, неинтересным.

Паровоз зарокотал, из трубы ударил дым, и Цепеш зашагал к составу.

— Ты не бойся, — вдруг сказал Заяц девушке. — Анри нас спасет.

— Думаешь? — она закусила губу. — А я почему-то не уверена.

Наемники исчезли в последнем вагоне, в то время как Бальтазар, Кариб и Чосер забрались в первый. Дверь закрылась, но тут же отворилась снова, и возникший в проеме граф прокричал:

— Прощайте, дети мои! Сгиньте в аду, и да пребудет с вами дьявол!

Потом Бальтазар достал из-под плаща нечто синее — в первый миг мне показалось, что это платок. Граф приложил его к лицу, и когда опустил руку, Эли ахнула, а Заяц громко лязгнул цепью.

Лицо Бальтазара Цепеша было скрыто под маской. Бледно-синяя, с безгубым ртом и приплюснутыми ушами... Знакомая маска. Знаменитая маска! Весь мир знал ее по газетным снимкам, ведь тот, кто прятался за ней, в своем болезненном тщеславии сам иногда присылал в редакции свои фотографии. Это была маска легендарного французского злодея, садиста и психопата, убийцы и грабителя — синяя маска Фантомаса!

Граф отступил в тамбур, дверь закрылась, состав покати к туннелю, медленно набирая ход. На обзорной площадке первого вагона появились Вука с Карибом, а потом поезд целиком втянулся в туннель. Бóльшая часть пещеры погрузилась во мрак — теперь свет давал только газовый светильник, стоящий на плоском камне неподалеку от нас.

Стоящий посреди пещеры Джуса поднял взрывное устройство и по шпалам направился к туннелю, по которому мы все попали сюда, на ходу разматывая катушку со шнуром.

— Вы видели?! Чтоб мне ни одного скальпа не снять! — прошептала Электра. — Цепеш — это Фантомас! Румынский граф — французский преступник!

— Да, новость удивительная, но сейчас она ничего для нас не меняет, — тихо ответил я, наблюдая за идущим мимо Джусой. — Амиго! Эй! Ты собираешься улететь отсюда на воздушном шаре, который привязан к стене?

Он ничего не ответил, быстро шагая по шпалам, и я задал другой вопрос:

— Ты знал Вилла Брутмана, английского инженера? С ним интересная история произошла.

Джуса сплюнул на рельсы, остановился и нетерпеливо бросил:

— Ну?

— С ним и с его семьей, — продолжал я. — Слышал же, да? Граф с помощниками сначала использовали его, а потом убили. И взорвали всю его семью — так, на всякий случай, хотя те ничего не знали. Вместе с семилетней дочкой.

— Ну? — повторил он.

Я развел руками:

— У тебя есть дочка, амиго? Можешь попрощаться с ней. И с семьей... И с самим собой тоже. Они тебя убьют, избавятся от лишнего свидетеля. Возможно, в корзине шара спрятан динамит, который взорвется, как только запустишь мотор. Или в Будапеште... в общем, готовься к скорой смерти. Но если освободишь нас — сможем что-нибудь придумать.

Джуса опустил взрыватель на шпалу и зашагал к нам.

— Избавятся? — повторил он, и лицо его побагровело. — Избавятся от меня?! Это я взорвал ту машину с родичами бриташки! Ты не понимаешь вообще ничего, вонючее каброн мьердо! Вета а ла полья, марикон де мьерда! Тявкаешь на Хуана Родриго Кортасара Валидеса?! Обманул меня на барже, люк раскрыл... Думал, хитрый трюк? У меня есть похитрее!

Его плетка взметнулась — и ослепительная, горячая, как солнце, боль взорвала мое лицо, темя, затылок. Три тугих, жестких хвоста ударили по голове, а потом Джуса хлестнул по плечу бросившегося на него Зайца. Я присел, заслонившись руками, опасаясь лишь того, что толстяк выбьет мне глаза. Заяц с воем упал, и тут же тонко вскрикнула получившая удар Электра.

— Виен чика бара! — выплюнула она в лицо Джусы.

— Ходэр каньо! — он снова ударил ее.

— Виене пота рика!

— Чиката брача!

— Тупой жирный урод!

— Краснорожая сука! Радуйтесь, что у меня нет на вас времени, твари! А не то я забил бы вас до смерти и сплясал румбу на ваших трупах! — он еще раз перетянул меня по спине, повернулся к рельсам, но заметил стоящий на камне неподалеку несессер и направился к нему, сунув плеть за пояс.

Я наблюдал за Джусой, рукавом стирая текущую по лбу кровь, чтобы она не заливала глаза. Голову будто сунули в куст крапивы, обмотанный колючей проволокой. Чтобы не стонать от мучительной боли, я прикусил губу и буквально не давал рту раскрыться. Заяц подвывал, стоя на коленях и раскачиваясь из стороны в сторону, порванная на плече рубаша потемнела от крови. Электра, бормоча индейские ругательства, медленно выпрямилась.

Джуса раскрыл несессер, с мясом выдрав зашелку, вытащил смятую коробку, где лежали темные очки, рассмотрел, достал одну пару и нацепил на себя. Потом снял, сунул в карман. Коробку отбросил и принялся доставать другие вещи, разглядывать, швырять на пол. В карманы к нему перекочевала бензиновая зажигалка и пустой портсигар. Последним в руках оказался мой газовый фонарь, толстяк повертел его, попытался включить, не смог и тоже швырнул на пол. Я зажмурился, но ничего не произошло. Металлическая сфера прокатилась по камням и стукнулась о стену неподалеку.

Джуса вернулся к рельсам, подхватил взрыватель и зашагал к туннелю, разматывая катушку с уходящим в расселину шахты проводом.

— Пять минут! — произнес он громко. — Пять минут — и вы сдохнете, тупые болваны!

Как только дородная фигура скрылась в туннеля, я рванулся к концу цепи. Туда, где лежал, задрав руки над

головой, мертвый чернокожий в ошейнике, и где примерно в полутора метрах от него валялся мой особый, суперсовешенный, безотказный газовый фонарь. Переступив через мертвеца, я потянулся к фонарю рукой, потом ногой, наклонился, чуть ли не улегся на пол, заскреб каблуком по камням.

— У тебя от плетки в башке помутилось? — спросила Электра. — Чего ты там извиваешься? Знаешь, есть такая индейская мудрость: лучше умереть гордо, чем дергая ногой.

— Заткнись! — Я начал стягивать с себя рубашку. — Сама умирай гордо! Заяц — сюда!

— Что, Анри?! — взбудораженно заорал он, подскакивая ко мне. — Что делать?!

— Сними с меня рубашку, скрути жгутом!

Он рванул ее, ткань треснула, а я схватился за жилетку, надетую на мертвеце. Кандалы не позволяли стащить ее обычным способом, пришлось разорвать жилетку по шву. В это время Заяц освободил меня от рубахи, оставив только рукава, которые в отсутствие остального смотрелись очень странно. Выхватив у него скрученную жгутом рубаху, я стал привязывать жилетку к ней.

— Свою тоже сними, скрути так же! Свяжем веревку!

Электра наблюдала за нами, как за двумя психами, вырвавшимися на волю из специальной лечебницы и с дикими воплями носящимися по улицам. Превратив рубахи в подобие веревки, с петлей из жилетки на конце, я снова перегнулся через мертвеца. Где сейчас может быть Джуса? Половину туннеля он точно прошел, а может, и больше, тот ведь недлинный... Вот-вот выйдет на замковую стену, минует будку часового, еще несколько шагов — и вот уже шар. Что потом? Ему нужно подняться по веревочной лестнице, разматывая шнур и волоча с собой взрыватель. Хотя устройство небольшое и вряд ли тяжелое, к тому же на нем были две кожаные петли — вроде лямок у ранца. Потом Джуса запустит мотор шара

и отцепится от стены, то есть обрежет лестницу и трос. А потом повернет рукоять на взрывателе...

С третьего раза жилетка накрыла фонарь, я дернул и сумел подкатить его немного ближе. Пришлось повторить это несколько раз, пока металлический шар с круглой линзой не оказался на расстоянии вытянутой руки. За это время Джуса наверняка достиг веревочной лестницы. Очень явственно я представил, как он просовывает руки в кожаные петли, как отщелкивает фиксатор катушки, чтобы она свободно разматывалась за спиной — и лезет. Взрыватель висит за спиной на манер ранца, катушка с тихим скрипом крутится, и каждый ее оборот приближает взрыв.

Когда фонарь оказался в руках, я сдвинул пластинку на его боку и крутанул в противоположные стороны полушария, из которых состоял корпус. Внутри провернулась диафрагма на баллоне, давая выход заключенному под давлением газу. Положив шар на торчащее из стены кольцо, я подался назад и натолкнулся на Зайца.

— Сейчас будет искра! — я повернулся. — Раз! Два!

— Что?! — выкрикнул ничего не понимающий мальчишка.

— Назад, быстро! Три!!!

Я толкнул их с Электрой, опрокинул на пол и упал сверху, прикрыв собой, что, конечно, было красиво и героически, но вряд ли имело особый практический смысл. Искровой воспламенитель, который после поворота полусфер должен был сработать с трехсекундной задержкой... так и сработал.

Газ, вырвавшийся из баллона и мгновенно заполнивший корпус, воспламенился. То есть взорвался. До последнего момента я боялся, что ничего не получится, ведь эту функцию своего фонаря я не испытывал ни разу, главным образом потому, что после первого же испытания лишился бы самого предмета эксперимента.

Тяжелый хлопок, от которого болезненно дрогнули барабанные перепонки, прозвучал в пещере. Хрустнуло, лязгнуло, цепь сильно дернулась. Что-то просвистело надо мной, обожгло голую спину и затылок, ноющий после удара плетью.

Цепь упала на меня. Я вскочил. Лежащая подо мной и Зайцем Электра многословно выругалась.

Дальний конец цепи валялся на полу между осыпавшихся камней, рядом с погнутым кольцом на конце железного штыря, который вывалился из расколотой стены. Тело чернокожего лежало навзничь, наполовину засыпанное булыжниками. Перескочив через него, я крикнул: «Теперь бегом!» и бросился к туннелю, звякая кандалами, которые оставались на руках.

Электра первая поравнялась со мной, прыгая через шпалы, на которых лежал уходящий в пещеру провод, прокричала:

— Ножа нет! Могли бы перерезать его! А может, перебить чем-то?

— Камнем колотить — долго! Нужен топор или... — выскочив из туннеля, я добавил тихо: — Вон он — ползет.

Джуса был примерно на середине лестницы. Взрыватель действительно висел у него за спиной, катушка с проводом разматывалась по мере того, как он поднимался.

— Тихо! — прошептал я девушке и догнавшему нас Зайцу. Голый по пояс, с расплосованным плечом, с разбитым носом и шишкой на лбу, сильно хромающий, да еще и с кандалами на руках, он выглядел дико.

Солнце клонилось к горам, было свежо и ветрено. Мы снова побежали, стараясь двигаться бесшумно и не звякать цепями. Джуса, перевалившись через край гондолы, пропал из виду. Я увидел, что еще внизу он перерезал удерживающий шар канат, тот свободно покачивается на ветру, а летающий аппарат соединен со стеной лишь туго натянутой веревочной лестницей.

— Лезем наверх, только осторожно, чтобы не раскачиваться, — прошептал я, оказавшись под шаром. — Нет, давай за мной!

Но Электра, оттолкнув меня, полезла первой, и мне осталось следовать за ней. За нами стал взбираться Заяц.

Рядом с лестницей, на расстоянии вытянутой руки болтался перерезанный в нижней части трос. Лестница почти не раскачивалась, лишь подрагивала. Отсюда было видно, что концы ее привязаны к сетке, натянутой на гондолу.

Порыв ветра качнул шар. Эли почти добралась до днища корзины, когда над краем показалась рука с кривой саблей и принялась пилить лестницу.

За секунду до того девушка посмотрела вниз, и я скорчил зверскую гримасу. Электра вскинула голову, увидела, что происходит, и схватилась за свисающий с днища канат. Тот закачался. Я вцепился в него одной рукой, глянул вниз — Заяц тоже уже покинул лестницу. Я схватился за канат второй рукой, и мы повисли на нем троим.

Через секунду лестница полетела вниз, и шар сразу начал взлетать. Из корзины донесся скрип разматывающейся катушки.

Электра, схватившись за сетку, поползла дальше. Заяц быстро догонял меня, ловко перехватывая трос руками и ногами с тихим звяканьем кандалов. Я полз гораздо медленнее — руки дрожали от напряжения, голова кружилась, меня тошнило. Шар поднимался все выше над замком и озером в круге скал. Мы достигли высоты венчавшего башню железного шпиля, ветер относил нас прочь от горы с пещерой.

Электра уже поднималась по бортику, когда внутри горы глухо, тяжело громынуло.

Поверхность озера пошла рябью, очертания горы потеряли четкость. Серые клубы дыма выплеснулись из туннеля над замковой стеной, а через миг — из пещеры

под нею. Дым сразу опал, а грохот смолк... И это все? — подумал я, хватаясь за сетку на корзине.

Но тишина продлилась недолго. Гора зарокотала — звук этот, поначалу тихий, быстро нарастал.

— Анри! — ахнул Заяц. — Гляди!

— Вижу, — прошептал я.

Карниз с замком медленно кренился, башня с железным шпилем и шаром отделялась от склона. Зев пещеры под уступом схлопывался, словно великан медленно закрывал огромный рот.

Шпиль заваливался прямо на нас — фасетчатый шар на конце приближался, двигаясь по дуге. Он несся к нам подобно самому большому в мире пушечному ядру. Заяц заорал. С шелестом воздуха шар пролетел в каком-то метре под мальчишкой, толкнув летающий аппарат тугой воздушной волной и сильно качнув корзину.

Уступ кренился все сильнее. Стена замка осыпалась градом камней. С дробным грохотом они лавиной обрушились в воду, оставив на теле горы огромную выбоину, словно от удара божественной киркой.

Озеро вскипело, окутавшись белой дымкой. Волны ударили в берега, подняв тучи брызг, накрыли заросли и деревья на другой стороне котловины.

Я добрался до борта корзины и пополз вверх. Над головой мелькнули ноги, когда Электра кувыркнулась через край. Грохот под нами сменился громким плеском, а сверху долетел хриплый крик.

Сетка туго стягивала корзину, держаться было неудобно, и когда я попытался лезть быстрее, рука сорвалась. Я уселся на голову возмущенно завопившего Зайца, но сумел подтянуться и выглянул над краем.

Лопасть пропеллера торчала слева. Эли повисла на спине Джусы, обхватив его ногами, и душила толстяка цепью кандалов. Выпучив глаза, он пытался стряхнуть ее. Я перемахнул через край, Джуса увидел меня и резко подался назад, закинул толстые руки за голову. Схватив

девушку за шею, вдавил ее лицо в свой жирный затылок. Эли замычала, задергалась. Я бросился к ним, но Джуса встретил меня ударом ноги в живот. В глазах помутилось, дыхание перехватило, и я упал на колени. Заметил валяющуюся под бортом саблю, схватил — и воткнул в его жирное брюхо.

— За Хольфа! — прохрипел я.

Клинок вошел неожиданно легко, будто в пузырь с водой. Джуса отшатнулся, и я выпустил рукоять, оставив саблю торчать у него в животе. И крикнул, пытаясь встать:

— Эли, осторожно!

Ноги подкашивались. Над ухом засопел Заяц, схватил меня под мышки. Джуса, быстро семеня, отступал от нас, и я подумал, что сейчас он раздавит девушку о корзину, но Электра соскользнула с него, юркнула вбок и отскочила. Он ткнулся спиной в борт, и тогда девушка, схватив его за лодыжки, рванула их кверху.

Примерно так же Кариб выбросил из вагона помощника машиниста: взяв за ноги, вывалил в оконный проем, словно бревно. Только это бревно было гораздо толще и тяжелее, а девчонка — гораздо слабее человека-кулака. И все же ей удалось.

Корзина накренилась. Голова Джусы откинулась назад, тело выгнулось, рукоять торчащей из живота сабли обратилась к воздушному шару, закрывавшему небо над нашими головами. Огромное брюхо выпятилось, будто раздувшийся пузырь. Что-то треснуло, в две стороны от клинка разошлась красная прореха, в глубине которой мелькнуло лиловое. Электра, сжимавшая толстые лодыжки Джусы, вскинула руки — и он перевалился через край.

Корзина опять сильно качнулась, заскрипели стропы. Потирая нос, из которого стекали струйки крови, Эли повернулась к нам с кривой, но победной улыбкой.

— Анри, ты как? — озабоченно сопел Заяц, пытающийся приподнять меня. — Ты чего, тебе плохо? Анри!

Мне и правда было плохо, меня мучило, в животе свернулся тугой ком. В горле будто проворачивали острый нож и мучительно хотелось закашляться. Но хуже всего было с сердцем. Звенящая нить, идущая от него к земле, натягивалась все сильнее. Не Джуса убил Генри и Джейн, хотя он тоже заслужил смерти. Мне надо разделаться с Чосером и Карибом — а они уехали вместе с графом!

Сглотнув, я прижал дрожащую руку ко лбу. Горячий. Ну, точно, жар. И голова кружится, перед глазами плывет... Надо запустить мотор — вот он, прикручен к стойке под шаром, от него идет штанга со шкивом, пропеллер вынесен вбок, за край корзины. А вот и бак... Может тут быть динамит, как я говорил Джусе? И что это висит на бортике? Большой кожаный чехол, из него торчит что-то деревянное и плоское, с узорными металлическими пластинами по углам.

— Вон железка, смотрите, — сказал Заяц.

Я с трудом поднялся. Железная дорога, раньше скрытая вершинами гор, извивалась по ущельям и долинам южных Карпат, уходя на северо-запад. По ней катил поезд.

Эли поднесла во рту свисток и беззвучно подула в него.

— Что это такое? — прохрипел я, опираясь на плечо Зайца. — Он же не...

— Как это — «не»? — перебила она. — Очень даже да! Просто у него особый звук. Его слышат только некоторые животные, ну или нужен приемник, такой, вроде камертона... Ага, вот и они. Услышали!

Из-за ближайшей горы медленно выплывал «Табор ветров». Девушка продолжала:

— Они выстрелят гарпуном с тросом, воткнут в корзину и подтянут нас. Алек, тебе и вправду нехорошо?

Что-то ты совсем стал бледнолицый. Эй, да не шатайся так, из корзины выпадешь!

Зазвенева кандалами, она схватила меня за плечо, когда я покачнулся, шагнув к краю корзины. Истончившаяся, как волос, нить натягивалась, готовясь порваться: враги уезжали. Я знал, что никакой нити нет, но грудь ныла, а сердце то болезненно замирало, то срывалось в бешеный галоп. Оттолкнув девушку, я потащил из висящего на бортике чехла то, что лежало в нем.

«Славное, веселое оружие», — сказал Вука. И еще он сказал: «Это так забавно, разить людишек с высоты».

Я все тянул и тянул... а ОНО все не кончалось и не кончалось... Заяц сзади пробормотал что-то уважительное. Эли присвистнула.

В моих руках было ружье. Очень красивое ружье — с таким мог бы ходить на охоту король или император. Необычно длинный тонкий ствол, изогнутый приклад, узоры, рукоятка затвора в виде обнаженной длинноволосой женщины в зловещей маске. На лакированном дереве чернела грубо намалеванная рожица с рогами — мне сразу представилось, как Вука, высунув язык и глупо ухмыляясь, выжигает ее раскаленной железкой.

К ствольной коробке крепилась узкая трубка, и я приник к ней.

На линзы внутри трубки были нанесены два перекрестья. Они наложились на Вуку Чосера, Диего Кариба и Фантомаса, когда я направил ружье вслед поезду. Они стояли на обзорной площадке и в бинокли рассматривали шар.

В этот миг мое сердце перестало биться. Потому что — клянусь памятью Генри и Джейн, клянусь жизнью своего отца и своей собственной — в этот миг я увидел ее. Туго натянутая нить стальным волосом соединяла нас. Она *пела*. Тонкий, нежный, мелодичный звон наполнял мою голову. Я немного сдвинул ствол. Их там

трое. Трое! А у меня один выстрел. Граф Цепеш стоит в центре, слева от него Вука Чосер, справа Кариб...

Бальтазар Цепеш со своей манией величия организовал взрыв Выставки, убивший сотни людей, — он должен умереть.

Вука, странный актер, маньяк, — должен умереть.

Кариб, равнодушный убийца, — должен умереть.

Все они должны умереть, но один из них убил Джейн.

Я навел ствол и выстрелил.

Шар покачивался, вагон тоже. Поезд был очень далеко. Я ни разу не стрелял из такого оружия. Я не мог попасть. Просто невозможно...

Но была нить. И мне нужно было всего лишь направить пулю вдоль нее.

Мир стал тонким и плоским, как картина в раме. Прозрачным, как слеза. Чистым и ясным — до предела, до боли в глазах. Я увидел, как отпрянул, опустив бинокль, Вука Чосер. Впервые он не играл — на его лице возникло по-настоящему подлинное чувство. Испуг. Внезапный, обжигающий страх за свою жизнь. Понимание, что через миг она может оборваться.

Вука зря боялся. Пуля, пошедшая вдоль натянутой нити, попала в шею Кариба.

Человек-кулак упал навзничь. И тогда с резким, пронзительным визгом нить порвалась, и мое сердце захлебнулось болью. Вскрикнув, я выпустил ружье, пошатнулся. Оттолкнул схватившую меня девушку и навалился на бортик, глядя вслед крошечному поезду. Он катил прочь, увозя от меня братьев Цепешей и лежащее рядом тело.

Взгляд затянуло туманом, но я смотрел. Грудь была, как раскаленная жаровня, наполненная чистой, сверкающей болью, но я смотрел. Я смотрел. И, уже теряя сознание, ткнул указательным пальцем вслед врагам, в тот момент, когда поезд исчез за поворотом, сказал:

— Вы никуда не денетесь.

Эпилог

ГРАНИЦА ТЬМЫ

1

Хор голосов звучал, как ангельское пение. Я и подумал сначала, что слышу ангелов, таких хриплых, пьяноватых, развеселых ангелов. И музыку — гармони, гитары, трещотка, барабан...

Ангелы бьют в барабан? Ну что за ерунда!

Окончательно проснувшись, я открыл глаза. Музыка и пение доносились приглушенно, но явственно. В определенном смысле эти люди действительно ангелы, подумал я. Мои ангелы-спасители.

Прямоугольная каюта напоминала ящик с дверцей в торце, здесь поместились только койка да одежная полка над ней. И еще Заяц, который спал на полу, в узком пространстве между койкой и стеной, завернувшись в одеяло. Меня размеры каюты устраивали — это даже хорошо, что она такая, в небольших помещениях мне лучше думается. К тому же одна стена почти целиком стеклянная, сквозь нее видна земля внизу, окутанная предутренним сумраком. Скорее всего, сейчас под нами Западная Германия, до границы Франции осталось немного. Только что это там за тучи? Черные, плотные, угрюмо клубятся на севере — настоящий грозовой фронт, в непроницаемой завесе которого вспыхивают молнии. Уж не в нашу ли сторону они движутся? Для дирижабля такая буря по-настоящему опасна.

Настоянное на водке снадобье, которым меня накачали после того, как мы попали в «Табор ветров», не только изрядно опьянило меня, но и вылечило. Предыдущий вечер вспоминался смутно — в виде разноцветного вихря, состоящего из ярко одетых людей, бородатых лиц, цветастых юбок, из тросов, канатов, якорей и винтов, из скрипа дощатых полов и пронизывающего ветра. А еще из внимательного и задумчивого взгляда Электры, которым она наградила меня прежде, чем закрыть дверь в каюту, оставив в темноте и тишине, нарушаемой лишь посапыванием уснувшего Зайца.

И вот теперь я проснулся — полный сил и готовый действовать. Вместе с музыкой донесся взрыв смеха, приветственные крики, возгласы. Несколько секунд тишины — и мужской голос запел балладу на смеси французского и английского, с включением незнакомых слов... арабских? индийских? хинди? Я не мог понять.

Тихо, чтобы не разбудить Зайца, я сел, потянулся за туфлями. Мальчишка распахнул глаза и уставился на меня.

— Анри... Ой, то есть Алек.

— Вот именно, — пробормотал я.

— Ты уходишь?

— После их лекарства пить хочется. Где они там шумят?

— В этой... в кают-компании. На другом конце. Ты не видел, а я вчера заглянул, у них там зал такой — у-у-у, на дирижаблях таких не бывает.

— Ты летал на других дирижаблях?

Он зевнул:

— Не, но видел же. Они небольшие, то есть эти... гондолы, ведь небольшие, да?

— Когда как. И мы не на обычном дирижабле, тут гондола составная, из нескольких отсеков. Ладно, спи.

— Нет, я с тобой.

— Не надо. На дирижабле безопасно, ты ведь уже понял. Цыгане вроде как наши союзники.

— А если с тобой что-то случится?

— Спи, — повторил я. — Или нет, подожди. Хочу, чтобы ты ответил на один вопрос. Просто чтобы лучше понять тебя.

— Какой вопрос?

— На твоём запястье родимое пятно в форме сердца. И ты часто...

— Оно как корона, — перебил Заяц. — Не сердце — корона!

— Хорошо, в форме короны. Что это означает?

Он снова сел и ухватился за запястье.

— Ты же не будешь смеяться? Рассказывать всем и смеяться? Это тайна. Моя тайна, важная.

— Заяц, мы хоть знакомы недавно, но успели всякое пережить за это время. Кому другому на всю жизнь хватило бы. В какой-то мере я узнал тебя, а ты узнал меня. Так? Вот и скажи, как ты сам думаешь, я стану смеяться над тобой и рассказывать всем твою тайну? Это на самом деле важный вопрос. Наверное, вообще самый важный — вопрос доверия. Так что сам на него ответь.

— Ну, нет, — ответил он, почти не задумываясь. — Ты, Анри, честный.

— Я не честный, когда это не выгодно, — возразил я. — Я вообще-то вор.

— Нет, но ты... — он помолчал. — Ты честный, только... Не такой честный, когда не врут, а такой честный, когда есть честь.

— Ну, тогда ответь.

— Я — сын графа! — он уставился на меня с вызовом. — Из графского рода. Богатого. Такого... древнего.

В каюте стало тихо. Где-то на другом конце дирижабля грустно пел мужской голос, и земля под нами была темна, и приближался с севера черный фронт грозовых туч.

— Откуда ты это знаешь? — спросил я наконец.

— Знаю, — сказал он без обычной своей запальчивости, но уверенно.

— Хорошо, а в какой семье ты рос? Или у тебя не было семьи?

— Тетка была. Тетка Роза. Старая уже, я у нее жил, пока она не померла.

— Как ты к ней попал?

— Она говорила — подобрала меня на улице. А меня на самом деле покрали с семьи и на улице бросили!

— Кто покрал?

— Злые... злой дядька.

— Какой дядька? — не понял я.

— Ну, может, не дядька, — насупился он. — Может, тетка или кузены. Злые родичи. Покрали, чтобы я богатство... чтоб наследие наше не наследовал. Что ты молчишь? Не веришь мне?

Я потер запястья, на которых остался след от кандалов, и спустил ноги с койки.

— Дело не в том, верю я тебе или нет. Просто я хочу понять: откуда ты это знаешь? Был какой-то медальон у тебя на шее, может, остался документ? Письмо? Фото-снимок?

Он помотал головой:

— Я просто знаю.

— На барже ты решил, что я граф и помогу тебе найти своих.

— Конечно!

— Только я не граф, Заяц.

— Ну и ладно, — согласился он. — Но ты ведь мне все равно поможешь?

— Я бы помог, только как?

— Я тебе потом скажу. Когда в Париж прилетим. Я уже знаю, из какой я семьи, надо только, чтоб меня туда привели, чтобы, ну... как-то подойти к ним, на глаза попасться, чтоб узнали. Мамка с папкой настоящие чтоб узнали. Поможешь?

— Помогу, — я стал обуваться. — Хотя сейчас трудно сказать, как все обернется в Париже. Поезд, на котором

едет Фантомас, уже там, и что будет, когда мы прилетим... Ну, хорошо. Ложись досыпать, а я пройдуся.

Я перешагнул через улегшегося мальчика, толкнул дверь, и когда за порогом оглянулся, он уже закрыл глаза.

2

Пока шел по коридору, шум моторов из машинного отделения на корме становился все тише, а музыка и голоса — все громче. По дороге мне никто не встретился. Миновав несколько закрытых дверей, я увидел большой люк в полу, и неожиданный звук, донесшийся из-под него, заставил меня остановиться. Когда он повторился, я присел на корточки, открыл люк и заглянул.

Под полом был вольер, в углу сидела медведица — между ее толстых волосатых лап копошились два медвежонка. На меня они внимания не обратили. Огромная мохнатая мамаша ласково прохрипела что-то, подтолкнула одного медвежонка, он перевернулся на спину, выставив пузо, замахал лапами, второй набросился на него, и они завозились, тихо повизгивая.

Сквозь решетку виднелся соседний вольер, целиком занятый корытом с водой, где плавали трое животных неизвестного мне вида. Не моржи, слишком мелкие, скорее похожи на морских котиков. Но и не котики — разве бывают они такого цвета? Густо-лиловые, в синих пятнах, к тому же с мордами, смахивающими на кошачьи, только без шерсти, гладкими и блестящими. Я нагнулся пониже, заглядывая сквозь вторую решетку в следующий вольер. Там тоже был бассейн, но поменьше, в темноте под дальней стеной сидел некто громоздкий, волосатый и сопел. Толком разглядеть его я не мог, но мне показалось, что под стеной устроился небольшой слон. Даже хобот смутно виден, смущает только, что он мохнатый, как медведь, да и голова такой формы... не

слоновья, в общем, голова. Кажется, даже с острыми ушами.

Я прикрыл люк и зашагал дальше, недоумевая. Цирк... животные... отлично, но откуда взялись *такие* животные?

Шум стал громче. Толкнув дверь в конце коридора, я оказался в просторной комнате, уставленной столами. За ними сидели цыгане, а на круглой сцене в центре стоял одноногий мужчина лет пятидесяти, с серебряным бокалом в одной руке и тростью в другой. Грива спутанных черных волос, необычно густых и блестящих, падала на плечи. От левого колена шла железная клюка, толстая вверху и сужающаяся книзу, где она была загнута, будто фомка, да к тому же раздвоена на конце. Очень крупный, с оттопыренными ушами и тройным подбородком, человек этот излучал тяжелую мощь, которой могли бы позавидовать Кариб с Джусой вместе взятые. На нем был кафтан с меховой оторочкой, красные шаровары и алая шляпа с широкими полями. Он только что закончил петь.

Я видел его вчера, хотя запомнил смутно. Это был баро Мирче Чераре Рольфо, король европейских цыган.

Сидящие за столами захлопали в ладоши, а певец поклонился и махнул мне рукой. Из бокала что-то плеснулось, баро Рольфо поднес его к губам и опрокинул в себя содержимое. В зале начали оглядываться, меня увидели, загомонили. Кто-то ударил в бубен, громко тренькнула гитара, зазвенели колокольчики — мое появление приветствовали торжественным музыкальным аккордом. Не заметив в зале Электру, я шагнул дальше и прикрыл за собой дверь.

— Ал МакГрин! — громовой голос баро Рольфо перекрыл царящий в зале шум. — Хотя ты уже провел у нас ночь, говорю тебе сейчас: добро пожаловать в табор!

Бубен ударил громче, кто-то засвистел, застучал ладонью по столу. Поднялись руки с кубками, бокалами и

стаканами. Множество лиц, молодых и старых, смуглых и посветлее, усатых, бородатых и безволосых, мужских и женских обратилось ко мне. Я шагнул вперед, не зная, как вести себя с этими людьми. Мой жизненный опыт не включал в себя общение с цыганами.

От двери на другом конце зала к сцене заспешил молодой цыган, подошел к Рольфо и что-то сказал. Черные, как деготь, брови сошлись над переносицей, король цыган медленно кивнул и снова заговорил:

— Братья, сестры! Дела зовут меня. Наш гость пойдет со мной в рубку, а вам пора почивать. Вскоре нам предстоит большая и опасная работа. Спите, братья и сестры! Набирайтесь сил! Ал, а ты ступай за нами.

Опершись на плечо молодого цыгана, баро Рольфо тяжело сошел со сцены и зашагал к двери. Я направился за ним, по дороге кивая и кланяясь тем, кто кланялся мне. Задвигались стулья, закрипели лавки — цыгане вставали. Старая женщина с трубкой в зубах — знахарка, чье лицо я видел вчера, — на ходу сунула мне в руку чашку. Я подумал, что это вино, но там оказалась обычная вода; должно быть, старуха знала, какая жажда одолевает после настойки, которую сама же и влила в меня. На шее ее висел железный медальон в виде круга с заключенным в нем глазом, в седые волосы были вплетены шнурки и цепочки, украшенные монетами, разноцветными камешками, кусочками золота.

Передавая чашку, она на миг сжала мою руку и, не вынимая трубку из рта, хрипло сказала:

— Ничему не удивляйся, чавел.

Переднюю стену рубки заменяла стеклянная полусфера смотрового фонаря. Перед ней высился штурвал, а сбоку от него поблескивал кольцами цифрового замка железный короб с выпуклой кованой крышкой.

Молодой цыган, взявшись за штурвал, вопросительно посмотрел на баро Рольфо, который присел, вытянув ногу с железным костылем, на лавку под стеной.

Я увидел, что на шеях у обоих висят такие же, как у старухи, медальоны. Баро ссутулился; хотя он выглядел по-прежнему очень солидно, но казалось, покинув зал, где на него смотрело множество глаз, король цыган постарел сразу на десяток лет.

— Возьми южнее, Марко, — пророкотал Рольфо. — А тебе, Ал, стоит внимательно поглядеть вперед.

Вблизи было хорошо видно, что Рольфо нездоров. Большие руки едва заметно дрожали, а глаза выдавали усталость. Он стащил с головы шляпу, взял с лавки плед и набросил на плечи. Я шагнул к стеклянной полусфере. Утро еще не наступило, но над гондолой горел прожектор, в свете которого поблескивали две изогнутые металлические штанги, похожие на длинные тонкие рога. Небо чуть посветлело, обозначив линию горизонта. И там, на горизонте, маячил узкий силуэт, расширяющийся книзу... Эйфелева башня.

— Вижу башню, — произнес я, не оборачиваясь. — Если ты о ней, Париж прямо по курсу, но до него еще далеко.

— А теперь посмотри вправо, — сказал король цыган.

Фронт грозовых туч успел значительно приблизиться, пока я шел через гондолу. Черная стена его, то и дело озаряемая вспышками молний, изгибалась огромной дугой.

— Гроза совсем рядом, — сказал я, не зная, что он хочет услышать от меня.

— Марко, еще южнее.

Молодой цыган сдвинул штурвал, и башня на горизонте медленно поползла вправо, а стена полыхающей огнем тьмы начала отодвигаться от нас. Когда Эйфелева башня сместилась примерно на двадцать градусов, цыган снова выравнивал штурвал.

— Но так гроза все равно нас накроет, — заметил я. Их спокойствие удивляло, ведь для дирижабля попасть

в такую бурю — верная гибель, они должны понимать это лучше меня.

— Накроет, — согласился Рольфо. — Я не пытаюсь улететь от нее, хочу только выгадать немного времени, чтобы поговорить с тобой.

— Поговорить о чем? — я повернулся. — Нужно идти на юг, прочь от грозы.

— Она нам не страшна.

— Как это? Достаточно одной молнии, чтобы...

Рольфо жестом отмахнулся от моих возражения и сказал:

— Скоро ты кое-что увидишь, Ал. А сейчас скажи-ка мне: Электра ничего не перепутала, ты попал в Карпаты через Будапешт, а туда прибыл из Москвы, следя за теми двумя, что устроили взрыв и убили твоих родителей?

— Это так, — ответил я. — Моих... приемных родителей.

Марко искоса поглядел на меня. У этого широкоплечего, очень крепкого с виду парня было бы красивое лицо, если бы не паутина шрамов, стянувших кожу вокруг правого глаза, от чего он казался больше левого.

Рольфо улыбнулся, стукнул по полу своей железной ногой и сказал:

— Ты не цыган, совсем не похож, но, возможно, в тебе есть романипэ.

— Что это такое?

Говоря с ним, я то и дело поглядывал на грозовой фронт. Молнии в толще облаков вспыхивали все чаще и все ярче.

— Цыганский дух, — ответил Рольфо.

— Ты сказал: «Теми двумя, что устроили взрыв», — произнес я. — Ты знаешь их? Кто они?

— Вука Цепеш, который предпочитает называть себя мистером Чосером, и Диего Гомес, которого называют Кариб.

— Их имена мне известны. Как и то, что в трости Вуки спрятано оружие, а Кариб носит под одеждой кирасу... Носил.

— Мы называем эту вещь броневым жилетом, — пояснил Рольфо. — Металлические пластины на кожаной подкладке в два слоя, между ними резина. У нас с Марко есть такие, их подарила нам Электра.

— Ах, вот как... Так эти броневые жилеты — тоже изобретение Мессии? Ты расскажешь мне про него? И про Кариба с Чосером?

— Вообще-то, это Электра назвала нам их имена.

— А сами вы сталкивались с ними?

— Вот это, — король цыган показал на обрубок ноги, а затем на лицо Марко, — следы нашего знакомства. Тогда подручных у графа было пятеро, и двоих мы убили. Но сабля Джусы отлично заточена, и к тому времени, когда старая Изольда смогла взяться за мою ногу... Ты видишь результат. Ну а Марко наваха Кариба едва не лишила глаза.

— Но кто эти люди? И зачем они делают то, что делают?

— Не надейся получить ответы на все вопросы. Я знаю не очень-то много... хотя кое-что знаю.

— Хорошо, тогда почему *ты* делаешь то, что делаешь? Почему ты на стороне Мессии?

— Или он на моей стороне, — усмехнулся баро. — А точнее — на стороне цыган. Граф Цепеш — Фантомас — со своими людьми попытался ограбить нас. Есть цыганская казна. Фантомас хотел завладеть ею, тогда я и был ранен. Он лишил меня ноги, что же, теперь я хочу лишить его жизни. Все просто, Ал. Почти всегда все на этом свете объясняется очень просто... почти, но все-таки не совсем.

Обойдя штурвал, я встал напротив него.

— Мы ведь союзники, баро Рольфо? Вы — друзья Электры, я правильно понял? Граф Алукард, то есть

Фантомас, — наш общий враг. Если так, то поделись со мной своими знаниями, потому что мне делиться почти нечем.

Он помолчал, плотнее запахнулся в плед и заговорил:

— Братья Цепеши — румыны. Они наследовали небольшое состояние. Побывали в Америке. Старший... — Рольфо смолк, потом прищелкнул пальцами, и Марко сказал:

— Геолог.

— Да — геолог. Изучал, как добывают газ, уголь, нефть. Младший был актером. Электра рассказывала, что ей удалось выяснить: была какая-то история в театре, где он служил, Вука кого-то убил, кажется, прямо на сцене, во время спектакля. Попал на каторгу, но сбежал. Я уверен, что в голове у него серьезный кавардак.

— В смысле, Чосер — безумец?

— Точно. Малый чокнулся, как мартовский заяц.

— А что насчет Кариба? Он ведь мексиканец?

— Точнее — мексиканский бандит. Ненавидит янки, да и европейцев. Мститель. Что-то произошло с его семьей во время американо-мексиканской войны, из-за чего он стал таким.

— То есть братья Цепеши познакомились с ним в Америке? С Карибом и с этим... Южанином?

Я очень внимательно наблюдал за ними обоими и заметил, как сжались пальцы Марко на штурвале и как блеснули глаза баро Рольфа. Лавка скрипнула, когда он переменил позу.

— Что ты знаешь о нем? Хотя... да, она говорила, ты случайно услышал про этого человека.

— Я ничего не знаю, поэтому и спрашиваю. Кто такой Южанин?

Король цыган развел руками:

— Большая загадка. Давно пытаемся узнать про него хоть что-то, но он будто скрыт завесой сумрака. Он американец, без сомнения. Какой-то важный человек,

политик, банкир или коммерсант, неизвестно. И он обладает большими возможностями. Необычными. Не сомневайся: это Южанин направил на нас бурю.

— Что-что? — я перевел изумленный взгляд на грозовой фронт, который за время разговора успел подойти почти вплотную к «Табору ветров». — Он направил бурю? Я не верю!

— Когда-то и я не верил.

— Но... нет, погоди. Ты всерьез утверждаешь, что Южанин может управлять погодой?

— Не погодой, — возразил он. — А тем, что Электра называет... Марко?

— Электромагнетизм, — произнес тот таким тоном, будто повторил слово, которое запомнил, но смысл не очень-то понимал. — Атмосферное электричество. Ионосфера. Плазма. Атмосферный коннектор.

— Вот так, Ал. Южанин — посланник неясных сил.

— Что еще за неясные силы? Электра говорила, что технологии были похищены у Мессии. Это он создал их. Ты знаешь его?

— Мы знакомы, — кивнул Рольфо.

— Это он нанял моих приемных родителей, чтобы помешать Карибу с Чосером. Так кто он?

— Мужчина. Просто человек.

— Ну, нет, простым человеком его точно не назовешь. Он американец? Европейец?

— Последнее вернее, хотя про него можно сказать и первое.

— Что это значит? И как его зовут?

— Мы называем его Ник, — сказал Рольфо.

— Ник — и это все? А фамилия?

— Никогда не интересовался, Ал. Я видел Ника лишь дважды, в первый раз он помог нам, когда мы столкнулись с Фантомасом. Если бы не тот, кого ты называешь Мессией, мы бы не разговаривали с тобой сейчас. Теперь

мы иногда помогаем Нику, а он нам. Вот это, — Рольфо показал на смотровой колпак, и я понял, что он имеет в виду металлические рога, торчащие за ним, — его подарок, который он поставил здесь во время второй нашей встречи.

— Так эти штуковины — оружие?

— Нет. Сейчас ты увидишь их в действии.

Мне хотелось зажмуриться и долго-долго стоять в тишине, наедине со своими мыслями и теми разрозненными сведениями, которые я получил за последние дни, — просто чтобы навести в них порядок, разложить по полочкам в своем сознании. Помассировав виски, я медленно заговорил:

— У Мессии были похищены его изобретения. С их помощью братья Цепеши хотят создать что-то вроде Европейской Империи, перед тем стравив другие страны и устроив большую войну, чтобы... чтобы расчистить для себя место. И еще есть Южанин, партнер Цепешей в Америке. У него какие-то свои планы. Так чего они все хотят добиться? Диктатура на континенте? Это их конечная цель? Их и тех... неясных сил, посланниками которых они, как ты говоришь, являются?

Я замолчал, увидев, что Рольфо смотрит сквозь меня. Он вдруг задрожал, будто в приступе лихорадки, голова затряслась, костыль мелко застучал о пол. Марко с тревогой оглянулся на него, но баро сделал жест, чтобы тот оставался у штурвала, и плотнее запахнулся в плед. Некоторое время он сидел молча, прикрыв глаза, наконец заговорил:

— В том и дело, Ал, что мы не знаем их конечной цели. Граф жаждет власти над Европой, но Южанин хочет чего-то большего. Недавно Электра появилась и сказала: нужно сделать так, чтобы опасный груз не попал в замок графа. Мы тогда были в Загребе, давали

представления. Свернули наши шатры, взяли ее на борт и полетели.

— А где сейчас сам Мессия?

— Где-то на западе.

— То есть в Америке? — уточнил я.

— На пути сюда. Так сказала Эли.

— А про SH ты что-нибудь знаешь? Это инициалы моего отца.

— Ничего. Возможно, Ник...

— Он точно знает, — кивнул я. — Это отец, то есть «SH», попросил моих приемных родителей помочь Мессии в Москве. Значит, мой отец и Мессия как-то связаны. Мне обязательно нужно увидеть этого Ника, чтобы узнать про отца...

— Начинается, — произнес Марко, и Рольфо, скинув плед, выпрямился.

— Что начинается? — спросил я.

Ответом мне была молния, которая в ярчайшей, режущей глаза вспышке вырвалась из нависшей над дирижаблем черной стены. На миг за стеклянной полусферой наступил белый день.

— Пора наведаться в *закоулки*, — произнес король цыган.

Подойдя к железному коробу возле штурвала, он набрал код на замке и откинул крышку. Стало видно, что она закрывала приборную доску — взгляду открылись шкалы, переключатели, кнопки, манометры, рычаги.

— Что это? — спросил я. — Этим вас тоже снабдил Мессия?

Баро Рольфо положил руку на рычаг.

— Теперь слушай меня очень внимательно, Ал. Племя цыган, а в особенности цыгане-мавры, к которым относимся мы, ведает то, чего не ведает никто. Наши таборы путешествуют там, где не ступала нога белого человека. Иногда мы можем проникать в *закоулки*, знания про которые пришли к нам из тайных храмов древ-

ней Индии. Есть места в мире... *мягкие* места. Аппарат Мессии позволяет «Табору ветров» уходить в закоулки везде и всегда, когда я того пожелаю. Теперь — ничему не удивляйся. И не вздумай кому-нибудь рассказать о том, что увидишь.

Он передвинул рычаг, аппарат загудел, и стеклянные шкалы озарились светом. Рольфо положил тяжелую руку на мое плечо, притянул к себе, посмотрел в глаза и сказал:

— Ничего не имею против тебя, Ал МакГрин, но если расскажешь кому-то о закоулках — тебе конец.

Он не шутил. Отстранив меня, Рольфо взялся за другой рычаг.

— О чем ты говоришь? — спросил я. — Что я увижу?

— Тень Мирини.

— Я знал, что сейчас услышу это слово.

Рольфо покосился на меня, и я добавил:

— Да, знал. Его как-то произнес Мессия. И еще одно: Сплетение. Что они означают?

— Я не слышал ни про какие сплетения, — нахмурился он. — А Мирини... Может, Ник подразумевает под этим что-то иное, мы же называем так закоулки пространства.

Совсем близко за смотровым фонарем полыхнула молния, и Рольфо сдвинул рычаг. Протянувшиеся перед гондолой металлические рога стали наливаться зеленоватым свечением.

— Мир — это тесто, — произнес король цыган. — Рыхлое, мягкое тесто. Оно шевелится, раздувается и опадает. В нем есть пузыри. Сейчас мы попадем в один из них.

Грозовой фронт был совсем близко. Возле дирижабля он выпячивался, протягивая к нам толстый отросток — огромную тучу, которая, клубясь и меняя форму, быстро двигалась вперед на белых ходулях молний. Рядом с ней дирижабль казался крошечным — камешек у ос-

нования горы. Внутри тучи били разряды, она мигала, то вспыхивая мертвым белым светом, то снова чернея. Я понимал: меньше чем через минуту граница тьмы достигнет «Табора ветров».

Горящие зеленым огнем рога напоминали изогнутые трещины, расколовшие пространство перед гондолой. Между их концами возник световой круг, будто пленка, состоящая из мерцания. Круг начал расширяться, граница его поползла назад — пленка света растягивалась трубой, в которую быстро погружался дирижабль. Через несколько секунд мы оказались внутри вытянутого светового пузыря, он мерцал и мигал вокруг нас.

Краем глаза я заметил, что медальоны на груди цыган разгорелись зеленоватым свечением — таким же, как рога за смотровым фонарем.

Помутневший, искаженный пейзаж шел волнами, изгибался, будто в кривом зеркале, став призрачным, нереальным. Потом в передней части светового кокона образовалась круглая прореха, разошлась шире, открыв знакомую картину... Вот только сейчас Эйфелева башня была гораздо ближе! Мы не достигли Парижа, но если раньше до него оставалось много часов лета, то теперь он лежал прямо перед нами.

Еще мгновение в рубке переливались отблески сияния, а потом световой кокон пропал. Медальоны погасли, как и металлические рога. Грозовой фронт исчез из виду, оставшись далеко позади. Мы будто нырнули — и вынырнули в безопасном месте.

Я повернулся к Рольфо, чтобы задать вопрос, но натолкнулся на его взгляд и промолчал. Только что мне позволили прикоснуться к одной из главных цыганских тайн, и лучше пока что ничего не спрашивать во избежание... всяких неприятностей. Одной из них, подумал я, может быть падение из гондолы дирижабля с большой высоты.

— Скоро будем в Париже, — донеслось сзади.

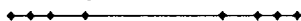
В дверях, сложив руки на груди, стояла Электра, из-за нее выглядывал Заяц, и оба смотрели на меня.

— Ты должен кое-что понять, Ал, — произнес Мирче Рольфо и надел свою красную шляпу. — Все это — игра великих сил. И карты судьбы легли так, что ты стал одним из игроков.

Я молча шагнул к стеклянной полусфере, глядя на город впереди и на башню, высящуюся посреди него. В рубке «Табора ветров» повисла тревожная тишина. Солнце пряталось за горизонтом, земля лежала в сумраке, и никто не знал, сможет ли свет победить его.

Оглавление

Часть первая

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ГРАБИТЕЛИ БАНКОВ И ПОЕЗДОВ

Глава 1. У МАМЫ ЕСТЬ ПИСТОЛЕТ.....	8
Глава 2. БАРЫШНЯ ПОНЕВОЛЕ	23
Глава 3. МЫ ПЛАНИРУЕМ ГРАБЕЖ.....	52
Глава 4. БОЛЬШОЕ ОГРАБЛЕНИЕ БОЛЬШОГО ПОЕЗДА ..	70
Глава 5. ПОСЛЕДСТВИЯ НЕОБРАТИМЫ	101
Глава 6. ДЬЯВОЛЬСКАЯ МЕХАНИКА	123
Глава 7. СЛОМАННЫЙ ТРЕЗУБЕЦ	147
Эпилог. ЧЕЛОВЕК В БАШНЕ.....	160

Часть вторая

ЗВЕНЯЩАЯ НАТЯНУТАЯ НИТЬ

Глава 1. НА ЗЕМЛЕ И ПОД ЗЕМЛЕЙ.....	165
Глава 2. ПОДЗЕМНАЯ МАШИНЕРИЯ	183
Глава 3. ДОЛГАЯ НОЧЬ.....	194
Глава 4. ОПАСНАЯ РЕКА.....	217
Глава 5. НАШЕ ДЕЛО	241
Глава 6. КРОВЬ И ДЫМ.....	261
Глава 7. ОРУЖИЕ РАЗРУШЕНИЯ.....	284
Глава 8. ЛЮДИ И ЧУДОВИЩА	302
Глава 9. СИМФОНИЯ ГИБЕЛИ	346
Эпилог. ГРАНИЦА ТЬМЫ.....	365

Литературно-художественное издание

СТИМГАН. РЕТРО-ФАНТАСТИКА

Крамер Иван

МАШИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *Д. Малкин*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректор *А. Мартынова*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 05.08.2014.
Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 4000 экз. Заказ 2379/14.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-699-74946-1

9 785699 749461 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

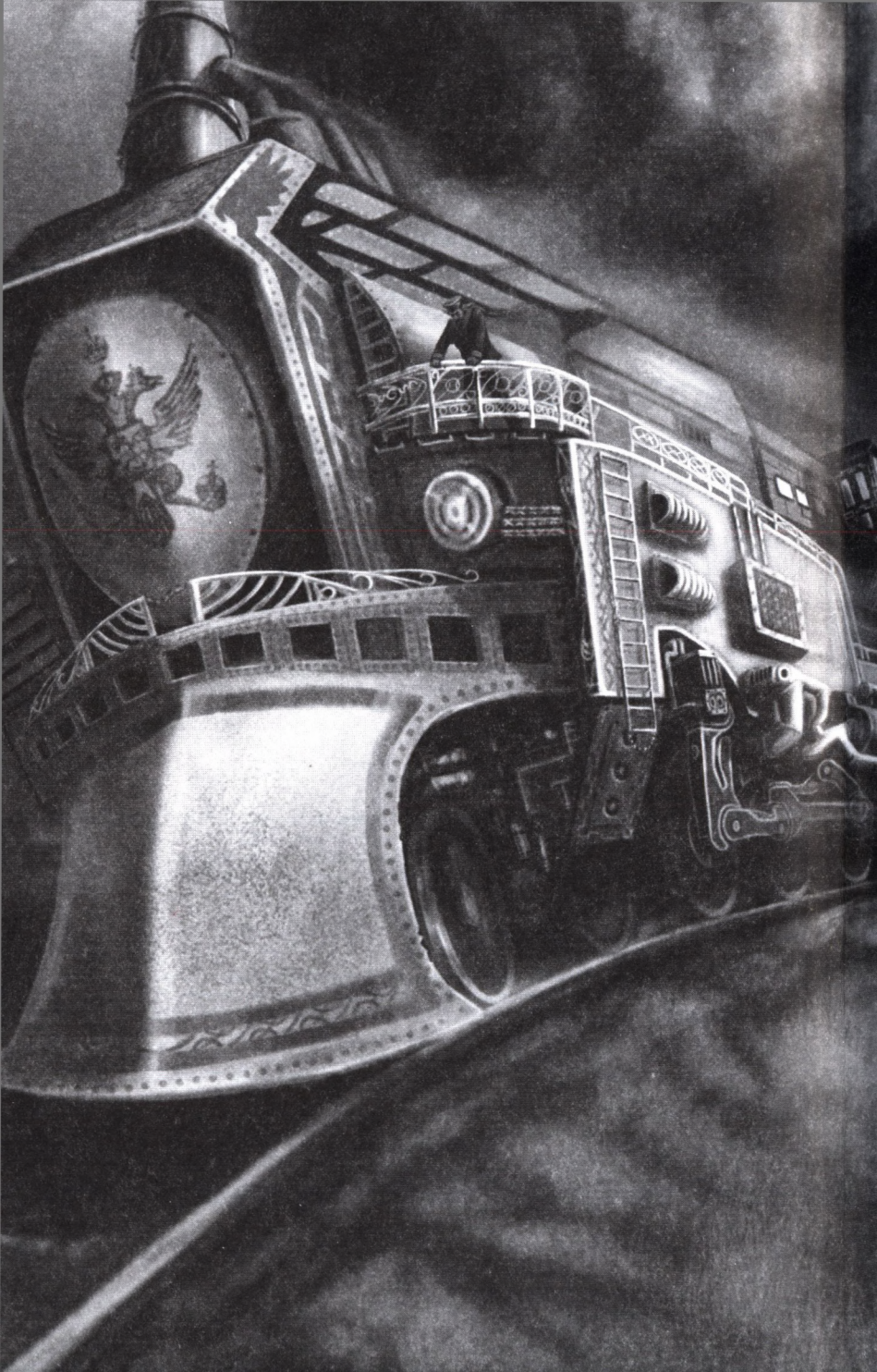
Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

СТИМГАН

МИР ПАРА И ДИЗЕЛЯ, ДИРИЖАБЛЕЙ И ПАРОВОЗОВ.
ЭРА ВЕЛИКИХ ОТКРЫТИЙ И ЧУДОВИШНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ...

КТО ЖЕЛАЕТ ПОСТАВИТЬ ЭТОТ МИР НА КОЛЕНИ?
ПОДЧИНИТЬ НАРОДЫ, ЗАХВАТИТЬ ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ,
ЗАВЛАДЕТЬ ТЕХНОЛОГИЯМИ И С ПОМОЩЬЮ СВЕРХОРУЖИЯ
ПОКОРИТЬ ПЛАНЕТУ?

МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ?

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ? ЕВРОПА?

ИЛИ СУЩЕСТВУЕТ ДРУГАЯ СИЛА,

ПРО КОТОРУЮ ПОКА НИКТО НЕ ЗНАЕТ?

ЧЕРНАЯ БУРЯ ПРИБЛИЖАЕТСЯ. СТЕНА ЗЛОВЕЩИХ ТУЧ УЖЕ ВСТАЛА
НАД МИРОМ, И СКОРО ИЗ НЕЕ УДАРИТ ПЕРВАЯ МОЛНИЯ.

АГЕНТ-НЕДЕГАД РУССКОЙ РАЗВЕДКИ, ГИМНАЗИСТ — ГРАБИТЕЛЬ

БАНКОВ И МОЛОДАЯ АВАНТЮРИСТКА, ПОХИТИТЕЛЬНИЦА
КАРТИН... СТРАННАЯ ТРОИЦА. КАК ИМ БОРОТЬСЯ С ТАЙНЫМИ
ХОЗЯЕВАМИ МИРА, КОГДА ПЕРЕВЕС НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ?

НО ЭТИ ТРОЕ ГОТОВЫ РИСКНУТЬ. ВЕДЬ У НИХ ЕСТЬ ВСЕ,
ЧТО НУЖНО: СМЕКАЛКА, ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ, ЛОВКОСТЬ...
И ШЕСТИЗАРЯДНЫЕ РЕВОЛЬВЕРЫ. ОСТАЛОСЬ ЛИШЬ ЗАРУЧИТЬСЯ
ПОДДЕРЖКОЙ УДАЧИ. А ОНА ЛЮБИТ СМЕЛЫХ.

ISBN 978-5-699-74946-1

9 785699 749461 >